

**Курганская областная
общественная организация
«Историческое наследие Зауралья»**

**Министерство
образования и науки РФ
Курганский государственный университет**

**Юбилейное издание
К 70-летию Т.М.Потемкиной**

**Осуществлено благодаря организационной и финансовой поддержке
КОО организации «Историческое наследие Зауралья»**

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ: УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

К 70-летию Т.М. Потемкиной

Курган 2007

Тамила Михайловна Потемкина

УДК 930.26 (470.5) (571.1)

ББК 63.4

П 78

Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь
(к 70-летию Т.М. Потемкиной)
Сборник статей

Ответственный редактор:
к.и.н. М.П. Вохменцев

Редколлегия:
д.и.н. Шорин, к.и.н. В.А. Кислицын, Д.В. Бровко,
к.и.н. Д.Н. Маслюженко, Т.А. Даниленко, Л.Ю. Любушкина, С.Н. Ярков

Рецензенты:
д.и.н. М.Ф. Косарев, д.и.н. В.В. Пундани, д.и.н. В.В. Менщиков

Утверждено к печати:
Общим собранием КОО организации «Историческое наследие Зауралья»,
Ученым советом Курганского государственного университета

П 78 Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Сб. статей /
Отв. ред. М.П. Вохменцев. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.

Сборник научных трудов посвящен 70–летию со дня рождения известного российского археолога Тамилы Михайловны Потемкиной – исследователя археологических памятников Зауралья и других регионов различных исторических эпох. Сборник включает статьи археологов по актуальным проблемам материальной культуры, мировоззрения и искусства каменного, бронзового, железного веков и периода средневековья. Книга представляет интерес для археологов, историков, краеведов и всех, кто интересуется древней историей.

ББК 63.4

На обложке: Общий вид в момент восхода солнца 22.06.2004 и реконструкция святилища III тыс. до н.э. Савин I (Курганская область). Реконструкция выполнена Т.М. Потемкиной. Памятники археологии Курганской области, связанные и исследованиями Т.М. Потемкиной (сверху вниз): Бакальское городище, Шикаевский могильник, поселение Охотино, могильник Гагарье, могильник Субботино. Фото и дизайн обложки Д.В. Бровко.

В оформлении разделов использованы реконструкции, выполненные по материалам раскопок Т.М. Потемкиной.

ISBN 978-5-86328-868-0

© КОО организация «Историческое наследие Зауралья», 2007
© Курганский государственный университет, 2007
© Авторы статей, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
Вохменцев М.П. (Курган). Начало пути в науку (курганский период)	8
Корочкова О.Н. (Екатеринбург). Женщина – Время – Археология	16
Список опубликованных работ Т.М. Потемкиной	26

КАМЕННЫЙ ВЕК (НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ)

Шорин А.Ф. (Екатеринбург). История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма	30
Сериков Ю.Б. (Нижний Тагил). Скальные культовые памятники Шайтанского озера	42
Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. (Екатеринбург). О семантике обряда у Камня Дыроватого и образа водоплавающей птицы на энеолитической посуде в Зауралье	50
Викторова В.Д. (Екатеринбург). Чаши на скалах горно-лесного Зауралья	55

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Вохменцев М.П. (Курган). Памятники ранней бронзы лесостепного Зауралья	60
Иванова С.В. (Одесса). О моделировании курганного пространства в раннем бронзовом веке	65
Мерц В.К. (Павлодар). К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше)	71
Грушин С.П. (Барнаул). Ритуальные комплексы елуинской культуры на памятнике Телеутский Взвоз I	76
Стефанова Н.К., Стефанов В.И. (Екатеринбург). О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднениртышской археологии периода доандроновской бронзы	84
Дэвлет М.А. (Москва). Небо на скалах	94
Савинов Д.Г. (Санкт-Петербург). Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана	98
Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. (Челябинск). Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское)	103
Матвеев А.В., Волков Е.Н., Костомарова Ю.В. (Тюмень). Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника	108
Аношко О.М. (Тюмень). Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья	114
Кайдалов А.И., Сечко Е.А. (Курган). Городище Усть-Утяк-1 на рубеже бронзового и раннего железного веков (по результатам исследований 2002-2005 гг.)	122
Данченко Е.М., Полеводов А.В. (Омск). Сузунское наследие в культурогенезе южнотаежного Прииртышья	125
Марсадолов Л.С., Иконников В.А., Дмитриева Н.В. (Санкт-Петербург, Усть-Каменогорск, Москва). Новые исследования в Ак-Бауре на Западном Алтае	130

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Шилов С.Н.</i> (Курган). Могильник «Сибирская Яма» I – новый памятник ранних кочевников Южного Зауралья VII – VI вв. до н.э.	138
<i>Матвеева Н.П.</i> (Тюмень). Палеоэкологическое исследование древностей раннего железного века Западносибирской лесостепи	142
<i>Потемкина Т.М.</i> (Москва). Ритуальный головной убор IV-III вв. до н.э. (по материалам Шикаевского кургана на р. Суерь)	146
<i>Любчанский И.Э., Таиров А.Д.</i> (Челябинск). Археология и архитектура комплекса кургана с «усами» Новокондуринский I	158
<i>Семенова В.И.</i> (Тюмень). Костюмные комплексы конца VIII-XI вв. из могильника Усть-Балык	162
<i>Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.</i> (Курган) К проблеме тюркизации населения бакальской культуры в историческом контексте	169
<i>Косарев М.Ф.</i> (Москва). Страна Сибирь – далекая и близкая	173
Список сокращений	183
Сведения об авторах	184

ОТ РЕДАКТОРА

Сборник статей посвящен 70-летнему юбилею одного из известных археологов Урала и Сибири Тамилы Михайловны Потемкиной. В первые годы археологических исследований на территории Курганской области юбиляру приходилось работать на памятниках, относящихся к разным эпохам. В некоторых областях археологии Зауралья она была пионером. Тамилой Михайловной открыт и исследован небольшим раскопом первый и пока единственный палеолитический памятник, раскопаны первые мезолитические и неолитические поселения с жилищами, жилая площадка и укрепления средневекового Бакальского городища. В конце 70-х годов ею была определена основная схема развития энеолита, которая в последующие годы подтверждалась исследованиями других специалистов региона. При этом изучение памятников бронзового века все эти годы оставалось для нее приоритетным.

В последующие годы, работая в разных регионах России и за рубежом, имея большой опыт полевых исследований, Тамила Михайловна легко находила взаимопонимание со специалистами разных археологических направлений. Вероятно, поэтому содержание статей настоящего сборника затрагивает очень широкий круг проблем. Кроме традиционных статей, освещающих материалы раскопок новых, в большинстве случаев значимых археологических памятников разных эпох и их исследовательскую интерпретацию (авторы - А.Ф. Шорин, В.К. Мерц, С.П. Грушин, М.П. Вохменцев, Н.К. Стефанова, В.И. Стефанов, Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, Д.Г. Зданович, А.В. Матвеев, Е.Н. Волков, Ю.В. Костомарова, О.М. Аношко, А.И. Кайдалов, Е.А. Сечко, Е.М. Данченко, А.В. Полеводов, И.Э. Любчанский, А.Д. Таиров), представлены статьи, реконструирующие ряд аспектов материальной культуры и мировоззрения населения древних обществ (авторы - В.Д. Викторова, В.Т. Ковалева, С.Ю. Зырянова, Ю.Б. Сериков, С.В. Иванова, М.А. Дэвлет, Д.Г. Савинов, Т.М. Потёмкина, В.И. Семёнова). Среди последних выделяется

публикация материалов святилища ранних кочевников Алтая, исследованного методами археоастрономии – нового научного направления, получившего развитие в России в последние 10-15 лет (авторы - Л.С. Марсадалов, В.А. Иконников, Н.В. Дмитриева).

Ряд публикаций посвящен вопросам, связанным с проблемами адаптации древних людей к природной и социальной среде (Н.П. Матвеева), этнической истории аборигенных народов Уральских и Зауральских земель и их длительным и постоянным связям со славянским населением Восточной Европы в первой половине II тысячелетия н.э. (авторы – М.Ф. Косарев, Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина). Особенно ценно, что при исследовании этих вопросов авторы используют комплексный междисциплинарный подход, привлекая данные не только археологии, но и палеогеографии, палеозоологии, палинологии и других естественных дисциплин, а также этнографии и письменных источников.

Привлекает внимание география публикуемых авторами сборника археологических объектов, находящихся на территории Северо-Западного Причерноморья, Курганской, Челябинской, Свердловской, Тюменской, Омской областей, Алтая, Южной Сибири, Тувы, Казахстана.

В создании сборника приняли участие курганские археологи М.П. Вохменцев, Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина, С.Н. Шилов, А.И. Кайдалов, Е.А. Сечко.

В целом представленные в сборнике публикации написаны на высоком научном и исследовательском уровне, являются результатом осмысливания итогов многолетней работы авторов над поднимаемыми проблемами. На данном этапе сборник не имеет аналогов в Зауралье.

Редактор благодарит всех авторов, откликнувшихся на предложение принять участие в юбилейном сборнике, посвященном Т.М. Потемкиной. К сожалению, технические и финансовые возможности не позволили вместить в сборник все заявленные статьи.

НАЧАЛО ПУТИ В НАУКУ (курганный период)

Активные занятия археологическими исследованиями и интерес к археологии как науке связаны у Тамилы Михайловны Потемкиной с Зауральем. Здесь она начала читать лекционный курс «Основы археологии» в Курганском пединституте, организовала археологическую экспедицию, которая на протяжении многих лет проводила обширные раскопки и разведки на территории Курганской области.

Археологические исследования в Зауралье велись еще в XIX в. Это был первый период зауральской археологии, пионерами которой были краеведы А.Н. Зырянов, Р.Г. Игнатьев, Ю.П. Аргентовский, П.Ф. Первушин, В.П. Бирюков, В.Я. Толмачев и многие другие. Большинство из них были уроженцами г. Шадринска или работали в этом городе.

Начало собственно курганской археологии связано с деятельностью Краеведческого музея г. Кургана. Первые археологические исследования были проведены в 1920 г. под руководством директора музея Н.Н. Бортвина, выпускника истфилиа Петроградского университета. Он обследовал ряд археологических памятников в Курганском округе, входившем тогда в обширную Уральскую область.

В 30-е – 40-е гг. на территории современной Курганской области работала экспедиция Челябинского областного музея, которую возглавлял сотрудник музея К.В. Сальников. В те годы (до февраля 1943 г.) Курганский округ входил в состав Челябинской области. Под руководством К.В. Сальникова были проведены раскопки таких известных специалистам памятников как Алакульский могильник, городище Чудаки, селища Кипель, Замараевское, позже - Бабарыкино 2.

Второй период собственно курганской археологии также получил свое начало в Курганском областном краеведческом музее и связан с именем Тамилы Михайловны Потемкиной. В 1960 г. в Курганский музей поступила на работу молодая энергичная выпускница исторического факультета Львовского университета с хорошей профессиональной подготовкой. Вскоре Т.М. Потемкина становится заведующей отделом истории, а через полгода - заместителем директора музея по научной части. Работая в музее, Тамила Михайловна параллельно читала курс лекций по археологии в Курганском пединституте. В те годы ею были изучены все археологические коллекции, имеющиеся в фондах музеев Кургана и Шадринска.

В 1960-1963 гг. Т.М. Потемкина принимает участие в работе археологической экспедиции Уральского университета, руководителем которой до 1960 г. включительно был К.В. Сальников, а с 1961 г. – В.Ф. Генинг. В 1959-1960 гг. под руководством К.В. Сальникова были проведены беспрецедентные для края по тем временам раскопки знаменитого Царева кургана на р. Тобол, в черте современного г. Кургана. Царев курган относится к раннему железному веку и датируется I тысячелетием до н.э. Под его насыпью были обнаружены также остатки могильника алакульской культуры бронзового века (середина II тысячелетия до н.э.). По результатам раскопок кургана в Областном

краеведческом музее Т.М. Потемкиной в 1961 г. была создана экспозиция. Многие курганцы до сих пор помнят макет Царева кургана, который ярко и образно представлял начальный этап истории нашего города.

1961-1963 гг. Тамила Михайловна участвует в работе Уральской археологической экспедиции (УАЗ) под руководством В.Ф. Генинга. Это участие осуществлялось согласно договору о сотрудничестве Курганского музея с УАЗ. Из письма директору музея В.И. Шаталовой от 12.07.1961 года: «*Уважаемая Виктория Ивановна! 8 числа наша троица весьма любезно была принята Генингом в экспедицию. Экспедиция большая – 54 чел. Основная масса – студенты-историки Свердловского университета и небольшая группа московских биологов, возглавляемых доц. Акимовой с кафедры антропологии МГУ.*

Раскопки ведутся сейчас в Мехонском районе возле дер. Калгановой Ильтияковского сельсовета. Копаем городище и курганный могильник. На сей раз я уже «выбилась в начальство» - мне порученовести раскоп одного из курганов....».

В том же полевом сезоне Т.М. Потемкина становится начальником одного из отрядов УАЗ. Под ее руководством было раскопано Большое Бакальское городище под Шадринском. Раскопки этого городища до сих пор остаются наиболее значимыми в исследовании памятников периода средневековья в лесостепном Зауралье.

В последующие девять лет Тамила Михайловна работала в Курганском пединституте на кафедре всеобщей истории. Помимо археологии, она читала полный курс лекций и вела практические занятия по новой истории, а также спецсеминар по новейшей истории «Международные отношения накануне второй мировой войны». В 1966 г. Т.М. Потемкина организовала в Курганском пединституте первую археологическую экспедицию, которая работала под ее руководством по 1975 г. Для студентов исторического отделения историко-филологического факультета была введена обязательная археологическая практика. Первым памятником, исследованным археологической экспедицией КГПИ, был могильник эпохи бронзы Раскатиха в Глядянском районе.

Одновременно с археологической экспедицией в КГПИ был организован студенческий научный археологический кружок, создана археологическая лаборатория. Студенты-кружковцы занимались камеральной обработкой материалов раскопок, принимали участие в написании отчетов по результатам полевых исследований, писали курсовые работы, участвовали в организации экспедиций, вели раскопы и выполняли другие экспедиционные задания. Члены археологического кружка ежегодно участвовали с докладами в региональных и всесоюзных студенческих археологических конференциях.

Многие из членов археологического кружка позже стали преподавателями вузов, хорошими учителями, работают в различных общественных организациях и государственных органах области. Часть бывших кружковцев продолжили работу в разных областях науки: истории, экономике, философии, - защитили кандидатские диссертации: А.И. Фельдшеров,

А.Н. Саливон, Н.Н. Куминов, С.А. Яцкий, Г.В. Комогорова, И.Г. Каурова, В.Г. Татаринцев. Сначала А.И. Фельдшеров, а затем А.Н. Саливон на протяжении многих лет возглавляли кафедру всеобщей истории КГУ. К сожалению, оба рано ушли из жизни. Н.Н. Куминов был деканом исторического факультета и профессором КГУ, в настоящее время – зам. начальника Главного управления народного образования области. В Курганском университете работают преподавателями Г.В. Комогорова и И.Г. Каурова. Спустя годы бывшие студенты-археологи сохраняют дружеские отношения. Многие из них участвовали в экспедициях Т.М. Потемкиной и после окончания института. Они часто собираются вместе в полевых условиях. Бывшие студенты, участники экспедиций тех лет, и сейчас вспоминают, как после трудового дня на раскопе вечерами собирались у костра, пели песни из своего археологического репертуара, слушали рассказы Тамилы Михайловны и старших товарищей на самые разные темы. Это была школа живого общения, где можно было узнать много полезного в плане профессиональных интересов и просто для жизни.

В 1973 г. в Кургане проходила V Уральская студенческая археологическая конференция (УСАК). Позже эти конференции станут называться Урало-Поволжскими (УПАСК). На конференции в Кургане присутствовали известные отечественные археологи - Отто Николаевич Бадер, Вадим Александрович Ранов, Михаил Федорович Косарев. Вся организационная работа по проведению конференции, научное руководство студентов, выступающих с докладами, легли на плечи Тамилы Михайловны. Большую помощь в организации и проведении конференции оказывали декан историко-филологического факультета Ю.М. Рабинович, студенты археологического кружка. Конференция в Кургане запомнилась ее участникам не только научными мероприятиями. Для участников V УСАК была организована встреча с Г.А. Илизаровым в Курганском научно-исследовательском институте экспериментальной ортопедии и травматологии. Г.А. Илизаров прочитал лекцию уральским археологам о практических результатах своих исследований, продемонстрировал действие изобретенного им аппарата. Участникам конференции в кинотеатре «Прогресс» демонстрировался сенсационный в те годы фильм «Воспоминание о будущем».

Исследования археологической экспедиции КГПИ в 60-х – 70-х гг. прошлого столетия были очень результативными. Разведками было выявлено несколько сот новых археологических памятников, в основном по большим и малым рекам: Тоболу, Миассу, Суери, Черной, Куртамышу, Верхней и Нижней Алабуге. Раскопками, в большинстве случаев большими площадями, исследованы поселения и могильники разных эпох - от палеолита до средневековья.

В 1970 году Т.М. Потемкиной открыт самый древний памятник археологии на территории Зауралья и прилегающих районов – палеолитическая стоянка у с. Шикаевка в Варгашинском районе, где среди костей мамонта и других животных, характерных для позднего плейстоцена, были найдены каменные орудия, сочетающие типологические признаки мезолитических

и верхнепалеолитических изделий. Раскопки стоянки в последующие годы были продолжены отрядом УАЭ под руководством В.Т. Петрина. В результате история края поенным известных и уже изученных археологических памятников стала древнее на десять тысячелетий: ее ранний этап стал датироваться XIII-XII тысячелетиями до н. э. Пока это единственная исследованная раскопками стоянка эпохи палеолита на равнинной части Западной Сибири, которая изменила представления о времени появления человека на этой территории.

Археологической экспедицией КГПИ под руководством Т.М. Потемкиной были исследованы раскопками памятники последующих эпох каменного века: стоянки эпохи мезолита Камышное 1 и Убаган 1, где было раскопано первое в Зауралье мезолитическое жилище; неолитические стоянки - Охотино, Лисья гора, Убаган 3. Исследованы памятники и более поздних эпох: поселение (Белый Яр 12) и курганные могильники (Шикаевка, Язево) раннего железного века. Материалы раскопок всех этих памятников опубликованы в различных научных изданиях.

Но наиболее значимые исследования в годы работы в Курганском пединституте проведены Тамилой Михайловной на памятниках эпохи бронзы, вскрытых большими площадями. К их числу относятся поселения Язево 1, Язево 3, Камышное 1, Камышное 2; курганные могильники - Раскатиха 1, 4, Субботино, Камышное 1. На базе материалов раскопок этих памятников была написана и защищена кандидатская диссертация «Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы» (1976 г.). Позже результаты данных исследований составили основу монографии «Бронзовый век лесостепного Притоболья» (1985 г.). Эта книга и в настоящее время является востребованной специалистами, работающими по проблемам бронзового века урало-сибирского региона.

В 1972 году археологической лабораторией Курганского пединститута под руководством Т.М. Потемкиной была проведена паспортизация археологических памятников Курганской области. Всего учтено 470 памятников, сделаны чертежи, фотографии, описания, археологическая карта.

В 1975 году выходит в свет первое учебное пособие для школ «История родного края», где первые главы по древней истории Курганской области написаны Тамилой Михайловной. Несколько поколений школьников на уроках и факультативных занятиях изучали историю Зауралья по этому пособию.

В результате многолетних раскопок Тамилы Михайловны на территории Курганской области получены большие археологические коллекции. Даже сейчас они составляют примерно четверть всех археологических фондов Курганского областного краеведческого музея. Среди этих материалов есть очень зреющие экспонаты, которые хорошо иллюстрируют разные периоды древней зауральской истории: керамическая посуда, многочисленные и разнообразные орудия и оружие из бронзы, железа, камня, кости, глины (ножи, мечи, серпы, наконечники стрел и копий, панцирные пластины, песты, терочники, абразивы, лощила, проколки, скребла и многие другие предметы).

ты быта), бронзовые украшения (браслеты, серьги, перстни, подвески, бусы). Кроме того, имеются предметы культа: культовые сосуды, жезлы, песты, игральные кости и др. Комплекс золотых украшений из раскопок кургана 4 Шикаевского могильника (1969-1970 гг.) хранится в Государственном историческом музее в Москве. Вместе с другими коллекциями скифо-сарматского времени шикаевские находки экспонировались в Швеции.

В 1972 г. Т.М. Потемкина поступила в аспирантуру Института археологии Академии наук СССР. В 1976 г. по окончанию аспирантуры и защиты кандидатской диссертации она становится сотрудником Института археологии, но связи с Зауральем не прерывает: продолжает вести раскопки на территории области, читать студентам КГПИ лекции и спецкурсы по археологии, руководить археологической практикой. В конце 70-х – 80-е гг. под ее руководством проведены масштабные раскопки могильника и поселения периода энеолита, ранней и средней бронзы Верхняя Алабуга, ряда памятников на реке Убаган.

С началом работы Т.М. Потемкиной в Институте археологии значительно расширяется круг ее научных интересов и территории проводимых исследований. В 1976-1977 гг. ею проведены большие раскопки на многослойном городище Чудская гора на Иртыше в Омской области, по результатам которых опубликована монография. В этих экспедициях принимали также участие студенты Курганского пединститута. В 1979 -1982 гг., параллельно с проведением экспедиций на территории Курганской области, она работает в составе зарубежной экспедиции на территории Венгрии (руководитель В.С. Титов), основными объектами исследований которой являлись раннеземледельческие поселения (теллы) периода неолита с последующими наслоениями других исторических эпох. В 1985 -1986 гг. Тамила Михайловна по приглашению таджикских коллег проводит сложнейшие раскопки могильника степных племен позднего бронзового века на р. Зерафшан в 50-ти км от Пенджикента.

Будучи сотрудником Института археологии, Т.М. Потемкина занимается не только научно-исследовательской, но и научно-организационной деятельностью. В 1987- 1990 гг. она является заместителем директора ИА РАН по научной работе, в 1990-1993 гг. – заведующей редакционно-издательским отделом института, в 1989-1994 гг. – членом редколлегии журнала «Российская археология».

В конце 1980-х гг. Т.М. Потемкина вновь возвращается к проблематике энеолита Зауралья, которая являлась тогда весьма актуальной в археологической тематике Поволжского, Уральского и Северо-Казахстанского регионов. Первые обобщающие работы Тамилы Михайловны по энеолиту к тому времени уже вышли в свет. В них затрагивались такие важные вопросы как становление производящего хозяйства, миграции, этническая принадлежность населения, древнее мировоззрение, ранние астрономические знания и их место в духовной культуре.

После раскопок памятника возле д. Бузан в урочище Савин (автор М.П. Вохменцев) были выявлены остатки древних конструкций непонятного назначения. Автор предположил, что это культовое место эпохи

энеолита, не имея на то достаточных оснований, в том числе и необходимых планиграфических данных. В то время такая интерпретация для аналогичных памятников была необычной, и многие археологи долго относились к подобному определению назначения памятника скептически. Приехав на следующий год, Тамила Михайловна уже в первые дни продолжения раскопок увидела уникальность памятника. Последующие два года (1983-1984) она являлась научным руководителем раскопок на памятнике Савин 1. Было доказано, что Савин 1 является святилищем с астрономическими функциями. Для этого Тамила Михайловна привлекла к работе специалистов-астрономов; появились первые совместные с астрономами публикации.

В 1997 г. Т.М. Потемкина проводит на месте основного раскопа реконструкцию святилища. В экспедиции участвовали студенты-историки КГУ и бывшие члены археологического кружка 1960-х – 1970-х гг.

Воссоздание общего вида конструкций древнего сооружения и проведение экспериментов с использованием элементов пригоризонтных астрономических наблюдений позволили лучше понять функциональные особенности святилища. В процессе реконструкции были выявлены два вала, связанные с основными сооружениями святилища и предназначенные для астрономических наблюдений. Это первые энеолитические валы подобного назначения, известные не только в урало-сибирской, но и в отечественной археологии.

В 2000 г. Тамила Михайловна проводит небольшие раскопки на Савине 1 для уточнения планировки и некоторых функций святилища. Основные результаты многолетних исследований на этом памятнике введены ею в научный оборот и известны многим специалистам. Появилась возможность по-новому оценить и интерпретировать некоторые странные и необычные на первый взгляд древние памятники и находки. Благодаря междисциплинарному подходу в исследовании святилища Савина 1 в Зауралье был открыт новый тип памятников – круглоплановые святилища с астрономическими ориентирами эпохи энеолита. До этого подобные памятники были известны только в Западной Европе. После Савина 1 в Притоболье были открыты и раскопаны еще два аналогичных памятника - Слободчики 1, Великаны 2. В последние годы в урало-сибирском регионе проведены исследования на целом ряде памятников различных типов и разных эпох, где достоверно установлено присутствие астрономических ориентиров, роль которым в жизни древнего населения отводилась самая разная, в зависимости от функционального назначения памятника.

Археоастрономия как новое научное направление на стыке археологии и астрономии начала формироваться в нашей стране в конце 1980-х гг. Т. М. Потемкина была в числе первых археологов, которые стали развивать это направление на базе исследованных раскопками памятников. С тех пор ею опубликовано более 50-ти статей по проблемам археоастрономии и одна монография совместно с астрономом В.А. Юревичем по методике археоастрономических исследований. Около десяти статей по этой тематике опубликовано за рубежом. Одновременно она является инициатором и одним из организаторов первых научных

мероприятий по археоастрономии, проводившихся в нашей стране, в том числе и двух международных конференций - «Археоастрономия: проблемы становления» (1996 г.) и «Астрономия древних цивилизаций» (2000 г.). По материалам конференций были выпущены сборники научных трудов, одним из ответственных редакторов которых является Т.М. Потемкина.

Люди, которые хорошо знают Тамилу Михайловну, и те, кто имел с ней краткое общение, единодушно отмечают ее сильный, целеустремленный характер, большой жизненный опыт, организаторские способности, компетентность в своей области науки и отзывчивый характер.

М.П. Вахменцев

Фото.2. 1960 год. Сотрудники Курганского музея: за столом – директор В.И. Шаталова (крайняя справа), научные сотрудники Т.М. Потемкина, В.Ф. Анкейчик (крайние слева); 2-й ряд – зав. фондами В.В. Иванова, зам. директора М.М. Мозин (крайние справа), кассир О.В. Гречкая (крайняя слева), научный сотрудник И.Л. Мочалова (3-я слева).

Фото 1. 1958 год. Раскопки поселения Боборыкино 2: В.И. Шаталова (крайняя слева), Д.А. Панов, К.В. Сальников, В.П. Бирюков (крайний справа).

Фото 3. Царев курган. Траншея через насыпь и снятие насыпи скрепером. 1959 год.

Фото 4. Царев курган. Центральная могильная яма после снятия насыпи и зачистки. 1960 год.

Фото 5. 1969 год. Участники экспедиции КГПИ на раскопках кургана Язево 3: 1-й ряд - Т.М. Потемкина, Г.В. Комогорова (в центре), Ю.В. Стрелков (крайний справа); 2-й ряд – С.А. Яцкий, Г.А. Николаева (в центре).

Фото 6. 1972 год. Археологи КГПИ во время раскопок Камышное 1: слева направо – Т.М. Потемкина, А.Н. Саливон, Н.С. Охочинина (Деткова), Г.В. Комогорова (Янович), Н.Н. Куминов.

Фото 7. 1973 год. Выпуск группы 5 А историко-английского отделения истфила: справа налево – А.И. Григоров, Т.Н. Печенина, Ю.М. Рабинович, З.А. Атлас, Т.М. Потемкина, Г.Ф. Мясников.

Фото 8. 1972 год. IV УСАК, г. Уральск: 1-й ряд – С.С. Черников, Т.М. Потемкина, С.Я. Зданович; последний ряд справа – М.Ф. Обыденнов, И.Б. Васильев, С.А. Агапов.

Фото 9. 1973 год. Участники экспедиции КГПИ на поселении Камышине 2: 1-й ряд (слева направо) – Г.В. Комогорова, С.В. Попова, Н.Н. Бутакова, Н.А. Бокова (крайняя справа); 2-й ряд (слева направо) – Н.Н. Куминов, В.Г. Татаринцев, И.В. Аверков, С.А. Яцкий, в центре – Т.М. Потемкина, Г.А. Nikolaeva.

Фото 10. 1973 год. V УСАК, г. Курган: 1-й ряд – М.Ф. Косарев, Т.М. Потемкина, О.Н. Бадер, В.А. Ранов, Р.Д. Голдина; 2-й ряд (слева направо) – Н.Л. Габелко (Моргунова), В.Г. Татаринцев (4-й), далее – Н.Н. Куминов, С.В. Попова, В.С. Горбунов, Г.В. Комогорова, Н.С. Охочонина, Ю.М. Рабинович, И. Сосновкин, Н.А. Бокова.

Фото 11. 1977 год. Чудская гора. На раскопе: 1-й ряд – С. Потемкина, И. Нефедова, Н. Шляпина;
2-й ряд – М.П. Вахменцев, Т.М. Потемкина, А.Н. Саливон.

Фото 12. 1978 год. На раскопках могильника Верхняя Алабуга: Т.М. Потемкина (слева), О. Петрова (в центре),
Н.А. Бокова (справа).

Фото 13. 1979 год. Участники экспедиции на раскопках памятников Убаган 1, 2, 3: 1-й ряд – В.Ф. Зайберт,
И. Нефедова, С.С. Алещенко; 2-й ряд – шофер, Т.М. Потемкина, Т. Мулыкина, М. Никулина, Н. Новикова,
С. Потемкина, М. Вахменцев (крайние справа); 3-й ряд – В. Донченко, Э.С. Янович, С. Янович, С. Перебатов.

Фото 14. 1997 год. Савин 1. Слева направо: М. Малахова, А.И. Кайдалов, Т.М. Потемкина, М.П. Вожмениев, Н.Н. Бутакова, В. Донченко, Н.С. Деткова.

Фото 15. Участники экспедиции на Савине 1, 1997 год: 1-й ряд (слева направо) – А.И. Кайдалов, А. Константинов, Т.М. Потемкина, Р. Гладышев, А. Кислицын; 2-й ряд (слева направо) – Г.В. Комогорова, М. Малышева, Н.С. Деткова, Н.Н. Бутакова, А. Ядрышников, Г. Титенко, Д. Духанов, К. Чупин, В.А. Кислицын, В. Малухин.

Фото 16. 2006 год. Полевой семинар по археоастрономии. Центральное сооружение комплекса Новокондуровский 1, - Т.М. Потемкина, А.Д Таиров.

ЖЕНЩИНА – ВРЕМЯ – АРХЕОЛОГИЯ

Юбилей, с одной стороны, событие, конечно, приятное. Говорят хорошие слова, дарят подарки, и все юбиляры к определенной дате оказываются удивительно похожими: целеустремленными, успешными, интересными. На самом деле так оно, скорее всего, и есть. Если тебе посвящается сборник, который собирает вместе столько разных исследователей, значит, что-то сделал за эти годы в науке, научился работать, ладить с людьми, а юбилей – чем не повод для встречи. С другой стороны, как-то хотелось бы отодвинуть грядущую дату подальше. И не очень-то и нужны всякие слова, лучше бы еще поработать, поездить, а время пусть подождет.

Не имея опыта в написании статей подобного рода, я решила для начала уяснить некие правила жанра и познакомиться с юбилейными изданиями. Занятие это оказалось удивительно увлекательным и полезным. Вроде бы и так знал из умных книг, что трудности – двигатель прогресса, знал также, что многое в жизни решает старт и первые учителя. А как важен в археологии фарт! Везет же некоторым! И главное, вот одному и тому же везет. Только потом, с годами понимаешь, что везет тому, кто везет. А еще интересно, как меняет исследователь свои научные пристрастия, как выстраивался и складывался его путь, его отношение к выбранному делу, и понимаешь, что, если не все, то многое еще впереди, а открытия и удачи зависят исключительно от тебя самого.

Начитавшись вдоволь и не без интереса таких статей, я поймала себя на том, что меня что-то если не тревожит, то настораживает. Совершенно верно. Почти все такие сборники посвящены мужчинам, «женских юбилейников» не так много (3 против 17 в моей библиотеке). Выборка, конечно, случайная, но, я думаю, достаточно показательная. Можно было бы ограничиться кокетливой фразой по поводу того, как женщины старательно скрывают свои годы и т.п. Но, скорее, дело не в этом. А в чем? Да в том и это мое глубокое убеждение и собственный опыт что у женщин особый путь в науке. Как выразилась одна из участниц социологического опроса «Женщина в науке и образовании», «из-за давления быта получается, что старт у женщин и мужчин один, а беговая дорожка у женщин вся в ухабах». Причин тому много: семья, дети, как следствие привязки женщин к семье – сниженнная мобильность. Не будем забывать про пресловутый «стеклянный потолок», который существенно сдерживает карьерный рост женщин в науке.

Хотя, казалось бы, к нашей героине эти клише отношения не имеют. Разведками и экспедициями объездила Зауралье и Сибирь, Казахстан, работала в Средней Азии, Венгрии. В активной полевой деятельности участвует до сих пор. И «стеклянный потолок» преодолела, свидетельством тому ее высокие должности в качестве секретаря партийной организации и заместителя директора головного института в 1980-е годы. Наверно, она типичный «синий чулок»? Ведь так нередко именуют достигшую научных высот даму. Помните, как А.С. Пушкин посмеялся в «Евгении Онегине» над «учёными женщинами»:

Не дай мне Бог сойтись на бале,
Иль у подъезда, на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!..

Меньше всего Тамила Михайловна Потемкина похожа на археолога-полевика и сухую ученую даму. Всегда элегантная, стильная, уверенная и просто красивая женщина. Когда знакомишься ближе, выясняется, что за яркой внешностью скрывается настоящая трудяга, чрезвычайно дотошный и сомневающийся исследователь, непоседа с удивительно разнообразными интересами, и женщина, у которой на первом месте семья, хотя семье, наверно, все время кажется, что на первом месте у их жены, мамы и бабушки – работа.

Не хотелось бы рисовать сусальный портрет, тем более, люди, которые знакомы с ней давно, работают в одном институте, знают, что человек она неровный, неоднозначный, порой чрезвычайно неудобный. Но есть качества, которые определяют натуру, – принципиальное и честное отношение к делу. А еще она, как мне кажется, последовательно культивирует именно женский образ в науке. Ее проекты, экспедиции, разнообразие научных интересов, используемая система доказательств, умение на что-то по-женски закрыть глаза, а что-то, напротив, чисто по-женски кропотливо довести до ума (обрабатывать с ней материал или наблюдать за положением астрономических ориентиров – занятие не для слабонервных) – подтверждение этому.

В сборниках подобного плана акцент обычно делается на научную биографию. Но наши научные работы доступны, прозрачны, оцениваться могут по-разному, гипотезы спорны, для некоторых из них, как показывает опыт, еще не подошло время, о некоторых своих работах хочется поскорее забыть – всякое бывает. Восприятие научных трудов – дело достаточно субъективное. Хотя сами статьи, книги и так называемый список печатных работ многое могут сказать об авторе, его характере, отношениях с людьми, стиле работы. Кто-то берет числом, кто-то идеями, кто-то фонтанирует концептуальными открытиями, кто-то предпочитает индивидуальные исследования, а кто-то работает в соавторстве. У всех свой путь, свои представления, для кого-то это привычка, а для кого-то единственно приемлемый образ жизни, уникальная возможность творчества и поиска.

Мне кажется, что поколение тех, кому мы сейчас отмечаем 70-летние юбилеи, – как раз и есть то замечательное поколение в науке, которое сохраняет высокие принципы отношения к выбранному делу. Именно они до сих пор задают основной тон в археологии. Передо мной лежат сборники, посвященные круглым датам В.Ф. Генинга, В.В. Волкова, Л.С. Клейна, М.Ф. Косарева, Е.Е. Кузьминой, Н.Я. Мерперта, Р.М. Мунчаева, А.Х. Пшеничнюка, В.И. Сарианиди, В.В. Седова, Е.Н. Черных, А.А. Формозова, Я.А. Шера. Мы можем по-разному относиться к работам этих исследователей, но вклад их в науку, в качество и накал научных дискуссий бесспорен. С этими именами связаны серьезные прорывы в изучении археологии. Я перечислила в этом списке только тех лю-

дей, с которыми так или иначе связаны мои научные интересы, с кем знакома или просто имела честь общаться. На самом деле уважаемый читатель прекрасно понимает, что этих имен гораздо больше.

Надо признать, что в биографии Т.М. Потемкиной время страны сыграло замечательную роль. Она пришла в археологию в самом начале 1960-х гг., заниматься наукой тогда было престижно, почетно и даже модно (еще бы, если в кино ученых играли Н. Черкасов, Д. Банионис, И. Смоктуновский, А. Баталов, О. Даль, К. Лавров, из женщин вспоминаются только Э. Быстрицкая и Т. Лаврова). Самостоятельными и состоявшимися специалистами тогда становились быстро. Не случайно Тамила Михайловна называет первыми и главными учителями своих по сути дела сверстников. Время было такое.

В моем представлении Тамила Михайловна довольно долгое время оставалась этакой благополучной женщиной, которая родилась с серебряной ложкой во рту. Удивление вызывало только то, что она оказалась в археологии. Ну, совершенно не походила она на тех, кто ездит в поле, таскает рюкзаки и носится с компасом по полям, выбивает деньги на раскопки, договаривается с трактористами, ставит палатки и варит кашу на костре.

Поделюсь одной картинкой. Как-то вместе возвращались с одного полевого семинара на Аркаиме. Кто там был, прекрасно представляет эту утомительную дорогу, маленькие грязные вокзалы на границе с Казахстаном. На одном таком вокзале мы и дожидались проходящего поезда в компании с колоритными вокзальными персонажами. Их на этих станциях как-то особенно много. Я кипятилась, демонстративно отодвигалась, а Тамила Михайловна, не показав ни одним движением недовольства или неприязни, разговаривала с одним из них. На мой-то взгляд пора было уже вызывать милицию (где она, эта милиция!), т.к. он просто приставал, но она спокойно продолжала с ним разговаривать, причем на каком-то особом языке. Потом достала денежку, бутерброды, которые мы так предусмотрительно запасли себе в дорогу. Страшно грязный бородатый дядька, я бы даже сказала церемонно поблагодарили и удалился, наказав своим дружкам «этих баб не трогать». Я сидела ошарашенная, а она спокойно закрыла глаза и стала ждать поезда. В той поездке произошло еще много всего, после чего мы стали как-то особенно близки.

В этом месте, наверно, надо кое-что пояснить. Тамила Михайловна не была моим научным руководителем, я никогда не ездила с ней в экспедицию. Наши отношения развивались по другому сценарию. Молодые археологи тогда в основном были ориентированы на Москву. Там работали сильные специалисты, Советы по защите диссертаций были только в трех российских городах, аспирантуры тоже. Всех, кто появлялся в Институте археологии с Урала, а тем более из Свердловска, Тамила Михайловна как-то особенно тепло принимала. Это вообще была атмосфера Урало-Сибирской группы, которой руководил Михаил Федорович Косарев, а Т.М. Потемкина была ученым секретарем в 1977-1987 гг. Мы и доклады здесь делали и разговоры разговаривали.

Когда я в 1983 г. поступила в аспирантуру, мой научный руководитель М.Ф. Косарев как-то в порядке размышления сказал: «Хорошо бы вам в диссертации удалось использовать материалы Чудской Горы (это замечательный сузунский памятник на севере Омской области, который Т.М. Потемкина раскапывала в 1976-1977 гг.). Я так думаю, что вам такая возможность предоставится». Я про себя подумала, что да, хорошо бы. И мне действительно в первую же неделю после зачисления было предложено приступить к обработке материалов Чудской Горы и дано разрешение использовать их в диссертации в полном объеме.

Только спустя многие годы я поняла, что это был ничем не заслуженный подарок. Но то ли время такое было, то ли я к этому моменту была уже так привычна к подобным вещам в своей родной археологической лаборатории Уральского университета, где подобные ситуации были абсолютной нормой, я восприняла это как должное. Мне нашлось место в хранилище на Дм. Ульянова. Ребята, которые там работали, меня тепло приняли, хотя, как потом выяснилось, регулярные визиты секретаря партийной организации их, конечно, мягко говоря, не радовали. Спустя какое-то время они к этому привыкли и совершенно спокойно воспринимали там ее появления, комментируя это так: «Оказывается, совершенно нормальная». Там же надо мной постоянно подшучивала М.А. Дэвлет, называя «чудской отличницей», а Б.П. Петерс интересовался: «А вы, девушка, школу-то давно ли окончили?».

Почему я в этом месте пишу с упоминанием разных фамилий? Да все потому же, что общение и знакомства со многими археологами состоялись также благодаря Тамиле Михайловне. Она по себе знала, как неуютно и одиноко на первых порах в столичном институте, т.к. сама прошла через это. Поэтому довольно часто приглашала поработать или перекусить в компании с «взрослыми сотрудниками». Подружки-аспирантки мне даже немного завидовали: опять чай с великими учеными пила. Вот так мне были подарены замечательный памятник и общение в неформальной обстановке с интереснейшими людьми. Замечу, что подобных памятников у меня к тому времени было много (раскопки В.И. Стефанова, В.В. Евдокимова, В.Т. Ковалевой, Ю.М. Кутакова, Л.Н. Коряковой, Т.Н. Чебаковой). И я совершенно искренне полагала, что так оно и должно быть. Поэтому всегда разрешаю пользоваться материалами раскопок при подготовке диссертаций своим коллегам. Меня так научили.

Но вернемся к той поездке. После бомжа на станции Бреды нам достался еще пьяный попутчик. Я-то бы тогда всех в вытрезвители и милицию сдавала, моя бы воля. А она какие-то таблетки давала, врача искала. Я решила, что оригинальничает женщина. Так мы добрались до Екатеринбурга, где планировали поработать с иллюстрациями и текстом публикации по Чудской Горе. В академической гостинице-квартире, где ей был забронирован номер, сломался тогда замок, и мы не могли оттуда выйти. День был воскресный, слесаря обещали только на следующий день. Правда, приехал мой муж и стал пытаться что-то сделать. Когда выяснилось, что дело это долгое и не факт, что

увенчается успехом, Тамила Михайловна сказала: «Виктор, вы нас извините, мы тут под дверью сидеть не будем. Оля, пойдемте работать». Я даже растерялась. Ничего себе, я 10 дней дома не была, я спать хочу, а мы пойдем работать. Ну и пошли. За эти несколько часов, пока нас вызволяли из плена, мы много чего успели сделать. А на другой день я застала ее в совершенно «кразобранном» состоянии с перевязанной головой. Оказывается, окна номера выходили на улицу, где ночью велись ремонтные работы трамвайных путей. Тамила Михайловна посетовала на шум, но, видимо, в выражении моего лица проскользнуло полное непонимание-недоумение и спустя какое-то время, когда мы вышли прогуляться на улицу, она извиняющимся тоном сказала: «Оля, это не каприз. Я не могу слышать такие звуки, особенно по ночам, это все война. А еще я совсем не могу жить в многоместных номерах. Хоть в какой конуре, но одна». Потом посмотрела на меня и добавила: «А пьяниц и бомжей жалею. Я сама таким бомжом во время войны оказалась, и нам с мамой в эвакуации жизнь спасли нищие неграмотные люди». Какая война, какая эвакуация! Мне даже в голову не приходило, что в жизни этой женщины могла быть война, какие-то трудности. Она ассоциировалась у меня совсем с другой жизнью: детство за границей, училась в Львове, живет в Москве, отдыхает на курортах, модно одевается. Сколько лет - непонятно. В общем – настоящая женщина, как в песне, «мне б такую».

Вот тогда она со мной поделилась теми событиями в своей жизни, которые, как мне кажется, многое объясняют в ее характере, взаимоотношениях с людьми и сделали ее тем, кто она есть.

Из личной биографии. Родилась 17 марта 1937 года в семье курсанта Полтавского военного училища и учительницы средней школы в с. Васильевка Диканьского района Полтавской области. Мама там работала после окончания педагогического института и снимала квартиру. Хата хозяйки стояла прямо под горой, на месте, очень похожем на описанное Н.В. Гоголем в известной повести «Вечера на хуторе близ Диканьки». Больница находилась в знаменитой Диканьке и размещалась в бывшем имени Кочубея. Под роддом были отданы лучшие помещения здания, вероятнее всего, палаты семьи самого Кочубея. В период оккупации Украины во время Отечественной войны 1941 -1945 гг. имение занимала немецкая комендатура. При отступлении немцы разрушили здание.

В 1940 году, после окончания военного училища и участия в советско-финляндской войне, отца направили служить в Литву в г. Паневежис. Войну с мамой и младшей сестрой встретили там же, в Паневежисе. Папу за неделю до этого срочно забрали на летние военные учения. Войну увидели собственными глазами до её объявления, т.к. в 4 часа утра немцы уже бомбили военный городок и находившийся поблизости наш военный аэродром. И сейчас перед глазами это пламя, охватившее все небо. Тем же утром грузовики с солдатами подъезжали к домам, где жили семьи офицеров и забирали всех, в чем были, чтобы отвезти на вокзал, где уже сто-

яли товарные вагоны для эвакуации. По пути уже встречались грузовики, нагруженные ранеными и мертвыми телами наших солдат. Всех, особенно детей, потрясла картина - кровь, стекающая прямо с кузова на дорогу. Этот ужас остался в памяти на всю жизнь.

До места проживания в эвакуации ехали больше месяца. По дороге товарный поезд постоянно бомбили. Забирали убитых и раненых женщин и детей, меняли разбитые вагоны, везли дальше. Звуки летящих снарядов, разрывающихся бомб, крики, плач – все это отдается болью в сердце до сих пор, а с годами мучает еще больше. Во время эвакуации жили в д. Каменка Пугачевского района Саратовской области. Разместили по квартирам в деревенские избы, где, как правило, места едва хватало для своей семьи. Спали прямо на полу под телогрейками сжалившихся хозяев. С наступлением осени телогрейки рано утром по выходу на работу хозяева забирали. Сестренка в одну из ночей внезапно скончалась, а маленькая Тамила, вся покрытая фурункулами, чудом выжила. После потери ребенка мама тяжело заболела и на несколько месяцев попала в больницу. Тамила Михайловна рассказывала, что спасли ее тогда совершенно чужие люди, которые сами концы с концами сводили. Шестнадцатилетний паренек-тракторист, сын хозяев, у которых они квартировали, чтобы не отдавать ее в детский дом, с наступлением посевной забирал с собой в поле и возил в кабине трактора, пока сам находился на работе, делясь своим скучным пайком. Подспорьем работавшим в поле была и прошлогодняя свекла, попадавшаяся при вспашке, которую во время перерывов запекали на костре. Так и выжила, пока мама была в больнице.

В 1942 г. Михаил Петрович Климко разыскал свою семью, стал присыпать деньги по аттестату, и не только свои. Ему отдавали свою зарплату друзья-офицеры, которые потеряли или еще не нашли своих родных. Феодосия Леонтьевна тогда сфотографировалась, чтобы послать мужу на фронт фотографию. На этом снимке они с дочерью в роскошных довоенных нарядах, которые молодая женщина во время эвакуации в спешке прихватила с собой как самые дорогие вещи. Более зрелые попутчицы ей тогда в теплушки выговаривали: «Как же ты с двумя маленькими детьми собираешься. Хоть бы одеяло какое-нибудь взяла». После того, как отец их нашел, жить стало легче. Первой покупкой стало ватное одеяло.

После освобождения Украины от немецкой оккупации осенью 1943 г. мама решила вернуться домой. Группа женщин с детьми из тех краев скопировалась, насыпали сухарей, козьего мяса и двинулись в путь по разрушенной стране. Я до сих пор не перестаю удивляться этой решимости. Ехали из Пугачева до Харькова и Полтавы полтора месяца. Меня мама привезла к бабушке с воспалением легких. Долго выхаживали. К счастью, дом бабушки не был сожжен, т.к. был под железной крышей (дед был кровельщиком). В большой деревне из 600 домов на семи длинных параллельных улицах сохранились только 12 домов под железными крышами. Когда в марте 1944 года меня после болезни выпусти-

ли впервые на крыльце, я долго не могла ничего понять. На огромном пространстве (дом стоял на пригорке) из-под снега во многих местах шел дым. Это топили землянки. Все село жило в землянках. В доме бабушки, в двух комнатах, на кухне и чердаке, жили 6 семей родственников. Каждая из них занимала отдельный угол. По весне все стали отстраиваться, установив определенную очередность. За одно воскресенье большим коллективом поднимали саманные стены хаты и делали остов соломенной крыши. Дальше это уже было дело хозяев. Мы, дети, также в этом участвовали вместе с взрослыми: месили ногами глину в обширных круглых ямах, переворачивали при сушке саманные кирпичи, помогали готовить на всех еду.

В школу пошла в 1944 г. в том же бабушкином селе Балясное на Полтавщине. Под школу отдали уцелевшее после войны каменное здание правления колхоза, где до революции располагалась контора управляющего земель помещика. Сидели на полу, писали чернилами, которые сами делали из черной бузины, и ручками из гусиного пера. Бумагой служили фронтовые газеты. По ним же учились читать. Но уже к зиме появились столы и лавки.

В конце 1945 г. папа забрал нас в г. Сестрорецк Ленинградской области, где служил. Потом были другие школы по месту его службы: в Выборге, Солнечногорске под Москвой, снова в Выборге, Австрии. Но к окончанию школы решено было отправить меня к бабушке в Полтаву. В Австрии подготовка была довольно слабая, учителями работали в основном жены офицеров. Весной 1955 года отца перевели из Австрии в Прикарпатский военный округ, а я в этом же году поступила во Львовский государственный университет.

В университете археологическую практику проходила у И.К. Свешникова на раскопках поселения трипольской культуры на Волынщине. В Львовском университете археологической специализации не было, и я специализировалась по средневековью. В университете тогда работали блестящие преподаватели старой польской школы, среди которых были известные специалисты по европейскому средневековью. После защиты дипломной работы «Отражение общественной жизни Англии в пьесах Шекспира» (руководитель - профессор Ю.М. Гроссман) предложили аспирантуру.

Но к этому времени симпатичная студентка уже успела выйти замуж за своего одноклассника, с которым через год они будут отмечать золотую свадьбу. Борис Артамонович Потемкин к тому времени окончил Полтавский инженерно-строительный институт. Большую группу выпускников послали поднимать великие стройки на освоенных целинных землях. Восемь выпускников направили в Курган. Вот так в Кургане в июле 1960 г. оказались молодые специалисты Потемкины. Где находится Курган и что есть такой город, до распределения они даже не знали. После того, как муж сообщил молодой жене, где они будут жить, она какое-то время искала Курган на Северном Кавказе, но уже потом из энциклопедии узнала, что от родной Украины это ох как далеко.

В курганских школах вакансии учителя истории были заняты. Местное начальство посоветовало обратиться в музей. В это время К.В. Сальников раскапывал знаменитый Царев Курган на деньги музея и местной администрации. Директор музея, узнав, что у меня почти что «европейское» университетское образование и я представляю, что такое археологические раскопки, сразу меня приняла на работу в музей и направила к К.В. Сальникову принимать коллекции для музея. Пару недель я с ним работала, чтобы потом сформировать в музее полноценную выставку по результатам раскопок кургана. К концу года выставка была готова. К.В. Сальникову экспозиция понравилась, и он пригласил меня зимой 1961 г. (по-моему, это был февраль, т.к. были сильные морозы) на II Уральское археологическое совещание в Свердловск. Там я и познакомилась со всеми известными уральскими археологами: О.Н. Бадером, Л.Я. Крижевской, В.А Обориным, Г.Н Матюшиным, А.И. Рассадович, В.М. Раушенбах, Е.Е. Кузьминой, В.И. Канивцом, Г.М. Буровым, В.Ф. Генингом, В.Е. Стояновым, В.Д. Викторовой. Они меня все хорошо приняли. Так и началась моя урало-сибирская археология.

В.Ф. Генинг, который только переехал в Свердловск и сменил на кафедре К.В. Сальникова, переехавшего в г. Уфу, планировал дальнейшее сотрудничество с Курганским музеем. Он предложил мне участие в Уральской археологической экспедиции (УАЭ) в качестве руководителя отряда Курганского музея. В том же 1961 г. уже были разведки и самостоятельные раскопки Большого Бакальского городища. Шеф остался доволен, приглашал к себе в аспирантуру. Но в октябре 1962 г. я родила дочь Светлану. Пришлось от аспирантуры отказаться.

В 1963 г. перешла на работу в пединститут. На курс археологии по учебному плану института отводилось 56 часов. Полевая практика (на протяжении полугода месяцев – две академические группы сроком по три недели) почему-то не зачитывалась, и часов на нее не давали. Вероятно, потому, что в учебном плане пединститута этой практики никогда не было и никому из руководства не пришло в голову давать на нее какие-то часы. Все остальные 700 с лишним часов годовой нагрузки - это полные курсы лекций и семинары по новой истории, спецкурсы по новейшей. Тем не менее, удалось создать свою экспедицию, которая постоянно функционировала с 1966 года по 1974 г. Был мощный научный археологический кружок - моя основная поддержка и опора.

Именно в эти годы сформировались основные исследовательские приоритеты Т.М. Потемкиной. Ее научные интересы традиционно связаны с бронзовым веком, здесь она особенно сильна. Древностям бронзы посвящены кандидатская диссертация «Культура населения бронзового века в Среднем Притоболье», первая монография «Бронзовый век лесостепного Притоболья» (1985), главные статьи 1970-80 гг. В Кургане Т.М. Потемкина была единственным специалистом-археологом. А это означало, что заниматься приходилось всем самой: находить деньги, закупать оборудование, снаряжать экспедиции, раскапывать са-

мые разные памятники. В одной из таких экспедиций Т.М. попала в тяжелую катастрофу, после которой несколько месяцев была прикована к постели. Она не любит вспоминать это время, и узнала я об этом совершенно случайно. Во время учебы в аспирантуре я серьезно заболела и почему-то сразу решила, что археологию придется оставить, т.к. экспедиции не для меня, рюкзаки категорически запрещены, в общем «все пропало, гипс снимаю». Мне строго было сказано: «Не занимайтесь ерундой. Рюкзаки теперь не на себе будете таскать, а на машине возить. Обойдитесь без великих открытий, пусть их мужики совершают, а мы будем спокойно делать свое дело. Я тоже думала, что брошу археологию после той аварии. Не получилось и вам не советую». Потом засмеялась и добавила: «Главное, чтобы из дома не выгнали с этой нашей работой».

К началу 1970-х гг. Т.М. Потемкина – уже известный археолог, автор интересных открытий, состоявшийся авторитетный специалист. В этом месте мне бы особое внимание хотелось обратить на профессиональное отношение Тамилы Михайловны к своим открытиям. Будучи прежде всего специалистом в области бронзового века, она отдавала себе отчет в том, что для получения всей возможной информации из материалов памятников других эпох необходимо привлечение более узких специалистов. И делала это с видной регулярностью и постоянством. В 1970 г. ею была открыта первая палеолитическая стоянка в Западной Сибири – Шикаевка. Тогда же она предложила исследовать ее «палеолитчикам». В результате, по совету В.Ф. Генинга, раскопки были осуществлены В.Т. Петринным. Материалы мезолитических памятников (в том числе единственное известное жилище на поселении Убаган 3) были включены в кандидатскую диссертацию В.Ф. Зайберта, а стратифицированной стоянки эпохи неолита Охотино использованы в монографии В.Ф. Старкова. Чудская Гора опубликована в соавторстве с О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым. Вместе с Н.П. Матвеевой введены в научный оборот материалы средневекового Бакальского городища, кургана раннегоЖелезного века Язево 3 и керамики этого времени с поселения Язево 1. Среди соавторов Т.М. Потемкиной – М.Ф. Косарев, М.П. Вохменцев, С.В. Иванова, А.И. Соловьев, Э.Р. Усманова и многие другие.

Работать преподавателем в институте и писать диссертацию сложно. Это хорошо знают те, кто много лет занимается преподавательской работой. Вот тогда-то она и поступает в аспирантуру Института археологии. По выражению самой Тамилы Михайловны, сделать это ее «надоумил» В.Е. Стоянов. По предварительной договоренности научным руководителем должен был стать В.Н. Чернецов, но ко времени поступления в аспирантуру его не стало. О.Н. Бадер, исполнявший обязанности заведующего Сектором неолита и бронзы Института археологии, предложил в качестве руководителя утвердить В.И. Мошинскую.

Хотя диссертационное исследование Т.М. Потемкиной в полной мере было обеспечено материалами из собственных раскопок в Среднем Притоболье, чтобы получить убедительные доказательства своих исследовательских гипотез, она в аспирантские годы

проработала все доступные к началу 1970-х годов коллекции памятников бронзового века прилегающих территорий: Петропавловского Приишимья (раскопки Г.Б. Здановича и С.Я. Зданович), Кустанайского Притоболья (раскопки В.В. Евдокимова), Среднего и Южного Урала (разведки и раскопки Уральской экспедиции, руководитель В.Ф. Генинг), Башкирского Зауралья (раскопки В.С. Горбунова, М.Ф. Обыденнова) и многие другие. Вспоминая эти годы, Тамила Михайловна особо ценит проделанную тогда ею работу по обработке материалов Алексеевского поселения и могильника (раскопки О.А. Кривцовой-Граковой в 1930 - 1939 гг., ГИМ). Мы все знаем, как непросто работать с «чужими» материалами, а если речь идет о коллекциях многослойных памятников, включающих почти 1000 целых сосудов и более 50000 фрагментов, то тем более. Именно тогда в результате этой работы она приходит к выводу о необходимости выделения особой алексеевской или алексеевско-саргаринской культуры конца бронзового века. Это было ее первое научное открытие, которое получило всеобщее признание специалистов и сохранило свою актуальность и сегодня.

К концу аспирантской учебы мужа перевели на работу в Москву (в 1970-х существовала практика брать в Москву перспективных молодых руководителей, он к тому времени был директором крупного курганского проектного института). Так Тамила Михайловна стала москвичкой.

В Москве она продолжает развивать знакомую ей тематику. Как руководитель Тоболо-Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции организует раскопки в Курганской области (Верхняя Алабуга, Убаган I-III) и Омском Прииртышье (Чудская гора). Тогда же в составе советско-венгерской экспедиции (1979-1982) руководила раскопами на комплексе памятников Кестхей-Фенекпуста (1979-1980) и телле Херпай III (1979-1982). Замечательной страницей в ее археологической биографии стали два года работы (1985-1986) в Таджикистане, где под ее руководством велись раскопки могильника эпохи поздней бронзы Дашти-Кози. О трудностях и приключениях той экспедиции Тамиле Михайловне стоило бы написать отдельные воспоминания. Кстати, уважаемые коллеги, воспоминания писать надо. Это интересно, это полезно, это необходимо, особенно, если есть что вспоминать.

В 1989-1990 гг. Т.М. Потемкина обращается к выставочной деятельности, с которой когда-то началась ее путь в археологию. Вместе со своими коллегами она готовит выставку «Скифы и сарматы от Дона до Урала». Основу экспозиции составили яркие материалы открытий тех лет (раскопки В.В. Дворниченко, М.Г. Мошковой, А.И. Пузиковой, А.Х. Пшеничнюка, Т.М. Потемкиной). Выставка проходила в г. Эребру в Швеции и пользовалась огромной популярностью. Посмотреть ее приезжали не только со всей Швеции, но и из соседних стран.

С течением времени, накоплением знания и опыта, появлением новых памятников в научной тематике Т.М. Потемкиной происходит существенный сдвиг в другую область. В 1982-1985 гг. она со своим учеником М.П. Вохменцевым раскапывает необычный с тра-

диционной точки зрения памятник. Это не поселение и не могильник. Тамила Михайловна доказывает, что это святилище с астрономическими ориентирами, выполнявшее функции святилища-обсерватории. К этому выводу она идет долго, постепенно, через кропотливую процедуру обработки материала. В последующие годы археоастрономическое направление работ станет главным в ее научной деятельности. Ей придется овладевать совершенно новыми для себя знаниями, навыками, преодолевать скептицизм коллег. Прогуливаясь как-то во время очередной конференции после ее доклада, она устало скажет: «Оля, неужели я не знаю, что к моим новым разработкам относятся, мягко говоря, с большим недоумением. Но я чувствую, что я на верном пути. Пусть смеются. В конечном счете, это их проблемы. Когда-нибудь некоторые из них сами придут к подобным выводам». Снисходительных улыбок и недоверия некоторых коллег, особенно молодежи, не заметить было нельзя. Но Тамила Михайловна спокойно делает свое дело. Обрабатывает материалы, приводит аргументы. У вас вызывают сомнения функциональные особенности Савина как древнего святилища-обсерватории? Лично у меня нет. Тем более, что после открытия Савина такие памятники появились и в других местах.

Как человек увлекающийся, Тамила Михайловна сразу стала искать единомышленников, а кто ищет, тот всегда найдет. В этом году 20 лет, как вышла ее первая работа по этой тематике совместно с М.Г. Гусаковым. С тех пор опубликовано более 50-ти статей и одна небольшая монография совместно с астрономом В.А. Юревичем по методике археоастрономических исследований. Проблемы археоастрономии как нового междисциплинарного научного направления обсуждаются на организованных по ее инициативе конференциях, круглых столах, полевых семинарах, страницах специальных сборников. Она не раз представляла это направление работ за рубежом (Испания, Венгрия, Болгария, Эстония), получая гранты от РАН и Международной научной организации «Европейское общество астрономии в культуре» (SEAC), членом которой является.

О своих учителях вспоминает так. *Главным и первым своим учителем, конечно, считаю В.Ф. Генинга. У него я учились полевой археологии, организации экспедиций. Изящную научную школу и школу приобщения к московской научной жизни прошла у В.И. Мошинской. Многое дало общение с Б.А. Рыбаковым как в научном, научно-организационном, так и жизненном плане.* Особенно тепло Тамила Михайловна отзывается о своих коллегах по институту: М.А. Дэвлет, М.Ф. Косареве, Н.Я. Мерперте, Р.М. Мунчаеве. Она особо дорожит мнением этих крупных ученых и считает, что совместная работа и общение с ними и многими другими, в том числе уже ушедшими из жизни – В.П. Алексеевым, О.Н. Бадером, К.Ф. Смирновым, В.С. Титовым - постоянно учили концептуально мыслить и искать свои пути в науке.

Учеников в принятом смысле у Тамилы Михайловны мало. Под ее руководством прошли аспирантуру и защитили диссертации А.А. Ткачев и М.П. Воженцев. Своими учениками она считает многих быв-

ших студентов археологического кружка Курганского пединститута, которые хоть и не стали археологами, но стали учеными в других областях исторической науки, ведущими преподавателями вузов Кургана, пройдя школу научной подготовки в археологическом кружке, где они почувствовали вкус к науке. Это Н.Н. Куминов, А.Н. Саливон, С.А. Яцкий, В.А. Кислицын, А.И. Фельдшеров, Г.В. Комогорова, Н.В. Бокова и другие. Многие стали известными в области общественными деятелями (Н.В. Деткова), директорами учебных заведений (Ю.В. Стрелков) и др.

На самом деле людей, в научной судьбе которых Тамила Михайловна сыграла определенную роль, больше. Знаю точно: те уральцы и сибиряки, кто учился в аспирантуре Института археологии, всегда чувствовали ее заботу, участие, подсказку, а зачастую и материальную поддержку. Мне в археологии вообще здорово повезло, я многих замечательных людей считаю своими учителями, Тамила Михайловна – одна из них. Поделюсь одним из ее уроков. Когда мы стали работать вместе над Чудской Горой, она сразу решила объясниться: «Оля, вы исследователь молодой, дорожите своими идеями. Я вас понимаю, но главное не это. Большинство концепций со временем меняется, стареет, иногда совсем забывается, а материал (источник) остается и служит основой для новых идей. Поэтому главное – качественно и честно опубликовать материал. Сначала описания и иллюстрации – потом все остальное». Сейчас, когда прошло уже больше 10 лет после этой публикации и сам пришел к пониманию каких-то других вещей, эту позицию разделяешь абсолютно. Прежде всего материал. Чтобы не попасть в плен наших идей, скрупулезная и тщательная обработка материала, и только от него к - гипотезам, реконструкциям, интерпретациям.

Сейчас Тамила Михайловна по-прежнему в поиске. За последние 10 лет она написала половину из всех своих статей. Стремится ездить на конференции, ее везде приглашают, ждут от нее консультаций, подсказок. Она сохранила самые тесные связи с Курганом. Бывает здесь каждый год. Здесь живут ее брат, мама. Родителей сюда перевезли после развода ССР, а брат Олег переехал к сестре еще раньше, после окончания школы в середине 1960-х.

Заслуга Т.М. Потемкиной в археологии не только в сделанных ею открытиях, написанных книгах и статьях. В конце концов это наша работа (какая дивная работа – совершать открытия!). Мне бы особенно хотелось подчеркнуть демонстрируемый ею «хороший пример» женщины в науке – без отречения от привычных женских ролей, без подвигов, но с добрыми серьезными результатами, самостоятельными проектами, самобытной исследовательской позицией. Увлеченная полностью своим делом, она всегда в стабильной научной форме, несмотря на время, годы, условия. И мое глубокое убеждение: люди, которые занимаются наукой (но только по-настоящему, не по обстоятельствам, а по призванию) всегда молоды и красивы, а годы в науке делают эти качества выдержанными и добавляют особой остроты и вкуса. Тамила Михайловна, продолжайте в том же духе и будьте здоровы.

Ваша О. Корочкиова.

Фото 1. Четырехлетняя Тамила с родителями и младшей сестрой Ларисой, г. Паневежис. 1940 г.

Фото 2. С мамой Феодосией Леонтьевной в эвакуации, с. Каменка Саратовской области. 1942 г.

Фото 3. По окончанию университета, г. Львов. 1960 г.

Фото 4. Т.М. Потемкина у витрины с материалами раскопок могильника Царев Курган, г. Курган, Областной краеведческий музей. 1961 г.

Фото 5. Во время разведки на р. Исеть в Каменск-Уральском районе: Надежда (студентка Шадринского пединститута), Т.М. Потемкина, В.Е. Стоянов. Июнь 1961 г.

Фото 6. Во время раскопок поселения Камышное 2, Курганская область. В гостях - младший брат Олег. 1972 г.

Фото 7. V Уральская студенческая археологическая конференция, г. Курган: Т.М. Потемкина, А.А. Плешаков, О.Н. Бадер, крайний слева – В.Ф. Зайберт. Февраль 1973 г.

Фото 9. На раскопе телля Херпай 2 в Венгрии: Т.М. Потемкина, К.Ф. Смирнов, П.Г. Гайдуков. 1980 г.

Фото 8. Т.М. Потемкина с дочерью Светланой и племянником Ярославом во время раскопок могильника Верхняя Алабуга в Курганской области. Утренний подъем в лагере под звуки «Рио-Риты». 1979 г.

Фото 10. На летнике в горах во время раскопок могильника Дашиби-Козы в Таджикистане: Айман Досымбаева (археолог, Казахстан), Т.М. Потемкина, Борибай (рабочий экспедиции). 1986 г.

Фото 11. Археологическая выставка в музее г. Эребру, Швеция: Т.М. Потемкина, Ларс Андерссон, заместитель директора музея; рядом – реконструкция головного убора из кургана 4 Шикаевского могильника. 1990 г.

Фото 12. Международная конференция «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре» (SEAC VIII), Москва, ГАИШ МГУ: Л.С. Марсадолов, Инга Хенрикссон (Швеция), Д.Г. Зданович, Т.М. Потемкина, В.М. Чепуррова (ГАИШ МГУ), А.К. Кириллов (Донецк). Май 2000 г.

Фото 13. Конференция «Человек в пространстве древних культур», Аркаим: Г.Б. Зданович, Т.М. Потемкина, Л.С. Марсадолов, И.Э. Любчанский. Август 2003 г.

Фото 14. В день Юбилея 17 марта 2007 г. с мужем Борисом Артамоновичем.

P.S. Присоединиться своим словом к коллеге Ольге Корочковой считаю необходимым. Так сложилась моя исследовательская жизнь, что я работаю на берегах великой (не побоюсь этого сравнения) «андроновской» реки Тобол. А это значит, что по-соседски. Археологическая моя жизнь идет параллельно с исследованиями Т.М. Потемкиной. И посему этот юбилейный дастан – археолого-романтическая поэма, написанная прозой со стихотворными вставками от лица казахстанского андроноведа.

Дастаны принято начинать с удивительных сравнений, граничащих с образами царственной природы. В дастанах принято произносить слова, которые открывают значение поступков. Ум, мудрость, красоту предков и потомков принято славить в дастане. Он сочиняется только раз, и отсюда следует четкость произнесенных слов, та энергетика сравнений, которая срывается с губ, идя из глубины души только однажды, навсегда определяя сущность человека, которому сделано посвящение.

Уважаемая, Вы сильны тем, что увидели и осознали несколько тысячелетий. Не каждому дарится судьбой такая возможность – чувствовать Время, которое, подобно змее в бесконечном круге движения, кусает свой собственный хвост. Не каждому живущему на этой земле Время кажется движение своего колеса – только избранным. Вы оказались среди них. Выжить в ту страшную войну, которая навсегда останется в истории Второй Мировой, это случай-милость, подаренный Временем. Надо сказать ему спасибо. Ваша душа состоялась в семье. Ваш дух вошел в науку.

Уважаемая, Вы счастливы тем, что судьба предоставила дар ощутить Вечность. Это прерогатива астрономов и археологов. Вам удалось дотронуться до Вечности в жилищах андроновских поселений, почувствовать его дыхание на туловах геометрически выверенных алакульских горшков. Магические круги святилищ предоставили Вам неумолимые доказательства своей астрономической сути. Поистине говорят: кому доступна вечность, тому понятно бессмертие.

Уважаемая, Вам повезло родиться и красивой, и счастливой. Данность, определенная Богом и родительской любовью. Отбросив все перипетии жизни, оглянувшись на прожитое, особенно понимаешь, что такое везенье возводится в высокий ранг счастья. Ваше лицо – это лицо женщин, которое принято называть гламурным, экранным, лицо из тех сороковых-шестидесятых годов. Тогда мужчины по-особому могли оценить женскую красоту, укутанную от тяжести лихолетья в легкость крепдешинов, кокетливо спрятанную под крошечной фетровой шапочкой, прозванной в народе «менингиткой». Ваша стильность из той эпохи. Как известно, она порождает стиль, а стиль порождает переменчивую моду. Вы оказались вне моды. Ваш стиль из эпохи, когда деревья казались такими большими... Когда красота соперничала с долгом, струями креп-жоржета переплетаясь с буднями великих социалистических строек и тяжестью ватных телогреек... Когда «Девушка моей мечты» Марика Рокк, танцующая свою знаменитую чечетку, и «Голубой Ангел» Марлен Дитрих, упавший в любовь, сосуществовали

с неизменной, такой сердечной нежностью Валентины Серовой и чувством «Жди меня» ...

Уважаемая, талант осознавать подробности сродничен таланту слагать поэтические строки. Детали-артефакты, подобно образам из стихов, нуждаются в достойном обрамлении. Из мельчайшего рождается истина, как из мелких ручейков рождается полноводная река. Интерпретация – труд, нелегкий для археолога. За грудами накопанного, отреставрированного, кропотливо описанного нащупывается пульс давно ушедшей жизни, восстановляемый Вами в предметном мире археологических находок. Не эта ли истина познания? Не это ли служение науке, которое доступно людям щадительным и любознательным?

Уважаемая, нет уже той страны с громким и звонким именем СССР. И мы уже не частые гости в первопрестольной. Но в закромах памяти, как драгоценные зерна, хранятся встречи с Вами в Институте археологии на улицах Кржижановского и Дм. Ульянова. Встречи сопровождались разговорами о гигантском образовании под названием «андроновская общность» с неизменным обсуждением бесконечного во времени диалога культур «федоровки» и «алакуля». Увы, многое изменилось. Но остались архетипы «андрона» и еще одно, относящееся к категории непреходящего, – поиски прошедшего в настоящем. Последнее – это удел людей непоседливых, вырывающихся из обыденности мирского существования. К ним относитесь и Вы, уважаемая, потому что...

Вас манят...

*Тени, дряхлые ступени,
Башен рухнувших каменья -
Голоса столетий.*

Вас беспокоят...

*Из-под тленья и забвенья,
Снов оживших дуновенья -
Голоса столетий.*

Вас делают счастливой...

*От огня и расхищенья
Уцелевшие творенья –
Голоса столетий.*

Вам не дают покоя...

*Строки скорби и прозренья,
Золотые изреченья -
Голоса столетий.
(Гафур Гулям)*

Эмма Усманова

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ТЕМКИНОЙ ТАМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ

1. Большое Бакальское городище на р. Исети // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа, 1962. С. 257-259.
2. Первобытно - общинный строй и возникновение классового общества в Зауралье // Очерки истории Курганской области. Глава 1. Челябинск, 1968. С. 7-20.
3. Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969. С. 5-14.
4. Археологические памятники Зауралья // Блокнот агитатора. № 21. Курган, 1969. С. 36-49.
5. Археологические памятники - важнейшие источники по изучению древней истории края // Роль краеведения в коммунистическом воспитании трудящихся. Курган, 1971. С. 30-37.
6. Раскопки в Курганской области // АО – 1971. М., 1972. С. 284-285.
7. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973. С. 53-64.
8. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. 1975. № 1. С. 35-50.
9. Поселение Ипкуль 1 // СА. 1975. № 4. С. 173-184. (В соавторстве с М.Ф. Косаревым).
10. Первобытно - общинный строй в Зауралье // История родного края. Челябинск, 1975. С. 3-11.
11. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1975. № 2. С. 19-29.
12. Культура населения лесостепного Притоболья в бронзовом веке // Автореферат дисс.... канд. ист. наук. М., 1976. 27 с.
13. Камышное II – многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. № 147. М., 1976. С. 97-106.
14. Раскопки в таёжном Прииртышье // АО – 1976. М., 1977. С. 235.
15. Работы Тоболо - Иртышского отряда // АО – 1977. М., 1978. С. 272-274.
16. Тенденция развития алакульской керамики в Среднем Притоболье и инокультурные влияния (к вопросу о контактах со срубным населением) // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Тезисы докладов. Куйбышев, 1978. С. 32-34.
17. Работы Тобольского отряда // АО – 1978. М., 1979. С. 268- 269.
18. Топографическая и гидрографическая приуроченность поселений эпохи бронзы в Среднем Притоболье // Особенности географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С 58-61.
19. Работы Тобольского отряда // АО – 1979. М., 1980. С. 228-229.
20. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. № 161. М., 1980. С. 91-97. (В соавторстве с В.Т. Ковалевой).
21. К вопросу о мезолите Тоболо - Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3. С. 107-129. (В соавторстве с В.Ф. Зайбертом).
22. Раскопки в окрестностях телля Херпай // АО-1980. М., 1981. С. 491-492. (В соавторстве с В.С. Титовым).
23. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго - Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 159-172.
24. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. № 169. М., 1982. С. 44 -53.
25. Памяти В.И. Мошинской // СА. 1982. № 1. С. 300-301.
26. Алакульская культура // СА. 1983. № 2. С. 14-33.
27. Некоторые аспекты интерпретации остеологических материалов с поселений и могильников для характеристики хозяйства // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Тезисы докладов научной конференции 6-8 апреля 1983 г. Барнаул, 1983. С. 48-53.
28. О происхождении алакульской культуры в Притоболье // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 8-21.
29. Роль абашевцев в процессе развития алакульской культуры // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 77-108.
30. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 376 с.
31. Городище Чудская гора в свете этнической интерпретации андронойидных культур Западной Сибири // Урало - Алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск, 1985. С. 32-38. (В соавторстве с М.Ф. Косаревым).
32. Раскопки в Курганской области // АО-1983. М., 1985. С. 236-237. (В соавторстве с М.П. Вохменцевым).
33. Культовое место эпохи энеолита в лесостепном Зауралье // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1985. С. 389-391.
34. Религиозные представления энеолитического населения Зауралья (по материалам культового места Савин) // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов. М., 1987. С. 153-157.
35. К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов международного симпозиума, Алма-Ата, 19-24 октября 1987 г. Алма-Ата, 1987. С. 76-78.
36. Раскопки могильника Дашти-Козы // АО- 1986. М., 1988. С. 514.
37. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1. С. 145-146. (В соавторстве с А.И. Исаковым).
38. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго - Уральского региона (В плане дискуссии по поводу статьи Качаловой М.К., Васильева И.Б. СА. 1989. № 2) // СА. 1990. № 1. С. 118-130.
39. Совещание по некоторым итогам и перспективам археологических исследований в стране // СА. 1990. № 3. С. 296-300.
40. Offerprastinnans grav från äldre sarmatisk tid i Västsibirien (400-300 talet f. Kr. Byn Sjikajevka i Kurgandistriket) // Skyter och sarmater från Don till Ural. Orebro, Sweden, 1990. S. 49-51.

- 41.Мосоловское поселение с позиций оценки андроновских древностей // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Тезисы докладов и материалы конференции. Воронеж, 1991. С. 60-65.
- 42.О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита - ранней бронзы лесной зоны Урала (по материалам V симпозиума в г. Тюмени) // РА. 1993. №1. С. 250-260. (В соавторстве с Ковалевой В.Т.).
- 43.Проблемы контактов и взаимодействий лесного и степного населения Притоболья в эпоху бронзы / Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Материалы конференции. Часть II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 162-169.
- 44.Святилище - «обсерватория» - новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье // Научный семинар: Проблемы изучения духовной культуры древних обществ. 12-16 апреля 1994 г. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1994. С. 85-90.
- 45.Федоровское андроновское население и его связи // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 71-74.
- 46.К вопросу о функциях святилищ с круговой архитектурой в эпоху энеолита - бронзового века // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 74 -77.
- 47.Проблемы связи и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. 1995. № 1. С. 14-27.
- 48.Проблемы связи и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. 1995. № 2. С. 10-18.
- 49.К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва 1994) // РА. 1995. № 3. С. 240-248. (В соавторстве с Кауровым Э.Н.).
- 50.Об истоках ряда ритуалов в культовых обрядах обских угров // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тезисы X Западносибирского археологического этнографического совещания. Томск, 1995. С. 151-154.
- 51.О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Материалы 3-й Международной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Часть 5, кн. 1. Челябинск, 1995. С. 144-154.
- 52.Лесное Тоболо - Иртышье в позднем бронзовом веке. М., 1995. 207с. (В соавторстве с Корочковой О.Н. и Стефановым В.И.).
- 53.Оригинальный способ ремонта синтетико-петровских сосудов // Доно - Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Тезисы докладов и материалы конференции. Воронеж, 1996. С.37-40.
- 54.Археоастрономические объекты как источник для изучения жречества // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб., 1996. С. 20-24.
- 55.Древнейшая астрономическая «обсерватория» на территории России // Археоастрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 15-18 октября 1996 г. М., 1996. С. 109-115. (В соавторстве с Юрьевичем В.А.)
- 56.Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н.э. // Археоастрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции. М., 1996. С. 115-119.
- 57.О культовых памятниках лесного Тоболо- Иртышья конца эпохи бронзы // Полевой симпозиум: «Святилища и жертвенные места финно- угорского населения Евразии». Пермь, 1996. С. 70-73. (В соавторстве с Корочковой О.Н. и Стефановым В.И.).
- 58.Археоастрономия в России (по материалам конференции «Наша Галактика», март 1996 г.) // РА. 1997. № 2. С. 287-288. (В соавторстве с Кауровым Э.Н.)
- 59.Археоастрономия в России: достижения, проблемы, перспективы // Древняя астрономия: Небо и Человек. Тезисы докладов международной конференции. М., 1997. С. 49-51.
- 60.On the status of archaeoastronomy in Russia // Astronomical and Astrophysical Transactions. Vol. 12. 1997. P. 335-336. (В соавторстве с Кауровым Э.Н.)
- 61.Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 39-50. (В соавторстве с Матвеевой Н.П.).
- 62.«Археоастрономия: проблемы становления» (Международная конференция. Москва, 1996) // РА. 1998. № 1. С. 230-238. (В соавторстве с Косаревым М.Ф., Юрьевичем В.А.).
- 63.Зауральский «Стонхендж» // Наука в России. 1998. № 4. М. С. 8-15.
- 64.A Stonehenge beyond the Urals // Science in Russia. 1998. № 4. Moscow. P. 8-15.
- 65.The Trans-Ural “Stonehenge” (The stone age Sanctuary with astronomic reference-points // Astronomical and Astrophysical Transactions. Vol. 15. Issue 1-4. 1998. P. 307-324.
- 66.Из опыта археоастрономических исследований археологических памятников (методический аспект). М., 1998. 52 с. (В соавторстве с Юрьевичем В.А.).
- 67.On the status of archaeoastronomy in Russia // Astronomical and Astrophysical Transactions. Vol. 15. Issue 1-4. 1998. P. 343-349. (В соавторстве с Гурштейном А.А., Кауровым Э.Н., Раевским Д.С.)
- 68.A Stonehenge beyond the Urals // Journal of Journals. Review of Global Scientific Achievements. № 1. Vol. 2. 1998. P. 82-87.
- 69.Савин // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 456-457.
- 70.Алакульская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 17-18.
- 71.Мошинская В.И. // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 341-342.
- 72.Верхняя Алабуга // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 113-114.
- 73.Шикаевка // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 599-600.

- 74.Зауральские энеолитические святилища с астрономическими ориентирами в системе сходных моделей Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Материалы международной конференции. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 232-234.
- 75.Новые исследования святилища Савин в Зауралье // АО-1977. М., 1999. С. 227-229.
- 76.Archaeoastronomical object of the Eneolithic epoch in Russia // Oxford VI and SEAC 99. "Astronomy and cultural diversity Editors". Ce'sar Esteban, Iuan Antoni'o Belmonte. Proceedings of the International Conference "Oxford VI and SEAC 99". La Laguna, 1999. Р. 71-76.
- 77.Одна из моделей организации сакрального пространства и методы ее фиксации // Исторический ежегодник. Специальный выпуск (к 70-летию В.И.Матющенко). Омск, 2000. С. 170-178.
- 78.Spatially-temporary organization of grave- field of Bronze Age burial grounds according to archaeological excavations data // JENAM-2000. Associated Symposium "Astronomy of Ancient Civilization. Moscow, 2000. Р. 22-24.
- 79.Украшения из могильника Дасти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 2001. С. 62-72.
- 80.Реконструкция костюма из могильника Дасти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 2001. С. 73-78. (В соавторстве с Усмановой Э.Р.)
- 81.Поселение раннего железного века Белый Яр XII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Тюмень, 2001. С. 150-153. (В соавторстве с Чикуновой И.Ю.).
- 82.Методы археоастрономии в системе археологических исследований // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной конференции. Оренбург, 2001. С. 28-29.
- 83.Модель пространственной и временной организации погребального поля могильника эпохи бронзы Дасти-Козы // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной конференции. Оренбург, 2001. С. 103-104.
- 84.Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 166-256.
- 85.Керамика из поселения раннего железного века Язево I в Притоболье // РА. 2001. № 4. С. 114-123. (В соавторстве с Матвеевой Н.П. и Чикуновой И.Ю.).
- 86.XV Уральское археологическое совещание // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург, 2001, с. 162-174. (В соавторстве с Н.Л. Моргуновой, Л.А. Краевой).
- 87.Модель организации сакрального пространства в энеолите степной Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной конференции к 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб., 2002. С. 216-221.
- 88.Основные этапы и организационные формы развития археоастрономии // Астрономия древних обществ: Материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM), отв. редакторы Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко. М., 2002. С. 10-21. (На русском и английском языках).
- 89.Предисловие к сборнику // Астрономия древних обществ: Материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM), отв. редакторы Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко. М.: Наука, 2002. С. 22-42. (На русском и английском языках. В соавторстве с Лушниковой А.В., Обридко В.Н., Пустыльником И.Б.).
- 90.Пространственно-временная организация погребального поля могильника эпохи бронзы по материалам археологических раскопок // Астрономия древних обществ: Материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM), отв. редакторы Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко М., 2002. С. 134-150. (На русском и английском языках).
- 91.Sources of cosmovisions in the World outlook of Ob-Ugrians // Cultural Context from the Archaeoastronomical Data and the Echoes of Cosmic Catastrophic Events. Tartu, 2002. P. 55-56.
- 92.Astronomy of ancient civilizations. The International Conference of European Society for Astronomy in Culture – SEAC, Moscow, 2000 // Astronomical and Astrophysical Transactions, 2002. Vol. 21(4-6). P. 279-291. (The coauthorship with V.N. Obridko, A.V. Lushnikova, I.B. Pustynnik, V.M. Chepurova).
- 93.Структура сакрального пространства ранних энеолитических курганов (к постановке вопроса) // Северное Причерноморье от энеолита к античности. Составитель – Е.В. Яровой, отв. редактор Н.А. Кетрапу. Тирасполь, 2002. С. 21-32.
- 94.The Trans – Ural Eneolithic Sanctuaries with Astronomical Reference Points in System of Similar Eurasian Models // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Vol. 1 / Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man, Washington D.C., 2002. P. 269-282.
- 95.Представления о Вселенной или Модель Мира у населения Зауралья 5000-4500 лет назад // Музей – ты мир. Материалы региональной научно - практической конференции, посвященной 50-летию Курганско-го областного краеведческого музея. 1-2 ноября 2001 года. Курган, 2002. С. 41-50.
- 96.XV Уральское археологическое совещание (Оренбург, 2001) // РА. 2003. № 1. С. 181-186. (В соавторстве с В.Д. Викторовой, Л.А. Косинской, Н.Л. Моргуновой, А.Ф. Шориным).
- 97.«Астрономия древних цивилизаций» (Международная конференция Европейского общества астрономии в культуре – SEAC. Москва, 2000) // РА. 2003. № 2. С. 182-188. (В соавторстве с Обридко В.Н., Лушниковой А.В., Пустыльником И.Б., Чепуровой В.М.).
- 98.Основы астрономических знаний у населения

юга Восточной Европы в IV-III тысячелетиях до н.э. (по материалам раскопок ранних курганов) // Горизонты Вселенной. Тезисы докладов Всероссийской астрономической конференции, Москва, ГАИШ МГУ, 3-10 июня 2004 г. М., 2004. С. 250.

99. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сборник статей. М. 2004. С. 214-251.

100. Astronomical basic of sacral space of Eneolithic burial mounds in Northen Pontic Aria (on materials of the archaeological excavations) // Annual meeting of European Society for Astronomy in culture (SEAC). SEAC-2004 Conference, Aug. 26-28, Kecskemet, Hungary. P. 34-35.

101. О преемственности мировоззренческих традиций в Зауралье // Шестые исторические чтения памяти Михаила Павловича Грязнова. Омск, 2004. С. 115-120.

102. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3) // Археология, этнография и антропология Евразии, № 4 (20), 2004. С. 85-99. (В соавторстве с Матвеевой Н.П. и Соловьевым А.И.).

103. Археоастрономический аспект исследования ранних сооружений кургана 3 у села Ревова. Приложение 1 // С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005. С. 188-199.

104. Система организации сакрального пространства могильников степной бронзы (по материалам раскопок Дасти-Козы в Средней Азии) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 2. Гл. ред. Евглевский А.В. Донецк, 2005. С.109-142.

105. Святилища эпохи энеолита и бронзового века Тоболо-Иртышья (сравнительный анализ) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения чл.-кор. Российской Академии наук Сергея Влад. Киселева, г. Минусинск, 20-26 июня 2005. Красноярск, 2005. С. 51-53.

106. Археоастрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения // РА. 2005. № 3. С. 45-60.

107. Курганская каменная архитектура с астрономическими ориентирами (IV – III тыс. до н. э.) // Астрономия – 2005: состояние и перспективы развития. Тезисы докладов Восьмого съезда астрономического общества и Международного симпозиума. Тр. Госуд. астрономич. ин-та им. П.К. Штернберга (ГАИШ МГУ). Том LXXVIII. М., 2005. С. 91.

108. Астрономические ориентиры кургана Виноградное // Астрономия 2005: состояние и перспективы. Тезисы докладов. Тр. ГАИШ МГУ. Том LXXVIII. М., 2005. С.92.

109. О методологии археоастрономических исследований // Астрономия – 2005: состояние и перспективы развития. Тезисы докладов Восьмого съезда астрономического общества и Международного симпозиума. Тр. Госуд. астрономич. ин-та им. П.К. Штернберга (ГАИШ МГУ). Том LXXVIII. М., 2005. С. 93. (В соавторстве с Магловой П.В. и Стоевым А.Д.)

110. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. С. 112-120.

111. Археоастрономическая интерпретация архитектуры кургана эпохи энеолита – ранней бронзы у с. Ревова Одесской области // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. С. 12-28. (В соавторстве с Ивановой С.В.).

112. Sources of Perceptions of the Cosmos in the Worldview of the Ob-Ugrians // Cosmic Catastrophians. A Collection of Articles. Proceedings of the European Society for Astronomy in Culture (SEAC) 2002, Tenth Annual Conference, 27-30 August in Tartu, Estonia. Eds: M. Koiva, I. Pustylnik, L. Vesik. Tartu, 2005. P. 129-144.

113. Курган эпохи энеолита и ранней бронзы у с. Ревова Одесской области и его археоастрономическая интерпретация // Дискурс цивилизаций. Stratum plus 2 (2003-2004). Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2005. С. 145 – 162. (В соавторстве с Ивановой С.В.).

114. Динамика мировоззренческих традиций южно-тоболо-иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Чернецова В.Н. М., 2006. С. 120-188.

115. К методологии археоастрономических исследований // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Чернецова В.Н. М., 2006. С. 189-197. (В соавторстве с Магловой П.В. и Стоевым А.Д.)

116. Археоастрономические объекты Южного Урала: особенности и перспективы исследования // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала. Тезисы докладов полевого семинара 19-25 июня 2006 года, Аркаим. Челябинск, 2006. С. 3-6.

117. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // II Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. 24-30 сентября, 2006. Ханты-Мансийск. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2006. С. 219-220.

118. Женский ритуальный головной убор IV-III вв. до н. э. из Зауралья // Поселищен живот в Тракия. IV Международен симпозиум. 9-11 ноември 2005, Ямбол-Кабиле. Редактор Илия Илиев. Ямбол, 2006. С. 199 – 220.

119. Arrangement of Sacred Space in the Burial Area of the Bronze Age Dashti Kozy Cemetery (Central Asia) / / Archaeoastronomy: Journal of Astronomy in Culture. Volume XX. University of Texas Press, 2006. P. 70-96.

120. Astronomical Basis of Arrangement of Sacral Space of the Eneolithic Burial Mounds in Northern Pontic Area (on materials of the archeological excavations) // Archaeoastronomy in Archaeology and Ethnography. Papers for the annual meeting of SEAC (European Society for Astronomy in Culture) held in Kecskemet, Hungary in 2004, edited by Emilia Pasztor. British Archaeological Reports, Series 1647. Oxford, 2007. P. 53-62.

1 июля 2007 г.

КАМЕННЫЙ ВЕК (НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ)

А.Ф. ШОРИН

Институт истории и археологии Уральского
отделения РАН, Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА

Среди археологических памятников лесной зоны Зауралья, да и всей Северной Евразии в целом, особое место занимают так называемые «чудские бугры», или «жертвенные» холмы. Четыре из них - Кокшаровский, Махтыльский, Усть-Вагильский (Верхнесалдинский и Гаринский районы Свердловской области), Чертова гора (окрестности г. Междуреченска Ханты-Мансийского АО) в той или иной степени исследованы раскопками. О других холмах, известных в прилегающих к Зауралью районах таежной зоны Западной Сибири, есть только информационные сообщения.

Полнее исследован Кокшаровский холм, который среди местного населения фигурирует еще иногда под названием Лысая или Вшивая горка. Он расположен на южном коренном берегу Юрьянского озера, ныне в значительной части заторфованного, в 0,7 км к востоку от бывшего Второго поселка Басыновского торфопредприятия. В физико-географическом отношении это уже зона Зауральского пенеплена, холмисто-волнистая возвышенность, начинающаяся сразу за восточными отрогами Уральского хребта.

Кокшаровский холм - искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м и высотой до 1 м в южной и до 3,5 м у крутого уступа берегового мыса в северной его части (рис. 1). Находится он почти в центре Юрьянского поселения, неолитическое население которого и воздвигло этот памятник.

Первые сведения о наличии этого памятника археологии дают нижнетагильские краеведы, двоюродные братья - служащий Тагильского завода Д.Н. Шорин и преподаватель Высшего училища член-корреспондент Пермского губернского статистического комитета И.М. Рябов. Рукопись первого хранится в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, статья второго опубликована в Пермских губернских ведомостях в 1855 г. Сообщение И.М. Рябова небольшое, поэтому приведем его дословно: «В округе Нижнетагильских заводов лежат два замечательных чудских кургана, первый находится близ деревни Кокшаровой на равнине, примыкающей к

болоту, которое оканчивается Юрьянским озером. Вероятно, что он возвышался первоначально на берегу озера, которое со временем уменьшалось. Курган состоит из песчаной, а внизу пережженной, смешанной с мелкими углами, земли. Он почти круглый, имеет до 42 аршин в поперечнике, а высотой до 4,5 аршин. Поверхность его изрыта искателями кладов; у основания находится множество черепков, исчерченных с выпуклой стороны прямыми и кривыми бороздками, иногда точками в разных направлениях. Кроме черепков, найдены: железный нож, копье и кольцо из халцедона, не совершенно обсеченное, и два черепка с просверленными дырочками. Все эти предметы хранятся по настоящее время в Тагильском заводе... В курганах попадаются кости более или менее истлевшие, и от прикосновения разрушающиеся. О внутреннем их (имеется еще в виду два подобных «кургана» на речке Полуденке близ Тагильских заводов, раскопанных еще в XIX в., материалы этого памятника не сохранились - авт.) устройстве нельзя ничего сказать определенного, потому, что они были прежде по несколько раз разрываемы кладоискателями.

Однако (обнаруженные в Полуденском кургане - авт.), сгнившие деревья, положенные горизонтально, заставляют думать, что внутренность курганов представляла пустую полость, а сожженные остатки костей и внутренностей удостоверяют, что при погребении совершалось сожжение тела покойника. В XV и XVI столетиях здесь жили семейства вогулов и пермяков, диких, невежественных звероловов, чуждавшихся по своему характеру всякой общественности. Поэтому нельзя никак допустить, что эти остатки принадлежали им. Так, например, близ первого бугра (Кокшаровского - авт.) найдены медные литые ножны превосходной формы, которые, по всей вероятности, следует отнести к глубокой древности» (Рябов, 1855. С. 305).

Таким образом, уже с первого описания холма в литературе была сформирована и первая версия интерпретации его функционального назначения. Это *погребальный курган*. Такого же мнения придерживались, видимо, и многочисленные кладоискатели, основательно перекопавшие холм (но, видимо, все же верхние его слои - авт.) уже к середине XIX в. Кстати, ни Д.П. Шорин, ни И.М. Рябов раскопки на холме не вели.

Ко второй половине XIX в. относятся работы на холме членов Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) М.В. Малахова и И.М. Гендрикова.

Рис. 1. Кокшаровский холм. Вид с востока.
Рисунок А.К. Тимошика.

Сведения о раскопках М.В. Малахова содержатся в его работе «О доисторических эпохах на Урале» и в Известиях Императорского Русского Географического Общества за 1881 г. Приведем эту информацию полностью. В работе «О доисторических эпохах ...» М.В. Малахов так описывает результаты своих изысканий на Юрьянском селище и холме: «Исследование Юрьянского селища позволяет до некоторой степени восстановить убежище первобытного дикаря: так здесь на площади селища, занимающего один из прибрежных холмов, при раскопках, близ огнища (костра), обозначенного углевым слоем, открыто мешковидное залегание черной земли, с примесью листвы, обломков глиняных сосудов и каменных орудий. По мере снимания этого чернозема все более и более обозначалась нора или логовище, длиною три с лишком аршина, при ширине 2-2,5 аршина. С правой стороны логовища, величина которого, как сказано, обозначалась распространением черноземного отложения, у глинисто-песчаной стены, в некотором расстоянии, найдена массивная плита, в форме параллелепипеда, которая стояла перпендикулярно к земле, т.е., была по всей вероятности так вкопана рукой человека. Плита эта, судя по желобообразным углублениям на обеих широких сторонах, служила для шлифования или полирования каменных орудий, а также для заострения и подправки режущих краев. Все сказанное приводит к тому выводу, что дикарь устраивал себе убежище в земле, вырывая род норы, дно которой устилал ветвями и листвой» (Малахов, 1887. С. 4-5). В Известиях Императорского Русского Географического Общества за 1881 г. (с. 98) приведена следующая информация о работах М.В. Малахова на Кокшаровском холме: «Эта открытая стоянка доисторического человека расположена на южном береговом мысу (Юрьянского озера - авт.) и имеет вид холма с диаметром в 140 футов. Культурный слой оказался на глубине 2 футов. Здесь опять удалось собрать интереснейшую коллекцию вещей: несколько сот черепков с разнообразным и затейливым орнаментом, массу скребков, ножей, рубило, две прекрасных стрелы молочного кварца и, что особенно любопытно, две сланцевых плиты для обтачивания орудий. Все ору-

дия из кремня, сланца и кварца». Кроме того, в Журнале заседания Отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества от 15 октября 1888 г. (с. 103), приводится сообщение, что член-сотрудник М.В.Малахов во время своей поездки на Урал открыл 4 селища доисторического человека. В том числе «близ деревни Кокшаровой, Верхотурского уезда, селище расположено на южном берегу болотистого Юрьянского озера, на мысовом берегу, возывающемся на 10 футов над уровнем окрестной местности и имеет 140 футов в диаметре. Культурный пласт, толщиной от 1 до 2 футов, залегает на песчаной глине, под растительными отложениями, на глубине 2 футов. Характер залегания культурного слоя представляет значительный интерес: так, он в местах утолщения образует мешки, длиною 6 футов шириной до 3 футов, что заставляет думать, что тут были логовища обитателей. Здесь добыто несколько сот разнообразных орудий из яшмы и кварца, хорошей обивки; здесь же добыто две плиты, служащие для стачивания орудий».

Из этих сообщений для нас принципиальны два обстоятельства. Во-первых, М.В. Малахов раскалывал холм, причем его раскоп (раскопы?) был доведен до материка - песчаной глины. Во-вторых, он склонился к мысли, что холм возник в результате сооружения здесь жилищ - «логовища обитателей». То есть М.В. Малахов фактически заложил основы *второй версии* функциональной интерпретации Кокшаровского холма.

В 1891 г. раскопки на Кокшаровском холме проводил горный инженер И.М. Гендрихов. Работал он по заданию УОЛЕ, которое заказало ему на право раскопок открытый лист Императорской Археологической комиссии (Зорина, 1996. С. 124). В отчете он писал, что высота берега под курганом - 1 сажень. Северный склон кургана совпадает со склоном берега к болоту, а высота кургана здесь - 1,5 сажени, с южной же стороны - не более 1 сажени. Окружность кургана составляет 55 саженей при большой оси, равной 19 саженям, а малой 17 сажень. Описывая стратиграфию холма, И.М. Гендрихов отмечает наличие «верхнего растительного слоя - 1/4 аршина, на склонах кургана он утолщается до 1 аршина. Глубже идет плотная земля, сходная с окружающей курган, но с значительной примесью золы, углей и с пятнами слабо железной окраски, как бывает под потухшим костром» (Дело Архивной комиссии. С. 111). Учитывая описание изменения слоя на склонах кургана и отсутствие характеристики материковых отложений, а также упоминание о незавершенности работ, можно предположить, что раскопки И.М. Гендрихова не были доведены до материка и находились на одном из склонов холма. Возможно, следы его работ были нами зафиксированы при раскопках 1995, 1997-1999 гг.

В отчете за 1955 г. А.И. Россадович приводит рассказ жителя Второго поселка А.Н.Медведева о том, что его отец в 1914 г. работал у геолога Франка, который с севера на юг через курган провел траншею. На фотографии работ 1957 г. А.И. Россадович видна сильно оплавившая траншея, ориентированная на истинный, а не на магнитный север.

В 1938 г. на холме побывал В.Н. Чернецов. Он также отмечает, что «бугор весь изрыт настолько, что трудно найти нетронутое место. Он перекопан тремя или четырьмя старыми траншеями, уже заросшими лесом, а кроме того, здесь поработали и в более позднее время кладоискатели и любители» (Источники ..., 1987. С. 254). В.Н. Чернецов раскопки на холме не вел. Но его внешний вид склонил маститого исследователя к выводу, что холм - это остатки большой землянки (Источники ..., 1987. С. 254-255). Им же в 1957 г. были опубликованы бронзовые ножны и навершия кинжала, найденные еще до революции при раскопках близ д. Кокшаровой и переданные Д.Н. Шориным на Нижне-Тагильский завод (Чернецов, 1957. С. 158-159. Табл. VIII, 2). Скорее всего, они происходят с Кокшаровского холма или окружающего его Юрьянского поселения (рис. 16, 1-2).

Наиболее же интенсивные раскопки холма связаны с именем тагильского археолога А.И. Россадович. Ею в 1955, 1957, 1960 гг. вскрыта значительная площадь западной половины холма (рис. 2). К сожалению, материалы этих работ остались неопубликованными. О них можно судить только по отчетам, представленным А.И. Россадович в Отдел полевых исследований ИА АН СССР (Rossadovich, 1955; 1957; 1960), а также по небольшой информации о находке железного меча, связанного со средневековым комплексом холма (Rossadovich, Щеткина, Дамаскина, 1968. С. 266. Рис. 5, 1). Основной же неолитический комплекс холма, в том числе фрагменты керамики от сосудов с зооморфными налепами, практически оказался неизвестен широкому кругу специалистов. Об этих находках либо кратко упоминалось в ряде работ (Мошинская, 1972), либо они выборочно публиковались уже после смерти А.И. Россадович (Ковалева, Арефьев, 1993).

Работы 1955 г. носили рекогносцировочный характер, вскрытие больших площадей не велось. Но в 1957 г. на холме и в восточной, прилегающей к холму части Юрьянского поселения были заложены уже 4 раскопа. Раскоп I в виде траншеи длиной 22 м и шириной 2 м проходил от центра холма на юг до его подножия. Но один квадрат в этом раскопе почему-то не был вскрыт. В этом мы убедились при раскопках 1997, 1998 гг. Раскоп II длиной 12 м и шириной 4 м был разбит от центра холма на восток. Здесь остались не разобранными один квадрат и нижняя часть центральной продольной бровки. Они затем были вскрыты нашим раскопом 1995 г. Раскоп III размером 4x8 м был заложен на Юрьянском поселении у юго-восточного склона холма, а раскоп IV длиной 8 м и шириной 2 м - у восточного склона. Кроме того, в 1957 г. на Юрьянском поселении были заложены еще около 20 шурfov размером 1x1 м каждый. В 1960 г. в западной половине холма были разбиты еще 2 раскопа (№ 6 и № 7), составляющие фактически один сплошной размером 40x20 м. А.И. Россадович, предполагая, что перед ней курган, погребальный комплекс, начала раскопки, используя экскаватор. Была прорыта траншея через весь холм с севера на юг и вскрыты квадраты в северо-западном секторе холма. Но вскоре она окончательно убедилась, что Кокшаровский холм не является погребальным курганом. Потому начала исследо-

вать его по методике раскопок поселений, принятой для большинства памятников в то время. В основе этой методики лежал принцип вскрытия культурного слоя участками 4x4 м при помощи вертикальных срезов лопатами на глубину 20 см без индивидуальной фиксации находок. К сожалению, такая методика работ оказалась очень «груба» для исследования такого сложного объекта как Кокшаровский холм и поставила А.И. Россадович в тупик при интерпретации функционального назначения холма. В конечном счете она склонилась к мысли, что холм являлся местом сооружения на одном пространстве больших земляных жилищ, хотя археологических данных для такой интерпретации в ее раскопках не было. Заметим также, что и в раскопе 1960 г. А.И. Россадович оставила неразобранными некоторые бровки.

На Юрьянском поселении в 1960 г. А.И. Россадович был вскрыт раскоп в 30 квадратов размером по 2x2 м, а также экскаватором в меридиональном направлении прорыта траншея длиной более 50 м. В ней автор раскопок надеялась зафиксировать переход слоев береговой части памятника в отложения торфяника.

В 1964 г. для строительства гаража Басьяновскому торфопредприятию понадобился грунт, который и был вынут экскаватором в юго-восточной части холма. Образовалась яма (до материка) размером приблизительно 20x8 м.

В этом же году В.Ф.Старковым была зачищена северо-западная стенка упомянутой экскаваторной ямы-траншеи. Результаты зачистки опубликованы (Старков, 1969). Фактически это была первая научная публикация материалов Кокшаровского и других «жертвенных» холмов Среднего Зауралья. В этой работе В.Ф. Старков на основании стратиграфических наблюдений (наличие мощных кострищ, сожженного дерева, мелких кальцинированных косточек), а также некоторых категорий находок, в первую очередь сосудов с зооморфными налепами, выдвинул *третью версию* функционального назначения Кокшаровского холма - как *культового места* (Старков, 1969. С. 70). Хотя справедливости ради следует заметить, что сам стратиграфический разрез холма (Старков, 1969. Рис. 1) автор интерпретировал не совсем верно. В том же 1964 г. этот же исследователь заложил раскоп площадью 80 кв. м и в восточной части Юрьянского поселения. Часть материалов этих работ, в том числе и план двухкамерного жилища, были опубликованы (Старков 1980. С. 64-70). Правда, сразу оговорюсь, что наличие двух камер в жилище может быть оспорено.

В начале 80-х гг. в болоте (прибрежная часть озера), прилегающем к Кокшаровскому холму и Юрьянскому поселению, Ю.Б. Сериковым были заложены 2 шурфа. В ближайшем к берегу шурфе фиксировался культурный слой, содержащий находки неолитического времени. Этот же исследователь опубликовал обобщающую статью об археологических памятниках Юрьянского озера в Уральской исторической энциклопедии (Сериков, 1998. С. 263-264). Холм интерпретируется здесь как *святилище*.

В 1995 г. работы на холме возобновлены Среднеуральской археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН под руководством А.Ф.

Шорина. Ей предшествовала подготовительная работа по изучению архивных и письменных данных и особенно результатов работы на холме экспедиции А.И. Россадович. Этую работу провел В.А.Арефьев. В итоге перед началом работы в 1995 г. мы располагали следующей информацией.

1. Нетронутой осталась только северо-восточная часть холма. Но и там, не исключено, могли находиться какие-то неизвестные в литературе грабительские шурфы или иные перекопы.

2. Необходимо было перепроверить хорошо за-консервированные раскопы 1957 и 1960 гг. А.И. Россадович, так как в них почему-то были вскрыты не все участки, да и не все бровки разобраны до материка.

3. Нужно было еще раз зачистить северо-западный борт экскаваторной траншеи 1964 г., чтобы сверить наши стратиграфические наблюдения с теми, что провел здесь в 1964 г. В.Ф. Старков.

4. Наконец, и это, пожалуй, самое главное, необходимо было найти археологически непротиворечивые данные, подтверждающие одну из трех версий, выдвинутых в литературе о функциональном назначении столь необычных для всей Северной Евразии памятников, либо сформулировать свое понимание того, для чего был сооружен холм. Надо было дать ответы и на вопросы: когда и каким населением был возведен холм, был ли этот акт одномоментным или растянутым во времени, т.к. на холме представлены находки от эпохи неолита до средневековья включительно (Старков, 1969. С. 66).

Исходя из этих обстоятельств, была определена и начальная стратегия исследования холма в первый год работ.

В 1995 г. на холме были заложены 2 раскопа (рис. 2). Один из них – в центральной части холма - преследовал цель установить края хорошо законсервированных перпендикулярно расположенных раскопов А.И. Россадович 1957, 1960 гг., чтобы затем соотнести наши раскопы с раскопами А.И. Россадович. Второй разбит по северо-западному краю экскаваторной траншеи 1964 г. с целью зачистить тот профиль, который ранее опубликовал В.Ф. Старков (Старков, 1969. Рис. 1). Помимо этого, оба раскопа преследовали цель понять общую стратиграфию холма, выявить непротрепоженные участки, определить характер и последовательность залегания артефактов и по возможности вскрыть объекты, которые наверняка присутствовали в раскопах предшествующих исследователей, но не были ими должным образом зафиксированы и осмыслены. Все эти задачи были решены. Уже работы 1995 г., а также последующие исследования 1997, 1998 гг. в той части холма, где вела ранее свои работы А.И. Россадович, и 1999-2001, 2003, 2005, 2006 гг. на не потревоженной северной части холма (рис. 2), дали принципиально новый прирост знаний об изучаемом памятнике. В чем это выражилось?

1. Холм действительно имеет искусственное происхождение. Он насыпан не менее чем в три приема (слои 6,3,2 в нашей нумерации стратиграфических слоев), причем подсыпка его производилась, видимо, только в эпоху неолита (рис. 3). Скорее всего земля, особенно для второй и третьей подсыпки, бралась

с территории существовавшего уже в то время Юрьянского поселения, поэтому значительная часть артефактов связана не с функционированием самого холма, а является привнесенной на него. Но разделить находки, которые оставлены в процессе каких-то культовых действий на холме и привнесенных в ходе его подсыпки, крайне трудно. Это затрудняет изучение специфики самого холма.

Рис. 2. План раскопов.

1 – раскопы А.И. Россадович, В.Ф. Старкова в западной половине Кокшаровского холма и в восточной части Юрьянского поселения; 2 – раскопы А.Ф. Шорина 1995 г.; 3 – раскопы А.Ф. Шорина 1997-2001, 2003, 2005, 2006 гг.

2. Уже на начальном этапе площадка мыса, на котором холм сооружался, была отделена от площади Юрьянского поселения нешироким (не более 1,5 м) и неглубоким (не более 70 см) рвом, выполнившим, видимо, роль маркера сакрального пространства. Но в то же время ров имел и утилитарное назначение: сюда выкидывались вышедшие из культового и бытового употребления находки с холма и поселения. Через определенное время, когда ров заплыл, по окружности холма был вырыт второй ров, примерно тех же размеров и глубины. Остатки этих рвов на сегодняшний день зафиксированы двумя сегментами вдоль северной и восточной окружности холма (рис. 4). Кстати, грунт при рытье рвов шел, видимо, также на подсыпку горизонтальных площадок святилища. Необходимость такой подсыпки диктовалась и тем обстоятельством, что святилище сооружалось на крутом покатом мысовидном выступе берега озера. Поэтому мощность подсыпки в северной прибрежной и южной (удаленной от берега) части холма разная: соответственно до 3,5 и 1 м.

3. Неолитическое население, которое сооружало холм и которое проживало, видимо, на территории Юрьянского поселения, в археолого-культурном плане было неоднородным. Основу его составляла группа населения, изготавливавшая керамику кокшаровско-юрьянского (козловского) типа (рис. 5, 1-3; 6, 1-5, 7; 7, 8; 9, 1, 2, 4). На ранней стадии сооружения холма она взаимодействовала с носителями кошкинской (рис. 5, 5, 6; 6, 6; 9, 3; 10), басьяновской (боборыкинской) (рис. 5, 4; 11) орнаментальных традиций, на поздней с полуденской (рис. 12; 13, 3) (Шорин, 1998, 2000, 2003).

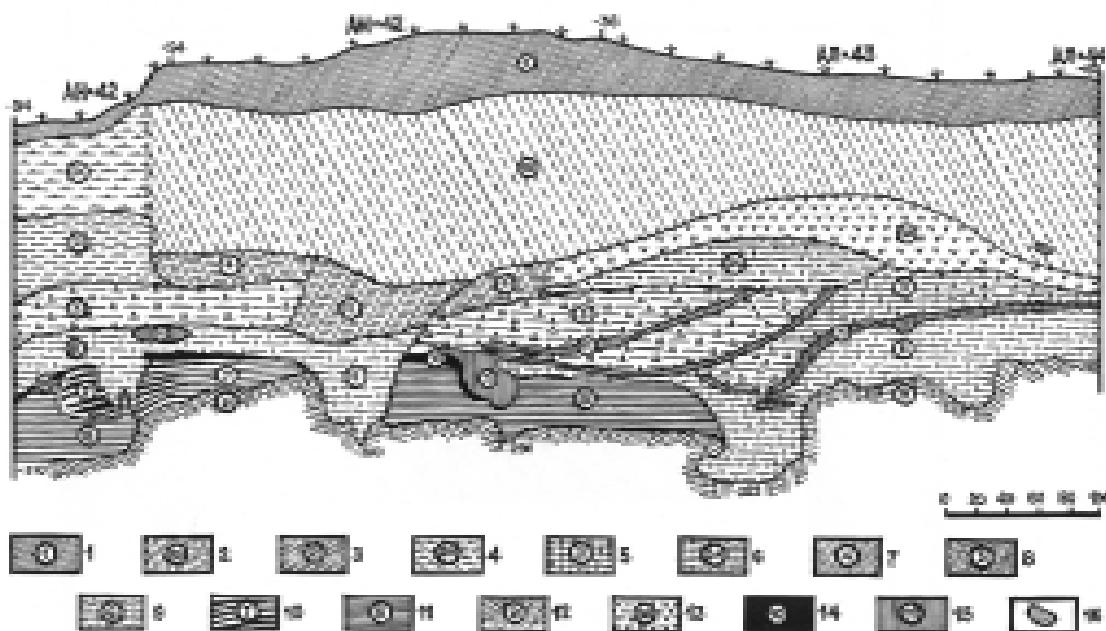

Рис. 3. Стратиграфический разрез в центральной части холма.

1 – современный дерн и темно-серая гумусированная супесь с небольшим включением гальки и угольков – осыпь экскаваторной траншеи; 2 – темно-серый переотложенный суглинок с включением гальки и угольков – заполнение раскопов и грабительских ям; 3 – темный серо-коричневый суглинок с небольшим включением гальки и углей – верхний насыпной ненарушенный слой холма; 4 – рыхлый переотложенный темный серо-коричневый суглинок с небольшим включением гальки и углей; 5 – темно-серый однородный суглинок с более интенсивными, чем в слое 2, включениями гальки и угля – средний насыпной ненарушенный слой холма; 6 – темно-серый суглинок с включением пятен темно-коричневого суглинка, гальки и угольков – переотложенный слой; 7 – серо-коричневый суглинок с интенсивными включениями мелких пятен материкового песка и глины, гальки и угля – переотложенный слой; 8 – перемешанный коричневый суглинок с небольшим включением гальки и угля – переотложенный слой; 9 – темно-серый суглинок, интенсивно насыщенный углем и мелкими пятнами прокалов и светло-коричневого материкового суглинка – нижний насыпной ненарушенный слой холма; 10 – толща тонких, мощностью 1-3 см, прослоек углей, светло-серой и желтой материковой глины и песка – преднамеренная подсыпка в основании холма; 11 – слой, состоящий из перемешанных и замытых прослоек, составляющих слой 7; 12 – желтый и светло-коричневый крупнозернистый песок с большим включением гальки, светло-серая и светло-коричневая глина – материк; 13 – слой материка в переотложенном состоянии – выкиды из ям и раскопов, углубленных в материк; 14 – слой угля и насыщенные углем прослойки суглинка; 15 – прокалы; 16 – обгоревшее дерево.

Рис. 4. Кокшаровский холм. План расположения объектов и рвов. 1 – границы раскопов, где вскрыты только верхние горизонты памятника; 2 – углистые прослойки; 3 – прокаленные слои

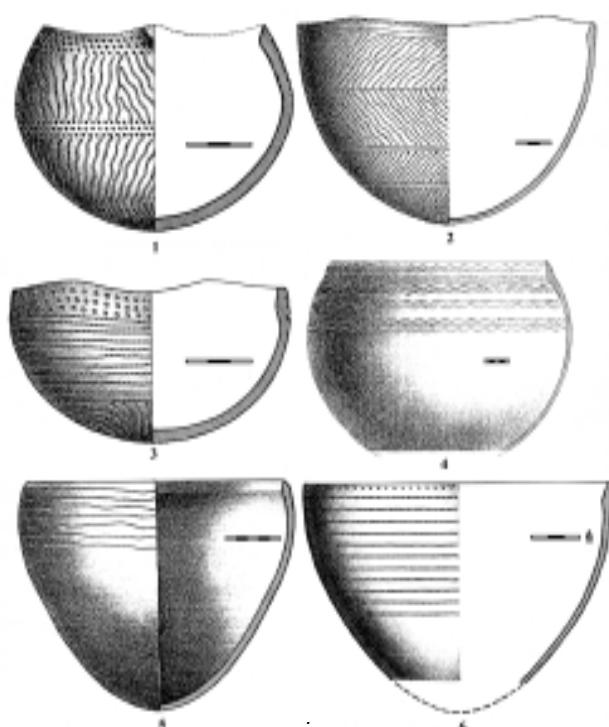

Рис. 5. Неолитические сосуды.
1-3 - кокшаровско-юрьевского типа, 4 – басьяновского типа,
5-6 – кошкинского типа.

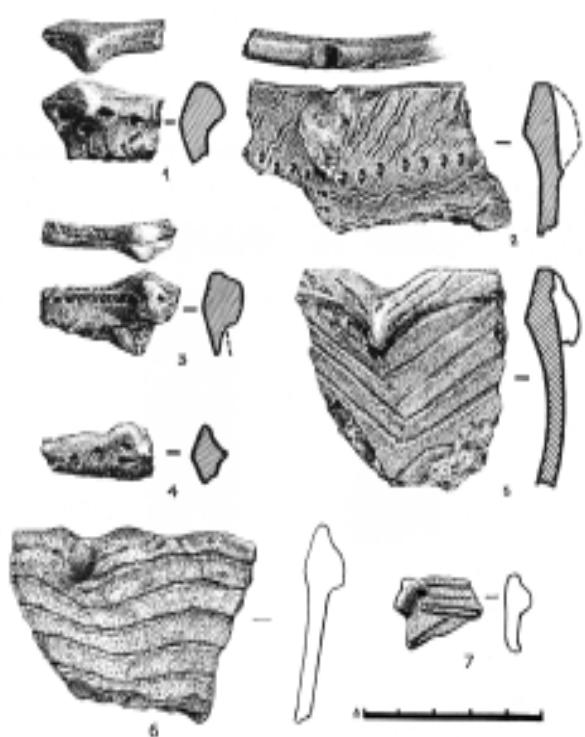

Рис. 6. Неолитическая керамика с зооморфными налепами.
1-5,7 – кокшаровско-юрьинский тип, 6 – кошкинский тип.

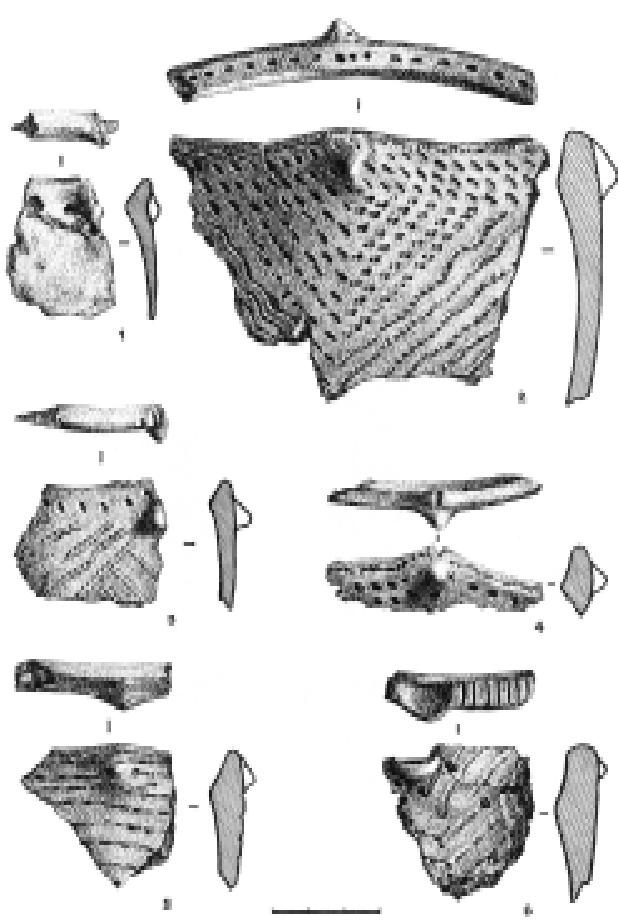

Рис. 7. Керамика кокшаровско-юрьинского типа с зооморфными налепами.

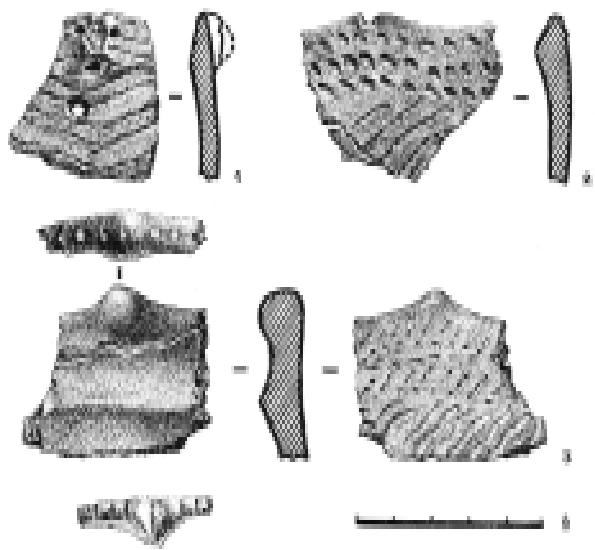

Рис. 8. Керамика кокшаровско-юрьинского типа с зооморфными налепами.

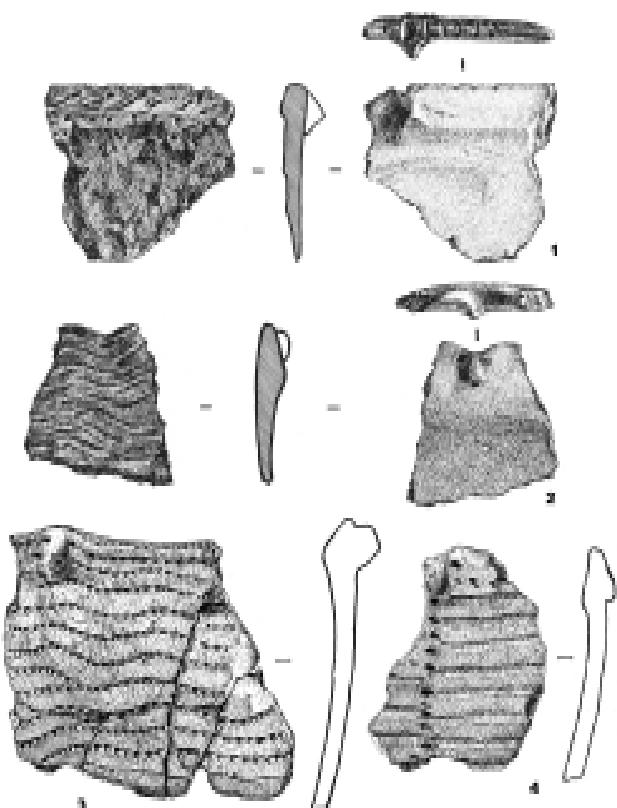

Рис. 9. Неолитическая керамика с зооморфными налепами.
1,2,4 - кокшаровско-юрьинский тип, 3 – кошкинский тип.

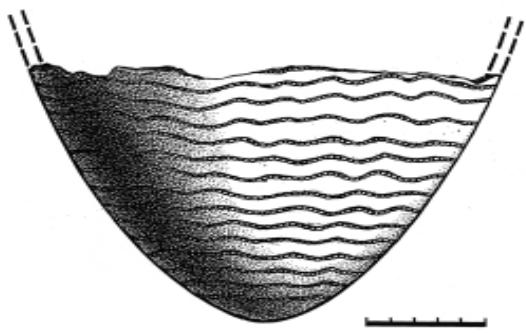

Рис. 10. Фрагмент придонной части сосуда кошкинской культуры.

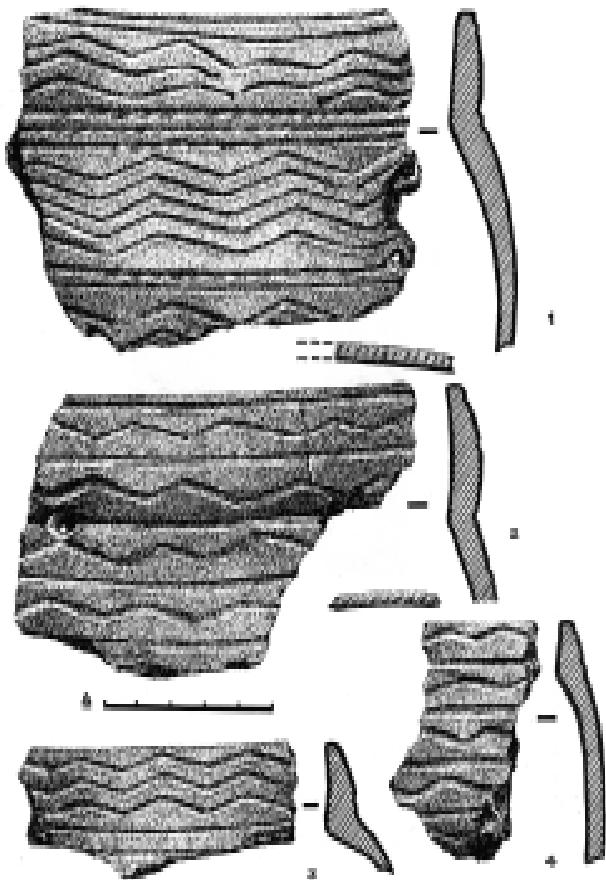

Рис. 11. Керамика басьяновского типа.

4. Посещение холма в последующие эпохи было уже эпизодическим. Холм скорее всего больше не подсыпался, но использовался как заметная топографическая точка на равнинной окружающей поверхности. Здесь отмечены достаточно представительные комплексы аятской культуры эпохи энеолита (рис. 13, 1-2). С эпохой бронзы на холме связаны только единичные фрагменты керамики коптяковской (рис. 14, 3-5) и бархатовской культур (рис. 14, 1-2). Безусловно, какой-то небольшой, скорее, воинский культовый комплекс отложился на холме и в эпоху раннего средневековья. С ним связаны немногочисленные находки керамики батырского типа (рис. 15), а также найденные, как в предшествующих, в том числе дореволюционных, раскопках и сборах, так и в наших раскопках, бронзовые ножны и навершия кинжала, железные кинжалы, наконечники стрелы и нож (рис. 16). Комплекс этот может датироваться в пределах сере-

дини - второй половины I тыс. н.э. Возможно, с энеолитическим - средневековым населением связаны и некоторые перекопы в толще культурного слоя холма, назначение их остается неясным.

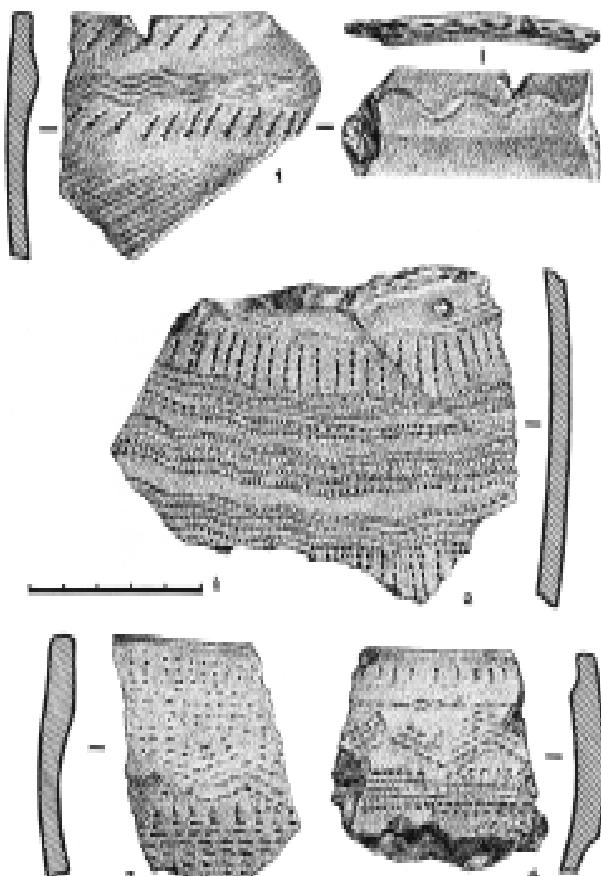

Рис. 12. Керамика полуденской культуры.

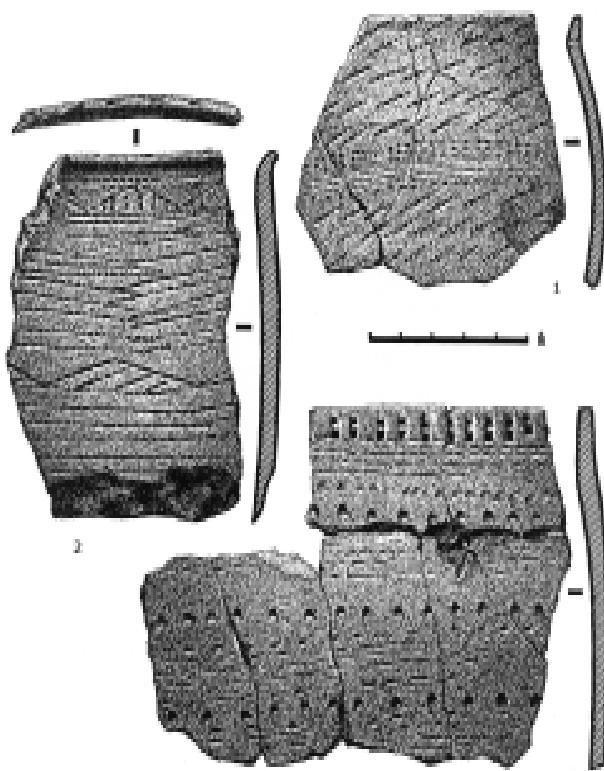

Рис. 13. Керамика аятской (1-2) и полуденской (3) культур.

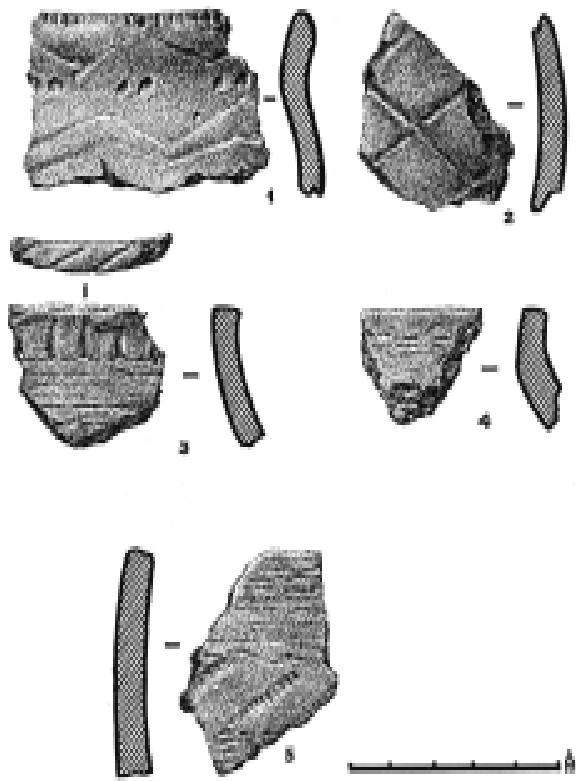

Рис. 14. Керамика бархатовской (1-2) и коптяковской (3-5) культур эпохи бронзы.

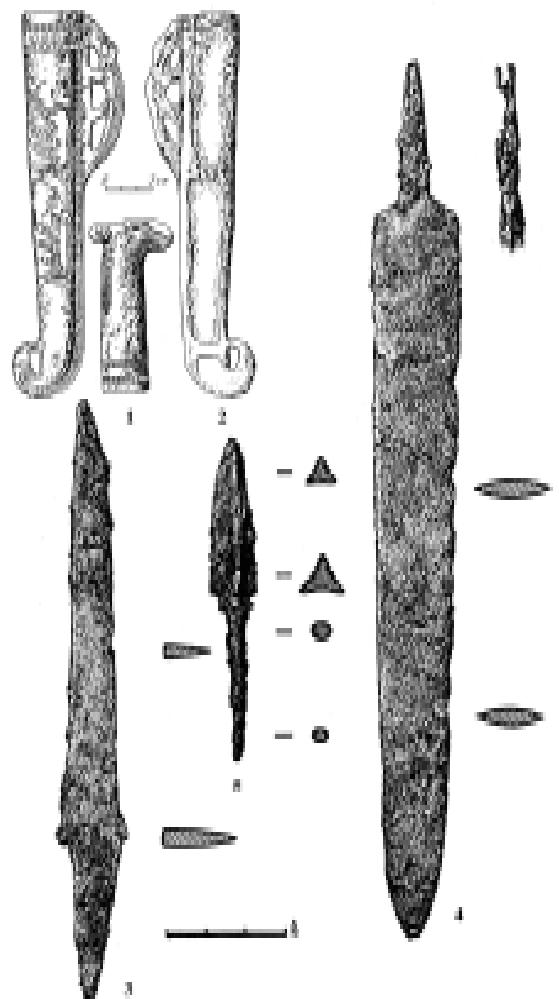

Рис. 16. Батырский культовый комплекс.

1 – навершие кинжала, 2 – ножны, 3 – нож, 4 – наконечник стрелы, 5 – кинжал. 1,2 – бронза, 3-5 – железо.

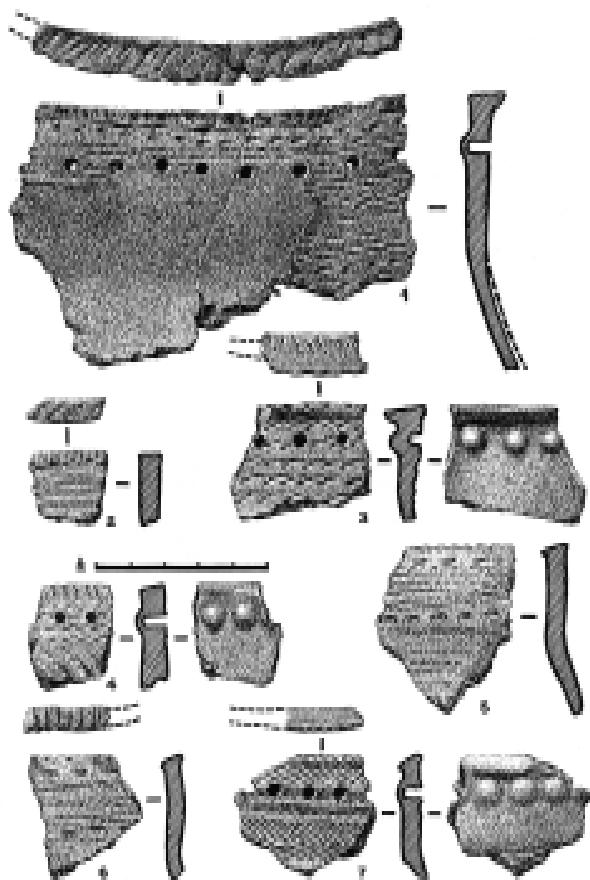

Рис. 15. Керамика батырского типа эпохи средневековья.

5. Приятной, но предполагаемой неожиданностью, и это, наверное, самое главное, была фиксация в наших раскопах более 10 объектов, составляющих структурную основу холма (рис. 4). Они реконструируются как сооружения размерами около 2x2 м и более (большие вскрыты пока не полностью, их размеры около 5x5 м), которые представляли собой огороженное четырьмя канавками прямоугольное пространство. В канавах фиксируются сгоревшие жерди - возможно, остатки стен (рис. 17, 18). Видимо, сооружения имели и верхние деревянные перекрытия, реконструируемые по значительной углисто-прокаленной прослойке, перекрывающей основание некоторых сооружений (рис. 17, 1). Мы склонны рассматривать их как культовые объекты. Может быть, это были деревянные домики, принципиально схожие с так называемыми «сумъяхами», «жертвенными амбарчиками» или «жилищами для духов», «куала большая и малая», которые фиксируются этнографами на святилищах манси, ханты, удмуртов (рис. 20). То есть, на наш взгляд, мы имеем дело с традицией, сохранившейся на этнографически фиксируемых святилищах, восходящей, по крайней мере, к эпохе неолита. Хотя конструктивные особенности этих культовых сооружений могли во времени и меняться. Иногда внутри таких

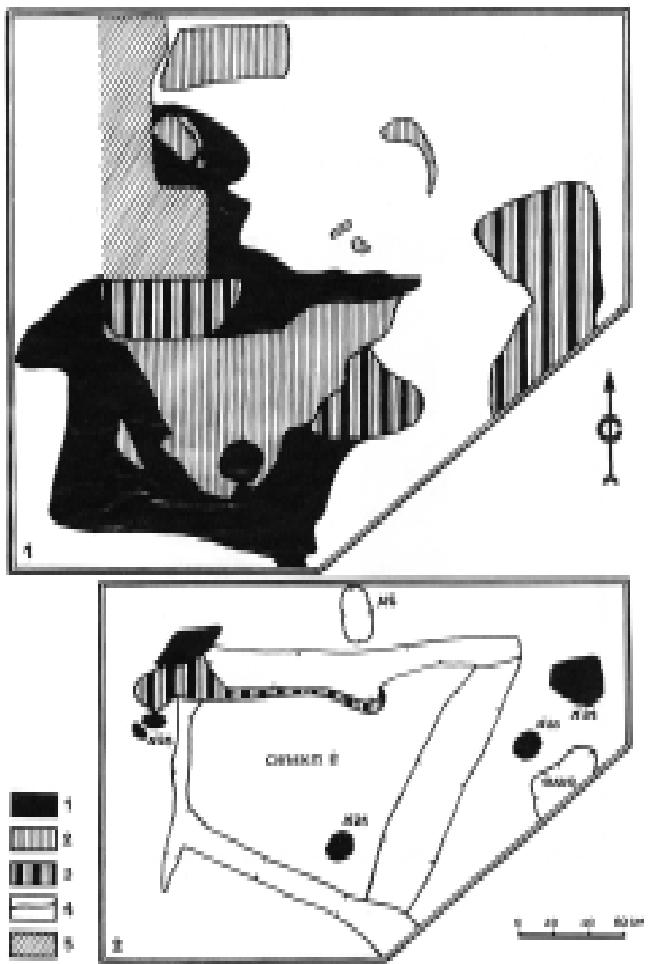

Рис. 17. Объект 8 Кокшаровского холма.

План. 1 – глубина 230- 240 см от условного «0», 2 – глубина 250-260 см от условного «0». 1 – углистый слой и углистые прослойки, 2 – прокалы и прокаленные прослойки, 3 – углисто-прокаленные прослойки, 4 – границы раскопов А.И. Россадович, 5 – раскопы А.И. Россадович.

построек или рядом с ними на холме отмечены также деревянные подпрямоугольные конструкции меньших размеров: 0,55x0,35; 0,8x0,55 м (рис.18, 4,6), перевернутые сверху не только деревянными жердями или плахами, но и какими-то волокнистыми органическими материалами (типа циновок из осоки, камыша и т.д.). В некоторых (чаще вне объекта, но рядом с ним) объектах (3,5,7,12,13) найдены один - два перевернутых вверх дном сосуда, причем в объектах 3,7 сосуды были кокшаровско-юрынскими, в объектах 5,12 (по два) - кошкинского, а рядом с объектом 13 - басьняновского типов. Помимо этого, в объекте 5 найдена также большая шлифовальная плита.

Фиксация рвов, отделявших сакральное пространство холма от территории Юрынского поселения, упомянутых выше объектов, которые, скорее всего, после совершения в них каких-то действий преднамеренно сжигались (отсюда отмеченная еще А.И. Россадович и В.Ф. Старковым и подтвержденная нашими раскопками большая насыщенность культурных слоев холма углистыми прослойками и прокалами), перевернутых вверх дном сосудов рядом или внутри этих объектов, а также наличие на холме сосудов с зооморфными и (или) орнитоморфными наплесками (они присущи в

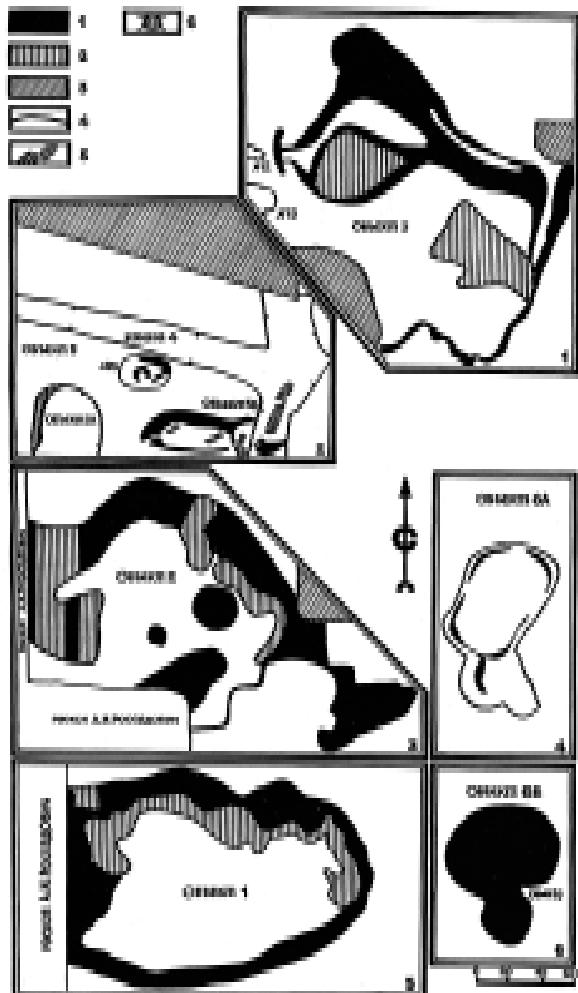

Рис. 18. Объекты Кокшаровского холма. Планы.
1 – углистый слой и углистые прослойки; 2 – прокалы и прокаленные прослойки; 3 – углисто-прокаленные прослойки;
4 – границы раскопов А.И. Россадович; 5 – раскопы А.И. Россадович; 6 – сосуд.

основном керамике кокшаровско-юрынского, в единичных случаях кошкинского и полуденского типов) (рис. 6, 6; 9, 3), «утюжков», часто преднамеренно сломанных, трех странных сферических глиняных предметов, два из которых орнаментированы, причем один из них украшен композицией, повторяющей орнаментальную схему сосудов кокшаровско-юрынского типа (рис. 19, 1), сверленой орнаментированной булавы в виде стилизованной головы животного (рис. 21), предположительно медведя или бобра (находка предшествующих лет), обломка глиняной головки уточки (рис. 19, 6), сланцевого шлифовального ножа серповидной формы, оформленного в виде головки птицы, скорее всего, тоже уточки (рис. 19, 7), определенная специфика кремневого и каменного инвентаря, в частности, большое количество обломков шлифованных орудий и абразивных плит при немногочисленности целых экземпляров, находки небрежно обработанных орудий, изготовленных из некачественно сырья, в том числе и наконечников стрел, среди которых есть явно вотовивные (Кузьмина, 2002; Алексашенко, 2004), и ряд других наблюдений позволяют нам склониться к версии о культовом характере Кокшаровского холма. Он являлся святилищем. Но, обслуживало ли это святыни

лице население только Юрьянского и ближайших неолитических поселений, либо это был культовый комплекс населения более широкого региона (межплеменное святилище), пока сказать трудно. Но уже сам характер материалов Юрьянского поселения, поселения явно гетерогенной (многородовой) общины (здесь отмечена та же керамика кошкинского, полуденского, кокшаровско-юрьянского, басьяновского и полуденского типов), свидетельствует о том, что в этой точке пространства почему-то пересеклись судьбы групп населения всех известных в лесной и степной зоне Зауралья неолитических культурных традиций, как местных, так и привнесенных с более южных территорий. Возможно, что именно такое активное взаимодействие на берегах Юрьянского озера групп населения, различных по культурно-генетическому этническому происхождению, и явилось причиной возникновения в интервале V-IV тыс. до н.э. (по традиционной хронологии зауральского неолита) столь необычного памятника, каковым является святилище Кокшаровский холм. Возможно, это искусственное насыпное сооружение в равнинной части лесного Зауралья отражало *культ горы*, известный у многих древних и традиционных обществ. Она выступала связующей осью горизонтально-вертикальной картины мира.

6. На неолитических материалах Кокшаровского холма были выделены два новых типа керамики: *кокшаровско-юрьянский* и *басьяновский* (Шорин, 2000).

Посуда кокшаровско-юрьянского типа (рис.5, 1-3) имеет округлое или приостренное, крайне редко уплощенное дно. Обычны сосуды как открытой, так и (более крупные по размерам) слегка закрытой формы без выраженной шейки. И только у единичных сосудов шейка слегка намечена. Характерными являются плоские и уплощенные срезы венчиков, но встречаются округлые и приостренные. Обязателен небольшой наплыв с внутренней стороны в верхней части горловины, формы его различны: треугольная, овальная. Наплывы обычно сглажены, но есть сосуды с наплывом, который довольно резко переходит в утонченную стенку. Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность сосуда, включая дно, а нередко и срез горловины. С внутренней стороны горловины орнамент наносился крайне редко (обычно в виде горизонтального зигзага). Характерной является горизонтальная зональность узоров на сосуде. Но внутри широких горизонтальных зон (они обычно отделяются друг от друга разделительными поясками наколов овальной или треугольной форм) отмечено стремление к разбивке узора на вертикальные подзоны за счет наклонных рядов наколов. Типичными орнаментальными мотивами в верхней части горловины, в бордюрной зоне, являются несколько или один горизонтальный ряд наколов той же овальной или треугольной формы. На тулове обычны фигуры в виде взаимопроникающих треугольников, а иногда и параллелограммов. Эти композиции придают сосудам нарядный облик. Причем заполнение взаимопроникающих зон выполнено чаще не прямыми, а волнистыми наклонными линиями, направление которых в соседних фигурах различно. Изредка в верхней части сосудов присутствуют сформированные валики и воротнички.

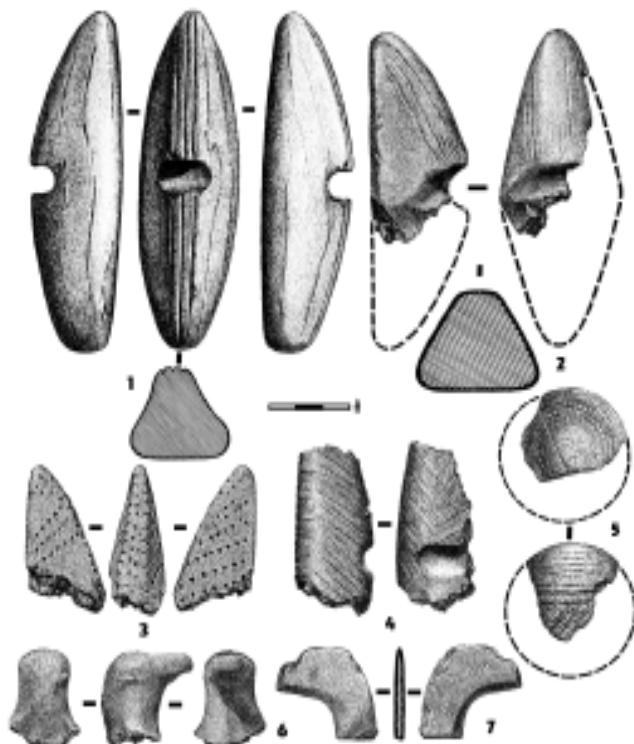

Рис. 19. Культовые вещи.
1 – предмет сферической формы с орнаментом;
2-5 – «утюжки»; 6 – головка уточки; 7 – обушковая часть ножа, оформленная в виде головки птицы.
1-6 – глина, 7 – сланец.

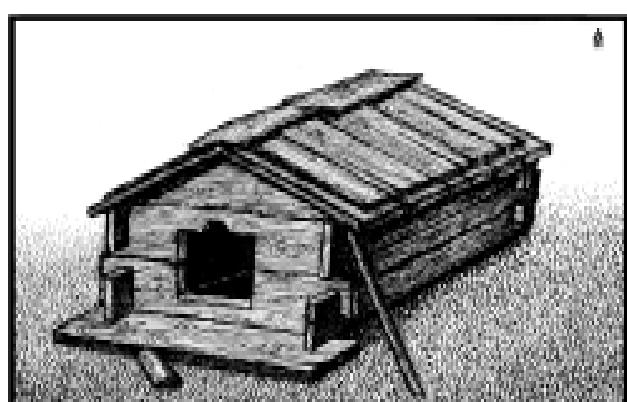

Рис. 20. Культовые постройки угров.
1 – сумъях манси, 2 – жертвенный амбарчик ханты.

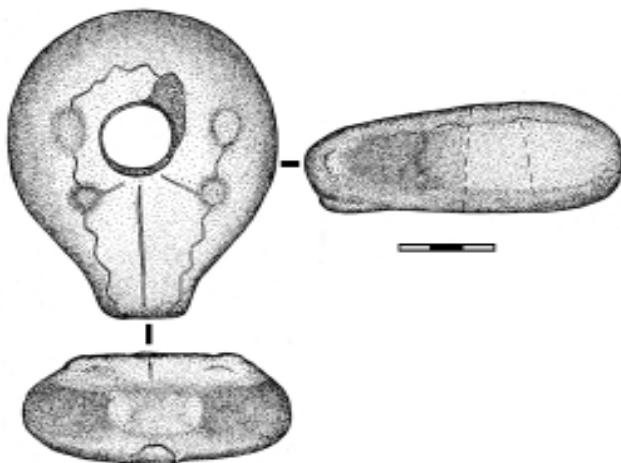

Рис. 21. Сверленая каменная булава.

Крайне редко, но встречаются в верхней части и слабо углубленные широкие желобки, заполненные обычно наколами. Основной узор на днищах сосудов - круг с вписанным прямым крестом. Сектора этого круга заполнены отрезками, нанесенными в смежных секторах обычно под углом в 90°.

В приемах орнаментации господствует линейно-или отступающе-накольчатая техника в сочетании с наколами, иногда прочерчиванием. Причем накольчатое отступление выполнено не только палочкой, но реже и двузубым штампом (либо расцепленной палочкой). И только приблизительно на 15% сосудов отступающе-накольчатая техника сочетается с печатно-гребенчатой: крупный, реже мелкий гребенчатый штамп, в единичных случаях - шагающая гребенка. Гребенчатый штамп обычно использовался для нанесения разделятельных поясков. Употребление его для заполнения широких основных зон или подzon отмечено в единичных случаях.

Более чем на 30 фрагментах, а учитывая находки в раскопках А.И. Россадович, более чем на 50, отмечены зооморфные налепы (рис. 6, 1-5, 7; 7 – 8; 9, 1, 2, 4). Они расположены у среза горловины как с внешней, так и с внутренней стороны. Форма их, как правило, конусовидная. Этот конусовидный выступ подчеркнут по обоим бокам и обычно снизу глубокими наколами, нанесенными специально или вписаными в орнамент, выполненный округлыми наколами (то есть эти глубокие наколы являются частью орнамента). Зрительно эта фигура воспринимается как изображение какого-то животного или птицы, у которого нос выражен налепом, глаза - глубокими наколами по бокам налепа, рот - глубоким наколом под налепом. Иногда изображение дополнено зарубкой или несколькими нарезками, нанесенными на срезе горловины над налепом (рис. 7, 4; 8, 1, 4, 6). Они передают как бы ушки зооморфного изображения. Восприятие ушек происходит обычно также за счет того, что срез горловины у сосудов с зооморфными налепами, как правило, волнистый. На месте налепа он или повышен, либо, наоборот, налеп находится в нижней части волнистого среза горловины между двумя бугорками (рис. 9, 2). В глиняном тесте многих сосудов

с зооморфными налепами даже визуально фиксируется примесь охры, иногда обильная. В одной из работ была предложена трактовка этих налепов как изображения головы совы (Шорин, 1999). Но новые находки таких фрагментов керамики позволяют предполагать, что этими налепами передавались и другие зоо- и орнитоморфные изображения, том числе в единичных случаях летящей птицы с распластанными крыльями (рис. 6, 5, 6). То есть материалы холма отражают вариабельный спектр тотемных символов его создателей.

Кокшаровско-юрьянинский тип керамики имеет прямые аналогии с некоторыми материалами в известных уже в литературе комплексах козловского типа, прежде всего со стоянки Козлов Мыс I на Андреевском озере близ Тюмени. Именно на основании этого памятника козловская фаза неолита была выделена В.Н. Чернецовым (1968). Но опубликован этот материал фрагментарно, на памятнике найдены и другие типы керамики: полуденский, шапкульский (Юровская, 1975), поэтому четкого представления о козловском типе керамики в литературе не сложилось. (С шапкульским комплексом, скорее всего, связаны и кель-теминарские наконечники стрел, которые В.Н.Чернцов отнес к козловской фазе).

Само же понятие «козловский тип керамики» (козловская фаза уральского неолита, козловская группа) позднее было необоснованно расширено В.Т.Ковалевой включением сюда и керамических комплексов ряда других памятников (Евстюниха I, Сумпанья IV), близких хронологически, но не идентичных козловским (Ковалева, 1989. С. 17-26]. Комплексы выделяемого типа керамики с Кокшаровского холма и Юрьянского поселения более представительны, однородны, изучены сейчас лучше, содержат целые и реконструированные сосуды и сосуды с зооморфными налепами. То есть они полнее характеризуют этот тип посуды. Поэтому считаем целесообразным отказаться от понятия «козловский тип керамики», а одну из групп включенной ранее в него керамики (козловскую в понимании В.Н. Чернцова) обозначить как **кокшаровско-юрьянинскую**.

Басьяновский тип (рис. 5, 4; 11) представлен округло- и плоскодонными сосудами (дно у последних имеет закраину) как с ярко выраженной шейкой, так и баночной формы. Сосуды с шейкой разных вариаций: прямая высокая шейка, через резкий отгиб переходящая в тулово (ведущая форма); прямая шейка с плавным переходом в тулово; прямая шейка, но со слабым внешним наплытом на месте перехода в тулово. С внутренней стороны сосуды, как правило, имеют низко опущенный подтреугольный валик или уступ на месте отгиба шейки в тулово. Редок подтреугольный наплыv с внутренней стороны в самом верху шейки. На немногих только сосудах резкого перегиба или наплыva при переходе шейки в тулово с внутренней стороны нет. Венчики сосудов плоские или округло-уплощенные, на маленьких по размерам сосудах чаще округло-приостренные; некоторые из них имеют орнамент в виде вертикальных насечек или овальных наколов. Редко встречается орнамент с внутренней стороны в виде вертикальных насечек по верхнему

краю горловины или горизонтального зигзага, образующего двойные линии за счет нанесения его методом прочерчивания двузубой палочкой. Внешняя поверхность сосудов чаще орнаментирована только в верхней половине и у дна. Узоры наносились по принципу горизонтальной зональности (редко со стремлением выделить вертикальные подзоны) способом прочерчивания широкой гладкой или двузубой палочкой, образующей оттиск в виде двойной линии (такой прием известен и при орнаментации кокшаровско-юрынского посуды), или теми же инструментами по принципу периодического нажима на поверхность (отступающе-накольчатая керамика). Причем эти приемы часто сочетались при орнаментации одного и того же сосуда при нанесении разных элементов орнамента. На одном же из фрагментов по верху сосуда с внутренней и внешней его сторон вертикальные отрезки нанесены тонкозубым гребенчатым штампом либо же палочкой, расщепленной на конце на три или даже четыре части. Композиционно узоры достаточно просты и представляют обычно чередование горизонтальных зигзагов и прямых линий. На ряде сосудов в дополнение к этим композициям по краю горловины с внешней стороны нанесены вертикальные насечки. Плотная зональность узора, обычно без оставления неорнаментированного пространства, создает впечатление насыщенности и нарядности орнаментальной схемы сосудов. Нарядный облик некоторых сосудов усиливается и манера нанесения спаренных горизонтальных зигзагов таким образом, что создается впечатление присутствия в орнаментальной композиции сосудов фигур в виде цепочки горизонтальных ромбов.

Басьяновский тип керамики, безусловно, имеет существенные параллели в посуде боборыкинской культуры (Шорин, 1999а), но в то же время отличен от нее прежде всего строгой выдержанностью орнаментальных канонов. Он менее вариабелен и более однороден, даже на достаточно удаленных в пределах горно-лесного Зауралья памятниках. Помимо Кокшаровского холма и других памятников Юрынского озера, керамика басьяновского типа отмечена в культурных слоях II Береговой стоянки Горбуновского торфяника (Рыжкова, 2004. С. 59. Рис. IБ-10,11), стоянках Калмацкий Брод (Каталог ..., 2003. Рис. 8), Шайтанское озеро I (Сериков, 2004. С. 103), Полуденка I (Арефьев, 1986. Рис. 3, 1-22) и ряде других. Поэтому его следует выделять в качестве самостоятельного типа, хотя не исключено, что он был одной из основ (наряду с другими) формирования посуды самой боборыкинской культуры.

7. Каменный инвентарь Кокшаровского холма (рис. 22) анализировать трудно в силу двух обстоятельств. Во-первых, здесь представлены не только разнообразные неолитические, но и энеолитические комплексы. Во-вторых, значительная его часть могла попасть на холм вместе с насыпаемой землей, бравшейся с Юрынского поселения. Поэтому установить, какие каменные изделия были задействованы в культовых ритуалах, а какие попали сюда «случайно», крайне сложно. Нужны дополнительные исследования планиграфии и стратиграфии распределения артефактов из камня как на холме, так и на поселении. Но

обращает на себя внимание разнообразие каменного сырья, которым пользовалось население, оставившее комплекс памятников «Кокшаровский холм - Юрынское поселение», использование примерно в равной степени как пластинчатой, в том числе микропластинчатой, так и отщеповой заготовки, широкий ассортимент изделий из камня, значительное количество абразивных камней и т.д. (Кузьмина, 2002; Алексашенко, 2004; Вилисов, 2006).

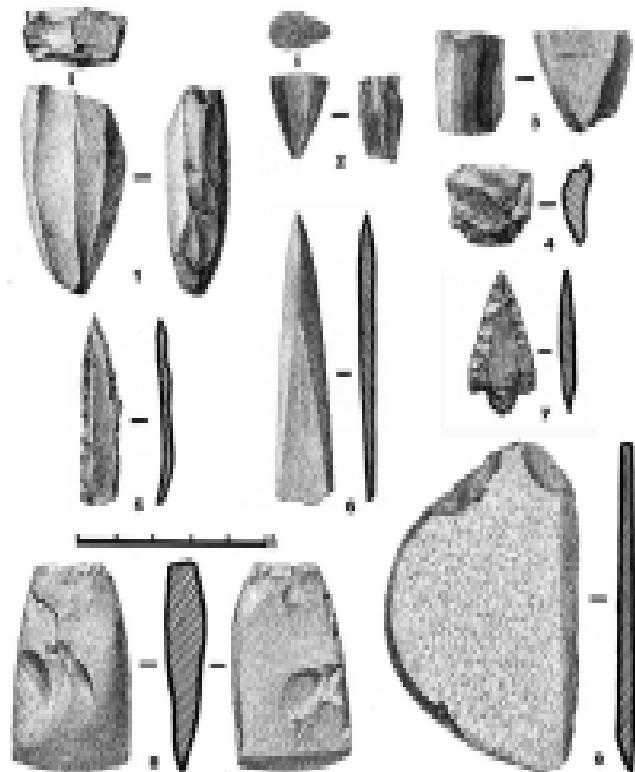

Рис. 22. Каменный инвентарь.
1-3 – нуклеусы, 4 – скребок, 5 – острье, 6 – шлифованный наконечник стрелы, 7 – наконечник стрелы, 8 – шлифованное тесло, 9 – шлифованный нож.

В заключение следует отметить, что работами 1995, 1997, 1998 гг. закончено исследование той части холма, где в раскопах А.И. Россадович были оставлены нетронутые квадраты и неразобранные бровки. С 1999 г. мы приступили к раскопкам северной и восточной нетронутой части холма, и нас сразу же ждали приятные сюрпризы. Если раньше все культовые объекты встречались только в нижнем (на границе с материком) слое холма, то в раскопе 1999 г. объекты 12,13 фиксировались уже в основании верхнего слоя 2 (рис. 4). Стало очевидным, что периодические подсыпки холма происходили по мере «использования» предыдущих культовых объектов, их «разрушения» (путем преднамеренного сожжения?), возведения на их месте новых земляных площадок (отсюда рост насыпи холма) и сооружения новых объектов. Причем при сооружении таких объектов нередко осуществлялась преднамеренная подсыпка их основания и перекрытия чередующимися прослойками материкового песка и углистого слоя. Находки же в некоторых объектах или рядом с ними перевернутых вверх дном развалов сосудов кокшаровско-юрынин-

кого (объекты 3,7) кошкинского (объекты 5, 12) и боборыкинского (объект 13) типов дают основания предполагать, что возведение холма путем нескольких подсыпок происходило в то время, когда холм использовался в качестве святилища кошкинским, кокшаровско-юрьевинским и басьяновским населением. Исследование же раскопами 2005, 2006 гг. двух рвов вдоль северной окружности холма и находки, особенно в заполнении позднего рва, крупных фрагментов керамики от сосудов кокшаровско-юрьевинского и полуденского типов в одних и тех же скоплениях (не исключено, что природа образования этих скоплений связана с процессом чистки площадки святилища от вышедших из употребления культовых вещей, в том числе и перевернутых вверх дном сосудов, перед отправлением новых ритуалов в очередные праздники календарного цикла либо же преднамеренной постановкой этих сосудов в качестве ритуальных на край рва или в ров) свидетельствуют и об участии полуденского населения в культовой практике и сооружении холма, во всяком случае на позднем этапе его функционирования, хотя культовые объекты на самой насыпной площадке святилища, которые бы сопровождались сосудами полуденского типа, пока не найдены.

Список литературы

- Алексашенко Н.А. Камень со святилища // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Арефьев В.А. Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
- Вилисов Е.В. Микропластичный комплекс святилища Кокшаровский холм // Уральский исторический вестник. № 14. Екатеринбург, 2006.
- Дело Архивной комиссии. 9/8 № 61, д. 139, п. 123.
- Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки. Свердловского областного краеведческого музея. Т.1. Екатеринбург, 1996.
- Известия Императорского Русского Географического Общества. 1881. Т. 17, вып. 5.
- Источники по этнографии Сибири. Томск, 1987.
- Каталог археологических коллекций Верхнепышминского исторического музея. Екатеринбург, 2003.
- Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
- Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // ВАУ. 1993. Вып. 21.
- Кузьмина А.С. Может ли каменный инвентарь Кокшаровского холма быть носителем культовой информации? // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002.
- Малахов М.В. О доисторических эпохах на Урале / Реферат последнего его сообщения на общем собрании 8 сентября 1884 г. // ЗУОПЕ. 1887. Т. 11, вып. 1.
- Мошинская В.И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угрев. М., 1972.
- Россадович А.И. Отчет о разведке в 1955 г. на территории левого берега нижнего течения р. Тагила и берега Юрьевинского озера. Архив ИА РАН. 1955. Р.1. № 1195.
- Россадович А.И. Отчет об археологических раскопках Кокшаровского поселения 1957. Архив ИА РАН, 1957. Р. I. № 1689.
- Россадович А.И. Отчет о раскопках Юрьевинского селища, Кокшаровского холма и разведке на берегах Юрьевинского, Моршининского и Басьяновского озер. 1960 г. / Архив ИА РАН, 1960. Р. I. № 4223.
- Россадович А.И., Щеткина Н.А., Дамаскина Т.Н. Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале // СА. 1968. № 4.
- Рыжкова О.В. Стоянка Береговая II Горбуновского торфяника // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
- Рябов И.М. Несколько слов о древностях, находящихся Верхотурского уезда в округе Нижнетагильских заводов // Пермские губернские ведомости. 1855. № 28.
- Сериков Ю.Б. Кокшаровский торфяник // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
- Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2004.
- Старков В.Ф. О так называемых «богатых бурах» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. Серия историческая. 1969. № 5.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит Среднего Зауралья. М., 1980.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. нашей эры // МИА. № 58.1957.
- Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ. Вып. 13. 1975.
- Шорин А.Ф. О «чудских бурах» Среднего Зауралья: стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // Урал в прошлом и настоящем / Материалы научной конф. Ч. 1. Екатеринбург, 1998.
- Шорин А.Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налепами Кокшаровского холма // III Берсовские чтения. К 95-летию А.А.Берса и 90-летию Е.М.Берс: Материалы научно-практической конф. Екатеринбург, 1999.
- Шорин А.Ф. О новом типе неолитической керамики в материалах Кокшаровского холма // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Материалы конференции. Ч.2. Екатеринбург, 1999а.
- Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. 2000. № 3.
- Шорин А.Ф. Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.

Ю.Б. СЕРИКОВ

**Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия,
Нижний Тагил, Россия**

СКАЛЬНЫЕ КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ШАЙТАНСКОГО ОЗЕРА

Шайтанское озеро расположено в 4 км к востоку от пос. Нейво-Рудянка Кировградского района Свердловской области. Озеро окружено невысокими горами, на которых присутствуют выходы гранитных скал. Берега озера заболочены, свободный подход к воде сохранился только у скалистых, выступающих в озеро мысов. С юга в него впадают две небольшие речки, а с севера вытекает р. Исток, которая через километр слиивается с р. Нейвой. Западный и восточный берега Шайтанского озера не смыкаются. Западный берег озера является берегом громадного острова площадью около 20 кв. км, с запада и севера которого по заторфованной долине протекает р. Нейва. Южный берег острова упирается в торфяное болото Светлое, а на востоке его омывает Шайтанское озеро. В трех местах скалистыми полуостровами западный берег выходит к воде. Восточный берег также является берегом большого острова среди болот. И также к воде выходят три скалистых полуострова. Средний и

южный полуострова с восточной стороны окружены болотами. Отсюда можно предполагать, что в древности они являлись островами. Оба полуострова сильно вдаются в озеро, из-за чего оно приобрело чечевицеобразную форму. В северном болоте находится остров диаметром около 500 м, южная оконечность которого примыкает к озеру и является северным его берегом. На нем находятся две сложенные гранитными валунами возвышенности. Шайтанское озеро вытянуто в меридиональном направлении на 2,4 км, его максимальная ширина – около 1 км. Дно у западного берега понижается постепенно. Озеро не очень глубокое, его глубина не превышает 4 м. Берега озера сильно заросли лесом, на суходолах растет сосна, заболоченные низинные участки поросли березняком. Озеро имеет семь четко выраженных мысов, с которых имеется доступ к открытой воде. Выступающие мысы чередуются с заболоченными низинами, где берега заторфованы.

На всех семи мысах обнаружены археологические памятники. Самый крупный и интересный памятник выявлен и исследован на северном мысу западного берега – Шатаское озеро I. На нем найдено размытое, но богатое энеолитическое погребение шамана. С него происходит уникальный комплекс культовых находок, в том числе и крупнейшая на территории Среднего Зауралья коллекция произведений искусства. По материалам его раскопок выделен новый тип культовых памятников – культовый озерный центр (Сериков, 1998; 1999; 2002; 2004; 2004а; Викторова, 2004). Следует отметить, что из семи мысов именно с того, на котором располагается культовый центр, видны все остальные шесть и именно этот мыс виден со всех остальных мысов. Это особенность в совокупности с другими аспектами (восход солнца, расположение Венеры) позволяет предполагать о неслучайном выборе места для культового центра именно на этом мысу.

Эти же обстоятельства заставили автора обратиться к анализу топонима «Шайтан» и его возможной связи с древними культовыми памятниками Урала.

«Шайтан» – слово тюркского происхождения, обозначает «злой дух, черт, дьявол». В этом же значении употребляется в арабском языке. Путешественники XVIII в., такие как П.С. Паллас, Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги, отмечали наличие на Урале и в Сибири большого числа гор, уроцищ, озер, рек с названиями Шайтан, Шайтанка, Шайтанская. Эти топонимы они связывали с местами идолопоклонничества местных вогул. Данное мнение разделял и М.В. Малахов, который считал, что название «Шайтан» ведет свое начало от древних обитателей Урала. Причем он допускал, что топографические объекты получали название «Шайтан» потому, что в давние времена на их территории находились древние капища, т.е. святилища (Малахов, 1908. С. 13).

Анализ исследованных к настоящему времени памятников, связанных с топонимом «Шайтан» показал, что все Шайтанские пещеры являлись святилищами, уже начиная с мезолита: Шайтанская (Костлявая) пещера на р. Ивдель, Шайтанская (Лобвинская) пещера на р. Лобва, Шайтанская пещера на р. Чусо-

вая, Ушминская (Шайтан-яма) пещера на р. Лозьва, пещера на Шайтан-камне на р. Реж. Грандиозный культовый памятник, Шайтанская писаница на р. Реж, расположен на Шайтан-камне. Древние святилища найдены также на г. Шайтан у Нижней Туры, у с. Лаптева на мысу в месте впадения р. Шайтанки в р. Туру, у с. Шайтанского известна находка медного идола (Сериков, 1999а. С. 81-84).

Первые годы изучения такого грандиозного памятника как культовый озерный центр забирало все время и внимание исследователей. Только спустя 7 лет удалось расширить территорию и направление поисков. В результате были выявлены не такие яркие, но очень интересные памятники, расположенные на каменистых шиханах, сложенных гранитными валунами.

Первый из них обнаружили на северном острове. Попасть на остров можно только на лодке или по трудно проходимой тропе через болото. Напомню, что на острове зафиксировано два гранитных шихана. На южном шихане, примыкающем к берегу озера, в 2003 г. выявлено древнее святилище, названное Шайтанский Шихан. Этот шихан из гранитных валунов расположен у кромки северного берега озера, в настоящее время заболоченного. Периметр шихана - 90-95 м, диаметр – около 30 м, а высота – 11 м. Гранитные валуны, слагающие шихан, имеют длину от 1 до 4,5 м. В верхней части шихана находится ровная плита размером 3,7 × 1,3 × 1,1 м. Ориентирована она в направлении запад–восток, т.е. параллельно берегу озера. На восточной части плиты присутствуют восемь проточенных канавок длиной от 25 до 35 см, которые идут к двум вышлифованным углублениям диаметром до 0,6 м, расположенным в центральной и западной частях плиты. Вполне вероятно, что данная плита служила жертвенником (рис. 1). Восточнее плиты между самыми крупными на шихане гранитными валунами находится свободное от камней углубление в виде своеобразного колодца глубиной около 1,5 м, в котором было найдено немало находок. Еще одна интересная деталь на святилище – это небольшой гранитный грот, в настоящее время обрушившийся.

Рис. 1. Святилище Шайтанский Шихан. Плита-жертвенник. Вид с северо-востока.

В восточной части шихана над его краем нависал гранитный блок длиной 3,5 м. Под ним находилась ниша глубиной до 1,5 м. В древности она использовалась для жертвоприношений. Впоследствии блок по неизвестной причине обломился (а может быть,

был обрушен намеренно) и практически полностью перекрыл нишу.

Всего на святилище найдено свыше тысячи находок (1275 экз.), которые представляют все археологические эпохи от мезолита до раннего железного века.

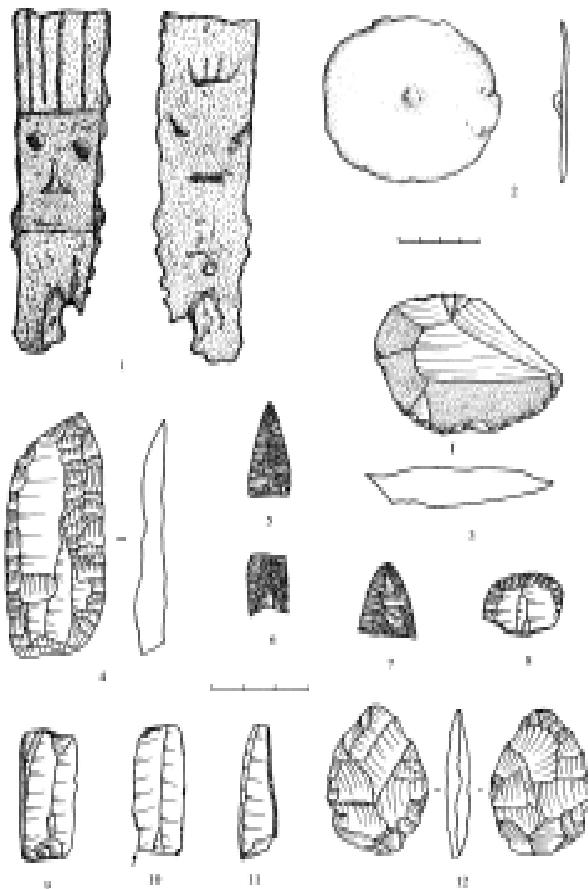

Рис. 2. Комплекс находок со святилищем Шайтанского озера.
1-11 – Шайтанский Шихан; 12 – Южное святилище.
1, 2 – медные изделия; 3-12 – каменные изделия.

Сразу нужно отметить, что на святилище обнаружено изделие, которое можно отнести к раннему палеолиту. Оно представляет собой патинированная скребло на отщепе. Размеры изделия – 6 × 4,2 × 1,3 см. Со стороны спинки у него присутствует плиточная корка. Негативы сколов и скребковая ретушь покрыты тонким слоем патины (рис. 2, 3). Изготовлено скребло из серо-зеленоватого окремнелого туфа. Появление ранних (античарных) находок на святилищах связано с тем, что для местного населения древние изделия обладали особым сакральным статусом и именно поэтому широко использовались в культовой практике как в древности, так и в этнографической современности. Имеются неоднократные свидетельства этнографов о включении археологических находок в число ритуальных атрибутов манси и других сибирских народностей. По их мнению, чем более древней являлась вещь, тем большей сакральной силой она обладала (Гемуев, Сагалаев, 1986. С.13-16, 109, 162, 175).

К мезолиту относится всего семь находок: нуклеус, поперечный скол с нуклеуса и пять микропласти-

нок. Нуклеус имеет высоту 2 см, изготовлен из светло-серой яшмы. Неолитический комплекс состоит из пряслица и 19 мелких фрагментов керамики от двух сосудов с прочерченным орнаментом (рис. 3, 2).

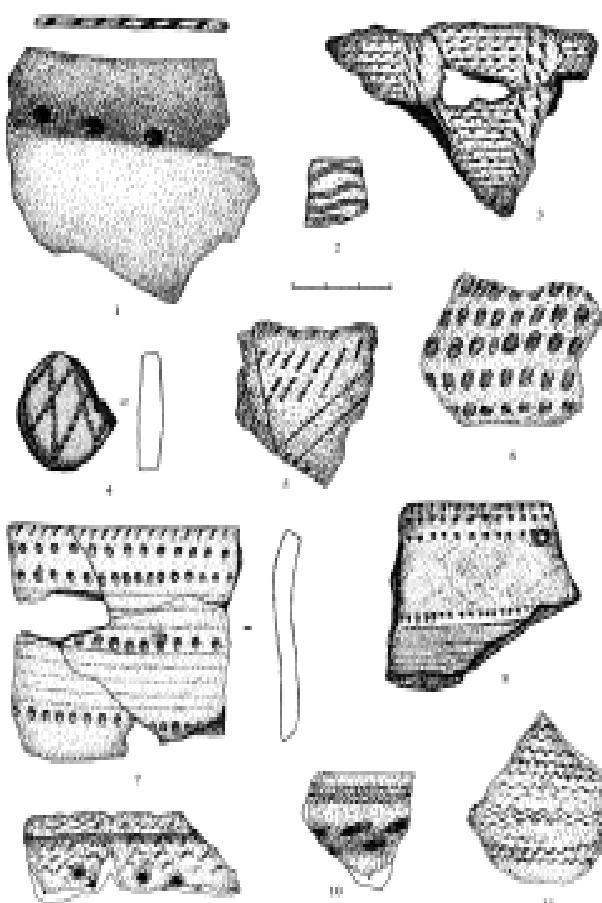

Рис. 3. Керамический комплекс святилища Шайтанский Шихан.

Более представителен энеолитический комплекс. На шихане присутствует керамика трех культурных типов: аятского (8 экз.), липчинского (8 экз.) и шувакишского (17 экз.). Керамика аятского типа представлена обломками пяти сосудов, украшена гребенчатым орнаментом (рис. 3, 5). Из фрагмента керамики, украшенного геометрическими фигурами в виде ромбов, выточена нашивка овальной формы (3,6 Ч 3 см) (рис. 3, 4). К аятским древностям следует отнести и два керамических скребка, на которых сохранился гребенчатый орнамент. Липчинская керамика происходит от одного сосуда, орнаментирована «ложным шнуром» (рис. 3, 3). Вся шувакишская керамика представлена в основном мелкими, сильно дроблеными фрагментами от двух сосудов (1 + 16 фрагментов). Украшена она гребенчатым орнаментом в виде коротких «гусениц» (рис. 3, 6).

С эпохой энеолита можно связать и некоторые каменные изделия. Это нуклевидный кусок из мелового кремня, поперечный скол с нуклеуса, пять пластин (рис. 2, 10-11), четыре скребка (рис. 2, 8), наконечник дротика (рис. 2, 4), три сломанных наконечника стрел (рис. 2, 5-7), три обломка шлифованных рубящих орудий, стамеска (рис. 2, 9), рыболовное грузило и изделие из талька.

Бронзовый век на святилище представлен керамикой коптяковского типа от трех сосудов (10 фрагментов). Фрагменты от одного сосуда склеились в крупный кусок (рис. 3, 7). Все сосуды слабо профирированы. Кроме того, в коллекции имеется керамика ранней бронзы от двух сосудов (21 фрагмент) (рис. 3, 8). Их культурная принадлежность пока неясна.

Больше всего находок на святилище связано с ранним железным веком. Он представлен керамикой гамаюнского (67 экз.), иткульского (40 экз.) и саргатского (?) (10 экз.) типов. Сосуды гамаюнского типа (4 сосуда) сильно профирированы, по горлу идут наколы (иногда сдвоенные) (рис. 2, 9, 10). Верхняя часть сосудов украшена прокатанным орнаментом в виде островерхой волны (рис. 3, 11). В северо-восточной части святилища (ближе к подошве шихана) найден неполный развал гамаюнского сосуда, состоящий из 45 фрагментов. Керамика саргатского (?) типа (два сосуда) орнаментирована разными сочетаниями нарезок. Иткульские сосуды (11 сосудов) сильно профирированы, с наколами по горлу. Плечико и верхняя часть сосудов украшены гребенчатым орнаментом. В комплексе присутствуют обломки миниатюрного сосуда без орнамента. Также комплекс святилища включает 42 фрагмента с плохо различимым орнаментом и 525 фрагментов без орнамента.

С ранним железным веком можно связать и еще ряд находок. Прежде всего это семь фрагментов от тиглей. От одного тигля происходит пять небольших обломков. Второй тигель представлен двумя крупными кусками, которые позволяют реконструировать его форму и размеры. Он имел овальную форму с плавильной камерой $7,5 \times 5$ см. Ее глубина не превышала 1,1 см. Внутри тигля присутствуют капли и натеки меди. Оба тигля выплеснены небрежно, в их тесте присутствует значительная примесь мелкозернистого песка. Из каменных изделий к раннему железному веку можно отнести три заготовки орудий, три рубящие орудия, семь рыболовных грузил и некоторые другие предметы.

Самыми интересными находками этого периода являются медные изделия: идол и бляха. Бляха стояла на ребре между камнями в северной части святилища. Она имеет гладкую лицевую поверхность. На обратной стороне присутствует петля для крепления к одежде. Диаметр бляхи - 8,5 см, толщина - 2 мм (рис. 2, 2). В древности она имела красный или золотистый цвет и являлась солярным знаком. Подобные бляхи, как показывают раскопки погребений, начиная с эпохи поздней бронзы, являлись центральным нагрудным украшением костюма, в том числе и шаманского.

Медный идол найден на южном склоне шихана (в средней его части), обращенном к озеру. Он лежал на боковом ребре лицом вниз, к скале. Длина идола - 12,7 см, ширина в средней части - 3,3 см. Он имеет столбообразную, слегка суживающую книзу форму, сильно выпуклые глаза в виде выступающих шишечек, нос показан короткими, соединенными валиками в виде перевернутой буквы «Т», за рот можно принять узкую полоску под носом. Возможно, рта не было вообще, а эта узкая полоска появилась при усадке оставающего металла. Изображение разделено на три

части двумя выпуклыми поясами. Причем нижняя часть отделяется от лица поясом с раздаивающимися концами. От верхнего пояса вверх тянутся четыре длинных луча, расположенные на неодинаковом расстоянии друг от друга. В нижней части изображения присутствует длинное углубление, которое, по-видимому, должно было разделять ноги (рис. 2, 1). Отливка идола происходила своеобразно. Заливка металла производилась в открытую литейную форму: сначала металл заливали в верхнюю часть литейной формы (лучи), потом в среднюю (лицо). На нижнюю часть изображения расплавленного металла не хватило, вследствие чего образовался изъян отливки. После заполнения литейной формы металлом она была накрыта плоской крышкой (второй створкой литейной формы), внутри которой было вырезано изображение еще одного лица идола. Лицо показано очень схематично: присутствует рот, раскосые глаза или скулы и «корона» с четырьмя лучами. Все детали выполнены в виде выпуклых коротких валиков. Качество всей отливки неважное прежде всего из-за пористости металла. После отливки изображение идола дополнительной обработке не подвергалось. По моделировке изображения данную скульптуру можно с уверенностью отнести к кругу металлической пластики иткульской культуры (Викторова, 2004а. С. 159-170).

Следует также упомянуть, что кроме указанных выше находок на святилище найдено 290 отщепов и осколков, 11 плиток сланца, 125 целых и копотых галек, по два куска пегматита, кальцита и туфа. Большая часть отщепов (около 90%) выполнена из туфопорфирита и алевротуфа зеленоватого цвета. Практически все они получены при изготовлении рубящих орудий: их ширина в 2-3 раза превосходит длину изделия. 40% отщепов туфопорфирита имеют длину менее 1 см, т.е. являются чешуйками. Единичными экземплярами представлены отщепы углистого сланца, халцедона, кварцита, молочного кварца, мелового кремня, светло-серой яшмы, горного хрусталя и раухтопаза. Отщепы туфопорфирита и алевротуфа, как и рубящие орудия, можно отнести к раннему железному веку. Отщепы из других пород камня датируются более ранним временем – от мезолита до энеолита (Сериков, 2006).

Кроме этого, на святилище собрана немногочисленная коллекция костей. Среди них обломки двух зубов лося и около 300 сильно дробленных кальцинированных костей человека. Удалось определить обломки черепа, нижней челюсти, трубчатых костей, лопатки, таза, фаланг пальцев от взрослой особи (определения П.А. Косинцева, которому автор приносит свою глубокую благодарность).

Если разложить по планиграфии наиболее значимые находки, то получится следующая картина. Неолитическое пряслице найдено в западной части святилища. В восточной части шихана, в гранитном гроте обнаружены почти целый тигель и обломок талькового изделия. Там же залегали отщепы и фрагменты иткульской керамики. Энеолитическая керамика разных типов находилась в основном в юго-восточной части святилища. Медная бляха и наконечники стрел происходят из северной части шихана. Медный идол

найден на южном склоне святилища. В центральной части шихана в колодцеобразном углублении между крупными гранитными блоками обнаружены три рубящие орудия, многочисленные отщепы и керамика железного века. Этот «колодец» пока является самой насыщенной частью святилища. Интересно отметить, что из него же происходит и большая часть костей человека. Также интересно, что человеческие кости были найдены практически во всех частях святилища (юго-восточной, восточной и северо-восточной).

В 2005 г. на южной окраине памятника Шайтанское озеро II было найдено еще одно святилище. Поиски его производились целенаправленно. Последние годы автор занимается изучением символической границы между мирами, между освоенным и чужим миром (Сериков, 2005; 2005а; 2006а). Если мифологическая граница между мирами достаточно рельефно и доказуемо может маркироваться материалами культовых памятников и объектов, отдельными находками, то граница между своим и чужим миром всегда трудноуловима. Связано это с тем, что искать такие маркеры следует на периферии археологических памятников, а именно периферия редко бывает полноценным объектом исследования.

При исследовании памятника Шайтанское озеро II в корнях упавшей березы был обнаружен клад каменных изделий (Шаманаев, 1999). Находился он в северной части памятника в 33 м от береговой линии, т.е. на его периферии. Исходя из предположения, что на границе освоенного и неосвоенного пространства в южной части памятника должен находиться еще один культовый маркер, автором была предпринята попытка отыскать этот предполагаемый объект. Поисковые работы на разных участках периферийной части памятника длились свыше недели. В итоге этот маркер удалось найти. Примерно в 150 м к югу от клада в густых зарослях был обнаружен гранитный останец высотой около 7 м. От береговой линии он находился на расстоянии 33 м. Только на третий день работы среди гранитных глыб были найдены первые артефакты. Памятник получил название Южное святилище.

Оно расположено на останце скалистой гряды, которая тянется вглубь берега, расширяется и смыкается с высокой горкой вдали от озера. Высота останца - 7 м, диаметр – около 18 м, длина периметра – 55 м. На вершине шихана лежат блоки размером 2,3 × 1,3 м, 1,6 × 1,3 м, 1,3 × 1,1 м. Остальные блоки имеют размеры около метра и менее.

На святилище найдено всего около 40 предметов: наконечник, обломок шлифованного изделия, фрагмент керамики, 13 отщепов и 23 чешуйки. Практически все находки происходят с северо-восточной стороны останца. Интересно отметить, что под большим гранитным блоком было обнаружено 7 отщепов, а под блоком поменьше – изделие типа наконечника стрелы. Изделие имеет листовидную форму и раздутые боковые края. Его размеры – 4,5 × 3,1 см, толщина доходит до 0,7 см (рис. 2, 12). По технике изготовления изделие также похоже на миниатюрный бифас. Изготовлен этот предмет, который больше оснований считать наконечником, не техникой отжима, а посредством двусторонней обивки. Боковые лезвия изде-

лия имеют слабо выраженный зигзагообразный характер. Границы сколов на одной стороне заглажены и залощены, на другой – залощение едва заметно. Учитывая, что на его краях имеются три хорошо выраженные выемки, можно предположить, что изделие использовалось в качестве своеобразной нашивки. Изготовлен наконечник из зеленоватой породы типа алевротуфа. По форме и технике изготовления наконечник трудно отнести к какой-либо эпохе от мезолита до раннего железного века. Предположительно данное изделие можно пропатировать ранним палеолитом. Возможно, появление изделия на святилище связано с его вторичным использованием. Этнографы отмечают, что у всех северных народов было распространено мнение о том, что древние предметы обладали высоким сакральным статусом (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 109, 140, 162). Учитывая представления древних о сверхъестественной силе таких необычных находок, можно предположить, что подобные предметы могли использоваться только людьми высокого сакрального статуса – служителями культа (шаманами?) для особо важных ритуальных целей в различного рода обрядовых действиях.

На фрагменте керамики присутствует слабо различимый гребенчатый орнамент. Весь комплекс находок предположительно можно отнести к раннему железному веку.

Набор находок очень малочисленный и имеет вполне производственно-хозяйственный характер. На первый взгляд нет никаких оснований считать данный памятник культовым. Но дело в том, что археологи всегда должны учитывать семиотические характеристики памятника (объекта). А гора (в данном случае гранитный шихан) в мифopoэтической традиции воспринималась как модель мира, как мировая ось. Поэтому многие действия на горе могли носить культовый характер. Правомерность такого подхода подтвердили находки на Южном святилище одиннадцати кальцинированных и сильно дробленых костей человека (определения П.А. Косинцева). Это значит, что на памятнике совершались человеческие жертвоприношения. Данный факт сразу же заставляет по-другому отнестись к оценке всего комплекса находок.

На западной окраине культового центра Шайтанское озеро I находится сложенная гранитными валунами горка высотой около 10 м (Шихан за лагерем). Шурф на площадке в центре шихана дал находку нуклеуса высотой 2,7 см. Второй шурф, заложенный в своеобразной каменной оградке ближе к северному склону, обнаружил расколотый нуклеус и две микропластиинки. Весь комплекс с уверенностью можно отнести к эпохе мезолита.

В 500-600 м к северо-северо-западу от Северного острова в болоте находится овальный в плане островок длиной до 100 м и высотой около 6 м. Как и все возвышенности Шайтанского озера он сложен гранитными валунами, которые в центральной части острова образуют типичный для Урала шихан. Шурф в центре шихана (в самом высоком месте острова) обнаружил 15 фрагментов керамики с волнисто-струйчатым орнаментом, обломок пряслица и отщеп туфопорфирита, которые предположительно можно отнести к ран-

нему железному веку.

Еще один интересный памятник выявлен на восточном берегу Шайтанского озера (Ерохин, 1999). Он расположен на южном полуострове, имеющем гранитное основание. Высота полуострова достигает 20 м. На его поверхности присутствуют россыпи громадных гранитных глыб, которые создают незабываемые впечатления у посетивших его людей. Здесь можно увидеть «каменный гриб», состоящий из громадной каменной плиты – «шляпки», лежащей на гранитном валуне – «ножке». Котел выдувания в виде перевернутой чаши имеет такую полость, что в ней может разместиться несколько человек. На самой высокой точке полуострова находится гранитная глыба с двумя чашами выдува. Еще одна чаша правильной формы располагается на валуне к юго-западу от навеса в виде своеобразного грота. Над уровнем озера навес находится на высоте 14 м (рис. 4) и обращен на юго-восток. Камера грота имеет длину 6,6 м, ширину 4 м и высоту около 3 м. Навес сложен громадными гранитными валунами. С юго-востока к навесу примыкает валун длиной 9,8 м (в направлении к озеру), шириной 5,9 м и высотой 3 м; с юго-запада камера грота упирается в камень длиной 5,7 м и высотой 2,3 м; с северо-запада камеру частично накрывает глыба длиной 8,8 м, шириной 4,9 м и высотой 2,3 м. Как археологический памятник он открыт в 1988 г. С.Н. Погореловым. Исследовался раскопками (вскрыто 11 кв. м) в конце 90-х годов прошлого века группой свердловских археологов (Волков и др., 1999).

Коллекция находок составляет 1787 предметов: 134 фрагментов керамики, 5 наконечников стрел, 2 скребка, острие, тесло, 28 пластинок, 9 заготовок, 114 отщепов, 472 чешуйки, обломок талькового изделия, 8 подвесок, 915 фрагментов костяных пластин от панциря, 85 стеклянных бусин и 12 монет (Волков и др., 1999. С. 110-116). Кроме этого, в процессе промывки удалось извлечь около 10 тыс. фрагментов костей

животных, птиц и рыб (Косинцев, Улитко, 1999).

Комплекс находок представляют материалы практически всех археологических эпох от мезолита до раннего железа. К мезолиту относится 28 микропластинок шириной от 3 до 8 мм. Неолит представлен фрагментом сосуда с орнаментом в виде шагающей гребенки и керамическим скребком из стенки сосуда с похожим орнаментом. Энеолитический комплекс состоит из развали сосуда аятской культуры, каменного тесла, наконечников стрел, скребков. Стратиграфические наблюдения авторов раскопок позволяют связывать с энеолитом и другие каменные изделия. С бронзовым веком можно связать только четыре венчика от сосуда межовского типа. Остальная керамика относится к раннему железному веку, который представлен тремя сосудами гамаюнского и тремя сосудами иткульского типов. Видимо, с этим же временем следует связать интересные находки, полученные из гумусированного слоя. В нем на небольшом участке выявлено скопление (915 экз.) сильно фрагментированных костяных пластин панциря. На 149 фрагментах присутствует гравированный орнамент. Такие пластины от защитных доспехов были широко распространены в середине I тысячелетия до н.э. В этом же слое найдено семь костяных пронизок и каменная подвеска. Также следует упомянуть, что в самом верхнем слое найдено 85 бусин из желтого стекла, монета 1824 г. и 11 монет от 1947 до 1981 г. (Волков и др., 1999. С. 110-116).

По мнению авторов раскопок, грот (навес) периодически посещался небольшими группами охотников и служил в качестве кратковременного убежища (укрытия). Однако комплекс находок, в особенности остатки защитного доспеха, подвески, наконечники стрел, позволяют усомниться в этом предположении. На взгляд автора данной публикации, это типичный культовый комплекс, который практически полностью соответствует находкам со святилища Шайтанский

Рис. 4. Шайтаноозерский гранитный грот. Вид с северо-востока.

Шихан. А расположение его под навесом на гранитном шихане только усиливает его сакральную характеристику.

Чрезвычайно интересным фактом на этом культовом памятнике является нахождение в нижнем слое свыше 300 костей плейстоценовых животных. Преобладают среди них кости северного оленя и уральской лошади (111 и 94 экз.), затем по численности идут кости сурка, зайца и сайги. Единичными находками представлены кости шерстистого носорога, песца и бизона. Учитывая, что в нижнем слое не встречено археологических находок, а также то, что на костях присутствуют погрызы хищников, палеобиологи предполагают, что накопление костей в нем происходило в результате жизнедеятельности хищников (Косинцев, Улитко, 1999. С. 78).

Однако автор считает, что этот вопрос еще требует своего специального рассмотрения. Здесь можно вспомнить, что подобный комплекс плейстоценовой фауны встречен на озере Большие Аллаки (Южный Урал). Там на западном берегу озера находятся скалы причудливой формы (некоторые – в виде черепов человека) высотой до 8 м, на которые были нанесены древние рисунки. Раскопки под скалами В.Я. Толмачева и В.Т. Петрина дали несколько сотен находок, почти половина которых представлена наконечниками стрел (Чернецов, 1971. С. 44-47; Петрин, 1986. С. 121-123). Кроме наконечников вблизи скал были найдены медное копье, медный птицевидный идол, захоронение двух человеческих черепов. Раскопки В.Т. Петрина привели к открытию палеолитического слоя (24760+1095 лет назад) с костями дикой лошади и каменными изделиями. Причем 164 из 208 каменных изделий (78,85%) были изготовлены из горного хрусталя. Учитывая необычную топографию памятника, а также наличие на «каменных палатках» культового места, функционировавшего на протяжении нескольких тысячелетий, В.Т. Петрин допускал, что традиция такого почитания «каменных палаток» могла начаться еще в палеолитическую эпоху (Жилина, Петрин, 1989. С. 46-48).

Вполне вероятно, что и в нашем случае, несмотря на отсутствие артефактов в плейстоценовом слое, фаунистический комплекс мог накапливаться в результате культовых действий. Об этом может свидетельствовать фаунистический список (8 видов животных), да и сам состав этого списка. Трудно представить хищника, который бы питался животными от сурка до шерстистого носорога.

Таким образом, материалы из раскопок гранитных шиханов позволяют подойти к решению сразу нескольких вопросов. В целом наборы находок на памятниках не свидетельствуют об их культовом характере (керамика, нуклеусы, пластины, скребки, топоры, наконечники стрел, рыболовные грузила, отщепы), хотя и соответствуют культовым комплексам, выделенным на материалах полностью исследованного святилища на горе Голый Камень (Сериков, Серикова, 2005). И только находки типично культовых изделий: бляхи, идола, пластин от панциря, а также костей человека - подчеркивают сакральное назначение скальных памятников. В настоящее время на терри-

тории Среднего Зауралья хорошо известны святилища на вершинах гор, где они занимают скалистые останцы, на вершинах пологих холмов, где святилища находятся на выраженных площадках (Мищенко, 2001). Теперь же можно говорить о новом типе святилищ, которые располагаются на скальных возвышенностях высотой 7-15 м.

Некоторые особенности в расположении скальных святилищ позволяют предполагать, что их местонахождение могло быть связано с астрономическими наблюдениями древнего человека. Но это направление исследований требует изучения совместно со специалистами-астрономами.

Необходимо подчеркнуть, что святилищами следует считать все скальные шиханы, даже если комплекс находок на них представлен обычными предметами хозяйствственно-бытового назначения. Это предположение основывается на существовавшей в древности мифоритуальной модели мира, согласно которой гора воспринималась как модель вселенной, включающей все основные элементы и параметры космического устройства (Топоров, 1994. С. 311). Почтание гор, скал и отдельных камней хорошо известно в этнографии северных народов (Тиваненко, 1989. С. 16, 167; Малахов, 1908. С. 13; Мельников, 1998. С. 63). Осваивая новое пространство, человек прежде всего устанавливал новые границы, отделяющие освоенный мир от чужого, неосвоенного. В мифоритуальной традиции эта задача решалась путем обхода территории по периметру, созданием одного или нескольких основных центров, а также освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства (Байбурин, 1989. С. 82-86). Такими точками и являлись скалистые шиханы вокруг Шайтанского озера, а в роли сакральных ценностей выступали все помещенные в ключевые точки (в данном случае – на шиханы) артефакты. Следует также помнить и о том, что у любой вещи в ритуале резко повышается семиотический статус, и она может служить инструментом для соединения двух миров. Но в то же время с помощью такой «вещи-символа» можно блокировать канал связи между мирами. Именно в такой функции выступали так называемые обереги и апотропеи. С их помощью устанавливалась символическая, а значит, наиболее эффективная граница между миром людей и миром потусторонних сил. Вне ритуала граница между мирами считалась небезопасным для людей местом. Поэтому пограничная полоса «укреплялась» размещением на ней различного рода оберегов (Байбурин, 1989. С. 82-86). Роль таких оберегов могли выполнять не только сакрально значимые предметы (скульптурные изображения, наконечники стрел и копий, украшения и т.п.), легко фиксируемые и поддающиеся семиотическому анализу, но и предметы обычные, широко распространенные, такие как фрагменты керамики, отщепы, расколотая галька и прочие, которые на поверхностный взгляд не несут в себе особой семантической нагрузки и чаще всего не привлекают внимания исследователей.

Анализ сакральной топографии культовых памят-

ников на территории Урала показывает, что существование мифоритуальной модели мира у местного населения мы можем предполагать уже в эпоху мезолита. Бесспорные мезолитические святилища выявлены в пещере Камня Дыроватого, Лобвинской (Шайтанской) пещере, у подножья писаниц на озере Большие Аллаки. А небольшие комплексы мезолитических изделий присутствуют на многих культовых памятниках, в том числе и на скальных памятниках Шайтанского озера. Следовательно, начало функционирования святилищ на гранитных шиханах можно отнести к эпохе мезолита.

Выделение на Шайтанском озере нового типа скальных святилищ дает возможность пересмотреть характер аналогичных памятников, исследованных в предыдущие годы и классифицированных как стоянки и селища. Достаточно прочитать детальное описание памятника на Верхней Макуше и познакомиться с комплексом находок на нем, чтобы понять, что речь идет не о поселении, а о святилище. И не жилище (!) находится на вершине каменных палаток, а культовая площадка со специфическим набором находок: клад каменных орудий, литейная форма, гребенчатые штампы, украшения, наконечники стрел и копий и т.п. (Берс, 1963. С. 43-47). То же самое можно сказать и о «стоянках» на гранитных кряжах и островах. Медные бляхи, птицевидные идолы, медные наконечники стрел – все эти находки характерны для святилищ, а не для стоянок, да еще расположенных на скалистых вершинах (Берс, 1951. С. 222). Подлежит пересмотру характер и других памятников.

Наличие на Шайтанском озере целого комплекса культовых памятников разной направленности, в том числе и с совершением человеческих жертвоприношений, позволяет предполагать, что в древности данное озеро в силу каких-то особых, неизвестных сейчас причин обладало высоким семиотическим статусом и у местного населения считалось святым, священным. Подобные святые озера до сих пор известны у ряда народов Западной Сибири (Балалаева, 1989. С. 144).

Список литературы

- Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования веций // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. №. 21.1951.
- Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
- Викторова В.Д. Культовые озерные памятники // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Викторова В.Д. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Волков Р.Б., Ерохин Н.Г., Тихонова Н.Р. Гранитный гром (навес) Шайтаноозерский Каменный Остров Й // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.
- Гемуев И.Н., Саагалаев А.М. Религия народа манси (культурные места XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986.
- Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озёрного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытного строя. Свердловск, 1989.
- Ерохин Н.Г. Шайтаноозерский Каменный Остров Й – многослойный археологический объект в гранитном громе (особенности формирования культурного слоя) // ИЙ Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
- Косинцев П.А., Улитко А.И. Fauna крупных млекопитающих из археологического памятника Шайтаноозерский каменный остров-1 // ИЙ Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
- Малахов М.В. Доисторические времена на Уральских горах // Записки УОЛЕ. Т. XXVII. 1908.
- Мельников И. В. Святилища Древней Карелии. Петрозаводск. 1998.
- Мищенко О.П. География, топография и хронология культовых мест на вершинах гор в Среднем Зауралье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып.1. Березники, 2001.
- Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986.
- Сериков Ю.Б. Культовые озерные центры Урала (принципы выделения) // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России (материалы Международной научно-практической конференции). Березники, 1998.
- Сериков Ю.Б. Культовые центры древности на озерах Среднего Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999.
- Сериков Ю.Б. Взаимосвязь топонима «Шайтан» с древними культовыми памятниками Урала // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999а.
- Сериков Ю.Б. Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Ученые записки НТГПИ. Общественные науки. Т. 2. Ч. 2. Нижний Тагил, 2002.
- Сериков Ю.Б. Произведения искусства с культового центра на Шайтанском озере // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего коллоквиума (с международным участием). Омск, 2004.
- Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Нижний Тагил, 2004а.
- Сериков Ю.Б. Символическая граница между мирами (по данным археологии) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археологической-этнографической конференции. Томск, 2005.
- Сериков Ю.Б. Символическая граница между мирами по данным археологии // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005а.
- Сериков Ю.Б. Культовый комплекс святилища на острове Шайтанский Шихан // Пять Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006.
- Сериков Ю.Б. Культовые объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Й Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2006а.
- Сериков Ю.Б., Серикова Л.В. Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005.
- Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск. 1989.
- Топоров В.Н. Гора // Миры народов мира. Т. 1. М., 1994.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971.
- Шаманаев А.В. Клад каменного сырья и заготовок с оз. Шайтанского // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999.

В.Т. КОВАЛЕВА, С.Ю. ЗЫРЯНОВА
Уральский государственный университет,
Екатеринбург, Россия

О СЕМАНТИКЕ ОБРЯДА У КАМНЯ ДЫРОВАТОГО И ОБРАЗА ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ В ЗАУРАЛЬЕ

Немного о юбиляре. Тамила Михайловна Потемкина занимает особое место в моей жизни. Мы встретились почти полвека назад и с тех пор наши пути и судьбы постоянно пересекаются. Курганская область стала тем общим пространством (Зауралье мое, Зауралье!), на котором сформировались наши научные интересы, а квартира Потемкиных в Москве всегда была для меня пристанищем во времена острого гостиничного и финансового дефицита. Тамила принимала искреннее участие в трудные минуты моей жизни, никогда не упускала возможности с кем-нибудь передать очередной новый сборник или монографию, которыми мы все с благодарностью пользуемся на кафедре.

С Тамилой связаны незабываемые дни, проведенные в Грузии и Суздале (Всероссийские археологические съезды), в Кижах и на Андреевском озере (полевые симпозиумы), в Москве (конференция по археоастрономии) и на Аркаиме (международные конференции) и многое, многое другое. Быть рядом с Тамилой совсем непросто. Красивая, умная, элегантная женщина, она всегда в центре внимания и всегда – первая. Те, кому не хотелось быть вторыми, отходили в сторону. Я не отходила, но старалась дорасти, дотянуться и хотя бы в чем-то стать первой.

Тамила, как всякая значительная личность, не лишена самолюбия и амбиций, но они оправданы, потому что в своей жизни она много работала и многое сделала. Мы с ней неоднократно обсуждали вопрос о защите докторской диссертации. Без сомнения, научный уровень Потемкиной Т.М. давно докторский, но у нее не хватало времени, да и особого желания сесть за написание «кирпича» - работы во многом технической и неинтересной.

Ослабив интерес к андроновской проблематике, Тамила Михайловна смогла поднять совершенно, казалось бы, неподъемную и большинству археологов малопонятную тему, связанную с археоастрономией. Во всяком случае, именно Потемкина Т.М. инициировала интерес ко многим сюжетам, связанным с духовной сферой первобытных обществ на широком пространстве России и за ее пределами - Небо и человек! От всей души желаю Тамиле Михайловне здоровья, новых инициатив и новых открытий. За работу, дорогая.

Валентина Ковалева

В последние годы археологи все чаще обращаются к вопросам интерпретации как отдельных объектов, так и различных категорий находок, обрядов и ритуалов. Осознание знакового характера культуры

способствует внедрению в исследовательскую практику семиотического подхода, особенно одного из ее разделов - семантики, анализирующей знаковые системы как средства выражения смысла. Знаковая полисемантичность допускает разные версии одних и тех же фактов, при этом установка на разнообразие мнений предполагает лишь отрицание монополии на истину, но не «интуитивное интерпретаторство».

Отдельные факты могут быть поняты только в историческом контексте, соотношении части и целого. Текст-памятник необходимо рассматривать как часть, а культуру, в которой он функционировал, – как целое. Семиотика, по мнению Умберто Эко, побуждает нас не столько использовать текст, чтобы с его помощью понять контекст, сколько рассматривать контекст как структурный элемент текста (Эко, 2006. С. 528). Анализ того или иного явления, его оценка и истолкование в огромной степени зависит от того, в какой системе связей это явление рассматривается. Знаковые средства коммуникации обусловлены образом жизни и традицией конкретных социумов, обладают пространственно-временным своеобразием, а также действующим извне историческим влиянием.

В данной работе мы обратимся к двум широко известным сюжетам: реконструкции обряда на святилище у Камня Дыроватого и семантике образа водоплавающей птицы на энеолитической посуде Зауралья, в трактовке которых наиболее остро отразился конфликт интерпретаций.

Пещерное святилище на Камне Дыроватом. Описание памятника и находок многократно дано Ю.Б. Сериковым. Памятник находится на левом берегу р. Чусовой (Пригородный район Свердловской области). Скала Камня, высотой до 80 м, протянулась на целый километр. На отвесной стене на высоте 20 м от подножия скалы находится пещера шириной 8 м, высотой 5 м, в полости которой и на площадке, примыкающей к подножию скалы, найдены многочисленные наконечники стрел из кости, камня, бронзы, железа. Кроме наконечников, найдены кости животных и украшения (подвески, пронизки, бусы). Первым исследователем памятника А.Н. Прокошевым за 3 года раскопок было получено около 7000 находок. Ю.Б. Сериковым за 10 лет исследований найдено 18762 предмета. Суммарная коллекция к настоящему времени составляет 25531 экз., при этом наконечники стрел составляют 99,8 % находок (Сериков, 2005. С. 75-77).

Характер памятника и находок позволяет, вне всякого сомнения, считать Камень Дыроватый культовым комплексом. Подобные памятники известны в бассейне р. Печоры (Семенов, 1993. С. 65-67), в Южной Сибири у г. Ачинска – Айдашинская пещера. Она представляет собой воронку с основной вертикальной и боковой шахтами. Раскопками на этом памятнике также получена коллекция разновременных предметов, но большинство из них – наконечники стрел, причем часть из них изготавлялась специально для стрельбы из лука (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980. С. 89, 92). Эти факты позволяют считать Камень Дыроватый одним из самых ярких и значительных памятников в кругу подобных, но не уникальным, как полагает

Ю.Б. Сериков. Критерием уникальности не может быть количественный показатель так же, как и его географическое положение. Это всего лишь особенности, отличия данного объекта от других. Основным критерием уникальности, по мнению исследователя, является морфология самой пещеры. Ю.Б. Сериков гневается на своих оппонентов И.Л. Кызласова и В.Т. Ковалеву за то, что они, отрицая уникальность памятника, даже не упоминают в своих статьях «о присутствии на скале Камня Дыроватого «лица хозяина, духа Чусовой». И далее следует заявление о том, что «автором (т.е. Ю.Б. Сериковым) доказано, что данная пещера представляет собой «рот исполинского идола» или что «сама пещера представляет собой открытый в крике рот» (Сериков, 2005. С. 73-74, 82). Следует заметить, что то, что кажется, не всегда является истиной. И, наконец, выдавая желаемое за действительное, Ю.Б. Сериков заявляет, что «лицо на скале Камня Дыроватого признается практически всеми археологами».

Чтобы понять и реконструировать обряд, многократно и в течение многих веков производимый у Камня Дыроватого, важно обратиться к его генезису. Наиболее ранние находки на Камне Дыроватом датируются мезолитом. Именно мезолитические охотники впервые стали посещать пещеру и стрелять в нее из лука. Исследователи совершенно справедливо при интерпретации памятника обращаются к семантике пещеры, наконечников стрел и самой стрельбы из лука.

В первобытности основным способом освоения и понимания мира была мифология. Мир первобытного человека был целостен. Человек не выделял и не противопоставлял себя этому миру, переносил на него качества, присущие самому человеку. Начав различать мужчину и женщину, он поделил окружающий его мир по признаку мужской-женский. В основу картины мира легла «сексуализация» мира: естественные полости, углубления в земле, пещеры ассоциировались с женским началом, а мужское начало ассоциировалось со всем, восходящим к стволу, палке и т.д. Пол и сексуальность составляют неотъемлемую часть символической культуры человечества. Образы «мужского» и «женского» в разных культурах отличаются разной степенью сложности. Половой символизм связан с мужским и женским принципами. В большинстве культур мужской принцип олицетворяет активность, агрессивность, распыление энергии и ресурсов, женский принцип пассивный, охранительный, накопительный.

Согласно мифологическим представлениям, сама пещера, вероятно, ассоциировалась с женским началом, лоном Земли. Т.Н. Дмитриева считает рисунки в палеолитической пещере вторичными по отношению к той роли, которую играла для древних людей сама пещера (Дмитриева, 1997. С. 58-61). Этому не противоречит морфология палеолитических пещер с наскальными рисунками, например, Капова (Шульган-Таш) пещера на Урале в качестве святилища.

Пещера – один из самых древних и, возможно, универсальных символов. На ранних этапах общественной эволюции пещеры и расщелины спасали человека от холода и дождя. Внутреннее простран-

ство пещеры рождало у человека ощущение защищенности, ассоциировалось с пребыванием в утробе матери; отверстие, через которое можно попасть внутрь, напоминало древнему человеку о пространстве внутри, о стенах, ограничивающих это пространство. Как отмечает У. Эко, из практики складывалась «идея пещеры» - место, где можно укрыться от непогоды. Опыт знакомства с другими пещерами приводит к представлению о пещере вообще. Возникает модель или понятие «пещера». Со временем пещера стала символом безопасности, убежища, материнского чрева (Эко, 2006. С. 259-260; 273-274).

По всей вероятности, как в мезолите, так и в последующее время пещера ассоциировалась с женским началом, детородным органом. В мифопоэтической традиции сама земля представлялась как гора, хранящая все блага земли. Женщина, земля и плодородие находятся в одном семантическом ряду.

Стрела (вместе с луком) олицетворяла активное мужское начало. О семантике стрел в древности (по археологическим источникам) и этнографическим сведениям собраны многочисленные материалы. В работах И.Л. Кызласова и особенно Ю.И. Ожередова показана полисемантичность и сакральность стрел, при этом их семантика связана с активным творческим началом, мужской силой и энергией, фаллической функцией. Показана динамика использования наконечников стрел в культовой практике (Кызласов, 1988; Он же, 1999; Ожередов, 1999).

В мезолите лук со стрелами получили широкое распространение. Являясь орудием охоты, они стали неотъемлемым атрибутом мужского коллектива. Именно лук со стрелами, в частности, стрельба из лука на охоте, обеспечивали благополучие коллектива. Сакральная функция наконечников стрел тесно связана с производственной. Полет стрелы стал ассоциироваться с лучом солнца, ударом молнии, мужской активностью, жизненной энергией. Понятия «мужское – стрела – активное» в семантическом плане срослись воедино.

Сакральность стрелы, отмечает Ю.И. Ожередов, обусловлена двумя традициями: архаичной, основывающейся на идеи воспроизведения всего живого и тем самым продолжения жизни, и более поздней, основанной на уже сложившемся представлении о святости стрелы, но присвоившей ей «героические» свойства и функции. Стрела использовалась в качестве послания, сигнала, клятвоутверждения и т.д. (Ожередов, 1999. С. 117-118).

Реконструкция ритуала стрельбы из лука в пещеру уже была предложена: ритуал носил сезонный характер, связанный с календарным «новым годом». В самом действии стрельбы из лука нашла отражение идея соития двух начал, двух космических энергий, обеспечивающих продолжение жизни, возрождение природы, размножения животных (Ковалева, 1997. С. 67-68; Ковалева, Цапко, 1998. С. 13-17). Мир, согласно мифологическим представлениям, возрождается всякий раз, когда имитируется сакральный брак. Такие коллективные оргии, отмечает М. Элиаде, происходят в определенные критические периоды года (Элиаде, 1987. С. 47-50).

Возможно, у Камня Дыроватого проводили обряд посвящения юношей во взрослые, во время которого устраивались соревнования, состязания, связанные со стрельбой из лука, а мишенью могла быть полость в скале. При этом сакральный смысл ритуала не изменялся. Обряды, связанные с встречей нового года (весны) и инициации могли быть совмещеными и выливались в праздники, мистерии. Найдены на святилище костей животных и украшений никак не противоречат нашей интерпретации, но усиливают ее. Практически все ритуалы, особенно связанные с космогоническими представлениями, в древности сопровождались жертвоприношением, поскольку жертва ассоциировалась с жизнью (Фрейденберг, 1978. С. 90-92). Присутствие в коллекции вотивных (иммитативных) наконечников, а также изделий с орнаментом связано с более частными вопросами. Вотивные наконечники могли маркировать непосвященных, а наконечники с орнаментом, напротив, могли маркировать более высокий социальный статус посвященных, руководителей обряда. Существует мнение об использовании орудий с орнаментом исключительно в ритуале.

Присутствие среди находок вотивных наконечников стрел, украшений, костей животных свидетельствует о подготовке к этим событиям. По всей вероятности, они носили характер сценических представлений. Череду отягщенных заботами дней человек сознательно прерывал Праздником. Праздник возвышен как нечто необычное, особенное, редкое. Он извлечен из потока будничных событий, чтобы озарять их. В архаических обществах, где дни и годы измеряются по ходу солнца, празднуют солнцевороты, времена года, различные космические события, от которых зависит земная жизнь (Финк, 1988. С.400-401).

Точка зрения Ю.Б. Серикова сводится к тому, что «весь комплекс находок Камня Дыроватого представляет собой жертвенный дар, который призван защищать от вредоносного воздействия «хозяина Чусовой» (Сериков, 2005. С. 84). Автор многократно напоминает своим оппонентам о необходимости анализа всего комплекса находок «в археологическом контексте» и далее разъясняет: «А археологический контекст здесь таков. Пещеру Камня Дыроватого нельзя рассматривать как женское лоно. Автором доказано, что данная пещера представляет собой рот исполинского лица идола, который является олицетворением грозного «духа» или «хозяина» реки Чусовой». Чтобы умилостивить грозного «хозяина» реки, древние аборигены посыпали ему жертвенные дары в виде костей животных, украшений и стрел». И заключает: «В этом случае все находки и их археологический контекст увязываются в единый семантический узел» (Сериков, 2005. С. 82).

Обозначив «свое» понимание текста и контекста, а также уверенность в суровом нраве «хозяина» Чусовой, Ю.Б. Сериков почему-то в качестве даров духу называет кости животных. С другой стороны, если бы «хозяина» кормили только мясом, тогда и находок в пещере было бы меньше и с «семантическим полем» проблем бы не было. Развиваемая Ю.Б. Сериковым интерпретация обряда у Камня Дыроватого, к сожалению, основана на эмоциях, непонимании того самого

контекста, о котором так много говорит автор.

Ю.Б. Сериков даже не попытался найти истоки идеи «хозяина»: на каком основании он взял под контроль Чусовую? Поскольку «духи» не имманентны, а являются порождением культуры, поскольку идея «хозяина» должна иметь адекватную мотивацию.

А между тем, символику пещеры (грота) как космического лона Земли подтверждают исследования в гроте на Камне Дождевом (р. Чусовая), где обнаружены преднамеренные захоронения взрослых мужчины и женщины. Погребальный инвентарь включал украшения, предметы вооружения, в том числе – каменные наконечники стрел, фрагменты керамики, kosti животных (Сериков, 1998. С. 33-36). По фигурам утючек из кости и фрагментам керамики захоронение, по всей вероятности, датируется энеолитом.

Пещера как символ чрева Матери-Земли использовалась в древности в обрядах перехода – инициациях. Неофиты, входя в пещеру, символически перевоплощались в эмбрион, что было равносильно смерти, а выход из пещеры символизировал новое рождение и приобретение нового социального статуса.

К смерти в архаических обществах относились как к высшей инициации, как к началу духовного существования. Захоронения в пещерах или гротах ассоциировались с возвращением покойника в материнское чрево, в состояние хаоса (мрака, сырости). Чтобы достичь высшей формы существования, необходимо было повторить внутриутробное развитие и рождение. Смерть в инициации, отмечает М. Элиаде, никогда не является концом, а является еще одним началом. Смерть выступает как условие перехода к новой форме существования. Рождение, смерть и возрождение понимались как результат космогонии, круговорота жизни. Смерть воспринималась как естественное продолжение пути, указанного природой (Элиаде, 1996. С. 261-266).

Функция наконечников в погребении может быть трактована как маркер пола, социального статуса. Однако в данном случае они могли символизировать жизненную силу, энергию и предназначены были ускорить обретение нового статуса умерших. Захоронения в пещерах и гротах встречаются не так уж часто. По-видимому, такой погребальный обряд был предназначен для личностей неординарных, сыгравших какую-то значительную роль в жизни коллектива.

Символика пещеры в каменном веке, по всей вероятности, имела космологическое значение и была связана с женским началом, олицетворяющим хаос (темное, холодное). Хаос первичен и таит в себе все формы бытия. Переход от хаоса к космосу происходил в результате активности мужского начала (светлого, горячего), символом которого в данном случае и была стрельба из лука. Смысл ритуала связан с повторением космогонии. Человек брал на себя ответственность за состояние космоса. Регулярность ритуала не означает его обязательного ежегодного повторения. Могли быть и циклы большей длительности, например, трех- или пятилетие.

К сожалению, некоторые исследователи вульгаризируют идею о семантике пещеры и стрельбы из лука в архаических культурах (Худяков, 2004. С. 104-

106). При интерпретации ритуалов каменного века вряд ли оправдана опора на этнографические и фольклорные материалы. Понять смысл ритуала возможно путем реконструкции картины мира конкретных обществ. Мифы раскрывают структуру реальности, являются моделями человеческого поведения. Идея космического обновления мира сыграла важное значение в первобытности, она была связана с оптимистическим взглядом на жизнь и не сводилась к обряду «расстреливания пещер» с целью их «оплодотворения» (Худяков, 2004. С. 105). Пещера и наконечники стрел – это Ян в лоне Инь.

Что касается «рта» грозного «хозяина» Чусовой, если пещера действительно производила на кого-то такое впечатление, то и этому можно найти непротиворечивое объяснение. Рот можно рассматривать как символ поглощения, вхождения, как символ чрева земного. В этой связи еще раз подчеркнем универсальность горы как символа женского начала. В сказах П.П. Бажова Гора ассоциировалась с образом красавицы, хозяйки Медной горы.

В данной работе мы обратились к семантике пещеры и стрельбы из лука только для эпохи каменного века. Примитивность материальной культуры, однообразие хозяйственной деятельности соотносились с однообразием ритуальной практики. Бессспорно, символическое значение лука и стрел в последующие эпохи изменилось, но связь их с мужским принципом сохранилась. В символической классификации и мифологической традиции два пола обречены принять свою судьбу. Ритуал предлагал готовое средство контроля всего образа жизни.

О семантике водоплавающей птицы на энеолитической керамике Зауралья. Наиболее ранние изображения водоплавающей птицы зафиксированы на энеолитической посуде аятской (большинство), суртандинской и липчинской культур. В статье Т.Ю. Клементьевой содержатся сведения не более чем о 30 сосудах с изображением водоплавающей птицы, включая единичные и очень мелкие фрагменты (Клементьева, 2006. С. 19-20). Большинство из них выполнены отпечатками гребенчатого штампа или в технике «шагающей» гребенки. Сосуды липчинской культуры орнаментированы в отступающе-накольчатой технике. Изображения птиц: уток, реже лебедя – профильные, в большинстве случаев с прямоугольной формой тела (рис. 1, 1-5, 7-9; 2, 1). Фризы с изображением птиц расположены как в верхней, так и в средней зонах орнаментального поля, а на одном из сосудов изображения птиц покрывают всю внешнюю поверхность (рис. 1, 9). Фигуры птиц стоянки Береговая VI отличаются наличием «крыльев» (рис. 1, 3). Хороводы плывущих птиц, как правило, заключены между горизонтальными поясами из оттисков гребенчатого штампа. Позой птиц передано движение, то спокойное (с прямой шейкой и слегка наклонной вперед головой), то стремительное, как будто птицы куда-то спешат (с наклонной вперед шейкой и головкой). Направление движения птиц - слева направо, на восток, в сторону восхода солнца.

Роль образа водоплавающей птицы многократно рассматривалась в литературе. Большинство исследо-

дователей склонны видеть в изображениях птиц создателей земной тверди, творца Вселенной. Впервые эта идея была высказана Н.Н. Гуриной, которая сочла возможным соотнести изображения водоплавающей птицы на неолитической посуде лесной зоны Восточной Европы с карело-финским эпосом – Калевалой, согласно которой Вселенная происходит из яйца утки (Гурина, 1972. С. 44-45). По мнению исследователей, с образом птицы связан комплекс различных представлений в мифологической картине мира энеолитического населения Зауралья: она и творец Вселенной, и календарный символ, и посредник между мирами в вертикальной модели Вселенной; отмечалась связь образа птицы с духами-покровителями (Викторова, Чайкина, Широков, 1997. С. 40-49; Чайкина, 1998. С. 99-100). При интерпретации образа широко привлекаются данные этнографии и фольклора.

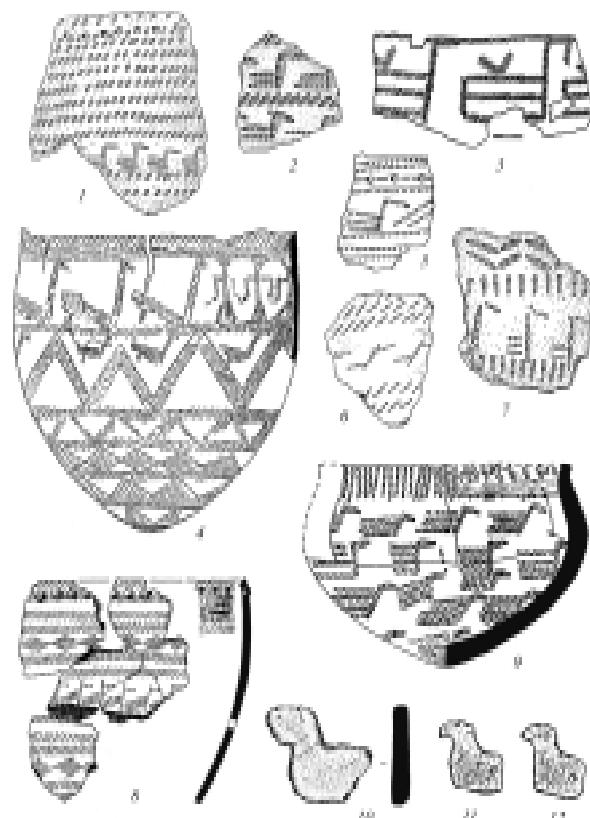

Рис. 1. Изображения водоплавающей птицы на энеолитической керамике Зауралья (1-9); фигурки птиц из кости (11, 12) и на фрагменте керамики (10).
 1 – Шигирское городище; 2, 7 – Аятское Правобережное (по Н.М. Чайкиной); 3 – Береговая VI (по В.А. Арефьеву); 4 – Палатки I (по В.Д. Викторовой); 5 – Береговая I (по В.М. Раушенба); 6 - Юрьино IV (по Н.М. Чайкиной); 8 – Каксинская Гора (В.М. Морозову, В.И. Стефанову, А.А. Погодину); 9 – Ишкиновка I (по В.В. Ткачееву); 10 – Шайтанское озеро I (по Ю.Б. Серикову); 11, 12 – Камень Дождевой (по Ю.Б. Серикову).

Принципиально не возражая против метода сопоставления данных археологии и этнологии, мы против отождествления этих данных, проекции этнологических сведений на археологические материалы. Так, привлекая данные мансиjsкого варианта угорского мифа о сотворении Земли (Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. С. 258), в композиции из плывущих птиц на сосуде с поселения Палатки I (рис. 1, 4)

исследователи увидели не только образы двух гагар: большую (верхний фриз) и малую (нижний фриз), но и ныряльщиков «не за абстрактной землей, а за землей в образе гор», а в антропоморфных изображениях – преобразы старухи и старика, присутствующих при мифическом событии (Викторова, Колмакова, Федорова, 2003. С. 11-12).

Смысловое значение композиций из плывущих друг за другом птиц с большим основанием можно связать с календарной символикой. Различные по размеру птицы на верхнем и нижнем фризах на сосуде с Палаток I позволяют предполагать, с подсказки А.Д. Столяра, умение первобытных мастеров соотносить размер объекта в зависимости от его удаленности. На сосуде верхний фриз с плывущими птицами дополнен зоантропоморфными существами, мимо которых проплывают птицы, при этом более удаленные от них (второй фриз сверху) меньше по размеру, хотя иконографически они идентичны фигурам верхнего ряда (рис. 1, 4).

В отличие от реалистически выполненных зверей и птиц на посуде, скалах и предметах культа аятской культуры встречаются изображения существ, переданных статично, в фас и сочетающих в своем облике черты человека, животных и птиц. Эти фантастические (мифологические) существа – олицетворение надприродных сил, духов предков, призванных влиять на ход событий. На посуде с поселения Палатки I, наряду с плывущими густой массой птицами, изображены три схематические антропоморфные фигуры с рогами, по-видимому, духи предков – гарантов успеха, присутствующих при жизненно важном событии. О реализации мотива антропоморфных существ в сезонных ритуалах свидетельствует каменный диск-навершие с лунно-солнечным календарем (числовой код), на одной из сторон которого изображены два антропоморфа – один в стоячем, а другой – в лежачем положении, но при вращении диска их позиции меняются. Антропоморфы на диске стилистически сопоставимы с изображениями на сосуде с поселения Палатки I и, по-видимому, символизируют смену времен года (Герасименко, 2004. С. 83-90). В последовательных превращениях природы архаический человек усматривал действия одушевленных сил.

На наш взгляд, все имеющиеся графические изображения водоплавающей птицы (утка, гагара, лебедь) на энеолитической посуде Зауралья (рис. 1, 1-9; 2, 1) не дают оснований видеть в них демиурга или творца Вселенной. Творец всегда один, персонифицирован, а сотворение мира – это не одномоментное явление, а процесс. А между тем, на зауральской посуде не известно ни одного изображения отдельно ныряющей птицы. Даже если принять стаю птиц за коллективного творца, тогда встает вопрос о плодах творения.

Миф о ныряющей птице, поднявшей из воды крохотный кусочек земли, по мнению исследователей, является единственным общеуральским космогоническим мифом, восходящим к культуре уральского пранарода (Напольских, 1990. С. 65-72). Признание этого факта не является основанием видеть в любом графическом или скульптурном изображении птицы творца Вселенной.

Птицы – предвестники весны. Для обозначения начала и конца благоприятного времени года удачно выбран код – перелетные птицы. Реалистичные изображения птиц, сгруппированных в стройные хороводы, направленность движения позволяют видеть в этих композициях даже не мифологический сюжет, а повествование. Создание наскальных изображений В.Н. Чернецов также связывал с циклическими календарными обрядами, с идеей бесконечного круговорота времени – оживлением и деградацией природы (Чернецов, 1971. С. 83). Символику хоровода А.Н. Афанасьев связывает с весной: «Хороводы открываются с весной» (Афанасьев, 1988. С. 295).

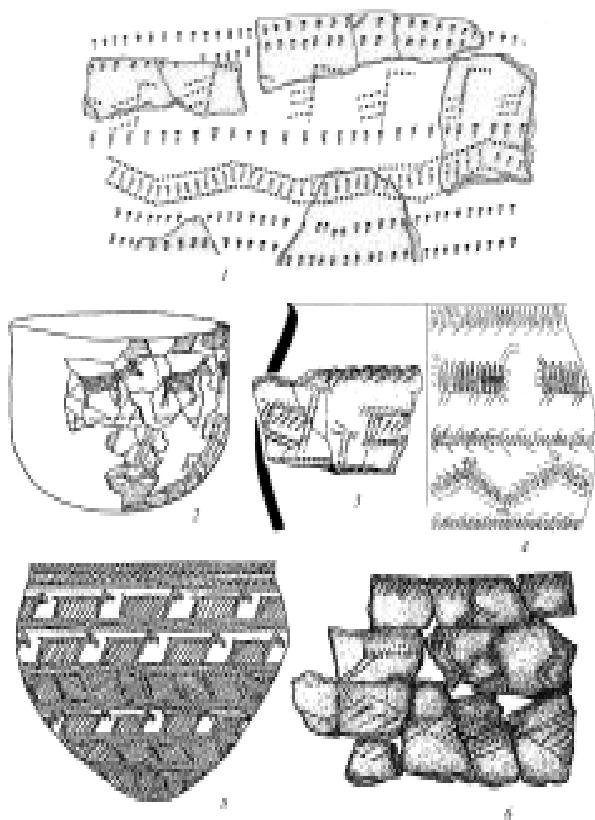

Рис. 2. Изображения водоплавающей птицы и копытных на энеолитической керамике Зауралья.

1 – Шайтанское озеро I (по Ю.Б. Серикову); 2 – Колтыки IX (по Е.М. Берс); 3 – Разбойничий остров (по Н.М. Чайкиной);
4 – Чебаркуль I (по Н.П. Кипарисовой); 5 – Амня I (по В.М. Морозову, В.И. Стефанову); 6 – Бараний Мыс (по Н.М. Чайкиной).

В изображении шествия или бега по кругу копытных на зауральских энеолитических сосудах несомненно композиционное сходство с изображением водоплавающей птицы. Фигуры животных выполнены в том же изобразительном каноне, что и птицы: профильные, с массивным квадратным телом. Динамизм фигур передан наклоном тела и шеи, изгибом ног (рис. 2, 2, 3, 5, 6). Исходя из сказанного, логично предположить и определенную близость смыслового значения этих композиций, по всей вероятности, связанную с идеей круговорота в природе и жизни. Копытные животные, по всей вероятности, стали олицетворением возрождения природы. В шествии животных акцентировано внимание на ее производительной силе.

Потенциальные возможности природы, обеспечивающие жизнь людей и зверей, возрастают в весенне-летний период и сокращаются в зимний. В круговых ритмах нашли отражение идеи продолжения рода, бесконечного порождения жизни. Не случайно для выражения этих идей в качестве кода избраны промысловое животные, жизнь несущие. В редких случаях встречаются изображения птиц и копытных, двигающихся справа налево, на закат солнца, и, вероятно, маркирующих приближение осенне-зимнего сезона. В древности заходящее солнце считалось умирающим, а запад ассоциировался со смертью (Голан, 1993. С. 35).

Таким образом, хороводы птиц и зверей, их движение в большинстве случаев в сторону восхода солнца, по-видимому, символизирует связь весны с воскрешением природы, периодическим обновлением Космоса. В основе этого сюжета, по всей вероятности, лежало наблюдение за реальными природными ритмами – «природный феномен весны».

Поток сведений о мире теснейшим образом связан с реально наблюдаемыми явлениями, с бесконечной повторяемостью одних и тех же комбинаций природных и социальных процессов. Тайна неисчерпаемого проявления жизни связана с ритмическим обновлением Космоса. Ритм и симметрия стали организующим началом мира, формой его упорядоченности. Повторяемость мотивов на сосудах, вероятно, выражала повторяемость событий. С симметрией, по всей вероятности, связаны идеи устойчивости, стабильности, гармонизации мира.

О семантике водоплавающей птицы как проводнике душ умерших, посреднике между миром живых и мертвых убедительно свидетельствуют находки kostяных уточек, нашитых на костюм погребенного в гроте на Камне Дождевом (рис. 1, 11-12). Все фигурки обращены головками налево, на закат солнца, как и фигурка уточки, выполненная на фрагменте керамики аятской культуры (рис. 1, 10).

Космогоническая функция водоплавающей птицы в энеолите связана с периодическим обновлением мира, в отношении творца Вселенной, на наш взгляд, данные археологии не убедительны.

Список литературы

- Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988.
- Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (Опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
- Голан А. Миф и символ. М., 1993.
- Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. Вып. 131. М., 1972.
- Викторова В.Д., Чайкина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировоззрении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
- Викторова В.Д., Колмакова В.В., Федорова А.Ю. И разные народы побывали здесь... // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Дмитриева Т.Н. Пещера как целостность: (К проблеме интерпретации палеолитической пещерной живописи) // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа, 1997.
- Клементьева Т.Ю. Орнитоморфные изображения на энеолитической керамике Зауралья // Емельяновские чтения. Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. Курган, 2006.
- Ковалева В.Т. Скрытые символы древнего знания // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
- Ковалева В.Т., Цапко Ю.Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
- Кызласов И.Л. Камень Дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // ЭО. 1999. № 4.
- Кызласов И.Л. Ранние формы осознанного воздействия человека на природные силы // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья.
- Напольских В.В. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // СЭ. 1990. № 1.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980.
- Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999.
- Семенов В.А. Кремневые наконечники стрел из полярных святилищ Урала: семиотический аспект // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Ч. II. СПб., 1993.
- Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
- Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005
- Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Фрейденберг О.М. Миф и литература в древности. М., 1978.
- Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // ЭО. 2004. № 1.
- Чайкина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // ВАУ. Вып. 23. 1998.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. 4-12. М., 1971.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006.
- Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
- Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., Киев, 1996.

В.Д. ВИКТОРОВА
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

ЧАШИ НА СКАЛАХ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ
Урала № 07-01-83 106 а/У

На восточном склоне хребта Среднего и Южного Урала вдоль рек и озер на гранитных плоскостях скал расположены чашевидные углубления. В статье пойдет разговор о чашах Среднего Зауралья. Здесь в верховьях р. Исети разведкой выявлено около 30 чащ, рядом с десятью из них проведены раскопки.

Чаши выглядят как углубления округлой, овальной и реже восьмеркообразной формы с плоским основанием. При глубине от 15 до 25 см (как исключение – 40-50 см) у круглых чащ диаметр составляет 1-0,75 м, размер овальных – 1-0,75x0,7-0,6 м, восьмеркообразных – 1,2-1,4x0,7 м.

По местоположению чаши делятся на две группы. К первой группе относятся те, что находятся на горизонтальных плоскостях валунов высотой 1,5-2,5 м или на невысоких выходах скал. Во вторую группу

выделены чаши на вершинах скал высотой 5-15м.

Не менее десятка геологов побывало на острове Каменные палатки палеозера Романовского, где обнаружены три чаши на поверхностях двух валунов и одна – на вершине западной гряды. Но единого мнения о происхождении этих углублений мы так и не услышали. Были утверждения, что это чисто природные образования, были и сомнения в их естественном происхождении.

Археологам более убедительной представляется гипотеза антропогенного образования чащ. Аргумент первый. Там, где у оснований валунов с чащами или у чащ на вершинах гранитных останцев производились раскопки или были заложены разведочные шурфы, везде найдены культурные остатки. Но, в зависимости от местонахождения чащ, слои содержали находки различного времени и состава. С первой группой чащ, расположенных на невысоком уступе скалы мыса Елового (Берс, 1963. С. 82), у подножия Малых Шарташских палаток (Берс, 1951. С. 220), на Кырманских скалах (Морозов В.М., 1998. С. 302), у подножия двух валунов острова Каменные палатки (рис. 1) связаны следы металлургического производства. Они представлены медными шлаками, обломками глиняных сопел и тиглей, медными всплесками, фрагментами керамики иткульской культуры, в том числе ошлакованными, обломками сосудов кашинского и петрогромского типов позднего железного века.

Рис. 1. Чаша на валуне острова Каменные палатки.

Догадка об использовании чащ в качестве оснований горнов или печей впервые была высказана Е.М. Берс. В пользу этого предположения говорит не только состав находок возле чащ, но и совпадение формы и размеров чащ с формой и размерами оснований горнов/печей, выкопанных в земле (Бельтикова, Викторова, Панина, 1993. Рис. 4, 3-7).

Аргумент второй. После снятия культурного слоя в северной части памятника Палатки I (остров Каменные палатки) были обнаружены два овальных углубления на плоскости материковой плиты. По форме и размерам верхних очертаний углубления совпадали с теми чащами, что находились на валунах, но они углублены только на 7-10 см и дно было не плоским, а вогнутым. Находки рядом с этими углублениями аналогичны тем, что найдены на иткульских металлургических площадках. Можно предположить, что углубления возникли в результате многократного сооружения печей/горнов на одном и том же месте. Этот про-

цесс приводил к постепенному разрушению гранита и углублению впадины.

Раскопками на трех памятниках установлено, что чаши на вершинах выходов-палаток имели иное назначение.

Чаша на памятнике Вершина I (рис. 2).

Рис. 2. Чаша на вершине западной скалы острова Каменные палатки.

Памятник расположен в северо-западной части острова Каменные палатки. Здесь гранитный материк двумя большими ступенями высотой 8 и 7 м повышается с запада на восток. На первой мысовидной площадке расположен памятник Палатки I. Площадка использовалась древним населением во все эпохи, начиная с мезолита. Вторая площадка возвышалась над уровнем первой и подходила к подножию выхода гранитной скалы высотой 3 м. После проведения траншеи поперек наклонной восточной части этой площадки стало понятно, что от ее горизонтальной поверхности вверх к основанию скалы поднимаются три каменные ступени. Ширина каждой ступени составляла около 2 – 2,5 м. Этот ландшафтный комплекс обозначен как памятник Вершина I (рис.3).

Вершина горы состояла из четырех гранитных отдельностей с широкими щелями между ними. После снятия верхнего слоя с битым стеклом, углем и ржавыми консервными банками обнаружены три объекта, возле которых были сосредоточены находки древних эпох: ниша прямоугольной формы, в 1,5 м к юго-западу от нее чаша на самой высокой части вершины и в 3 м южнее чаши, в развилке трех щелей вертикально стоял камень с плоской вершиной прямоугольной формы (рис.4).

Ниша размером 1x0,8 м, высотой 0,9 м была перекрыта гранитной глыбой. После ее снятия обнаружено пятно прокаленной супеси с включением угольков, небольшого количества кальцинированных kostочек, обломка наконечника стрелы из кремнистого сланца, неорнаментированных фрагментов керамики и одного фрагмента сосуда черкаскульского типа эпохи бронзы. Остальные более крупные части этого сосуда оказались в расселинах в радиусе 4-5 м к югу и юго-западу (рис. 5, 5), а также в щели западного уступа. Там же найдены два кресальных кремня (рис. 5, 4).

Плоскость дна ниши в тыльной восточной части переходила в расселину. Она до дна была заполнена

супесью с включением кальцинированных косточек, отщепов халцедона и черного плитчатого сланца, чешуек слюдистого талька. Здесь же найдены небольшие фрагменты сосуда аятской культуры эпохи энеолита (рис.5, 6).

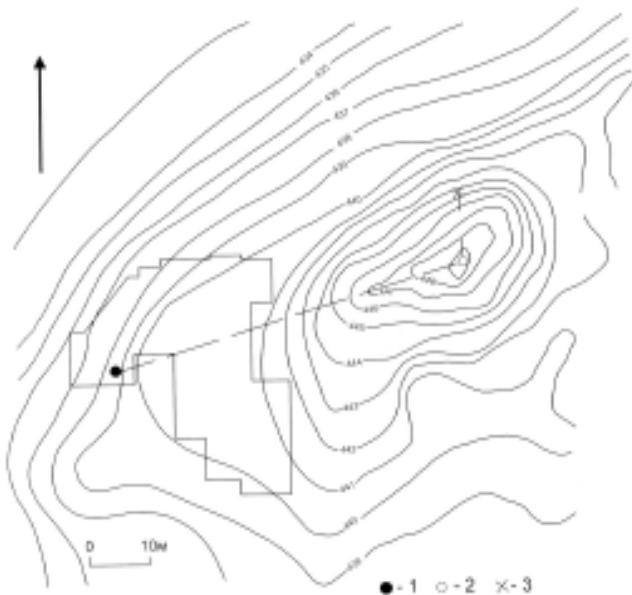

Рис. 3. План расположения чаши на вершине горы острова Каменные палатки. 1 – местоположение алтарного камня на неолитическом святилище памятника Палатки I; 2 – местоположение чаши на вершине горы памятника Вершина I; 3 – местоположение знака в виде круга с диагональю на памятнике Вершина I.

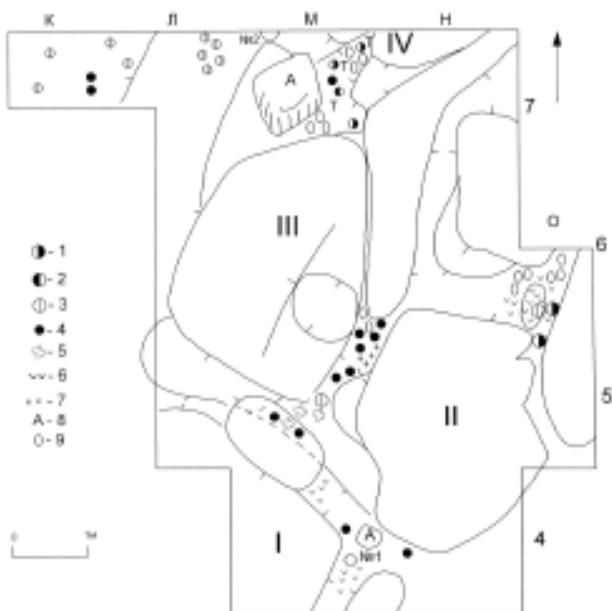

Рис. 4. План раскопа на памятнике Вершина I.
1 – фрагменты сосуда аятского типа эпохи энеолита;
2 – фрагмент сосуда коптиковского типа эпохи бронзы;
3 – фрагменты сосудов черкаскульского, межевского и бархатовского типов периода поздней бронзы;
4 – фрагменты сосудов иткульского и гороховского типов эпохи раннего железного века; 5 – шлак; 6 – прокал;
7 – угольки; 8 – алтарные камни; 9 – отщепы.

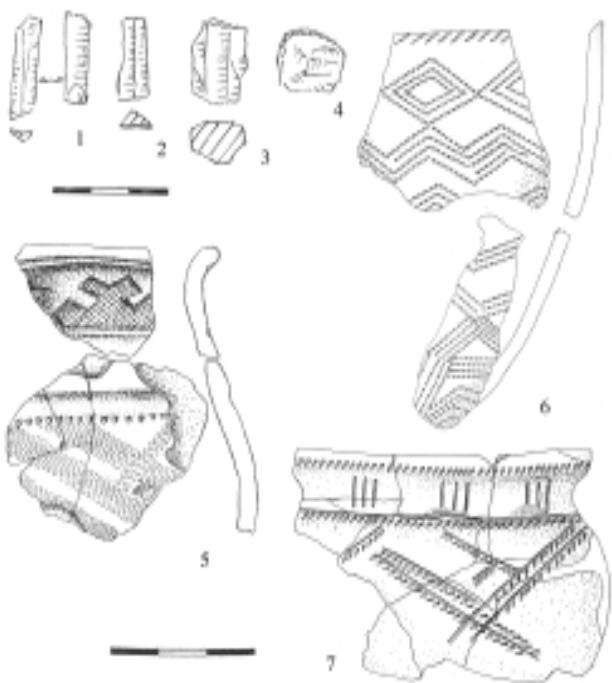

Рис. 5 Кремневые изделия и керамика с памятника Вершина I острова Каменные палатки. 1 – пластина с резцовым сколом; 2 – микропластина с ретушью утилизации; 3 – нуклеус; 4 – кресальный кремень; 5 – фрагменты сосуда черкаскульской культуры; 6 – фрагменты сосуда аятской культуры; 7 – фрагменты сосуда межевской культуры.

Чаша овальной формы размером 0,82x0,66 м и высотой вогнутых стенок 20 см занимает участок на краю скалы и резко обрывается на восток на высоту 1 м к расселине шириной 0,6 м, длиной 2 м, а на западе – на крутой склон горы (рис.2). В северной части расселины, рядом с чашей в слое супеси, смешанной с золой и угольками, обнаружен каменный инвентарь, аналогичный находкам из щели ниши: отщепы халцедона, черного плитчатого сланца, чешуйки слюдистого талька. Кроме того, найдено большое количество мелких кусочков талькохлорита, нуклеус из сургучной яшмы (рис. 5, 3) и резец на микропластине (рис. 5, 1). В центральной и южной части расселины, наряду с небольшим количеством отщепов, найдены фрагменты керамики раннего железного века иткульской культуры.

Находки артефактов раннего железного века продолжались в углистом слое развилики трех расселин шириной 35-40 см вокруг вертикально стоящего камня, который, возможно, использовался как алтарный. У камня плоская квадратная вершина размером 23x23 см, высота - 43 см. Рядом с камнем расчищена ямка диаметром 5 см, на глубину 10 см заполненная углем. В западной части развилики у вертикальной щели обнаружены фрагменты керамики иткульского и гороховского типа раннего железного века, небольшие кусочки медного шлака, капелька меди.

Центральную часть скалы между отдельностями III и IV снизу доверху прорезала щель. В слоях рядом со щелью у основания скалы обнаружены находки, происхождение которых можно трактовать двояко.

Первый вариант. Находки могли быть результатом

том сброса с верхней площадки, так как в их составе были фрагменты аятского сосуда, часть которого обнаружена в нише на верхней площадке (рис. 5, 6), а также отщепы халцедона, черного плитчатого сланца и много кусочков талька. Есть фрагменты сосуда иткульской культуры.

Второй вариант. Обозначенные находки обнаружены у вертикальной щели, а также рядом с ней, вокруг намеренно поставленного валуна. У камня правильные очертания в форме параллелограмма со сторонами 70 и 82 см, высотой 66 см. След от его выемки расположен в 17 м к юго-западу. Синхронные находки могли быть связаны с различными ритуалами на верхней площадке и внизу, у большого камня, который, вероятно, следует определить как алтарный. В 20 см северо-западнее этого камня расчищена ямка от столба диаметром 20 см, на глубину 18 см заполненная черной супесью. Несомненно, с какими-то действиями у камня и столба связаны отщепы зеленого туфа и фрагмент керамики коптяковской культуры эпохи бронзы. В траншее, проведенной на 4 м к западу от обозначенного камня, найдены фрагменты керамики эпохи бронзы разных культур – межковской (рис. 5, 7) и бархатовской.

Обратим внимание еще на два обстоятельства. На наклонной плоскости западной части скалы с чащей виден прошлифованный знак больших рогов размером 1x0,48 м, а ниже, под небольшим выступом, – знак малых рогов размером 0,5x0,16 м (Викторова, 2006. Рис. 2, 1, 2). Если встать на плоскость чаши, то к северу от нее на расстоянии 16 м и ниже на 5 м расположена гранитная плита, на которой прошлифован круг с диаметром, ориентированным в направлении Ю-С (Викторова, Кернер, 1998. Рис. 6, 1). Оба знака соотносятся с неолитическим святилищным комплексом боборыкинской культуры, расположенным на западной площадке острова (памятник Палатки I).

Все перечисленные в описании факты приводят к выводу о том, что западная скала острова была местом отправлений ритуалов, начиная с эпохи неолита до раннего железного века, и на протяжении тысячелетий на самой высокой части скалы зажигался огонь, в результате чего могла образоваться чаша.

О характере ритуалов на вершине и у подножия скалы можно говорить весьма предположительно. Знак больших рогов виден только в определенное время – время восхода солнца. Видимо, с этим периодом были связаны какие-то ритуальные действия на боборыкинском святилище. Вполне вероятно, что в эпоху энеолита у огня, который горел на вершине скалы, или в уже образовавшейся чаше производилось ритуальное расщепление камня и, возможно, изготовлены культовые предметы из талькохлорита или слюдистого талька. В различные периоды эпохи бронзы какие-то обряды совершались в нише у костра, а также у основания скалы при большом алтарном камне. Можно предположить, что в раннем железном веке в чаше производилась ритуальная плавка меди, а у малого алтарного камня рядом со столбом тоже осуществлялись какие-то обрядовые действия.

Исследование культового места на памятнике Вершина I позволили приоткрыть завесу над одной из

загадок. Дело в том, что на всех зауральских памятниках на вершинах гор, как правило, археологи находят не целые или хотя бы раздавленные сосуды, а только фрагменты. Эта особенность характерна для памятников всех эпох, начиная с энеолита до позднего железного века. Возникали вопросы: почему сосуды разбивали, почему на культовых местах оставляли только части сосудов, куда девали остальные фрагменты. Ответ на один из вопросов стал понятен после того, как фрагменты сосуда межковского типа с памятника Вершина I удалось совместить (и склеить) с частями того же сосуда с поселения Палатки I. Видимо, после ритуала, в результате которого сосуды разбивались, какие-то их части приносили на поселение и хранили как сакральные предметы.

Может быть, подобный образ сакрального обломка миски фигурирует в мансийском мифе о том, как луна и солнце появились на небе. Мать дала мальчику/богатырю обломок миски и сказала: «Если твои руки, твои ноги попадут в беду, этот обломок миски разломи пополам» (Мифы, предания..., 1990. С. 293). Когда пришло такое время, богатырь разломил половину миски, и появилась кольчуга (Там же. С. 295).

Чаши на вершинах скал мыса Елового.

Мыс врезается в болото (ранее – акватория озера Мелкого) на 400 м. На нем возвышаются 10 выходов скал-палаток. Раскопки производились у основания северной скалы, расположенной на стрелке мыса, а также на вершине и у подножия скалы, которая находится в 30 м юго-западнее первой.

Первая скала высотой 6 м с восточной стороны имеет отрицательный навес, на котором В.Т. Петрин обнаружил писаницу (рис. 6, 6). На вершине этой скалы помещен валун полукруглой формы, подпиравшийся с одного бока камнями. У валуна причудливые профили: со стороны, где под него подложены камни, он напоминает черепаху, с противоположной стороны – голову утки. На покатой поверхности валуна расположена чаша размером 1x0,7 м, глубиной 10-15 см. У южного основания гранитного останца в начале XX века Ю.П. Аргентовским были заложены шурфы, а в 1980 г. Т.И. Нохриной – раскоп (Петрин, 1985). В коллекции из раскопок Ю.П. Аргентовского есть «утюшки» из тальковой породы (рис. 6, 7, 8), пластины и отщепы, а также фрагменты керамики эпох неолита, энеолита и бронзы (фонды СОКМ). Таким же был состав находок (за исключением «утюжков») и в коллекции из раскопок Т.И. Нохриной (рис. 6, 1-5).

Второй гранитный останец имеет высоту 12 м. На выступающей плите верхней площадки у ее южного края находится чаша диаметром 1 м, глубиной 15 см. Площадка возле чаши была исследована в средине XX в. Е.М. Берс (1954. С. 51-55). Автор определила, что это было жертвеннное место периода финальной бронзы и эпохи раннего железного века. Остатки обильных жертвоприношений сохранились в большом углублении западной части площадки. Они составляли 7,5 тысяч сырых и кальцинированных костей, среди которых преобладали кости лошади и лося. Представлены также кости косули, медведя, волка, глухаря, тетерева, рябчика. Среди находок есть «пряслице»-диск, утяжелитель для добывания «живого огня»,

изделия из хрустеля, в том числе, кресальный кремень, глиняная антропоморфная фигурка с отломанной головой и рукой, медный орнаментированный наконечник стрелы, фрагменты сосудов гамаюнской и иткульской культур.

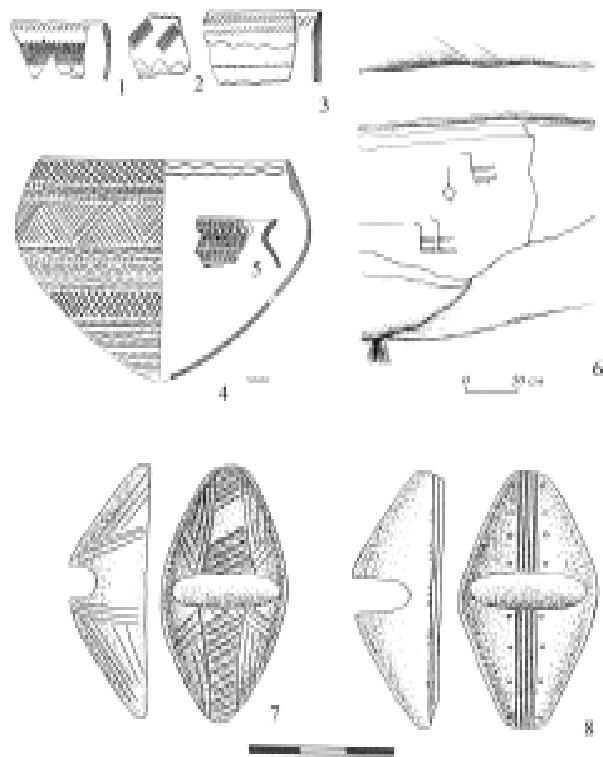

Рис. 6. Артефакты со скалы мыса Елового.

1, 2 – фрагменты сосуда елизаветинского типа;

3 – фрагмент керамики аятского типа; 4 – реконструкция неолитического сосуда; 5 – фрагмент сосуда гамаюнской культуры; 6 – изображения на писанице; 7, 8 – «утюжки».

Рис. 1 – 6 по В.Т. Петрину.

Чаша на вершине горы Петрогром.

Гора Петрогром расположена между двумя, ныне пересыхающими речками, впадавшими в Согринское болото (палеозеро). На вершине горы возвышаются восемь каменных палаток высотой от 8 до 15 м. По описаниям автора раскопок Е.М. Берс (1963. С. 102.) вершина одного из останцев выглядит как голова сфинкса, вершины двух других – как головы великанов в шапках. На плоских вершинах трех скал в результате раскопок обнаружены основания 18 плавильных печей и остатки металлургического производства в виде медных и железных шлаков, кальцинированных косточек, глиняных и тальковых «пряслиц», обломков подов печей, керамики иткульского типа раннего железного века, фрагментов сосудов батырского и петрогромского типов позднего железного века. Металлические фигурки подвесок-коньков, по всей вероятности, следует отнести к браку производства, так как у одной из них была отломана нога, а от другой сохранилась лишь половинка.

Овальной формы чаша размером 0,6x0,4 м, глубиной 20 см находится на выступе вершины самой высокой скалы (на «шапке великана»). На площадке у основания этого выступа в верхних горизонтах, на-

ряду с остатками металлургического производства, были найдены следы жертвоприношений. В их состав входили листовая бронза и ручка от котла, железные ножи с уступом на спинке, костяные наконечники стрел, кусок охры, «пряслица», керамика батырского и петрогромского типов. В шурфах у подножия этой скалы обнаружены точильные бруски, фрагменты листовой меди, железный скребок и керамика позднего железного века. Совокупные находки обозначенных артефактов можно оценить как бескровные жертвоприношения населения позднего железного века до или после удачной выплавки и варки металла.

Итак, каким бы ни было происхождение чащ – естественным или искусственным – древний человек, начиная с эпохи неолита-энеолита и до позднего железного века, в чащах на вершинах гор зажигал огонь для совершения различных ритуалов. А чаши на валах в эпохи железа служили основаниями печей или горнов для производства металла.

Список литературы

- Бельтикова Г.В., Викторова В.Д., Панина С.Н. Металлургические комплексы на острове Каменные палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.
 Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21.
 Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954; 1963.
 Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. Вып.23. Екатеринбург, 1998.
 Викторова В.Д. Эволюция одного знака и его значения // Уральский исторический вестник. № 14. Екатеринбург, 2006.
 Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
 Морозов В.М. Кырманские скалы // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
 Петрин В.Т. Писаница из окрестностей г. Свердловска // СА. 1985. № 3.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

М. П. ВОХМЕНЦЕВ

Научно-производственный центр по охране и использованию объектов культурного наследия Курганской области, Курган, Россия

ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Эпоха ранней бронзы - очень интересный и очень короткий по продолжительности период. На разных территориях Урало-Сибирского региона он имеет свои особенности. Уровень изученности эпохи ранней бронзы также различен в разных частях региона. В 60-70-х годах ХХ века в связи с новостройками увеличились объемы исследовательских работ, и за короткий срок они умножили источники археологической информации в несколько раз, в том числе и по периоду ранней бронзы. На базе полученных новых материалов был выделен ряд культурных типов и археологических культур этого времени: памятники одновинского и крохалевского типов в лесостепном и южнотаежном Притоболье-Ишимье (Крижевская, 1977. С. 65-95; Потемкина, 1985. С. 157-162; 1995. С. 16-20), в Прииртышье и Приобье (Генинг и др., 1970. С. 19, 20; Полосыма, 1978; Молодин, 1985. С. 27-35; Глушков, Глушкова, 1992. С. 116-121), ташковская культура в Притоболье (Ковалева, 1988. С. 29-47; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000; Косарев, 1993. С. 70-75), вишневская в Северном Казахстане (Зданович, 1973. С. 38-40; Зайберт, 1973. С. 100-113; Татаринцева, 1984. С. 106-110), логиновская и кротовская культуры на Иртыше и Оби (Молодин, 1985. С. 84-88; Стефанова, 1988. С. 53-74; Косарев, 1993. 80-92; Матюшенко, Синицына, 1988. С. 90-96, 131; Матюшенко, Полеводов, 1994. С. 52-54, 66-70), елунинская на Алтае (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005).

Данная публикация имеет цель сделать обзор источников лесостепного и северостепного Притоболья, принадлежащих, согласно периодизации западносибирских древностей, к раннему этапу бронзового века и относящихся к кругу культур доандроновской бронзы (рубеж III-II тысячелетий - первая четверть II тысячелетия до н.э.). Характеризуемые ниже комплексы имеют аналогии на широкой территории западно-

сибирской лесостепи среди памятников названных выше культурных типов и культур, прежде всего включающих в свои коллекции текстильную керамику.

В лесостепном Притоболье первые исследования памятников эпохи ранней бронзы начались в конце 70-х - начале 80-х гг. ХХ века. В настоящее время на рассматриваемой территории насчитывается 26 памятников, где встречаются находки, относящиеся к эпохе ранней бронзы (рис.1).

По степени исследования эти памятники различаются: на десяти из них производились раскопки, остальные исследованы разведками. Но среди раскопанных памятников только два исследованы большими площадями и дали интересные, многочисленные находки: поселение Ташково 2 и могильник (поселение) Верхняя Алабуга. На остальных памятниках преобладающими являлись материалы других эпох, а находки ранней бронзы были малочисленными либо вообще единичными.

Памятники южной группы: 16 - могильник (поселение) Верхняя Алабуга; 17 - поселения Убаган 2, 3, 5, 7, 8; 18 - поселение Усть-Уйское 3; 19 - поселение Подуровка 6; 20 - поселение Круглое.

По особенностям керамики и других находок памятники ранней бронзы рассматриваемой территории можно разделить на две группы - северную и южную. Наиболее изучена северная группа памятников лесостепного Притоболья, которая является более многочисленной (рис.1, 1-15), но и более разбросанной. Памятники первой группы расположены к северу от г. Кургана, в основном по рекам Исеть, Тобол, Миасс. Южная группа памятников концентрируется на сравнительно небольшой территории в районе слияния рек Убаган и Тобол (рис.1, 16-20).

Первые материалы периода ранней бронзы были найдены в середине 70-х годов. В 1976 г. Е.М. Беспрозванный выявил недалеко от устья р. Миасс поселение Шабарчино 4 (рис.1, 7). На распаханной поверхности было собрано 12 фрагментов керамики ранней бронзы (Беспрозванный, 1976). Памятник находится вблизи ныне хорошо известного поселения Ташково 2, которое было открыто через шесть лет В.Т. Ковалевой. В 1976 г. Н.В. Варанкин открыл у д. Кирово на р. Миасс поселение Кирово 1 (рис.1, 10). В шурфе и на распаханной поверхности памятника собрано 8 фраг-

ментов керамики ранней бронзы и 7 каменных предметов (Варанкин, 1976). Остальные памятники открыты в конце 80-х - 90-х гг. по рекам Исеть и Тобол (рис. 1).

Рис. 1. Памятники северной группы: 1 - поселения Усть-Суерка 4, 5, 6; 2 - поселение Савин 3; 3 - Суварышское городище (Борок); 4 - поселение Коротково 3; 5 - поселение Индеево; 6 - поселение Верхнеярское 4; 7 - поселение Шадринка 4; 8 - поселение Ташково 2; 9 - Никитинская стоянка; 10 - поселение Кирово 1; 11 - поселение Сухрино 8; 12 - Прыговское городище, селище 1; 13 - могильник «Козырь»; 14 - поселение Дачное 2; 15 - поселение Шадринка 1.

Поселения Усть-Суерка 4, 5, 6 (рис. 1, 1) находятся в устье р. Суерь. В раскопах и в подъемном материале среди находок других хронологических групп имеется немногочисленная коллекция керамики ранней бронзы. Керамика толстостенная, пористая, с добавкой крупного шамота, орнаментирована ямочными вдавлениями и крупным гребенчатым штампом.

Поселение Савин 3 (рис. 1, 2) расположено в пойме р. Тобол. Среди подъемного материала выделяются фрагменты керамики ранней бронзы. Из них три фрагмента (рис. 2, 1-3) орнаментированы крупным штампом, в примеси глиняного теста имеется крупный шамот.

Суварышское городище (Борок) (рис. 1, 3) находится на р. Суварыш, левом притоке р. Исеть. На пашне среди находок разного времени найдены фрагменты керамики ранней бронзы.

Поселения Коротково 3, Индеево, Верхнеярское 4 (рис. 1, 4-6) находятся на левом берегу р. Исеть. В подъемном материале на поселении Коротково 3 имеются фрагменты ранней бронзы с ямочными вдавлениями и отпечатками грубой ткани. На поселении Индеево среди подъемных энеолитических находок встречены немногочисленные фрагменты керамики ранней бронзы. В заложенном шурфе на поселении Верхнеярское 4, кроме энеолитической керамики, найдено несколько фрагментов керамики ранней бронзы.

Никитинская стоянка (рис. 1, 9) и поселение Сухрино 8 (рис. 1, 11) расположены на левом берегу

р. Исеть недалеко друг от друга. Среди находок энеолитической эпохи на Никитинской стоянке имеется несколько фрагментов керамики ранней бронзы. На поселении Сухрино 8 из материалов раскопок происходит керамика раннего железного века и ранней бронзы.

Прыговское городище, селище 1, могильник «Козырь» располагаются на одной территории (рис. 1, 12, 13). В раскопках и шурфах встречаются фрагменты керамики с отпечатками грубой ткани на внешней поверхности (рис. 2, 7, 8), поверх которых нанесен орнамент крупным гребенчатым штампом (рис. 2, 5, 6) и шагающей гребенкой. Вся керамика пористая, с примесью крупного шамота. Найден обломок грузила, поверхность которого покрыта отпечатками грубой ткани (рис. 2, 8).

Рис. 2. Керамика. 1 - 4 - поселение Савин 3; 5 - 8 - могильник «Козырь».

Поселение Шадринка 1 (рис. 1, 15) находится среди озерных систем на древнем русле р. Миасс. В подъемных сборах среди находок других эпох имеются материалы ранней бронзы.

Поселение Ташково 2 (рис. 1, 8) расположено в 1 км к востоку от д. Ташково на пологой террасе правого берега р. Исеть. Территория памятника покрыта сосновым лесом. На поверхности хорошо читались жилищные впадины. Памятник открыт В.Т. Ковалевой в 1982 г. и раскопан в 1984-1986 гг. Вскрытая площадь составила 1462 кв.м. На территории памятника выявлены мезолитические слои и остатки двенадцати жилищ эпохи ранней бронзы. Постройки ранней бронзы располагались по кругу, одно из них находилось в центре круга. В раскопе найдены развалы сосудов, керамика, грузила, изделия из камня, орудия, связанные с металлургией. Результаты раскопок поселения Ташково 2 позволили обобщить разрозненные источники по ранней бронзе лесостепного и южно-лесного Притоболья и выделить ташковскую культуру. Материалы поселения Ташково 2 и других исследованных памятников ташковского типа опубликованы, что позволяет иметь достаточно полное представление о ташковских древностях (Ковалева, 1988. С.29-47; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000).

Находки на Прыговском городище, селище 1, могильнике «Козырь» отличаются от ташковских материалов. Фрагменты посуды с могильника «Козырь» орнаментированы гребенкой с крупными зубцами, на

поверхности стенок имеются отпечатки грубой ткани (рис. 2, 6, 7). Керамика с отпечатками ткани встречается на памятниках Усть-Суерка 4, 5, 6, Савин 3, Слабодчики 1. Основная часть орнамента поверх текстильных отпечатков выполнена гребенчатым штампом по всей поверхности и рядами ямок под венчиком. Несмотря на малочисленность находок, собранных в процессе разведочных исследований, возможно сделать предположение, что в северной части лесостепного Притоболья в период ранней бронзы наряду с ташковскими существовали памятники, характеризующиеся другими признаками, в том числе и с текстильной керамикой, определяемой как керамика одновско-крохалевского типа (Потемкина, 1985. С. 276-279; 1995. С. 16-18).

Исследованные памятники южной группы малочисленны, в большинстве случаев находятся на сильно денудированных песчаных почвах и потому в значительной степени разрушены.

На правом берегу р. Убаган у его впадения в р. Тобол находятся поселения Убаган 2, 3, 5, 7, 8 (рис. 1, 17). Поверхность большей части памятников покрыта надувным песком. На поверхности поселений Убаган 2, 5, 7, 8 встречена керамика ранней бронзы, в большинстве своем украшенная отпечатками грубой ткани, поверх которых нанесен орнамент крупным гребенчатым штампом, образующим разные узоры (рис. 3, 3, 9-12.). Керамика довольно толстостенная, пористая, с примесью крупного шамота. На поселении Убаган 2 из развали собран почти целиком один сосуд (рис. 3, 9), орнаментированный рядами горизонтальных линий, зигзагов, треугольников, выполненных в технике отступающей палочки. Очевидно, это был большой плоскодонный горшок баночной формы.

В коллекции находок из раскопок поселения Убаган-3 имеется керамика ранней бронзы, орнаментированная гребенчатым штампом, ямками. Поверхность большинства фрагментов покрыта отпечатками грубой ткани. На разрушенной поверхности памятника найден почти целый сосуд, распиленный пополам и с отпиленным дном, орнаментированный узорами из наклонных и волнистых линий, выполненных резной и отступающе-накольчатой техникой (Потемкина, 1985. С. 263. Рис. 106, 7).

На поселении Усть-Уйское 3 среди прочих находок имеется фрагмент керамики ранней бронзы, орнаментированной фигурными ямочными вдавлениями (рис. 3, 13). Фрагмент толстостенный, пористый, с примесью крупного шамота. Комплекс керамики ранней бронзы выделен на поселении Подуровка 6 (рис. 3, 1, 2, 32). Орнамент нанесен гребенчатым штампом в виде наклонных и горизонтальных линий. Один фрагмент имеет на внешней поверхности отпечатки грубой ткани. Несколько фрагментов керамики ранней бронзы происходят из подъемных сборов на поселении Круглое.

Многослойный памятник Верхняя Алабуга, где поселение ранней бронзы следует за энеолитическим могильником и предшествует могильнику средней бронзы раннеалакульского времени, находится в 110 км к югу от г. Кургана на правом берегу р. Тобол у д. Верхняя Алабуга. Памятник расположен в пойме на

береговом останце округлой формы диаметром 150 м и высотой 2,5 м. Поселение эпохи ранней бронзы занимало южный и западный склоны возвышения, у подножия которых находилось стариное озеро. Местное название останца - "Штанный бугор". Памятник был открыт в 1971 г. Т.М. Гусенцовой, в 1972 г. обследован разведкой Н.Н. Куминова. В 1977-79 гг. на памятнике произведены раскопки на широкой площади Т.М. Потемкиной. В последующие годы раскопки были продолжены М.П. Вохменцевым (1981, 1987 гг.), Т.М. Потемкиной совместно с В.Ф. Зайбертом (1984 г.), А.А. Бухониным и М.П. Вохменцевым (1986 г.), С.Н. Шиловым (1996 г.) (Гусенцова, 1971; Куминов, 1972; Потемкина, 1978. С. 273-274; 1979. С. 268-269; 1980. С. 228-229; 1982. С. 160-166; 1985. С. 148-200; Вохменцев, 1981; 1987; Зайберт, 1984; 1986. С. 443-444; Вохменцев, Бухонин, 1986. С. 228-229; Шилов, 1996). Общая площадь, вскрытая на памятнике за все годы, составляет 3602 кв.м.

По количеству исследователей, времени и вскрытой площади видно, что памятник исследовался основательно. Но единственная достаточно полная публикация этого памятника имеется лишь у одного из основных его исследователей - Т.М. Потемкиной (Потемкина, 1985. С. 148-200). Памятник Верхняя Алабуга известен прежде всего как могильник среднего бронзового века. Но, кроме того, здесь были выявлены также комплексы мезолита, неолита, энеолита, ранней бронзы и раннего железного века.

К периоду ранней бронзы на памятнике Верхняя Алабуга относятся остатки четырех жилищ (Потемкина, 1985. С. 157). Все они имели четырехугольную форму длиной 3,8 - 13,5 м, шириной 2,9 - 9,5 м, глубиной 0,15 - 0,5 м. В жилищах № 2 и № 4 найдены развалы сосудов, фрагменты керамики, кремневые пластинчатые орудия, обломки каменных шлифованных изделий (Потемкина, 1985. С. 160. Рис. 64, 2, 3; 65, 15, 22). Дать более полную характеристику каменным изделиям раннего бронзового века затруднительно в силу смешанности различных культурно-хронологических слоев.

На раннебронзовом поселении Верхняя Алабуга полностью и частично удалось реконструировать шесть сосудов (Потемкина, 1985. Рис. 64, 1-3; 66, 13; 106, 47-49, 50, 51). По форме это баночные сосуды с плоским дном, но встречаются и круглые днища. Верхняя часть стенок наклонена внутрь, расположена прямо или отогнута наружу. В коллекции выделяются две группы посуды: толстостенная (8-12 мм) и тонкостенная (3-6 мм) (Потемкина, 1985. С. 160-161. Рис. 66, 67). Первая - основная в коллекции (95%), представлена изделиями грубой выделки, с текстильными или ложнотекстильными отпечатками по внешней поверхности. Орнамент нанесен поверх текстильных отпечатков и состоит из рядов насечек, наклонных оттисков штампов, взаимопроникающих треугольников, решеточки и др. Наиболее близкие аналогии этой посуде имеются среди керамики вишневского типа в Северном Казахстане, одновского и крохалевского в лесостепном Приишими, Прииртышье и Новосибирском Приобье (Потемкина, 1985. С. 160, 161, 276-278. Рис. 66, 67). Другая группа представлена со-

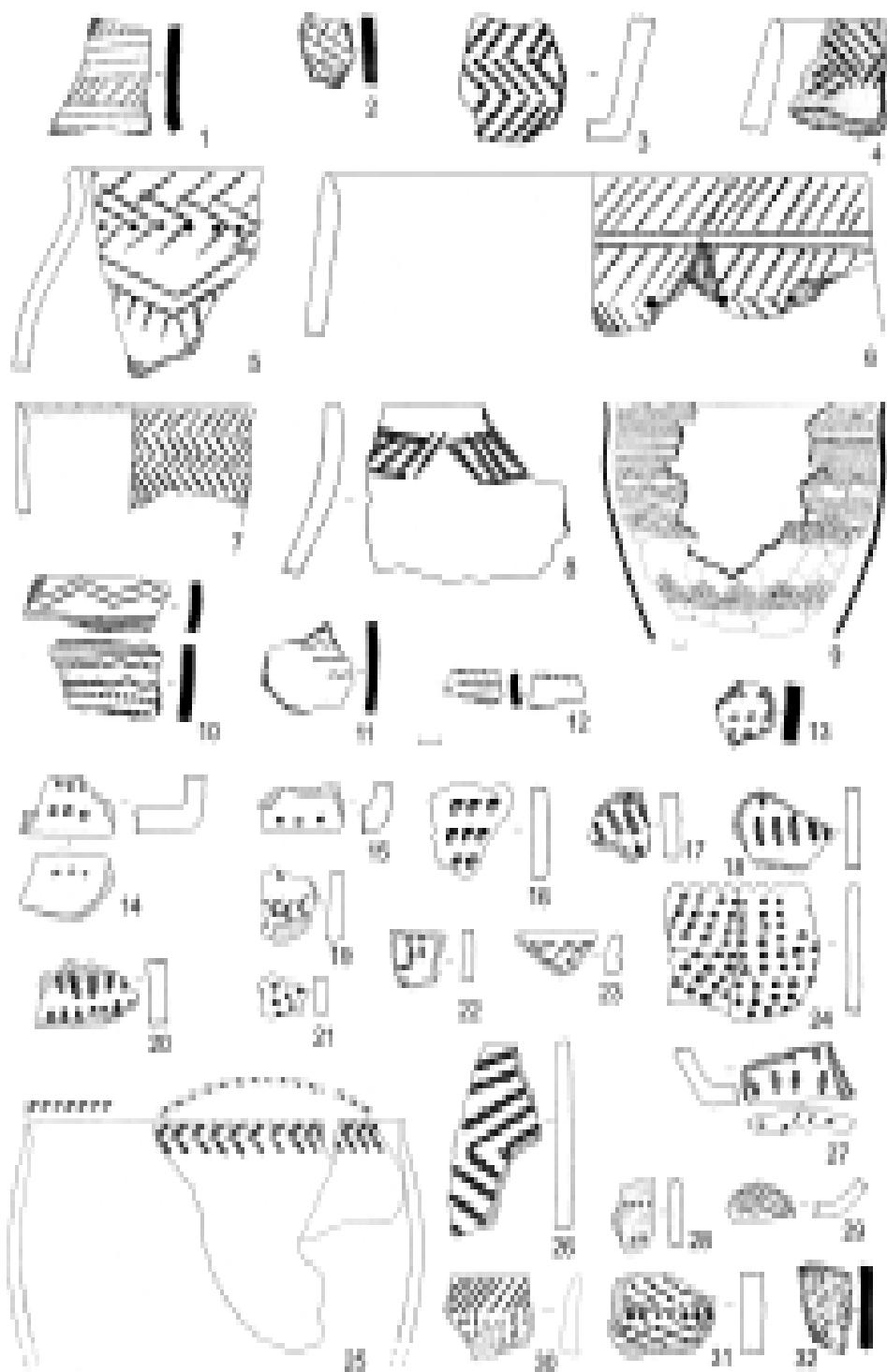

Рис. 3. Керамика. 1,2,32 - поселение Подуровка 6; 3 - поселение Убаган 3; 4-8, 14-31 - могильник (поселение) Верхняя Алабуга; 9 - поселение Убаган 2; 10-12 - поселение Убаган 6; 13 - поселение Усть-Уйка 3.

судами с хорошо заглаженной поверхностью, баночных и горшечных форм с выпуклыми боками. Орнамент украшал всю внешнюю поверхность или только верхнюю половину сосудов. Узоры состояли из вертикальных и горизонтальных зигзагов, заштрихованных взаимопроникающих треугольников, выполненных линейно-накольчатой техникой. На тот момент исследований автор раскопок сочла возможным отнести эту керамику к боборыкинскому типу (Потемкина, 1985. С. 161, 278, 279). Всего в коллекции, собранной за

все годы на поселении Верхняя Алабуга, насчитывается около двух тысяч фрагментов керамики ранней бронзы.

Кроме керамики, в слое, связанном с поселением, найдены другие предметы, которые могут быть отнесены к рассматриваемому периоду: рыболовный крючок, обломок зашлифованного изделия из рога лося, грузила и их обломки, пряслица, обломки кирпичиков (Потемкина, 1985. С. 161, 162. Рис. 64, 4 - 6; 106, 54 - 63). В ряде ям встречены крупные каменные

орудия: песты, абразивы, отбойники, шлифованные топоры с оббитыми краями, шарик из крупнозернистого песчаника. Часть этих предметов опубликована (Потемкина, 1985. С.162. Рис.106, 30, 37). В двух ямах найдены кости рыбы и угли совместно с керамикой ранней бронзы.

Материалы могильника эпохи энеолита и поселения ранней бронзы Верхняя Алабуга требуют отдельной публикации. Топографическое расположение и характер сооружений раннебронзового времени в Притоболье имеют сходство с некоторыми сооружениями кротовских и елунинских памятников. Поселенческие комплексы последних имели линейную и сгруппированную планировку. Поселения и поминально-погребальные комплексы часто окружали рвы (Генинг, Стефанова, 1982. С. 62). На площади могильника Телеутский Взвоз 1 рвы составляют основу культового комплекса (Кирюшин, Грушин, Тишкун, 2003. С. 119, 120. Рис. 3; Грушин, 2007). На могильнике (поселении) Верхняя Алабуга также выявлены два рва. В одном из них, ориентированном с северо-запада на юго-восток, были найдены фрагменты плоскодонного и круглодонного сосудов эпохи ранней бронзы, кости мелкого рогатого животного, крупного рогатого животного (быка ?), лося и верблюда (определение П.А. Косинцева). В конце рва находилось погребение, где умерший был помещен в позе полусидя. Рядом с погребениями и рвами выявлены ямы, в которых найдены керамика ранней бронзы с отпечатками ткани, рог лося с насечками, галька со следами обработки, каменные изделия. По облику каменные изделия можно считать отбойниками и абразивами или камнями, на которых проводили растирание. Подобные предметы, определяемые как ритуальные, есть на памятнике елунинской культуры Телеутский Взвоз 1 (Грушин, 2007). Ямы с костями рыб и улиствыми прослойками имеют аналогии в вишневских памятниках (Татаринцева, 1992. С. 62-63). Яма с костяным ножом, чешуей и костями рыб доандроновского времени раскопана С.Н. Шиловым у с. Гладунино на Тоболе. Интерпретировать эти конструкции можно как хранилища. После определенной обработки рыбу укладывали в яму. На ее поверхности разводили огонь, тем самым уменьшали количество кислорода в яме. Подобные хранилища у жителей Камчатки описаны В.Л. Комаровым (Берг, 1946. С. 149).

Керамический материал южной группы памятников лесостепного Притоболья по технике нанесения орнамента можно разделить на пять видов: 1 - посуда, украшенная гребенчатым штампом (рис.3, 1-6); 2 - гладким штампом (рис.3, 7); 3 - отступающе-накольчатой техникой и путем прочерчивания (рис.3, 8-12); 4 - ямочными вдавлениями различных форм (рис.3, 13-24); 5 - отпечатками веревочного штампа (рис.3, 25-32). Посуда этого облика имеет сходство с материалами одновских, крохалевских, вишневских, кротовских, елунинских памятников (Голдина, Крижевская, 1971. С. 74-77; Крижевская, 1977. С. 79-80. Табл. XX; Генинг, Гусенцова, Кондратьев, Стефанова, Трофименко, 1970. С. 19-20, 32; Полосьмак, 1978. С. 43-44; Зданович, 1973. С. 38-40; Зайберт, 1973. С. 106-113; Татаринцева, 1992. С. 62-63). Малочисленная группа керамики с тонкими стенками, орнаментированная про-

черченным и отступающе-накольчатым орнаментом, выделенная Т.М. Потемкиной на поселении Верхняя Алабуга и соотносимая с боборыкинской посудой (Потемкина, 1985. С. 161. Рис. 64, 1-3; 106, 50), по всей вероятности, является отдельным комплексом среди находок эпохи ранней бронзы. Хотя данная группа керамики и имеет ряд формальных признаков сходства с боборыкинской посудой, но, на наш взгляд, таковой не является. Скорее всего, это особая разновидность керамики периода ранней бронзы в южной части лесостепного и степного Притоболья, которая имеет свою генетическую линию развития, отличную от текстильной (или ложнотекстильной) керамики западносибирской лесостепи. Культурное и хронологическое соотношение этих двух видов керамики требует специального исследования.

В целом памятники южной группы, расположенные в Среднем Притоболье, имея сходство с культурами ранней бронзы лесостепной полосы Западной Сибири и Северного Казахстана, обладают своеобразными чертами. Подобные материалы найдены кустайскими археологами в разведочных сбоях в степном Притоболье (не опубликованы). Древности ранней бронзы типа могильника (поселения) Верхняя Алабуга, вероятнее всего, распространены по рекам Уй, Убаган и среднему течению Тобола в лесостепной и степной зоне.

Список литературы

- Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.Л., 1946.
Беспрованный Е.М. Отчет о разведке в Каргапольском районе Курганской области в 1976 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 6038.
Варанкин Н.В. Отчет об археологической разведке, проведенной в зоне сооружения Миасской оросительной системы в 1979 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 7595.
Вохменцев М.П. Отчет археологической экспедиции Курганского областного краеведческого музея о раскопках памятника Верхняя Алабуга в Притобольном районе Курганской области в 1981 г. Архив ИА РАН. Р-1, №№ 8688; 8688A.
Вохменцев М.П., Бухонин А.А. Отчет Курганского краеведческого музея об археологических исследованиях в Курганской области в 1986 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 11451.
Вохменцев М.П. Отчет Курганского краеведческого музея об археологических исследованиях в 1987 г. в Притобольном районе Курганской области. Т. 1, 2. Архив ИА РАН. Р-1, №№ 12628, 12629.
Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртыша // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV - поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982.
Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск, 1992.
Голдина Р.Д., Крижевская Л.Я. Одино - поселение эпохи ранней бронзы в западносибирском лесостепье // КСИА. Вып. 127. М., 1971.
Грушин С.П. Ритуальные комплексы елунинской культуры на памятнике Телеутский Взвоз 1 // В настоящем сборнике. Гусенцова Т.М. Отчет об археологической разведке в Курганской области в 1971 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 4519.
Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим //

- КСИА. Вып. 134. М., 1973.
- Зайберт В.Ф. Исследование могильника Верхняя Алабуга // АО- 1984. М., 1986.
- Зайберт В.Ф. Отчет о раскопках могильника Верхняя Алабуга в 1984 г. Архив ИА РАН. № 9394.
- Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Североказахстанской области // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Вээоз-I). Барнаул, 2003.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука - поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005.
- Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения. ВАУ. Вып. 19. Свердловск, 1988.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург, 2000.
- Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // РЭ.1993. № 4.
- Крикеская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
- Куминов Н.Н. Отчет об археологической разведке на территории Курганской области в 1972 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 4835.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
- Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Полосымак Н. В. Керамический комплекс Крохалевка-7 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Потемкина Т.М. Работы Тоболо-Иртышского отряда // АО-1977. М., 1978.
- Потемкина Т.М. Работы Тобольского отряда // АО-1978. М., 1979.
- Потемкина Т.М. Работы Тобольского отряда // АО-1979. М., 1980.
- Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. 1995. № 1.
- Степанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка 1 в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Волго-Уральского междуречья. Челябинск, 1984.
- Татаринцева Н.С. Поселение Сергеевка // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.
- Шилов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в Каргапольском и Звериноголовском районах Курганской области. Архив ИА РАН.

С.В. ИВАНОВА
Институт археологии НАНУ,
Одесса, Украина

О МОДЕЛИРОВАНИИ КУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Исследование выполнено в рамках Украинско-Российского научно-исследовательского проекта «Этнокультурные связи степного населения эпохи ранней бронзы от Приуралья до Поднестровья», который осуществляется по результатам совместного конкурса НАН Украины и РГНФ – 2006 (проект № 20-06/06-01-911100 а/у)

Представления о назначении (и значении) курганов с начала их систематического исследования и до наших дней претерпели существенные изменения. В восприятии исследователей можно проследить эволюцию от традиционного подхода «курган – могильный комплекс», этапы сооружения которого отражают исключительно хронологию культур или обрядовых групп, до признания за этим явлением сложной семиотической системы. И планиграфия (размещение могил в подкурганном пространстве), и последовательность возведения насыпей, их конфигурация и размеры оказываются подчиненными определенным правилам, где хронологический аспект является лишь одним из многих.

Многолетние исследования Т.М. Потемкиной позволяют считать, что у древних народов принципы организации сакрального пространства связаны с реализацией модели Мира, отражением конкретных представлений о Космосе (Потемкина, 2001; 2004; 2005; 2006). Мировоззренческие установки древнего человека, превращаясь в способы мироиспользования, проецируются на мир, организовывая его элементы в соответствии со своей структурой. С этой точки зрения курган представляет собой определенный код мыслительной культуры, где все элементы взаимосвязаны и взаимозависимы. Общеизвестно, что любая культура проявляется не только в материальных вещах или социальных институтах. Ей присущи и смысловые системы, отображающие функционирующие в данном социуме способы мироотношения и жизнеобеспечения. Рождение, жизнь, смерть и бессмертие составляют в этих системах краеугольный камень всех мировоззренческих конструкций. (Кирилюк, 1996. С. 6). Поэтому представления о смерти занимают важное место в конструировании картины мира, свойственной данной социально-культурной общности: именно смерть выступает центральным событием в жизни архаического общества, позволяющим приобщиться к миру сакрального. Переживание смерти, соответствующие символы, ритуалы и мифы — непременные «образующие» ингредиенты любой социально-культурной системы. В архаическом обществе смерть выступала важным (иногда главным) фактором социализации и культурной идентификации личности.

С другой стороны, в архаических культурах четко прослеживаются поиски позитивного значения

смерти. «Энергия» смерти используется социумом для своего сплочения и в целях выживания. В этом контексте интересны наблюдения И.В. Манзуры о появлении монументальных погребальных конструкций (в том числе и курганов в степях Восточной Европы) в период распространения скотоводческого уклада и в связи с этим сравнительно дисперсной системы расселения человеческих коллективов. Монументальные погребальные сооружения в этой ситуации служили своеобразным инструментом, обеспечивающим воспроизведение социальных связей посредством ритуальных акций. В конечном итоге формируется своеобразный символический код, где основное внимание уделяется именно месту погребения, а не содержанию погребальных даров, как это имело место в земледельческих культурах (Манзура, 2006. С. 61).

Ключевым в этом коде теперь выступает Пространство — один из важнейших элементов мифоритуальной архаичной модели мира. Оно отлично от того геометризованного пространства, которое было постулировано физико-математической наукой: являясь важнейшим элементом картины мира, представления о пространстве реализуются практически во всех текстах культуры. Освоение человеком пространства (в мировоззренческом смысле) проявляется в *иерархизации* пространства — выделении центральных по значимости и периферийных зон в горизонтальном пространственном окружении, его осмыслиенного членения по вертикальной оси. Принципиально важно, что «центральное место» является неотъемлемым элементом всякой донаучной картины мира и зоной особой сакральности, где осуществляется непосредственная связь трех основных пластов вертикальной иерархии мироустройства: подземного, земного и небесного. Центр помещается там, где «мировая ось» входит в землю; в этом случае он совпадает с центром горизонтальной плоскости. Небесный конец мыслимой «мировой оси» воспринимается как абсолютный верх. Сама же эта ось выступает в таком случае как шкала ценностей объектов, размещенных в вертикальном пространстве (Топоров, 1983. С. 256).

Исклучительный символический статус и особенная сакральность этого места также получили отражение в огромном числе мифов и графических памятников древности. В традиционной культуре успех любого обряда ставился в зависимость от того, насколько выполняемый ритуал соответствует общей картине мира, отсюда важность символических образов, воплощающих эту картину. Отражением этого «центрального места» в архаических мифах выступают представления о «Мировой горе», «Мировом Столбе» или «Мировом Дереве», т.е. некоей «оси Мира», являвшейся одновременно и «путем», соединявшим земной мир с подземным и небесным.

Обычным явлением в работах, так или иначе касающихся вопросов мировоззрения степных скотоводческих обществ эпохи бронзы, стало соотнесение кургана и *Мировой горы*. Курганы имитируют форму горы, соответственно перенимая и особенности ее структуры, и символику ее частей. Гора как мировая Гора, центр Космоса — понимается как начало и конец. Она — прародительница человечества, она же принимает

его после смерти. Через этот образ выражается образ мира, модель Вселенной, здесь проходит *Мировая ось*, основание которой приходится на центр мира (Топоров, 1987. С. 311-315). Как полагает В.Н. Топоров, символизм Мировой горы очень близок и символизму *Мирового Древа*, которое служит связующим звеном между Вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и одновременно является местом их пересечения. Иногда оба символа совпадают, но в большинстве случаев они дополняют друг друга. Однако и тот, и другой являются лишь более утонченными мифическими формулами Мировой Оси, включая и такие его трансформации, как «мировой человек» («первчеловек») (Топоров, 1987. С. 398, 406).

Эта мифологема связывает воедино общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира, являясь также посредником между мирами — своеобразной дорогой, мостом, лестницей. Таким образом, на Мировую гору накладывается нагрузка не только точки пространственного отсчета, но и функция чисто коммуникативная: она является одновременно и «путем», соединявшим миры. «Путь» — это образ связи между двумя отмеченными точками пространства в мифоритуальной и сакральной моделях мира; аспект движения здесь выявляется как внутренняя характеристика пространства. Именно путь осуществляет роль медиатора: он нейтрализует противопоставления этого и того, своего и чужого, внутреннего и внешнего, близкого и далекого, дома и леса, «культурного» и «природного», видимого и невидимого, сакрального и профанного (Топоров, 1983).

Путь в потусторонний мир определяется в равной мере его пространственными и социальными характеристиками, что выражается из обрядов, сопровождающих погребение. Значение погребальных обрядов виделось в материальном и сакральном обеспечении «самостоятельного перемещения» усопшего соплеменника — его души (или какой-то части его существа) к месту (временного) пребывания и возможной последующей реинкарнации. Такое движение воспринималось как реальное, весьма трудное и опасное действие, требующее физических усилий и мер магической защиты покойного в пути. Равным образом требовалась защитные меры и для живых от угрозы, простиравшейся из потусторонних миров, частью которых становился усопший и которая актуализировалась при «открытии» их границ. (Соловьев, 2006). Но ритуально оформленный (а не только мысленный) путь покойника завершается на месте погребения. Дальнейший путь (на тот свет, реинкарнация) остаются в чисто концептуальной сфере и ритуального выражения не получает, во всяком случае как путь, актуализируемый в рамках обряда. Особенность погребального ритуала еще и в том, что последний отрезок пути, по мнению древних, проходил лишь покойник, точнее — его душа, а не исполнители погребального ритуала (Байбурин, Левинтон, 1990. С.69).

В архаических мифах *Путь* культурного героя связывает (в максимуме условий) самую отдаленную и труднодоступную периферию и все объекты, заполняющие и (или) образующие пространство, с высшей

сакральной ценностью, находящейся в центре. Причем достижение цели субъектом пути всегда влечет за собой повышение ранга в социально-мифологическом или сакральном статусе. Этот Путь, скорее всего, проецируется и в модели потустороннего мира, символизируя путь к той центральной точке пространства, через которую проходит Мировая Ось и осуществляется связь миров. По традиционным представлениям, в иные миры после смерти человека уходят его светлая (в Верхний мир) и темная (в Нижний мир) сущности («души») с тем, чтобы через какое-то время воссоединиться в новом земном человеческом теле (Косарев, 2003. С. 105, 106, 108, 115, 116). Поэтому вполне логичным видится сакрализация древними определенных пространств, функционирующих в погребальном ритуале. В кургане таковым был в первую очередь геометрический центр его основания.

Исследователи отмечают, что погребальный ритуал выступает образцом всех других ритуалов и paradigmой всей социальной структуры с неподвижным центром и социальным статусом, определявшимся близостью к сакральному центру (Топоров, 1983). Модели различных путешествий (путь-дорога, жизненный путь, путешествие в иной мир, путешествие в свадебной, праздничной календарной обрядности) отличаются друг от друга конкретной целью и содержанием действия. Однако все они объединены одним мотивом — мотивом движения через границы и сферы (зоны, локусы) мифоритуального пространства, который задает определенный стереотип магического (совокупности утилитарного и символического) поведения путешествующих людей. В этом контексте модели различных путешествий подобны.

Сложная курганская архитектура бронзового века, порядок размещения могил под курганной насыпью позволяют восстановить «видимый» древними Путь души умершего к центру сакрального пространства, к той крайней точке мировой оси, где осуществляется переход. Курганы начала и середины бронзового века рассматриваются исследователями как особые, постоянно функционирующие культовые объекты. Значение кургана в мировосприятии культур рассматриваемого периода определяют как особый форпост, стоящий на границе мира живых и мира мертвых (Кузнецов, 2006; Ростунов, 2006). Традиции ритуалов в то же время опосредованы в целом идеологическими представлениями того или иного общества, на которые воздействуют два фактора: этнические особенности и общественные отношения (Массон, 1976. С. 149).

Зародившись в энеолите, именно в раннем бронзовом веке, курганный обряд получил широкое распространение. Большинство курганов в степной зоне Украины сооружено племенами, входившими в ямную историко-культурную область. На основной территории своего распространения ямная культура представлена исключительно погребальными памятниками (почти всегда — курганными); бытовые, скорее, представляют исключение. Для ямных племен обязательным является наличие центрального, основного, захоронения, с которым и связана постройка кургана (реже основных погребений несколько). Разные регионы ямной культурно-исторической области характеризую-

ются различными строительными стандартами. Для восточного ареала (Южное Приуралье, Присамарье) типичны курганы, состоящие из одной насыпи и одного центрального погребения, с единичными впускными захоронениями (Моргунова, Кравцов, 1994). В Северо-Западном Причерноморье преобладают курганы, сооруженные в несколько приемов. Число впускных захоронений может достигать нескольких десятков, их расположение подчинено определенным правилам — по дугам или окружностям вокруг центрального погребения, а погребенные в этих захоронениях могут быть ориентированы головой по часовой стрелке или против нее (Дворянинов, Петренко, Рычков, 1981; Дергачев, 1986; Субботин, 2000). Такая же планировка прослежена в некоторых курганах ямной культуры Поднепровья, Северного Приазовья, Крыма, а также в ареале новотиторовской культуры на Кубани (Гей, 2000. С. 114, 115). Ориентация захоронений в традиционных обществах обычно связывается с представлениями о местоположении страны мертвых, «хороших» и «плохих» сторон, направлении заупокойного странствия и, в целом, с религиозно-мифологическим сценарием потусторонней судьбы усопших. Тем не менее, судить с определенностью, в чем смысл той или иной ориентации и что являлось мировоззренчески важным репером для выбора её пространственных координат: всегда сложно. Исследование устройства курганного сооружения, порядка строительных действий при его возведении показывает, что оно воспроизводит многоярусное сакральное пространство, состоящее из нескольких структурно значимых семантических горизонтов, которое атрибутируется с позиций посильного для человека воспроизведения на материальном уровне модели мира, построенной, как обычно считают, на дублировании образцовых действий творения в мифические времена (Соловьев, 2006).

Захоронения ямной культуры обычно группируются вокруг центра, где помещено основное погребение. Совершенные в разное время и с разной высоты впускные захоронения объединяются правилом: дно их должно быть углублено в «материк», поэтому и глубина могильных ям, впущенных в центр кургана и в его периферию, будет различна. Прослеженная курганская планиграфия, связанная с носителями ямной культуры, указывает скорее всего на существование в их погребальной традиции определенных пространственных моделей. Рассмотрение таких «дуг» и «окружностей» (с учетом различных стратиграфических слоев кургана) позволяет предположить, что ямным социумом в курганном пространстве был реализован символ спирали.

Именно идея спирали упорядочивает кажущуюся хаотичность размещения могил в некоторых курганах ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Чем больше погребений в кургане, тем более четко проявляются закономерности. Чаще всего спираль представляет собой своеобразную «воронку»: более поздние захоронения находятся все дальше от центра, а погребенные в них — в самом начале Пути. Погребенный, с которым связано строительство кургана, в центральной точке пространства («первоучелог

век»), находится в finale спирального Пути, в точке связи миров. Наличие досыпок не нарушает закономерностей, разновременные (по имеющимся датам или же данным стратиграфии) погребения органично дополняют построение геометрической фигуры. Характерно, что в некоторых случаях прослеживаются кенотафы, долго стоявшие открытыми (с отложившимся илом на дне), а потом засыпанные, что еще раз подчеркивает преднамеренность подготовки могил в определенных точках пространства без учета сиюминутной необходимости, но для определенного структурирования и иерархизации пространства. При этом, несмотря на наличие досыпок, погребения ямной культуры почти никогда не перерезают одна другую.

Можно выделить несколько вариантов построения спиралей.

1. Все погребения в спирали ориентированы против часовой стрелки, то есть движение по спирали осуществляется покойным «головой к центру».

2. Все погребения в спирали ориентированы по часовой стрелке, то есть движение по спирали осуществляется покойным «ногами к центру».

3. В кургане присутствуют две–три спирали (или спираль и дуга), в каждой из которых реализуется свое направление движения по Пути к центру.

4. Вторая, более поздняя спираль, может быть зеркальной (то есть не «воронка», а «конус»); развитие ее идет путем уменьшения диаметра окружности вокруг точки вращения — основного погребения.

При небольшом количестве захоронений спирали, как правило, не завершены. Если спиралей несколько, то новая спираль может начинаться после завершения первой спирали и отделяться досыпкой; в других случаях могут фиксироваться два направления на начальных строительных этапах.

Приведем несколько примеров, для которых были выбраны наиболее информативные в археологическом плане курганы, в которых имеются антропологические определенные захоронения и радиоуглеродные даты, хотя достоверность некоторых и не бесспорна (табл. 1; 2).

Таблица 1. Радиоуглеродные даты некоторых захоронений ямной культуры кургана 19 у с. Новоселица в Северо-Западном Причерноморье

№№ п/п	Номера погребений	Шрифт лаборатории	Калиброванные даты от наших дней (BP)	Калиброванные даты до н.э. (BC) (вероятность 68%)
1	Новоселица 19/7	КИ-1219	4520 + 70	3360-3100
2	Новоселица 19/11	КИ-1220	3800 + 60	2400-2130
3	Новоселица 19/16	КИ-7080	4205 + 55	2890-2680
4	Новоселица 19/19	КИ-7085	4180 + 60	2880-2660
5	Новоселица 19/19	КИ-7127	4055 + 60	2770-2510

Новоселица, курган 19 (рис. 1, 1). По наблюдениям авторов раскопок (Субботин и др., 1995), основным в кургане было погребение 31, затем (после досыпки кургана) следовала группа из трех погребений 30-26-17, после следующей досыпки – погребение 7. Стратиграфическая последовательность остальных погребений не очевидна. В кургане, таким образом, вы-

деляются две группы: 1) умершие расположены головой против часовой стрелки, формируется спираль (более ранняя): погребения 11-16-7-17-26-30-31; 2) умершие расположены головой против часовой стрелки, сформирована дуга 10-19-14-13-12-28 (рис. 1, 2). Погребение 18 разрушено.

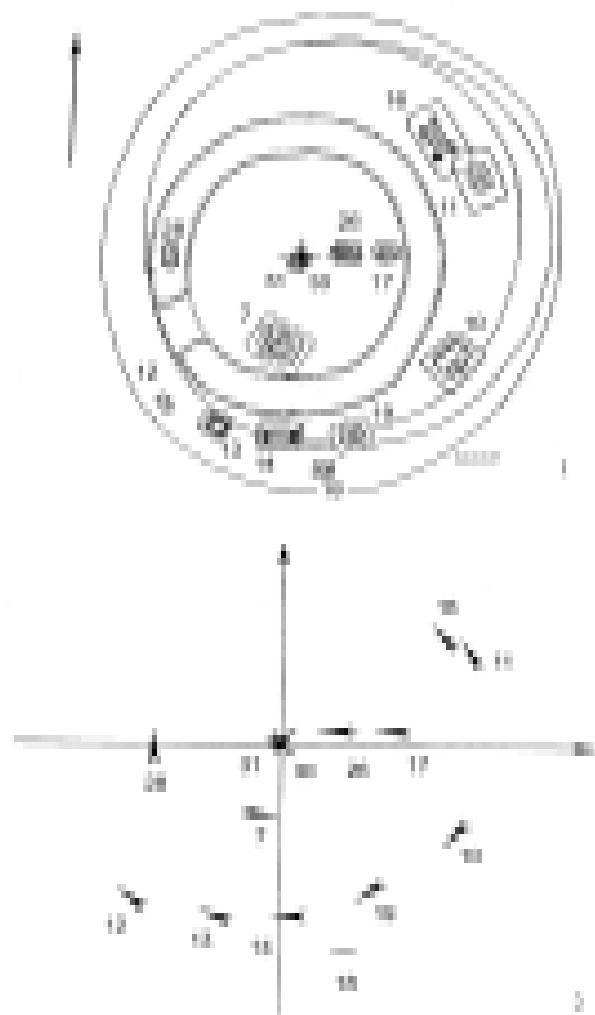

Рис. 1. Погребения ямной культуры в кургане 19 у с. Новоселица. 1 – план кургана (по: Субботин, Островерхов, Дзигоевский, 1995); 2 – ориентировка погребенных.

Траповка, курган 4 (рис. 2, 1) За основным погребением 12 в курган было впущено погребение 9, затем следовала группа из погребений 5-11-8-13, после досыпки впущены захоронения 6 и 7 (Субботин и др., 1995). Выстроена спираль 6-5-11-8-7-13-9-12 (рис. 2, 2). Погребение 11 и, возможно, 5 были кенотафами.

Траповка, курган 6 (рис. 3, 1). Курган насыпан над погребениями 17 и 15, которые сопровождались кострищем. После конструктивной досыпки в курган впущено погребение 18, после еще одной досыпки – погребение 7, после третьей досыпки – 4, 12, 14, 16, возможно, – 19; после последней досыпки в кургане совершено захоронение 20. Как полагают авторы раскопок, погребение 14 было кенотафом, долгое время простоявшее открытым. Таким образом, сначала выстроена спираль с погребениями, ориентированными против часовой стрелки: 20-18-16-14-7-15-17; затем – дуга с погребениями, ориентированными по часовой стрелке: 12-4-19 (рис. 3, 2).

Таблица 2. Антропологические определения некоторых захоронений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья

№№ п/п	Номер кургана / номер погребения	Мужчины, возраст	Женщины, возраст	Дети, возраст	Пол не определен
1	Новоселица 19/7	? 30–40	—	—	—
2	Новоселица 19/10	возмужалый	—	—	—
3	Новоселица 19/11	возмужалый	--	—	—
4	Новоселица 19/11	—	—	—	юношеский, возмужалый
5	Новоселица 19/14	—	—	11–13	—
6	Новоселица 19/16	возмужалый	—	—	—
7	Новоселица 19/17	—	—	—	возмужалый
8	Новоселица 19/26	старческий	—	—	—
9	Новоселица 19/28	старческий	—	—	—
10	Новоселица 19/30	—	—	3–6	—
11	Новоселица 19/31	возмужалый	—	—	—
12	Траповка 4/7	—	до 18	—	—
13	Траповка 4/8	возмужалый	—	—	—
14	Траповка 4/9	—	—	—	до 18
15	Траповка 4/13, ск. 1	—	—	6–8	—
16	Траповка 4/13, ск. 2	—	16–18	—	—
17	Траповка 6/4	30–35	—	—	—
18	Траповка 6/7	25	—	—	—
19	Траповка 6/17	—	? возмужалый.	—	—
20	Траповка 6/18	—	20–30	—	—
21	Траповка 6/20	—	—	подросток	—

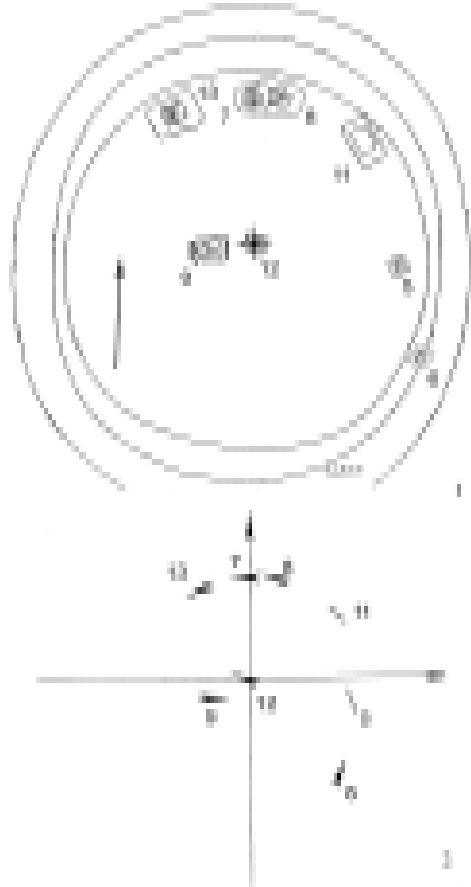

Рис. 2. Погребения ямной культуры в кургане 4 у с. Траповка.
1 – план кургана (по: Субботин, Островерхов, Дзиговский, 1995); 2 – ориентировка погребенных.

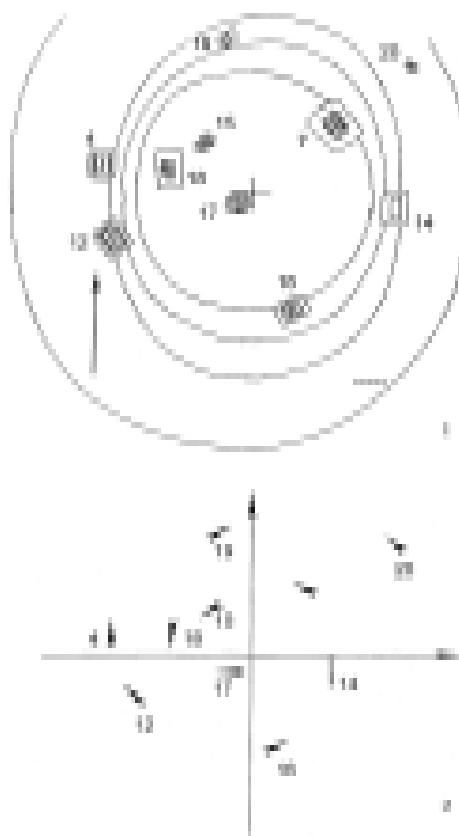

Рис. 3. Погребения ямной культуры в кургане 6 у с. Траповка.
1 – план кургана (по: Субботин, Островерхов, Дзиговский, 1995); 2 – ориентировка погребенных.

Объем публикации не позволяет рассмотреть другие примеры «путей» умершего в погребальной практике населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Отметим, что в погребальном обряде майкопской культуры ярко выражена символика спирали (рис. 4.), что было вполне убедительно показано В.Л. Ростуновым (Ростунов, 2006).

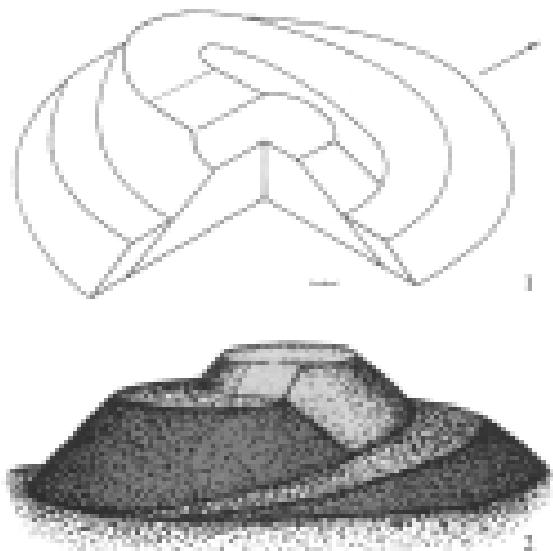

Рис. 4. Курган майкопской культуры (Заманкул, к. 2).
1 – аксонометрическая реконструкция; 2 – графическая реконструкция (по: Ростунов, 2006).

Заметим, что в сакральной сфере (и особенно той её части, которая касается погребальной практики и контактов с иными, испускающими угрозу, мирами) трудно найти что-либо случайное и нерегламентированное религиозно-мифологическими установками. Другое дело, что сами эти представления могут и не составлять четкой канонической системы, допуская достраивание и модификацию модели в соответствии с потребностями момента. Однако при всех этих вариациях в обрядовой практике оставался неизменным набор стандартных действий, заданных общей мировоззренческой концепцией, исполнение которых гарантировало положительный результат, и было залогом достижения цели, ради которой и проводился сам обряд. В погребальной сфере к ним относились выбор места захоронения, подготовка специальной погребальной площадки, сооружение курганной насыпи, ориентация могилы и положенного в ней тела и т.д. Последним действиям отводилась особая роль, ибо они обеспечивали выбор направления и порядок посмертного странствия души сородича в нужную сторону, благодаря которым она не сбивалась с пути (Соловьев, 2006).

С другой стороны, отмечается, что тот вид, который кладбище имеет в момент раскопок, — это отражение соответствующих социальных и мемориальных установок, которые действовали в обществе на момент совершения погребения. В погребальном обряде реализуется мысленная пространственная схема, где заранее определено место для будущих захоронений лиц определенного ранга. На основе социальных

и биологических отношений в соответствующем коллективе устанавливалось право того или иного индивида быть помещенным в определенном соседстве с уже захороненными членами сообщества (Кожин, 1997. С. 54, 55). Это предположение кажется нам вполне справедливым. Действительно, при рассмотрении курганов ямной культуры прежде всего четко выделяются две группы индивидов: 1) которым положено помещение их тел в центр специально подготовленного сакрального пространства, а погребальный ритуал связан с сооружением непосредственно кургана как ипостаси Мировой горы; 2) которые погребаются в определенной точке курганного пространства (на определенном отрезке «Пути» к центру); их помещают в уже существующее сакральное пространство.

Сооружение курганных насыпей любого объема — событие неординарное. Совершение подкурганных захоронений было далеко не рядовой практикой и не предусматривалось для всех членов сообществ раннего — среднего бронзового века. Этот вывод в полной мере относится как к основным и сопровождающим их захоронениям, так и к впускным погребениям (Кузнецов, 2006. С. 125). Как уже отмечалось, чем ближе к центру, к искомой точке Пути, тем выше и социальный, и семиотический статус находящегося в сакральном пространстве, будь то умерший (его душа) или же «культурный герой» в мифологическом смысле этого понятия.

Археологические данные убедительно подтверждают эти положения, а привлечение данных семиотики позволяют снять кажущиеся противоречия, которые наметились в среде исследователей ямной культуры. Рассмотрение социального строя населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья показывает, что более высоким социальным статусом характеризуется умершие, захороненные по обряду «скорченно на спине» по сравнению с теми, кто погребен «скорчено на правом (левом) боку» (или «с наклоном набок») (Иванова, 2001). Именно первые обладают большим количеством социально значимых символов, как в чертах обряда, так и характеристике инвентаря, а также выделяются по уровню трудовых затрат, вложенных в захоронение. Как правило, сооружение курганов и первые строительные горизонты связано именно с этой обрядовой группой. А вот захоронения остальных обрядовых групп выполнены, чаще всего в верхних ярусах курганной насыпи (Яровой, 1985; Николова, 1992). Формирование спирали происходит не последовательно, а в дискретной форме, что подтверждает предположения исследователей о строгой регламентации места захоронения каждого индивида. Более низкий социальный статус умершего и все более удаленное (от центральной точки) размещение его могилы на определенном отрезке Пути оказываются взаимосвязанными. Таким образом, комплексный подход к рассмотрению погребального пространства снимает противоречия между относительной и абсолютной хронологией ямной культуры. Совместные захоронения умерших в различных позах, а также радиоуглеродные даты свидетельствуют об одновременном бытованиях всех обрядовых групп; данные стратиграфии указывают на преимуществен-

ное размещение их на разных ярусах кургана. Семиотический подход, напротив, предполагает создание именно такого «текста», где последовательность захоронения связана и с социальным статусом умершего, и с воплощением в кургане определенного пространственного символизма.

Почему следует акцентировать внимание собственно на идее спирали? Спираль обнаруживается в геометрической символике буквально всех народов мира, часто встречается на древних памятниках Европы. Символика спирали многогранная, многоуровневая. Так, спираль представляет собой, в противоположность кругу и другим геометрическим символам, саморазвивающуюся фигуру и символизирует эволюцию Мира. Свивающуюся и развивающуюся спираль включает в себя архетип Космического дерева, олицетворяющего вечно возрождающуюся потенцию Вселенной. Каждый виток (в отличие от замкнутого и статичного круга) — конец одного цикла и начало другого. Спираль — символ циклических ритмов: смена времен года, рост и убывание луны, рождение и смерть человека.

А.К. Байбурин и Г.А. Левинтон (вслед за А. ван Геннепом) относят погребальный обряд к типологическому классу переходных ритуалов, наряду с половозрастной инициацией, воинским посвящением и т.д. В переходных ритуалах, как правило, реализуется трехчастная схема: выделение из коллектива — «пограничный период» (пребывание вне освоенной территории) — реинкорпорация в коллектив. В каждом конкретном обряде эта схема может модифицироваться. В самом общем виде для похорон эта трехчастность (и цикличность) реализуется следующим образом: отделение от живых (подготовительные обряды, вынос) — путь (включая и само погребение) — новая жизнь (присоединение к предкам, шире — попадание на тот свет, так или иначе представляемый и локализируемый) (А. ван Геннеп, 2002; Байбурин, Левинтон, 1990. С. 68, 69). Таким образом, именно спираль органично вписывается в схему «жизнь—смерть—возрождение» — универсальную мировоззренческую схему древних обществ.

Список литературы

- Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.
- Геннеп, Арнольд ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 2002.
- Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.
- Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001.
- Кирилюк А.В. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф. Одесса, 1996.
- Кожин П.М. Показатели кочевого быта культур Причерноморско-Прикаспийских степей эпохи бронзы // Степь и Кавказ (культурные традиции). Труды ГИМ. Вып. 97. М., 1997.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.
- Кузнецов П.Ф. Курганская насыпь в обрядовой практике

культур начала бронзового века (к постановке проблемы) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.

Манзура И.В. Энеолитический погребальный обряд южнорусских степей в ракурсе европейских параллелей // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Николова А.В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Киев, 1992.

Потемкина Т.М. Энеолитические кругоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Потемкина Т.М. Археоастрономический аспект исследования ранних сооружений кургана З у с. Ревова. Приложение // Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов между реками Южного Буга и Днестра. Одесса, 2005.

Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышия (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006.

Ростунов В.Л. Опыт реконструкции сакрального пространства ранних курганов Европы и Северного Кавказа. Владикавказ, 2006.

Соловьев А.И. Погребальные памятники предтаёжного населения Обь-Иртышия в эпоху средневековья (обряд, миф, социум): Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Новосибирск, 2006.

Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. № 2. 2000.

Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н. Археологические древности Буджака. Курганы восточно-го побережья озера Сасык. Одесса, 1995.

Топоров В.Н. Древо Мировое // Мифы народов мира. Т.1. М. 1987.

Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира. Т.1. М. 1987.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М. 1983.

Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев. 1985.

В.К. МЕРЦ

**Павлодарский Государственный университет,
Павлодар, Казахстан**

К ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИЙ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

(о погребении ямного типа на Иртыше)

Эпоха раннего металла и связанные с нею культурно-исторические процессы являются одними из наиболее слабо изученных проблем в археологии Казахстана. В последнее время здесь стали накапливаться новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана, полученные Павлодарской археологической экспедицией (Мерц, 2002; 2003; 2004). Поэтому каждая новая находка, проливающая свет на данную проблему, представляет большой интерес и нуждается в скорейшем введении ее в научный оборот. В данной публикации рассмотрены новые материалы, полученные в 2003 году сотрудниками

Научно-исследовательского археологического центра Павлодарского госуниверситета в результате изучения аварийных погребений могильника Григорьевка 2.

Памятник находится на территории одноименного села, в 40 км к северу от г. Павлодара. Он приурочен к первой надпойменной террасе правого берега Иртыша, и расположен южнее водонапорной башни, стоящей на берегу реки, в северо-западной части села. В этом месте к обрывистому берегу выходят приусадебные огорода, поверхность которых сильно распахана и изрыта хозяйственными ямами. Могильник обнаружен в результате обследования берегового обрыва сотрудником Центра Т.Н. Смагуловым. В обрыве им было зафиксировано темное заполнение могильной ямы, из нижней части которой торчали пятитонные кости человека. При повторном осмотре памятника в 100 м южнее от первой могилы, нами обнаружено могильное заполнение второго погребения. Здесь, по сообщениям местных жителей, и прежде часто находили человеческие кости. То есть могильник уже давно подвергается постоянному разрушению в результате размыва береговой линии весенними паводками. В целях спасения погребения от дальнейшего разрушения было проведено его изучение раскопками.

Могила 1. До выявления очертаний могильной ямы была сделана зачистка ее профиля в обрыве. Разрез могилы представлял собою прямоугольную впадину глубиной 110 см, шириной 180 см. В процессе зачистки в заполнении могильной ямы была выявлена углистая прослойка на глубине 35 см, под которой отмечены обломки костей. Ниже, на глубине 40 - 45 см, обнажился угол каменного предмета, оказавшегося обломком зернотерки, выполненной из серого песчаника (рис. 1, 2; 2, 1). Над могилой был заложен небольшой раскоп площадью 4 кв. м., в котором на глубине 30 см зафиксировано могильное пятно подквадратной формы размером 130 x 120 см. Юго-западный угол могилы оказался разрушенным. В ее заполнении найдено несколько мелких фрагментов керамики с гребенчатым орнаментом и костяной черешковый наконечник стрелы, уплощенной ромбической формы в сечении (рис. 2, 2). В сохранившейся части могилы ближе к восточной стенке на глубине 110 см от поверхности был обнаружен костяк человека, лежавшего на спине головою на север, с сильно подогнутыми ногами, повернутыми влево; череп также был слегка повернут в левую сторону (рис. 1; 3). Кисть левой руки, согнутой в локте, покоялась на плече, а кисть правой руки лежала на тазовых костях в области паха. Как полагают исследователи, эта поза типична для ямных погребений (Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 32). Между локтем левой руки и нижней частью грудной клетки лежал каменный пест уплощенной формы длиною 10,8 см с заполированными торцами. Орудие выполнено из окатыша зеленого алевролита (рис. 2, 3). Других предметов в могиле не обнаружено. Между костями ног и восточной стенкой могилы найден кусочек охры. Сам же костяк, видимо, лежал на илистом подсыпке, сохранившейся в виде кусочков глинистой массы темного цвета, но зафиксированной лишь в нижней части могилы, под костями ног и таза (рис. 1, 3; 3).

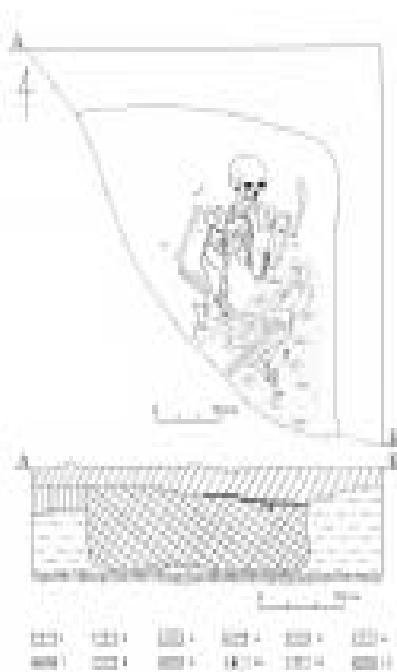

Рис. 1. Могильник Григорьевка 2. Погребение 1.
К плану: 1 - пест; 2 - охра; 3 - илистая подсыпка; 4 - обрыв.
К профилю: 5 - гумусированная супесь; 6 - коричневая
супесь; 7 - углистая прослойка; 8 - желтая супесь;
9 - материк; 10 - обломок кости; 11 - край зернотерки;
12 - заполнение могильной ямы.

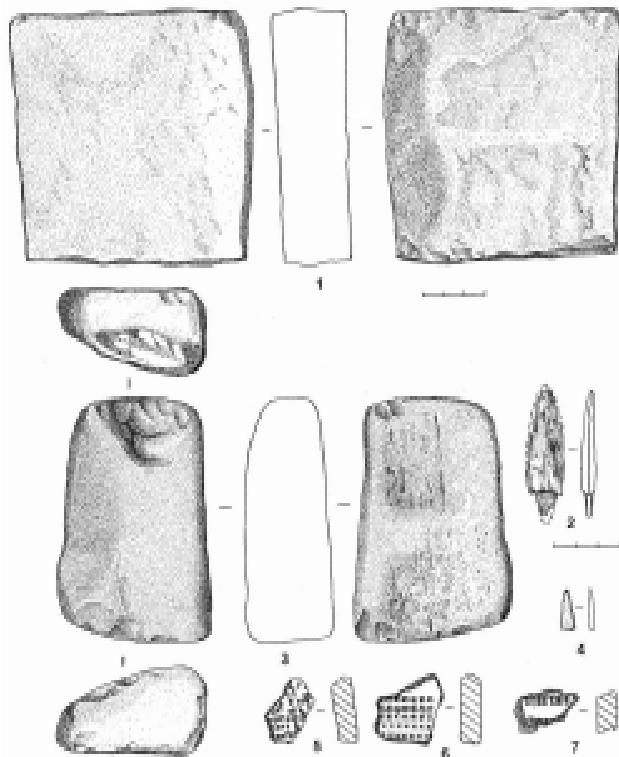

Рис. 2. Могильник Григорьевка 2. Инвентарь из погребений 1, 2. 1 – обломок зернотерки; 2 – наконечник стрелы; 3 – пест; 4 – проколка; 5-7 – керамика. 1, 3 – камень; 2, 4 – кость; 5-7 – глина. 1-3 – погребение 1; 4-7 – погребение 2.

По форме могилы, позе погребенного и инвентарю данное погребение можно отнести к эпохе энеолита и ранней бронзы. Наиболее близкие аналогии данному погребению известны среди памятников ранних

скотоводов древнеямной культурно-исторической общности Восточно-Европейских и Приуральских степей. К сожалению, не сохранился юго-западный угол могилы, где по обычаям ямных племен мог находиться керамический сосуд. Костяной наконечник, найденный в этом погребении, аналогичен наконечнику с поселения Березовая Лука (Кирюшин, Тишкун, Грушин, 2002. С. 61. Рис. 2, 2). Такого же типа костяные наконечники стрел известны с поселения Черноозерье IV в Омском Прииртышье (Генинг, 1982. С. 61. Рис. 6, 2, 3). Однако прямая связь данного наконечника с погребением не установлена, так как он найден в заполнении могилы на глубине 75 см. Углистая прослойка, кости животных и обломок зернотерки, обнаруженные в верхней части могилы, видимо, являются остатками поминальной обрядности, в которой использовался огонь.

Рис.3. Могильник Григорьевка 2. Погребение 1.

Могила 2. Расположена в 100 м к юго-востоку от могилы 1. Здесь, также в обрыве, были отмечены мелкие кости и темное заполнение могильной ямы, на месте которой был заложен раскоп площадью 15 кв. м. В последнем на глубине 60 см были выявлены очертания могильной ямы подквадратной формы размером 1,5 x 1,6 м. Могила была ориентирована на север с небольшим отклонением на восток. В заполнении могильной ямы на глубине около 1 м стали попадаться разрозненные кости человека, древесный уголь, фрагменты керамики, охристые пятна. После расчистки могилы выяснилось, что она ограблена. На дне по-

гребения также обнаружены разрозненные кости человека. Череп оказался целым, но без нижней челюсти; сохранились кости предплечья, позвонки и ребра человека. Кроме того, в могиле найдены кости крупного рогатого скота, хвостовой позвонок животного, куски охры, четыре мелких фрагмента керамики и обломок костяного предмета в виде проколки (рис. 2, 4-7). По инвентарю и некоторым элементам погребального обряда данное погребение можно отнести к эпохе ранней бронзы и сопоставить с памятниками елунинской культуры ранних скотоводов Обь-Иртышского междуречья.

Несмотря на то, что эта могила оказалась ограбленной и из неё был получен незначительный материал, определить культурную принадлежность этого погребения представляется возможным. Совместное расположение на одном могильнике, хотя и на большом расстоянии друг от друга, погребений ямного и елунинского типов может свидетельствовать об их взаимосвязи. Реально предположить, что сложение елунинских древностей Прииртышья проходило с участием племен, оставивших здесь ямный облик памятников. До сих пор памятники древнеямного типа были неизвестны на территории Павлодарского Прииртышья и Северного Казахстана. Поэтому их обнаружение имеет большое значение для изучения проблемы происхождения культур эпохи ранней бронзы на территории Казахстана и Западной Сибири.

В отношении елунинских памятников следует сказать, что они уже давно известны в Павлодарском Прииртышье (Мерц, Франк, 1996. С. 71 – 76), но еще слабо изучены: здесь пока не найдены крупные могильники и поселения, на которых можно было бы провести широкомасштабные исследования. Открытие на рассматриваемой территории памятников ямного типа заставляет задуматься об их роли в судьбах культур эпохи бронзы Казахстана и Западной Сибири. У нас пока нет археологических комплексов, подтверждающих длительное пребывание ямного населения к востоку от Приуральских степей. Кроме описанного выше григорьевского захоронения, известны единичные погребения в могильнике Караагаш в Центральном Казахстане (Евдокимов, Ломан, 1989. С. 34-46), погребение ямно-афанасьевского типа из могильника Черновая 2 в Восточном Казахстане (Оразбаев, 1989. С. 226; Оразбаев, Омаров, 1998. С. 28). Имеются также случайные находки отдельных предметов ямного типа из лесостепного Алтая, Барабинской лесостепи и Приобья: шипуновский клад, керамика из Первомайского, Павловки III и других памятников (Кирюшин, Иванов, 1996. С. 81-85; Кирюшин, Казаков, Тишкун, 1996. С. 129-130; Кирюшин, Казаков, 1996. С. 216, 219; Кирюшин, 2002. С. 19-20), сверленые топоры из Куйбышевского района Новосибирской области и Первомайского Томской области (Матющенко, 1973. С. 58). Известны и ряд других находок, еще не введенных в научный оборот, которые необходимо исследовать. Думается, что со временем в данном регионе будет накапливаться информация о памятниках подобного типа. Тогда можно будет более уверенно говорить о существовании какой-то культурной общности, предшествующей памятникам елунинского круга.

В действительности таких памятников не так уж мало. Они часто встречаются при изучении разновременных могильников, где теряются в массе более многочисленных комплексов. При проведении специальной выборки из материалов таких могильников можно выявить отдельные предметы и погребения интересующего нас типа. Все они характеризуются одной позой на спине с определенным положением рук и подогнутыми ногами. Они часто безинвентарные и не привлекают внимание исследователей. Возьмем, к примеру, некоторые ранние погребения (648, 673) могильника Сопка 2 (Молодин, 2001. С. 44 - 45 56, 58). Они также скорченные на спине и очень похожи на григорьевское. К этой же группе памятников можно отнести и погребение 2 из неолитического слоя поселения Усть-Нарым (Черников, 1970. С. 7). Такими же признаками характеризуются и памятники арагольского типа, связываемые алтайскими исследователями с позднеолитическим доафанасьевским населением Алтая европеоидного типа, пришедшего, по мнению исследователей, с юго-запада (Кирюшин, Кирюшин, 2004. С. 22 - 26).

Таким образом, все вышеназванные погребальные комплексы и отдельные находки ямного типа свидетельствуют о факте продвижения из единого центра через территорию Казахстанского мелкосопочника и Прииртышья на северо-восток ямных или протояменно-афанасьевских племен, связанных общим происхождением. Ю.Ф. Кирюшин считает, что этим центром была Передняя Азия (Кирюшин, 1991. С. 45; Кирюшин, Кирюшин, 2004. С. 24). Думается, это предположение и определение временного интервала их движения нуждаются в уточнении и дальнейшем изучении как одной из наиболее важных проблем в истории племен эпохи раннего металла. Однако факт таких миграций через указанные территории еще раз подтверждается.

Аналогичные процессы проникновения населения ямного круга на северо-восток отмечены и в лесостепном Зауралье, о чем свидетельствуют многочисленные факты обнаружения погребений этого типа в могильниках Верхняя Алабуга, Убаган I, Гладунино I, на святилищах Савин I, Слободчики I (Потемкина, 1985. С. 150 - 154; 2001. С. 173, 222-225, 243-244; Вахменцев, 1997. С. 9-10; 2000. С. 28-38).

Не касаясь вопроса культурной принадлежности племен, оставивших все эти памятники и терминологии для их обозначения, хотелось бы отметить, что их связь с ямным культурным образованием может быть весьма опосредованной, обусловленной общим происхождением, позволяющим включить их в ямно-афанасьевскую общность как промежуточный зауральско-казахстанско-западно-сибирский вариант.

Малочисленность памятников ямного типа на территории Северного и Центрального Казахстана может объясняться тем, что продвижение этих групп ранних скотоводов через казахстанские степи встретило сопротивление местного населения эпохи энеолита, носителей ботайско-терсекского, усть-нарымско-шидертинского (Мерц, 2002а; 2003) и иных культурных типов. Это сопротивление носители ямных древностей, видимо, смогли преодолеть, но не оставили здесь

заметного следа из-за кратковременности своего пребывания. Однако, втянув местные племена в орбиту своего движения, в результате возникавших контактов, ямники, по всей вероятности, оказали наaborигенное население какое-то влияние, и сами подверглись определенному воздействию, которое могло привести впоследствии к сложению различных культур эпохи ранней бронзы на территории Урало-Алтайских степей. Поэтому в Центральном и Северном Казахстане, по-видимому, существует какой-то пласт памятников, отражающий процесс этого движения ямных племен в северо-восточном и восточном направлениях, который проявился в виде некоторых элементов погребальной обрядности и характерных типов предметов, свидетельствующих об их взаимодействии с местными племенами ранних скотоводов.

Появление населения ямного круга в лесостепном Зауралье также не прошло бесследно. Его взаимодействие с позднеэнеолитическими группами ботайско-терсекского населения могло повлиять на формирование как вишневских, так и синташтинских комплексов, что предполагается некоторыми исследователями (Виноградов, 2003. С. 258 - 259). В данном случае ямный компонент мог быть связующим между терсекским и синташтинским.

Хотя на востоке связь древностей ямного типа с елуинскими пока не установлена, не исключено, что на территории Казахстана и Обь-Иртышского междуречья ямный тип памятников предшествовал появлению елуинской культуры и мог являться основой для ее формирования. Об этом свидетельствуют также погребения с некоторыми ямными чертами и керамикой елуинского типа в кургане Шидерты 10 (Мерц, 2002б; 2003) и Шолпан 4, обнаруженные на северо-восточной окраине Сары-Арки в 200 км к западу от Иртыша. Факт сам по себе очень важный, поскольку отодвигает границу расселения елуинских племен из Обь-Иртышского междуречья далеко на запад и впервые позволяет говорить о ранней бронзе Центрально-го Казахстана. Существование здесь памятников этого периода подтверждается довольно ранней датой, полученной по образцам древесного угля из кургана Шолпан 4 (3835 ± 90 лет назад), калибронка которой дает 2404 – 2266 гг. до н.э. (СОАН - 4860), что указывает на третью четверть III тыс. до н.э. То есть это погребение намного древнее всех ранее исследованных елуинских памятников (Кирюшин, 1991. С. 45), но синхронно новым материалам из могильника Телеутский Взвоз I и поселения Березовая Лука (Кирюшин, Тишкун, Грушин, 2002. С. 62).

С сидячими погребениями из памятников лесостепного Зауралья, соотносимых со второй группой ямных погребений и датируемых третьей четвертью III тыс. до н.э. (Вахменцев, 2000. С. 120), можно также сопоставить безынвентарное погребение из кургана Шолпан 4. Оно располагалось возле его насыпи с юго-восточной стороны, в большой овальной яме, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток, которая в северо-восточном секторе углублялась, принимая округлую форму. У юго-западной стенки находился плохо сохранившийся скелет человека с приподнятыми вверх коленями, кости черепа и шейные по-

звонки были смешены вниз и находились на одном уровне с грудными позвонками, из чего следовало, что погребение было сидячим. По положению костей можно предположить, что погребенный был обращен лицевой частью на юг – юго-восток.

Конечно, механизм перехода от энеолита к эпохе бронзы на территории Сары-Арки, как и в других регионах, еще неясен, так как до сих пор здесь не были известны раннебронзовые памятники при обилии комплексов андроновской КИО. Теперь же, в связи с их открытием, необходимо развивать это очень важное, перспективное и, по сути дела, новое направление в казахстанской археологии, имеющее исключительное значение для решения целого ряда культурно-исторических проблем.

Имея некоторый опыт в изучении раннебронзовых памятников региона, хотелось бы обратить внимание исследователей на топографию центрально-казахстанских памятников этого периода. Исследованные нами погребальные сооружения расположены небольшими группами и поодиночке на низком уровне у самого водотока ложбин и на террасах рек. Это плоские каменные курганы диаметром 10-12 м, высотою до 30-40 см. С восточной или западной стороны имеются жертвенники. У одиночных курганов бывают пристройки с подзахоронениями; чуть дальше могут располагаться андроновские ограды (могильник Шолпан 4). Необходимо отметить также сильную степень ограбления этих памятников, что не способствовало их изучению и затрудняло выделение как нового культурного типа.

Топография раннебронзовых поселений совпадает с поселениями ранних кочевников и казахских зимовок конца XIX – начала XX вв., располагавшихся довольно высоко и далеко от воды, на склоне сопок, как поселение Шидертинское 2 (Мерц, 2002б; 2003). Эти данные могут быть использованы в дальнейшем для изучения памятников раннебронзовой эпохи на территории мелкосопочника.

Несколько иначе выглядит ситуация в Прииртышье, где топография могильников, видимо, будет совпадать с андроновскими памятниками. Но до сих пор, кроме Григорьевки 2, здесь не найдено ни одного могильника, нет раннебронзовых захоронений и на андроновских могильниках. Поселенческие комплексы также совпадают с памятниками раннего железного века.

Таковы предварительные результаты исследований памятников раннебронзовой эпохи в равнинной части Прииртышья и на окраине Казахстанского мелкосопочника.

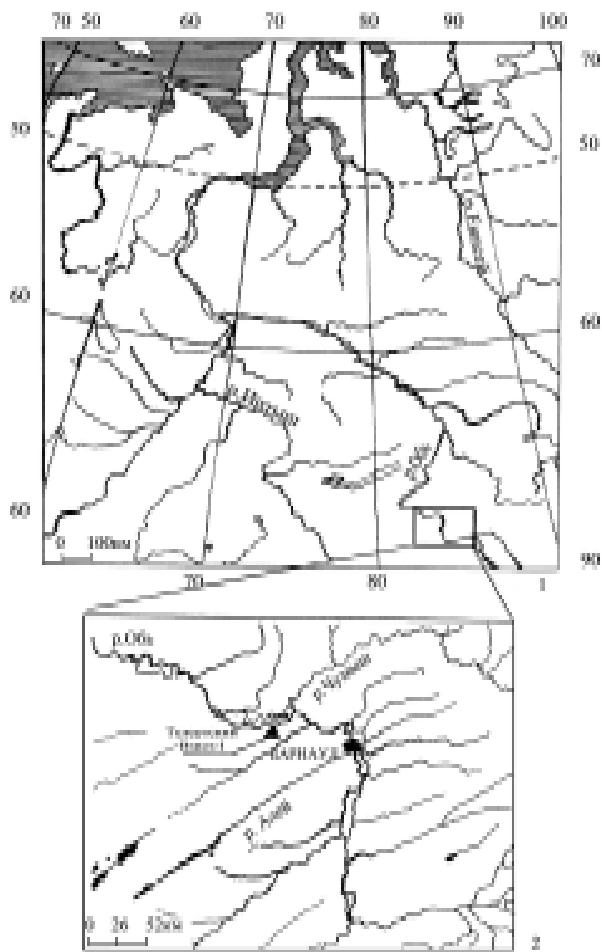
Список литературы

- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Вохменцев М. П. Энеолит лесостепного Притоболья. Дисс.... канд. ист. наук. М., 2000. Архив ИА РАН, Р - 2, № 2650.
- Вохменцев М. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.
- Генинг В.Ф. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования Севера Азии. Свердловск, 1982.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989.
- Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г. Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранность и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкун А.А. Новоегорьевский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Угловский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкун А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-І // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. IV. Новосибирск, 1998.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкун А.А., Грушин С.П. Археологическое изучение памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-І (2001-2002 гг.) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о культурной принадлежности и периодизации памятников арагольского типа // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) Ч. 1. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). Томск, 1973.
- Мерц В.К., Франк Д.А. Раскопки у с. Мичурин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996.
- Мерц В.К. Погребение Каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002а.
- Мерц В.К. К изучению памятников эпохи ранней бронзы Казахстана // Археологические исследования в Казахстане // Труды Научно-практической конференции «Маргулановские чтения 14». Шымкент, 2002б.
- Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул, 2003.
- Молодчин В.И. Памятник Сопка 2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск, 2001.
- Оразбаев А.М. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. Сборник материалов конференции. Алма-Ата, 1989.
- Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
- Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита – ранней бронзы Восточного Оренбургья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбургья. Оренбург, 2000.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М., 1970.

С.П. ГРУШИН
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ I

Самым большим по числу исследованных захоронений (более 40 объектов) могильником елунинской культуры в настоящее время является памятник Телеутский Взвоз I, расположенный на высоком (до 70 м) мысу левого берега Оби, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края (рис. 1). Археологические раскопки памятника осуществлялись в 1996–2003 гг. (Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2001; Грушин, 2000; 2001; 2002 и др.). Результаты его комплексного изучения нашли отражение в двух монографиях, посвященных монгольскому (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002) и елунинскому погребальным комплексам (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003).

*Рис. 1. Телеутский Взвоз I.
1 – на карте Западной Сибири; 2 - на карте Верхнего
Приобья.*

За рамками подробного исследования остались поминально-ритуальные и жертвенные комплексы, обнаруженные на памятнике. Они являются единственными известными в настоящее время сооружениями подобного типа среди елунинских древностей, что определяет актуальность их отдельного подробного рас-

смотрения. В связи с данными находками, важным и перспективным является рассмотрение вопроса семантики подобных сооружений и реконструкции культовых мероприятий, имевших место в древности.

Раскопки ритуальных сооружений велись параллельно исследованию погребальных объектов разного времени от ранней бронзы до монгольского времени включительно. В 1996 г. А.А. Казаковым, кроме погребений поздней бронзы и средневековья, были открыты два захоронения эпохи ранней бронзы и северная часть ритуальных рвов № 1 и № 2. Так было положено начало исследованию грунтового могильника елунинской культуры и связанными с ним поминальниками и ритуальными сооружениями. А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым в 1998–1999 гг. исследовано десять захоронений эпохи ранней бронзы, центральная яма святилища, часть рвов № 2 и № 3, закончены раскопки рва № 1. С 1999 г. по 2003 г. автором статьи осуществлялось целенаправленное изучение елунинских комплексов на памятнике. За этот период было раскопано 30 могил эпохи ранней бронзы, исследованы поминальники, а также остатки ритуальных конструкций. В ходе этих работ были полностью закончены раскопки рва № 2. В настоящее время осталась не исследованной до конца юго-восточная часть рва № 3.

Характеристика объектов. Определенной проблемой при анализе материалов памятника является датировка и культурная принадлежность объектов так называемого «ритуального назначения». Среди них выделяются рвы в виде разомкнутого кольца, полуцикла, вытянутого рва, ям. Только часть из них достаточно надежно датируется, благодаря нахождению в них диагностируемых фрагментов керамики и особенностям планиграфической сопряженности с датированными погребальными комплексами. При анализе материалов мы опирались на достоверно датированные объекты эпохи ранней бронзы. Иные случаи оговаривались отдельно. Все «ритуальные» сооружения на памятнике Телеутский Взвоз I можно условно отнести к трем группам: элементы «святилища» (рвы с костями животных, следы костищ), жертвенники (ямы с костями животных и зерном), поминальники (отдельно стоящие сосуды у могил, ямы с сосудами).

К эпохе ранней бронзы достоверно можно отнести несколько подобных объектов. Они отличаются относительно большой глубиной – до 1,5 м от современной поверхности, наличием в заполнении и на дне отдельных костей и частей скелета животных, керамики и целых развалов сосудов соответствующего времени. К эпохе поздней бронзы можно отнести несколько исследованных рвов, которые от елунинских отличаются меньшей глубиной от современной поверхности – до 0,9 м, формой в виде разомкнутого кольца и вписанными в них именскими захоронениями. На могильнике обнаружены рвы более позднего времени – раннего железного века или монгольского времени. Такие объекты отличаются более поздним характером заполнения. Перейдем к характеристике построек раннего бронзового века.

«Святилище» (рис. 2, 1; 3, 1). Сооружение располагалось в центре мыса на самой высокой площадке и представляло собой систему объектов, центром

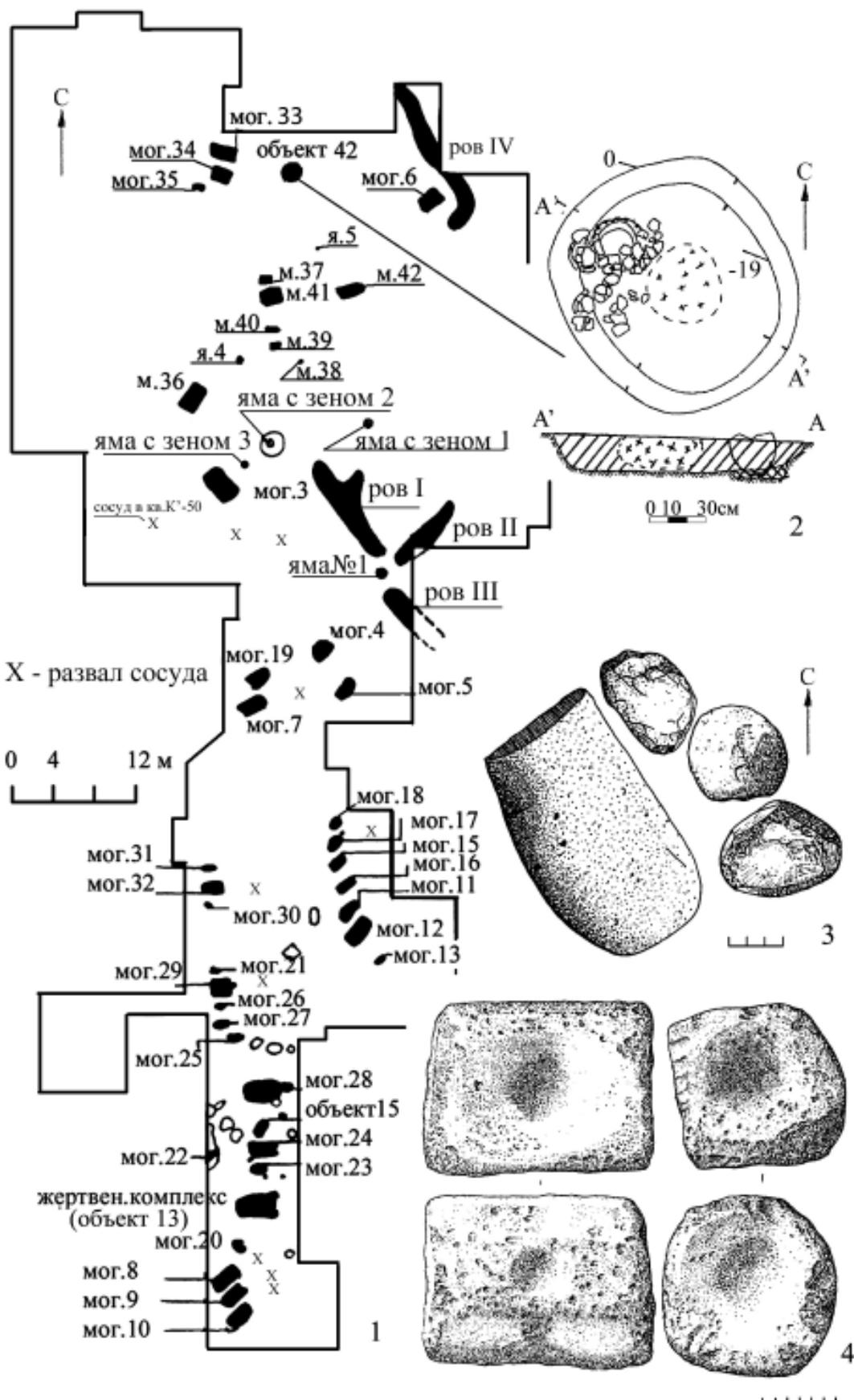

Рис.2. Телеутский Взвоз I.

1 – план елунинского комплекса; 2 - план объекта № 42; 3 - план местонахождения пестов; 4 –каменный алтарь.

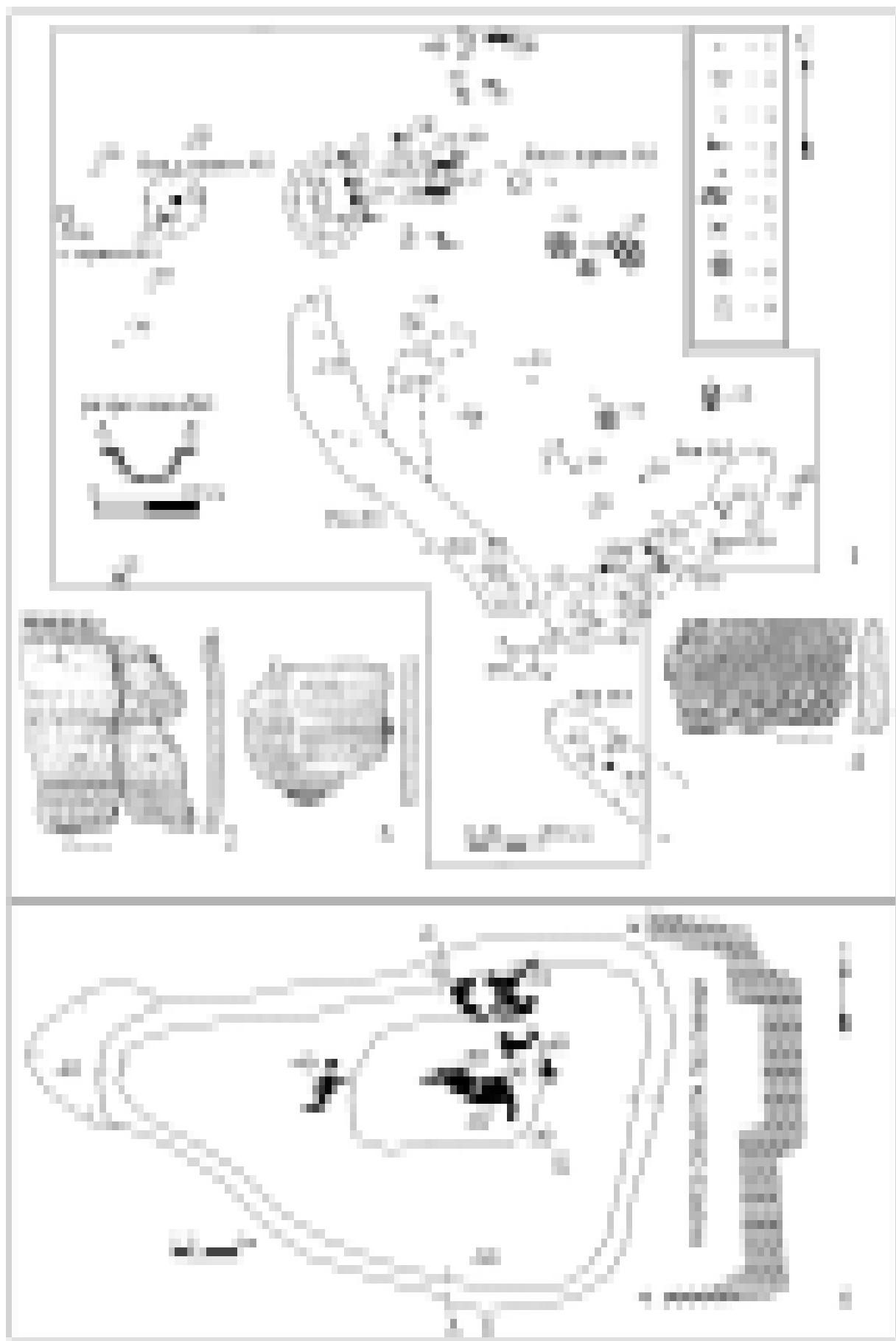

Рис.3. Телеутский Взвоз I.

1- план «святынища»; 2, 3 – керамика из заполнения рва № 2; 4 – керамика из заполнения рва № 3; 5 - план объекта № 13. На плане (1) обозначены: 1 – кость; 2 – скопление костей; 3 – уголь; 4 – нижняя челюсть животного; 5 - фрагмент керамики; 6 - череп животного; 7 – развал керамического сосуда; 8 – следы кострища; 9 – фрагмент бересты.

которой была яма от вертикально стоящего деревянного столба. От него отходили в радиальном направлении три рва. Два из них были ориентированы по линии СЗ–ЮВ, третий – по линии ЮЗ–СВ. К северу, северо-востоку от данного комплекса зафиксированы следы от пяти костищ и скопления костей животных, среди которых преобладали нижние челюсти и черепа лошадей.

Ров № 1. Сооружение было зафиксировано на глубине 0,5 м от современной поверхности. Ров был вытянут по линии ЮВ-СЗ и имел длину 11,4 м с окончаниями в виде неправильного полуovalа, его глубина - 0,7 м от уровня материка, ширина - до 1,5 м. Стенки рва вертикальные, слегка закруглены при переходе к ровному дну. В центре имелся небольшой выступ длиной 2,4 м, шириной 1,4 м, глубиной 0,3 м от уровня материка, ориентированный длинной осью по линии ЮВ-СЗ. В заполнении рва № 1 на разной глубине и на дне встречены многочисленные кости животных и угли. Фрагменты сосуда были обнаружены на дне рва (рис. 3, 2, 3). Слегка отогнутый венчик имеет волнистую кромку, сформировавшуюся в результате нанесения пальцевых вдавлений на верхнюю грань венчика. Стенка сосуда орнаментирована шестизубой гребенкой в технике «шагания». В тесте керамики визуально фиксируются вкрапления руды, которые имеют характерный зеленоватый цвет. Наибольшая концентрация находок отмечена у юго-восточной стенки рва.

Все палеозоологические определения, приводимые ниже, произведены П.А. Косинцевым. В юго-восточной части сооружения встречены кости крупного рогатого скота: восемь первых шейных позвонков (атлантов), четыре поясничных позвонка в анатомическом порядке, фрагмент нижнего конца правой большеберцовой кости с приросшим эпифизом. Исходя из размеров, можно полагать, что шесть атлантов принадлежали быкам и два – коровам. В северо-западной части рва – кости крупного рогатого скота: полный комплект фрагментов левого бедра, разбитого в древности по диафизу (особь старше 4-х лет) и целая фаланга I с приросшим эпифизом, верхний конец левой лучевой с приросшей локтевой от взрослой особи.

Ров № 2. Сооружение было зафиксировано на глубине 0,45 м от современной поверхности. Оно оказалось отделено от первого аналогичного сооружения (ров № 1) материевой стенкой шириной 0,25–0,27 м. Ров был вытянут по линии ЮЗ–СВ и имел длину 6,4 м, глубину 1,1 м от уровня материка, ширину - до 1,8 м. Стенки рва вертикальные, слегка закруглены при переходе к слегка вогнутому дну. В заполнении объекта на разной глубине и на дне встречены многочисленные кости животных, угли и еланинская керамика. Найдены были сосредоточены в юго-западной части рва.

В рву встречены кости крупного рогатого скота: череп комоловой особи, правая нижняя челюсть (возраст 30-36 месяцев), целый первый шейный позвонок. Судя по размерам, кости, вероятно, принадлежали быку. Другие останки крупного рогатого скота представляли собою два цельных первых шейных позвонка от полувзрослых особей, вероятно, быков, цель-

ные шейный и два поясничных позвонка, свободный диск поясничного позвонка от двух особей, правые целые лопатка и таз коровы, целые тарзальная и сесамовидная кости, часть верхнего конца правой плюсневой кости. Во рву встречены кости овцы: целые первый шейный позвонок и фаланга 3, нижний конец правой плечевой кости взрослой особи, зубы волка – целые верхние клык и первый премоляр взрослой особи.

Ров № 3. К настоящему времени исследована только северо-западная часть рва. Она была зафиксирована на глубине 0,46–0,5 м от современной поверхности. Объект представлял собой вытянутое углубление с полуovalным окончанием. Такая форма рва соответствует описанным выше сооружениям эпохи ранней бронзы. Размеры исследованной части постройки: длина - 3 м, ширина - 1,5 м, глубина в материке - 0,32 м. Ров ориентирован длиной осью по линии СЗ-ЮВ.

В заполнении обнаружены фрагмент керамики и кости животных, среди которых можно отметить целую левую лопатку коровы, целые правые бедренная, берцовую, пятую, таранную кости и фаланга одной взрослой особи быка, диафиз правой лучевой кости мелкого рогатого скота, фрагмент левой нижней челюсти и верхний конец левого бедра взрослой особи лошади. Венчик сосуда обнаружен в заполнении рва на глубине 0,75 м (рис. 3, 4). Зона под венчиком украшена диагональными рядами оттисков шагающей гребенки. Ниже был нанесен налепной волнистый валик.

Яма № 1 была обнаружена на стыке окончаний трех рвов и, вероятно, конструктивно с ними связана. Пятно ямы выделялось на фоне материевой зачистки на глубине 0,38 м от современной поверхности и представляло собой овал 0,85x0,5 м. Заполнение ямы – мешанная слабо гумусированная земля. Найдено нет. Возможно, там был вкопан деревянный столб. Глубина ямы от современной поверхности – 0,68 м, от уровня материка – 0,3 м. Стенки и дно ямы представляют собой в разрезе полуoval.

Костища. Следы костра отмечены к северу, северо-востоку от святилища, между рвами № 1 и 2. Это округлые, диаметром около 0,3-0,5 м прокалы гумусированной почвы, зафиксированные на глубине 0,3-0,45 м от современной поверхности. Всего выявлено пять костищ, в некоторых из них обнаружены обожженные кости животных и угли.

Ямы с зерном. На могильнике обнаружено шесть ям с зерном. Пять из них располагались к северу от рассмотренных выше рвов, одна – к юго-западу в заполнении могилы № 18. Объекты представляли собой ямы окружной формы диаметром 0,3-0,5 м, углубленные в материки на 0,2-0,35 м, некоторые из них имели «грушевидную» форму в разрезе. Все ямы объемом от 3 до 15 литров были заполнены зерном. Палеокарнологические определения образцов, выполненные Е.А. Пономаревой, показали наличие проса посевного (Пономарева, 2003. С. 219). Планиграфическая связь данных ям с определенными культурными комплексами, выявленными на памятнике, не очевидна, поэтому их интерпретация затруднена и возможна только с учетом этого обстоятельства.

Жертвенный комплекс - объект № 13 (рис. 2, 1;

3, 2). Представлял собой вытянутое с запада на восток овальное углубление размерами 3,6x3,3 м, глубиной 0,5 м в материке. Стенки объекта сужались ко дну на 0,15 м, на дне в центральной его части имелось подпрямоугольная яма размерами 1,3x0,8 м, глубиной 0,17 м. У северной стенки компактной кучкой располагались черепа и нижние челюсти крупного рогатого скота. Останки животных обнаружены на разной глубине. Одна челюсть найдена на глубине 0,3 м от современной поверхности, еще до фиксации пятна, другие кости обнаружены в заполнении сооружения на глубине 0,15–0,7 м от материка. В центральной яме объекта находились череп и астрагал (под черепом) крупного рогатого скота.

Среди остеологических находок основными являются кости крупного рогатого скота: рогатый череп взрослой особи (10-15 лет) с левой нижней челюстью, у которой был отбит в древности нижний край, целые правая и левая нижние челюсти от особи в возрасте 6-12 месяцев, нижний конец левой берцовой кости с приросшим эпифизом, отбитый в древности, и целая левая таранная кость. Мелкий рогатый скот представлен четырьмя черепами с рогами. Судя по размерам рогов, все черепа принадлежали баранам. Два первых – почти целые, два последних сильно разрушились уже после захоронения. Первый череп от старой особи; второй череп – от особи около 2,5 лет и два последних – от особей в возрасте 6-12 месяцев. Таким образом, в сооружении для жертвоприношений в период его функционирования были положены голова, левая нижняя челюсть, часть левого скакательного сустава взрослой особи быка и отдельные парные нижние челюсти молодой особи крупного рогатого скота, четыре головы баранов с отделенными нижними челюстями от старой, взрослой и двух молодых особей. У взрослой особи крупного рогатого скота нижняя челюсть была отделена от головы, и у нее был отбит нижний край тела, вероятно, для того, чтобы извлечь его содержимое. Судя по характеру расположения обнаруженных костей в объекте, можно предположить, что яма имела деревянное перекрытие, на которое и устанавливались головы и нижние челюсти животных. После разрушения перекрытия они «завалились» в яму.

Поминальники. Данная группа объектов представлена отдельно стоящими керамическими сосудами. В большинстве случаев они были помещены в 2-3 м к северо-востоку или востоку от погребений эпохи ранней бронзы. Поминальники в виде отдельно стоящих сосудов выявлены у могил № 1, 2, 8, 9, 10, 17, 20, 29, 30. Сосуды с поминальной пищей устанавливались в небольшие ямы, не углубленные в материк, или на древнюю поверхность. Во всех случаях сосуды размещались с той стороны, в направлении которой были ориентированы покойники в могилах. Это свидетельствует о том, что пища предназначалась душам умерших и похороненных в могилах людей. Количество сосудов во всех случаях соответствует погребальным сооружениям, а не количеству погребенных в могиле. Таким образом, поминальная пища в сосуде предназначалась всем похороненным в одной могиле умершим.

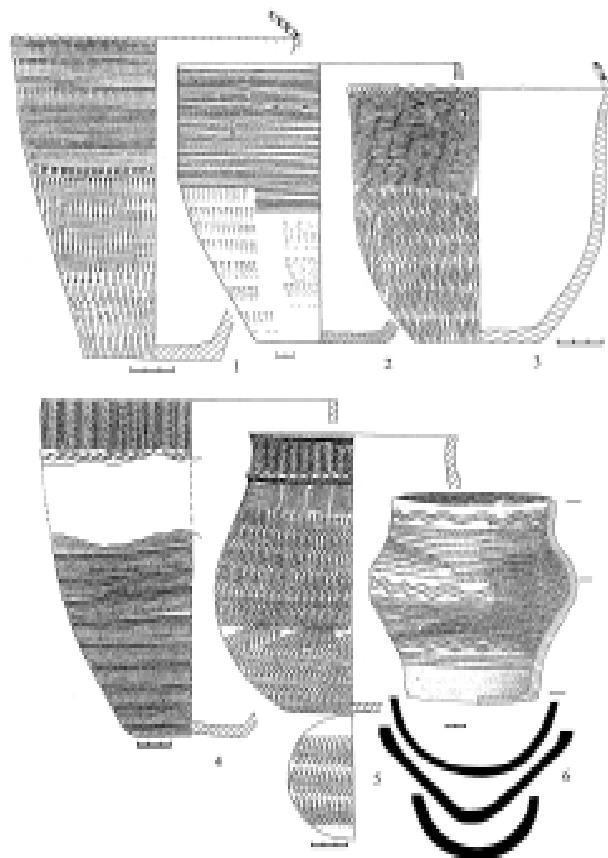

Рис.4. Телеутский Взвоз I. Керамические сосуды.
1 – поминальник у могил № 8, 20; 2 – из заполнения рва № 4;
3 – поминальник у могилы № 9; 4, 5 – объект № 42;
6 – реконструированный сосуд из кв. К'-18.

Поминальная посуда отличается от погребальной керамики большими размерами. Развал сосуда бочончной формы (рис. 4, 1), обнаруженный у могилы № 8, имел высоту 34,5 см, диаметр по венчику – 29 см, по тулову – 29 см, по дну – 16 см. Стенки орнаментированы горизонтальными рядами оттисков «шагающей гребенки». Срез венчика имел волнистую форму, сформированную путем нанесения вдавлений на верхнюю кромку венчика. Горшок у могилы № 9 (рис. 4, 3) имел высоту 17 см, диаметр по венчику – 17 см, по тулову – 17 см, по дну – 8 см. Сосуд горшковидной формы, с хорошо читаемым ребром на тулове, имеет слегка отогнутый наружу волнистый венчик. На внешней кромке венчика нанесен пояс из косых насечек. Поверхность сосуда украшена зубчатым орнаментом с нечеткими отпечатками зубчиков. Зона под венчиком имеет вертикальные ряды из оттисков гребенчатого штампа, по тулову – горизонтальные ряды, выполненные в технике «шагания».

Другим вариантом поминальника является объект № 42 (рис.2, 2), исследованный к востоку от могил № 33, 34, 35. Он представлял собой округлую яму диаметром 1,45 м, глубиной в материке 0,19 м, с плавно сужающимися ко дну стенками. Диаметр ямы по дну составляет 1,15 м. В центре ямы в ее заполнении зафиксировано скопление кальцинированных костей диаметром 0,4 м. На уровне фиксации пятна (0,5 м от современной поверхности) в ее северо-западной части обнаружены развалы от двух сосудов. У одно-

го из них реконструируется нижняя часть, украшенная горизонтальными рядами «шагающей гребенки». Диаметр сосуда по дну составлял 13 см. Второй сосуд после реконструкции имел следующие основные параметры: высота – 34 см, диаметр по венчику – 29 см, по тулову – 29 см, по дну – 10,5 см (рис. 4, 4). Стенки сосуда украшены оттисками «гребенчатой качалки». Зона под венчиком орнаментирована вертикальными рядами оттисков, по тулову – горизонтальными. Разделителем между зонами являлся волнистый валик. Третий сосуд располагался на дне ямы под фрагментами первых двух. Он стоял на дне ямы в небольшом углублении размером 0,35x0,26 м, глубиной 0,9 м. Заполнение углубления состояло из темного пепла. Сосуд имел слегка отогнутый наружу венчик и шаровидное раздвоенное туло (рис. 4, 5). Его основные параметры: высота – 28,5 см, диаметр по венчику – 21 см, по тулову – 27,5 см, по дну – 13 см. Под венчиком был нанесен пояс из наклонно поставленного гребенчатого штампа, ниже шли вертикальные ряды, по тулову – горизонтальные ряды оттисков «гребенчатой качалки». Орнаментированная зона по венчику была разделена прямым валиком, рассеченным сверху и снизу поясом из наклонного гребенчатого штампа (в виде елочки). Дно сосуда украшено тремя рядами «гребенчатой качалки».

Таким образом, в последнем описанном случае был сооружен один поминальник для похороненных людей в трех могилах, а количество сосудов в нем соответствует количеству могил.

Интерпретация. Исследованные в Верхнем Приобье погребально-поминальные комплексы эпохи ранней бронзы имеют достаточно сложную внутреннюю структуру, которая отражает процесс реализации определенных представлений населения того периода времени. Планографические наблюдения, проведенные при изучении целого ряда таких объектов, позволяют выявить закономерности в расположении погребальных и ритуальных сооружений, отдельных находок на могильном поле, а также наметить другие показатели и характеристики, необходимые для более целостной реконструкции ритуальной практики и древнего мировоззрения. Идеальным вариантом для планографических исследований является полностью раскопанный могильник. Такой объект можно рассматривать как законченный архитектурный комплекс, изучение которого позволит более точно представить место, роль и значение его отдельных элементов, а также проследить последовательность их сооружения (Тишкин, Грушин, 2000. С. 53; Казаков, 1998. С. 176–177 и др.).

Погребально-ритуальный комплекс эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз I полностью не раскопан. Часть сооружений разрушено последующими строителями погребальных сооружений, часть уничтожена рекой. Несмотря на эти обстоятельства, изучение планографии и специфики раскопанных объектов раннего бронзового века позволяет сделать некоторые выводы о характере планировки, назначении и семантике ритуальных комплексов, их связи с погребальными сооружениями.

При выборе места для устройства могильников

древнее население выбирало господствующие мысы, как правило, на коренном левом берегу р. Обь, с которых открывается панорамный вид на пойму. В древности существовали надмогильные сооружения, о чем свидетельствуют отсутствие фактов нарушения ранних погребений при строительстве последующих, пристройка последующих погребений к уже сооруженным, благодаря чему образовывались хорошо выраженные ряды, следы ограбления в большей части погребений, остатки от вертикально стоящих деревянных столбов в некоторых погребениях, которые в древности возвышались над могилой. Кроме того, на могильнике зафиксированы захоронения, совершенные в древней погребенной почве и почти не углубленные в материк, что свидетельствует о сооружении надмогильной конструкции.

На могильном поле погребения располагались группами. В большинстве случаев могилы составляли параллельные ряды, вытянутые по линии ЮВ-СЗ либо С-Ю с небольшими отклонениями. Ряды состояли из двух-пяти захоронений. Исследованные могильные ямы, за редким исключением, ориентированы по линии ЮЗ-СВ или З-В. Можно предположить, что ряды представляют собой группы погребений, принадлежащих близким родственникам, своеобразные микрокладбища в рамках общего могильника. После сооружения погребения родственники умершего периодически устраивали поминки и, вероятно, кормления души умершего, поскольку сосуды с поминальной пищей располагались в той стороне от могилы, куда был ориентирован головой покойник. Распределение сосудов по высоте показало, что керамика составляет две группы. Погребальная керамика из могил имеет меньшие параметры, чем поминальная посуда из межмогильного пространства. Средняя высота погребальной посуды – 11,5 см, поминальной – 28,6 см (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003. С. 116–117). К последней группе, вероятно, можно отнести и сосуды из ритуальных рвов.

Сакральным и структурообразующим центром погребально-поминального комплекса эпохи ранней бронзы являлось ритуальное сооружение, расположенное в центре могильника, которое условно обозначено нами как «святилище». Этот объект представлял собой систему, центром которой был, вероятно, вертикально стоящий деревянный столб, от которого сохранилась столбовая яма (№ 1). От него отходили в радиальном направлении три рва (№ 1-3). Строители данных объектов учитывали определенные астрономические ориентиры. Ров № 2 имел направление по линии ЮЗ-СВ. Такая пространственная ориентация, вероятно, была связана с точкой восхода солнца. Аналогичная ориентировка (длинной осью по линии ЮЗ-СВ) отмечается и для большинства погребальных сооружений. Следует добавить, что умершие люди в могилах укладывались головой, как правило, именно в северо-восточный сектор. Сакральный комплекс, ориентировка погребенных людей в могилах, планография поминальников и жертвеников могут рассматриваться как отражение ритуальных действий, направленных на реализацию «перехода» души умершего человека в «страну мертвых».

Важным элементом в таких ритуальных мероприятиях и мировоззренческих представлениях был образ солнца. Об этом свидетельствует не только ориентация основных погребально-ритуальных сооружений на памятнике Телеутский Взвоз I, но и предметы материальной культуры «елунинцев», известные в других комплексах. Например, изображения головы «солнечного» коня на ноже из могильника Елунино I (Кирюшин, 1987. Рис. 2, 4), так называемые «розетки», символ солнца, на днищах елунинских сосудов (Грушин, 2003. Рис. 1, 1-7) и навершиях бронзовых ножей (Кирюшин, 1987. Рис. 2, 1, 2; Грушин, 2003. Рис. 1, 8-12).

Другие два рва (№ 1, 3) имели ориентацию по линии ЮВ-СЗ. Такая линия совпадает с направленностью большинства выявленных рядов погребений, что свидетельствует о том, что рвы № 1, 3 были ориентирами при сооружении очередных погребений в ряду. Возможно, что такая направленность рвов имела привязку к определенным астрономическим ориентирам. Однако этот вопрос требует специального археоастрономического изучения.

«Святилище» использовалось в ритуальных мероприятиях, вероятно, многократно, о чем могут свидетельствовать находки костей животных на разных глубинах в заполнении рвов. Остеологические находки во рвах приурочены к «центру» святилища, от которого сохранилась столбовая яма (№ 1). Можно предположить еще одну важную пространственно-ритуальную направленность – вертикаль, «верх-низ», которую символизировал ритуальный деревянный столб или идол (?). Очевидно, он маркировал в погребально-ритуальной практике центр святилища и могильника, в мировоззренческих представлениях – «центр мира», «мировое древо», «мировую ось».

Таким образом, остатки святилища, исследованного на могильнике Телеутский Взвоз I, позволяют судить о религиозных представлениях, связанных с горизонтально-вертикальной структурой мира. Такое предположение хорошо согласуется с этнографическими данными по сибирским народам. Вселенная осмысливалась сибирскими аборигенами в двух главных проекциях: вертикальной и горизонтальной, которые нередко выступали как единая горизонтально-вертикальная структура. Вертикальная модель чаще всего представляется в образе вселенского дерева, известного в урало-сибирском варианте под именем «шаманского»: невидимая (корневая) часть его символизирует Нижний мир, видимая — Средний, вершина вызывает ассоциации, связанные с Верхней (небесной) сферой. В мифологии селькупов в роли вселенского дерева выступает священная береза. Оно имеет сложное название: «К Небу и Земле имя (жизнь) дающее жертвенное дерево». На его ветках висят Солнце и Луна (Прокофьева, 1952. С. 107).

Горизонтальный ракурс восприятия Вселенной нагляднее всего запечатлен в связке «поселение — кладбище — святилище». В этой системе связей поселение осмысливается как Средний мир, кладбище — как Нижний, святилище — как Верхний. Каждая из трех перечисленных частей (поселение, кладбище, святилище) сама по себе тоже предстает как модель

Вселенной и в свою очередь включает в себя более мелкие внутренние структуры (могила на кладбище, дом на поселении и т.д.), которые тоже воспринимаются трехчастно — в соответствии с принципом трехсферности всех уровней Мироздания (Косарев, 2003. С. 126-127).

Определенная роль в ритуальных мероприятиях принадлежала огню, который мог иметь очистительную функцию. В представлениях древних с помощью отня осуществлялось жертвоприношение животных и «кормление» душ умерших людей. Костры разводились на древней поверхности и не имели конструктивно оформленных элементов. Их локализация к северу и северо-востоку от ритуальных рвов также демонстрирует важность пространственной доминанты по линии ЮЗ-СВ, отмеченной в планиграфии иных объектов.

На территории могильника, на его северной окраине, исследован еще один частично разрушенный ров № 4, аналогичный описанным выше объектам (рвы № 1-3). Это сооружение относится к елунинским древностям по находкам характерной керамики. Развал сосуда, обнаруженный на дне рва (рис. 4, 2), имеет высоту 31 см, диаметр по венчику 31 см, по тулову — 31, по дну — 13 см, максимальную толщину стенок 1 см. Зона под венчиком орнаментирована орудием в виде палочки в технике протаскивания с элементами накола, туло — гребенчатым орудием в технике «шагания». На внутренней стороне сосуда фиксируется мощный нагар, что говорит о его долгом использовании, об этом же свидетельствуют следы починки сосуда.

Предназначение рва № 4 определить сложно в силу его фрагментарности. Не исключено, что это остатки святилища, аналогичного раскопанному комплексу в центре могильника. Если это так, то можно сделать предположение о том, что святилища функционировали какое-то время и были связаны с конкретными могилами или рядом погребений. На определенном этапе, возможно, с необходимостью устройства нового ряда захоронений предварительно сооружалось новое святилище, которое в дальнейшем использовалось в ритуальных мероприятиях, сопровождавших погребения людей в могилах нового ряда. Если предположить, что центральное святилище использовалось, как минимум, пять раз (по числу кострищ), то это в целом совпадает с количеством погребений в одном ряду. Данные наблюдения могут являться дополнительным подтверждением наших предположений.

Часть костей животных, происходящих с территории могильника вне погребальных комплексов, можно трактовать как остатки поминальной тризы, совершаемой периодически родственниками умерших. Наибольшая концентрация костей животных выявлена к северу от «святилища». Это небольшая площадка размером примерно 6х3 м, вытянутая по линии С-Ю, могла использоваться для поминальной тризы или жертвоприношений. Характер костей животных, выявленных в ритуальных рвах, свидетельствует о большом значении в обрядовых мероприятиях голов крупного и мелкого рогатого скота, в меньшей степени

лошади. При этом спецификой жертвенных ритуалов «елунинцев», вероятно, выступает практика предна- меренного отделения нижних челюстей, которая при- менялась ко всем видам животных. Другой особенно- стью елунинского жертвенного комплекса является наличие первых шейных позвонков (атлантов) в со- членении (Косинцев, 2003. С. 237). В небольшом ко- личестве встречены кости собаки и волка. Интересен факт, что в остеологической коллекции, полученной с поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука, на- ходки черепов животных практически полностью от-сутствуют, что, вероятно, объясняется использованием их в ритуальных целях в процессе реализации жертвоприношений и погребально-поминальной обряд-ности. Скульптурные изображения голов именно этих животных (барана, лошади, быка) венчают каменные песты и навершия рукоятей бронзовых ножей (Кирю-шин, 1987. Рис. 2, 4; Кирюшин, Иванов, 2001. Рис. 1; 2), что свидетельствует о значении этих образов в религиозных представлениях «елунинцев».

На памятнике зафиксированы остатки сооруже-ний, которые можно рассматривать как отдельные жертвенники. Примером такого рода построек можно считать объект № 13, описание которого дано выше. При его интерпретации имеют значение несколько об-стоятельств. Во-первых, комплекс костей животных, обнаруженный в нем, соответствует находкам в ритуаль-ных рвах № 1-3. Во-вторых, яма была вытянута длинной осью по линии З-В и располагалась в ряду елунинских погребений. Эти наблюдения позволяют, с одной стороны, связать объект с елунинским комп-лексом, с другой - интерпретировать его как жертвен-ник. Если дальнейшие исследования подтвердят елу-нинскую культурно-хронологическую принадлежность ям с зерном, раскопанных на памятнике Телеутский Взвоз I, то их можно рассматривать как особые жерт-венные подношения.

Кроме ритуальных объектов, на территории мо-гильника найдены три местонахождения предметов ритуального назначения. В 4 м к юго-востоку от елу-нинской могилы № 1 обнаружен приклад из каменных предметов (рис.2, 3). Вещи были уложены в опреде-ленном порядке. Три шарообразных камня, диамет-ром около 5 см, располагались в ряд вдоль расколотой гальки длиной 15 см, диаметром 7 см. Другой артефакт, планиграфически не связанный с объектами эпохи ранней бронзы, обнаружен на глубине 0,33 м от современной поверхности, в 42 м к югу от моги-лы № 10. Он представлял собой крупный каменный блок четырехугольной формы с оформленными в раз-ных плоскостях чашевидными углублениями (рис. 2, 4). Предмет, выполненный из гранита, был предвари-тельно интерпретирован как «алтарь» (Кирюшин, Ти-шкин, Грушин, 1998. С. 250-251). Трасологическое изу-чение данных артефактов, осуществленное П.В. Вол-ковым, подтвердило высокую вероятность такой ин-терпретации предмета. На «алтаре» были выявлены следы «заглаженности», которые могли образоваться от контакта с человеческими пальцами или со свежим, еще теплым мясом. Предметы, обнаруженные у мо-гилы № 1, использовались в качестве пестов для раз-дробления красящего вещества и приготовления охры

оранжевого цвета (Волков, 2003. С. 223-225).

Особо необходимо отметить стенку сосуда свет-ло-серого цвета, обнаруженную в 19 м к западу от рва № 1 (рис. 4, 6). Сосуд полностью реконструиру-ется. Горло и днище имели круглую форму, туловище – квадратную, со слегка закругленными углами. Вся площа-дь сосуда, за исключением придонной зоны, была орнаментирована горизонтальными рядами от-тисков «отступающей палочки». Композиционно орна-ментированное поле делилось на три зоны, разде-лителем которых являлись волнистые двойные пояса, выполненные в той же технике, что и орнамент в зо-нах. На сосуде в бессистемном порядке располага-лись отверстия, выполненные техникой сверления. На внутренней стороне сосуда в углах туловища фиксиру-ются следы нагара. Форма сосуда, особенности ор-наментации, свидетельствуют о его культовом назна-чении. Наличие трех композиционных зон орнамента, например, могло символизировать трехчастную мо-дель мира.

Сосуды подобного типа не известны в других елу-нинских памятниках. Керамика с многоугольными дни-щами (во всех случаях пятиугольными) известны на поселении Тух-Этмор IV и Малгет в Васюганье. Ю.Ф. Кирюшин и А.М. Малолетко отнесли подобные сосуды к культовым и датировали их серединой – нач-алом второй половины II тысячелетия до н.э. (Кирю-шин, Малолетко, 1979. С. 91). Наибольшее сходство с рассматриваемым сосудом можно найти в керами-ческом материале самусьской культуры, для сосудов которой также характерна отступающе-накольчатая техника орнаментации. Значительная часть керамики имеет многогранную (от четырех до восьми граней) форму придонной части, дна и устья (Кирюшин, Ма-лолетко, 1979. С. 90). Сосуды с подквадратным усть-ем известны в материалах андроновской культуры Среднего Енисея, Ачинско-Марийинской степи, Томс-кого и Новосибирского Приобья и Барабы (Ковтун, 1999. С. 118).

Изучение комплекса объектов эпохи ранней брон-зы памятника Телеутский Взвоз I позволило рассмат-ривать его как единую архитектурно-ритуальную сис-тему, в которой ее отдельные элементы связаны меж-ду собой пространственно и семантически. Такая про-странственно-семантическая обусловленность эле-ментов комплекса определена мировоззренческими пред-ставлениями, проявлявшимися в определенных ритуаль-ных действиях и обрядах. Элементы системы включали погребальные сооружения, поминальные об-ъекты, жертвенные комплексы, ритуальные предме-ты. Ее системообразующим компонентом выступало святилище, в котором реализовалась пространствен-но-вертикальная модель мира. Изучение этого инте-ресного ритуально-погребального комплекса не закон-чено. Перспективным направлением в его исследова-ниях могут стать археоастрономические наблюдения на памятнике, которые могут в будущем дополнить, подтвердить или скорректировать высказанные в дан-ной работе предположения.

Список литературы

- Волков П.В. Трасологическое изучение некоторых каменных изделий из комплекса ранней бронзы памятника Телеутский Взвоз-І // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин С.П. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-І). Барнаул, 2003.
- Грушин С.П. Особенности формирования погребального памятника Телеутский Взвоз-І // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. I. Новосибирск, 2000.
- Грушин С.П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001.
- Грушин С.П. Некоторые итоги и перспективы изучения памятника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-І // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.
- Грушин С.П. Елунинская культура Верхнего Приобья в системе раннескотоводческих культур степной полосы Евразии (постановка проблемы) // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.
- Казаков А.А. Пространственные данные поселений как источник по реконструкции // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998.
- Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин С.П. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-І). Барнаул, 2003.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-В на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-І // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001.
- Ковтун И.В. Андроновские сосуды с подквадратным устьем // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IX. Барнаул, 1999.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.
- Косинцев П.А. Костные остатки животных из памятника Телеутский Взвоз-І // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин С.П. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-І). Барнаул, 2003.
- Пономареева Е.А. Палеокарлологические определения образцов из памятника Телеутский Взвоз-І // Кирюшин - Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин С.П. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-І). Барнаул, 2003.
- Прокофьев Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род, фрактурия) // Труды Института этнографии. Т. XVIII. М., 1952.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-І и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.
- Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-І в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. III. Новосибирск, 2000.

Н.К. СТЕФАНОВА, В.И. СТЕФАНОВ
Уральский государственный университет,
Екатеринбург, Россия

О ПОСЕЛЕНИИ ЧЕРНООЗЕРЬЕ VI, ИССЛЕДОВАННЫХ НА ЕГО ПЛОЩАДИ ЗАХОРОНЕНИЯХ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СРЕДНЕИРТЫШСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ПЕРИОДА ДОАНДРОНОВСКОЙ БРОНЗЫ

(Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-00037а «Бронзовый век Урала и Западной Сибири: преемственность, новации, взаимодействия»)

Черноозерье VI – один из уникальных памятников Черноозерского комплекса, получившего широкую известность благодаря работам Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье в 1960–1970 гг. (Генинг, Стефанов, 1988). Поселение находится на левом берегу Иртыша в Саргатском районе Омской области, примерно в 1,5 км к юго-западу от д. Черноозерье. Здесь на пашне у края первой надпойменной террасы, было отмечено скопление раскопотых костей животных и обломков керамики, а на задернованной поверхности вблизи бровки террасы зафиксирована единственная впадина, как выяснилось позже, маркировавшая остатки слабо углубленного жилищного котлована. Разведочными шурфами был выявлен мощный культурный слой с большим количеством артефактов. Памятник исследовался в течение шести полевых сезонов, раскопками руководили В.Ф. Генинг (1967–1969 гг.), О.М. Кондратьев (1970), В.Т. Ковалева (1972), Н.К. Стефанова (1978). В работах 1969 г. принимала участие Л.Л. Косинская. Всего на памятнике вскрыто 2255 кв. м., но раскопками он далеко не исчерпан.

Поселение большое: жилые, хозяйственные и иные объекты размещались на площадке размером более 100 × 50 м, вытянутой вдоль края террасы. Высота последней 4–5 м, обращенный к пойме склон умеренно крутой. Река Иртыш протекает в 3 км к юго-востоку, в заливных лугах находится несколько озер старицного происхождения.

Стратиграфия памятника в общих чертах выглядит следующим образом. Верхний горизонт на глубину 10–20 см представлен гумусированной супесью с дерниной на участках, прилегающих к склону террасы, либо слабо задернованным слоем пахоты, либо свежей пахотой. Основным слоем, содержащим большую часть находок, являлся слой темно-серой с оттенками супеси мощностью до 70 см. Как правило, его же были заполнены углубления в материке. Между этим слоем и материковым грунтом, преимущественно на ближних от бровки террасы участках, фиксировался слой супеси или суглинка красноватых, желто– или буро-коричневых тонов толщиной до 10–15 см. Материк – желтовато-бурый суглинок или супесь.

Многолетняя распашка территории памятника привела к выравниванию поверхности и перемещению вещественных остатков относительно их первоначаль-

ного местоположения в верхней части культурного слоя. Кроме того, на исследованной площади зафиксированы очень поздние ямы и перекопы (недалеко от этого места раньше находилась мельница), в той или иной степени разрушившие некоторые археологические объекты.

В раскопанной части памятника выявлены культурные отложения, относящиеся по крайней мере к двум археологическим периодам – мезолиту и ранней бронзе. Каменный инвентарь микролитического облика – всего более 800 единиц – в основном приурочен к прослойке красновато-бура-коричневых суглинков или супеси, лежащей в основании культурного слоя (Генинг, Петрин, Косинская, 1973. С. 36). Часть мезолитических находок встречена в переотложенном состоянии в темно-окрашенных горизонтах. Судя по распространению специфического кремня, стоянка Черноозерье VIa имела протяженность около 70 м вдоль края террасы. Остатков каких-либо сооружений, безусловно связанных с ней, в раскопах не обнаружено (там же). Открытие мезолитической стоянки в пункте Черноозерье VI для авторов раскопок стало событием, может, и неожиданным, но для изучения каменного века лесостепного Прииртышья оно приобрело чрезвычайно важное значение.

Подавляющее большинство исследованных в раскопах объектов (рис. 1) – остатки наземных сооружений (не менее 3) и построек с котлованами, углубленными в материк (6), очаги в жилищах и на открытых площадках (42), кучи золы, бронзолитейная мастерская, хозяйственные ямы (116) и ямки от столбов (около 900), ров-канава, разнообразные и многочисленные артефакты (свыше 16 тысяч): фрагменты керамики, изделия из камня, кости, глины, металла, кости животных, птиц и рыб – относятся ко времени функционирования стационарного поселения Черноозерье VI. Древний поселок существовал в течение долгого времени, обитаемая площадка застраивалась, перестраивалась, расширялась, постройки ремонтирова-

лись и т. д. Его принадлежность к раннему этапу бронзового века (в периодизации среднеиртышских древностей) доказывается наличием в составе коллекции каменных наконечников стрел – черешковых и с прямым основанием, глиняной формы для отливки вильчатого копья (Кондратьев, 1974. С. 17-19), но, прежде всего, керамическим материалом.

Всего на поселении найдено около 9300 фрагментов керамики. Примерно 2% от этого числа составляют черепки, которые можно рассматривать в качестве хронологически инородной примеси. Они могли отложиться в слое в результате кратковременных посещений данного участка террасы в другие археологические периоды (энеолит, поздний бронзовый век, ранний железный век, средневековье) или попасть сюда при проведении пахотных работ.

Раннебронзовый комплекс представлен, во-первых, 1 – посудой так называемого логиновского типа, украшенной в характерной отступающей-накольчатой технике (около 220 сосудов), во-вторых, керамикой кротовского типа с декором, выполненным в технике шагающей или движущейся (шагание с элементами протаскивания) гребенки (162 сосуда), в-третьих, обломками сосудов, орнаментированных в технике печатной гребенки (15 сосудов). Нет необходимости в подробном описании керамики логиновского и кротовского типов, она достаточно хорошо известна по работам В.Ф. Генинга, В.И. Молодина, И.Г. Глушкова, М.Ф. Косарева, Н.К. Стефановой, В.Т. Ковалевой и многих других археологов.

Существуют разные точки зрения по вопросу о генезисе и хронологическом соотношении логиновских и кротовских материалов. В.Ф. Генинг и его свердловские коллеги допускали возможность эволюции логиновской керамики в кротовскую и полагали, что в лесостепном Прииртышье «... логиновский тип наиболее ранний, кротовский – более поздний» (Генинг и др., 1970. С. 27, 31). Мнения о хронологическом приоритете логиновских древностей на Иртыше при-

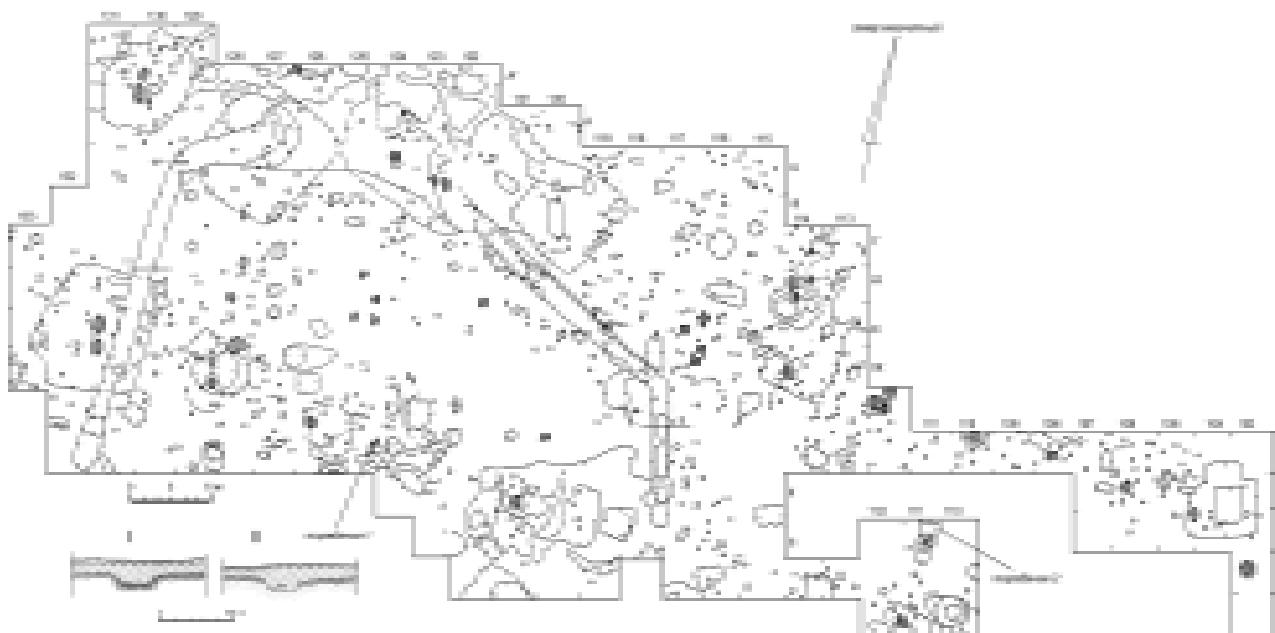

Рис. 1. Поселение Черноозерье VI. Сводный план раскопов, разрезы канавы: I – кв. Д/130. II – кв. И/117, 118

держивается Н.К. Стефанова (1986; 1988). И.Г. Глушков рассматривает материалы поселений Черноозерье VI и Саранин II как единые культурно-хронологические комплексы, «... характеризующие кротовскую культуру на определенном этапе развития» (1984. С. 46). «Логиновская и кротовская керамика сосуществуют на одних и тех же памятниках у кротовского населения Прииртышья» (Глушков, 1986. С. 4, 9). М.Ф. Косарев относит логиновские памятники лесостепного Ишимо-Иртышья к самусьско-логиновской общности, а прииртышскую кротовскую культуру – к кротовско-елунинской общности первой половины бронзового века (Косарев, 1993. С. 80–94). В.И. Матющенко рассматривает их вместе с самусьскими и степановскими памятниками в рамках самусьской культурно-исторической общности (Матющенко, Синицына, 1988. С. 131–133; Матющенко, Полеводов, 1994. С. 52–54, 63).

В чем согласны все исследователи кротовских и логиновских или кротовско-логиновских древностей, так это в принадлежности их основного массива к периоду до появления на Иртыше андроновских памятников. Что касается посуды с печатно-гребенчатой орнаментацией, то ее присутствие в том или ином количестве в материалах раннебронзовых памятников является едва ли не обязательным. Причем не только в Прииртышье и не только в доандроновских комплексах.

Следует признать, что методика проведения раскопочных работ на поселении Черноозерье VI, особенно в первые годы, не отличалась совершенством. Наибольших нареканий заслуживает система фиксации находок – по условным горизонтам в пределах квадратов 3 × 3 м, без обозначения на полевых чертежах. Тем не менее анализ имеющихся данных о количественном соотношении керамики разных типов, приведенных ее к конкретным объектам, напластованиям и участкам, приводит к определенным выводам.

Во-первых, логиновский культурный комплекс (компонент) на Черноозерье VI является доминирующим. Численное превосходство посуды с отступающе-накольчатой орнаментацией (свыше 55% против 40,8% кротовской и 3,8% печатно-гребенчатой) тому не единственное подтверждение. С ней связаны не менее 6 жилых построек, множество ям и очагов. В восточной части поселения найдена почти исключительно логиновская керамика, кротовские черепки здесь единичны. И если бы раскопкам подверглась только эта часть древнего поселка, он был бы однозначно воспринят и атрибутирован как логиновский.

Во-вторых, есть основания предполагать относительно более поздний возраст кротовского комплекса на данном памятнике. Кротовская керамика выглядит менее фрагментированной, чем логиновская. В заполнении канавы, с трех сторон ограничивавшей трапециевидную площадку (около 40 × 24–14 м) на краю террасы, кротовских черепков было значительно больше, чем логиновских – 51 против 20. В канаве же обнаружены два раздавленных сосуда с орнаментом, нанесенным шагающей гребенкой, т. е. кротовских. «Кротовская» (?) канава перерезает котлованы построек 1 и 2, из которых происходит в основном логиновский керамический материал. На обнесенной рвом площадке «кротовская» яма № 51 прорезает крупное

«логиновское» углубление № 50. Основная масса кротовских фрагментов и еще три сосуда в развалих также приурочены к этой площадке. Приведенные аргументы представляются существенными, но все же не бесспорными, так как не исключают полностью возможность совместного обитания на одной территории носителей разных технико-орнаментальных керамических традиций.

В-третьих, как свидетельствуют авторы раскопок, обломки сосудов с печатно-гребенчатой орнаментацией тяготеют преимущественно к верхней половине культурного слоя. Впрочем, их принадлежность к более позднему культурно-хронологическому горизонту также не очевидна в силу малочисленности комплекса и благодаря исключениям (сосуд, изображенный на рис. 2, найден в основании слоя поселения). Понимая сложность и безусловную важность вопросов, связанных с происхождением и соотношением рассмотренных комплексов в ишимо-иртышской лесостепи, мы не склонны в этой связи переоценивать качество полученных на Черноозерье VI источников. Они ценные – в совокупности с материалами других памятников – для содержательной характеристики ранних этапов бронзового века в Среднем Прииртышье, но не безупречны для разработки дробной периодизации.

Предлагаемая работа посвящена объектам, исследованному на территории поселения Черноозерье VI, о существовании которых мало кому известно. Речь пойдет о двух погребениях, одиночном и коллективном, расположавшихся на ближних к террасовому уступу участках, на расстоянии 41,5 м друг от друга (рис. 1).

Погребение 1 (1970 г.). При вскрытии квадрата И/125 на глубине около 70 см от современной поверхности был обнаружен скелет человека. Могильная яма вырыта в толще супеси, окрашенной в темно-серые тона, поэтому ее очертания не были зафиксированы. Никакими более поздними «вторжениями» погребение не потревожено, при этом кости нижних конечностей лежали над заполнением ямы с находками керамики кротовского и логиновского типов. Скелет сохранился достаточно полно, кости размещались в анатомическом соответствии (рис. 2, А). Отсутствовали часть ребер, мелкие кости верхних и нижних конечностей, а также почти все эпифизы трубчатых костей. Очевидно, умерший был уложен в вытянутом положении на спине, головой на север, руки – вдоль туловища. Можно предположить, что голова погребенного покоялась на каком-то возвышении – череп обнаружен лежащим сводом вверх и слегка смещенным на область грудной клетки. Длина сохранившейся части скелета составляла около 125 см. Учитывая вышеотмеченное смещение черепа и отсутствие костей голеностопа и стоп, следует сделать вывод о том, что при жизни рост индивида был более высоким. Никаких вещей в могиле не найдено. Из предельно лаконичной информации о результатах раскопок памятника в 1970 г. следует, что скелет принадлежал женщине и что само захоронение является более поздним по отношению к объектам поселения (Кондратьев, 1974. С. 19). Кем выполнено половозрастное определение, неизвестно.

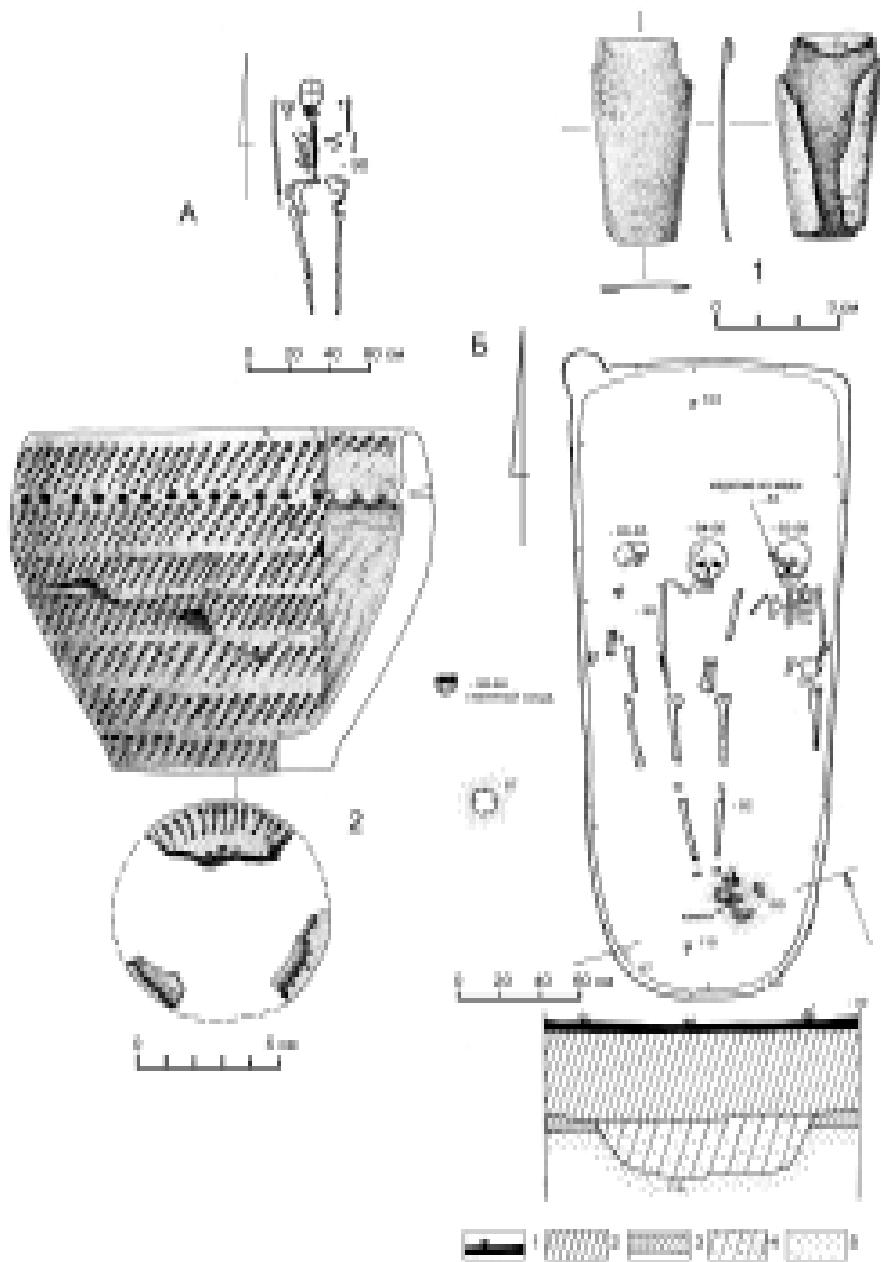

Рис. 2. Черноозерье VI. А – план погребения 1 (кв. И/125), Б – план погребения 2 (кв. Л/111) и разрез могильной ямы:
1 – дерн; 2 – серо-черная гумусированная супесь; 3 – буровато-серый суглинок; 4 – темно-серая супесь, перемешанная с
желтым песком; 5 – материк (супесь желтого цвета). Инвентарь, связанный с погребением
2 – медная накладная пластина (1), глиняный сосуд (2).

Погребение 2 (1978 г.) находилось в восточной («логиновской») части поселения (Стефанова, 1979). В квадрате Л/111 на глубине около 50 см от поверхности при разборке предматерикового слоя буровато-серого суглинка было зафиксировано обширное пятно темно-серого, с глинистыми желтоватыми включениями, грунта. Почти на уровне первой фиксации пятна при расчистке его северной половины были обнаружены черепа трех человек. Чуть ниже лежали другие кости скелетов. Таким образом, выявленный объект оказался коллективной могилой (рис. 2, Б). Судя по очертаниям нижней части могильной ямы, впущенной в материк всего на 15–25 см, она имела близкую к прямоугольной форму, углы закруглены, в северо-западном углу при первой фиксации прослеживался округлый

выступ. Яма вытянута по оси С–Ю, ее длина 320 см, ширина в северной части – 140 см, в южной – около 100 см. Переход стенок к дну плавный, дно – ровное, покатое к южной стороне. По ряду косвенных данных, глубина ямы от древней дневной поверхности достигала 50–60 см. Не исключаем, что для захоронения умерших могло быть приспособлено какое-то из имеющихся на территории поселения углублений.

В могиле находились останки трех погребенных. Умершие были захоронены в вытянутом на спине положении, вплотную друг к другу и к продольным стенам ямы, головой на север. Торцевые стенки ямы отстояли от костей на 60–90 см. Лучше других сохранился скелет человека, лежавшего в центре могилы. Останки представлены почти полным набором костей

кости краинума, большинством трубчатых, правой ключицей, несколькими позвонками поясничного отдела и другими, более мелкими костями. Судя по размерам скелета, прижизненный рост человека – мужчины около 40 лет (определение В.А. Дремова) – превышал 170 см.

С левой (восточной) стороны от этого костяка лежал скелет женщины 30–40 лет, представленный костями краинума, позвонками, ребрами, а также фрагментами обеих лопаток, левых плечевой, тазовой и бедренной костей. На правой височной кости черепа лежала медная накладка.

Справа от центрального костяка расчищены останки еще одного человека – женщины около 30 лет. Сохранившиеся кости – несколько фрагментов черепа, часть поясничных позвонков, элемент правой тазовой, одна из костей левой верхней конечности и левая бедренная – лежали в анатомическом порядке.

В ногах погребенного мужчины обнаружены 4 куска минерала буровато-красного цвета. Других находок в могиле не было. При разборке культурного слоя вокруг погребения 2, в 65 см от середины западной стенки ямы, на глубине около 30–35 см от современной поверхности найден развал небольшого сосуда (рис. 2). В полуимetre к югу от этой находки в материке была расчищена ямка от столба. С учетом того, что на вскрытой части поселения подобных ямок выявлено около 900, связь данного углубления с погребальным объектом не выглядит очевидной. К тому же, в непосредственной близости от могилы отмечены еще две столбовые ямки – в 0,95 и 1,25 м к югу.

Иное дело – сосуд. Похоже на то, что он был преднамеренно скрыт (прикопан?) рядом с коллективным захоронением – может быть, возле или под надгробным сооружением, если таковое здесь имелось. Сосуд восстановлен почти полностью: не достает нескольких обломков днища и стенок (рис. 2, 2). Изготовлен из глины с примесью шамота и органики. Плоскодонный, баночкой формы, со слегка закрытым устьем. Небольшой: диаметр устья – 3,3–13,8 см, наибольший диаметр по тулову – около 15 см, размер дна – 7,5–7,8 см в поперечнике, высота – 12–12,3 см. Толстостенный: толщина стенок в верхней части – около 8 мм, ниже – от 11 до 13 мм, дна – 10–12 мм. Венчик округлый, местами – уплощенный. Наружная поверхность гладкая, темно-серого цвета. Внутренняя поверхность запесочена, обработана небрежно (заметны широкие бороздки от шпателя, идущие снизу вверх), окрашена в коричневатые тона. Обжиг слабый, на изломе черепки имеют темно-серый или почти черный цвет. Наружная поверхность сплошь орнаментирована, включая дно. Декор предельно прост: семь горизонтальных поясков из наклонных оттисков зубчатого штампа покрывают боковую поверхность сосуда. Узор плотный, без свободных зон. Кроме того, в верхней части стенок расположен горизонтальный ряд небольших, но глубоких ямочных вдавлений, образующих на внутренней стороне стенок выпуклые «жемчужины». Орнаментир широкий, судя по оттискам, имел не менее 7 прямоугольных зубцов. Этим же штампом выполнены поясок наклонных оттисков в зоне под венчиком на внутренней стороне стенок и концентрические окружности на дне сосуда.

Находки из погребения. Накладная пластина, лежавшая на черепе одного из костяков, изготовлена из тонкой медной полосы, края которой с трех сторон – продольных и одной торцевой, подвернуты внутрь (рис. 2, 1). Толщина листа – 0,6–0,8 мм. Полученное изделие – подтрапециевидной формы, размером 51^г18^г25 мм, вероятно, крепилось на конце какой-то тесьмы или кожаного ремешка. Содержание олова в металле 0,008%, свинца – менее 0,0004%, мышьяка – 0,09% (анализ выполнен в лаборатории спектрального анализа ИА РАН, шифр 25550).

Камни из южной части могильной ямы – 4 куска бурого железняка (лимонит) – буровато-красного цвета, оставляющих, в том числе на коже, ржаво-буро-красную черту. С глубокой древности этот природный материал использовался для получения краски (охра, умбра). Кроме того, около верхних краев могильной ямы в разных местах найдено несколько предметов из камня: абразив, целая пластинка без следов использования и сечения двух широких пластин с краевой ретушью утилизации. Скорее всего, эти предметы имеют отношение к культурному слою поселения и с погребением 2 никак не связаны.

Культурная и хронологическая атрибуция погребальных объектов, исследованных на территории поселения Черноозерье VI, на первый взгляд, кажется абсолютно бесперспективной: одно погребение безинвентарное, находки из другого безлики, положение костяков элементарно, одновременность могил и связь глиняного сосуда с погребением 2 тоже не безусловны. Однако не все так безнадежно. Во-первых, независимо от того, является ли Черноозерье VI логиновским поселением, на площади которого позднее отложились кротовские материалы (и объекты), или это кротовско-логиновский памятник (памятник саранинского этапа кротовской культуры – по И.Г. Глушкову – см.: 1984, С. 55), оба погребения не могут относиться ко времени до возникновения здесь поселка. Во-вторых, судя по стратиграфии погребения 1, перекрывавшего яму с обломками сосудов логиновского и кротовского облика, оно не могло быть совершено в начальный период функционирования поселка. В том числе и по этой причине похороненных в обеих ямах людей нельзя рассматривать в качестве «строительных» жертв. Захоронения могли быть произведены либо на заключительной фазе существования поселения, либо после того, как оно было заброшено. Подозреваем, что хронологический разрыв между оставлением поселения и совершением на его руинах захоронений, если он имелся, не мог быть очень продолжительным. Говоря иначе, мы склонны обсуждать погребения и поселенческие остатки в едином или, по крайней мере, близком культурном контексте. Не зная обстоятельств смерти людей, чьи останки обнаружены на Черноозерье VI, и причин, по которым их захоронение состоялось в необычном для этой цели месте, мы предполагаем, что похоронные обряды соответствовали нормам, принятым у обитателей поселка или, шире, у населения лесостепного Прииртыша и сопредельных областей ранних этапов бронзового века.

Для черноозерских погребений характерны не-

большая глубина могильных ям – не более 0,5-0,6 м от древней поверхности, их ориентировка в меридиональном направлении, ингумация, вытянутое на спине положение умерших – с руками вдоль туловища, головой на север (в противоположную сторону от реки), малочисленность или отсутствие сопроводительного инвентаря, наличие охры (в нашем случае – природных агрегатов, из которых ее можно получить) в могиле и помещение глиняного сосуда рядом с ней. Не все из приведенных признаков имеют диагностирующее значение для решения поставленных выше вопросов, но в совокупности они достаточно определенно указывают на принадлежность анализируемых объектов к сейминско-турбинскому хронологическому горизонту. По признакам погребального обряда захоронения Черноозерья VI обнаруживают высокую степень сходства с известными в Прииртышье и Барабе некрополями этого времени: Окуневскими на Татарском увале (Матющенко, Полеводов, 1994), Хутор Бор IV (Глушков, Петров, 1984; Петров, 1987), Ростовкой (Матющенко, Синицына, 1988), Сопкой II (Молодин, 1985) и другим.

Поскольку крупным могильникам, как правило, присуща многовариантность погребальных ритуалов, необходимо уточнить: черноозерские захоронения отвечают доминирующему в них нормам. Сходство проявляется даже в деталях. Так, например, на Сопке II иногда в головной части могилы оставлялся невысокий уступ, благодаря чему череп оказывался приподнятым относительно костяка (Молодин, 1985. С. 76). В могиле 66 Окуневского некрополя голова покойника лежала на земляном уступе, на «подушечке» (Матющенко, Полеводов, 1994. С. 59). «Пустые» зоны у торцевых стен, как в черноозерском коллективном погребении, довольно большие по площади и непонятно для чего предназначавшиеся, нередки в длинных узких могилах Окунево V, VII, Сопки II. Отнюдь не случайно обнаружение глиняного сосуда около погребения 2 на Черноозерье VI: размещение части инвентаря, прежде всего посуды, не в могиле, а рядом с ней, является одной из специфических черт погребальной обрядности населения, оставившего все упомянутые выше памятники. И, наконец, во всех могильниках имелись коллективные захоронения.

Круг памятников, в которых черноозерские погребения находят множество соответствий, можно дополнить еще одним – могильником Сатыга XVI. Он находится в южнотаежной подзоне Западной Сибири, в бассейне р. Конды – левого притока Иртыша (исследовался Е.М. Беспрозванным в 1987, 1988 гг. и О.Н. Корочкиной в 2001 г., всего вскрыто 46 погребений, материалы раскопок готовятся к публикации). Это характерный памятник сейминско-турбинского типа, по особенностям погребального обряда и вещевого комплекса имеющий аналогии в лесостепных культурах (Черных, Кузьминых, 1989. С. 22, 23). Сатыга XVI – это длинные узкие грунтовые могилы малой глубины, разнообразно ориентированные, в т. ч. в направлении С-Ю, ингумация, вытянутое на спине положение покойников, свободное пространство у торцевых стен (однажды в этой зоне обнаружены остатки берестяной емкости), погребения с инвентарем и без него,

размещение глиняных сосудов исключительно вблизи или на некотором удалении от края могильной ямы. При этом на Сатыге XVI отсутствуют коллективные захоронения и единичны случаи ориентировки умерших головой в северных румбах, от реки (3 из 21).

Черноозерско-сатыгинские параллели представляются весьма актуальными в связи с еще одним обстоятельством. До сих пор мы ничего не сказали об аналогиях сосуду, сокрытому на Чернозерье VI около погребения 2. Он явно не логиновский и не кротовский, хотя по отдельным признакам (баночная форма, сплошная орнаментация, горизонтальная зональность и др.) сопоставим с посудой этих типов. Черноозерский экземпляр близок керамике первой группы могильника Ростовка, которую как раз и характеризует печатно-гребенчатый декор (Матющенко, Синицына, 1988. С. 89-91), однако на ростовкинских сосудах всех групп отсутствуют ямочные вдавления. Очень близкий экземпляр, и тоже без ямок, происходит с могильника Сопка-2 (Молодин, Ламина, 1989. С. 110, рис. 2, 4). Ямочные вдавления мало или почти не свойственны кротовской посуде, но встречаются на сосудах степановского типа в памятниках южнолесного Прииртышья (Глушков, Петров, 1984. С. 26, 27; Матющенко, Полеводов, 1994. С. 52). Впрочем, керамики, украшенной оттисками гребенчатого штампа и с пояском ямок в верхней части стенок, здесь тоже немнogo. Основным приемом исполнения узора на посуде степановского типа является движущаяся гребенка (Петров, 1987. С. 14). Вообще же круг аналогий черноозерскому сосуду, как и всей группе печатно-гребенчатой керамики с этого поселения, чрезвычайно широк. Как уже отмечалось выше, похожие (степень сходства – другой вопрос) образцы в разном количестве представлены в керамических материалах едва ли не любого раннебронзового памятника Среднего Прииртышья, Барабы, Верхнего Приобья, лесостепного Приишимиya и Притоболья. В большинстве случаев они существуют с другими типами керамики и нередко составляют лишь малую часть комплексов.

В Западной Сибири есть только один памятник, в материалах которого керамика интересующего нас облика господствует абсолютно, – Сатыга XVI. Важным преимуществом сатыгинской керамической коллекции является ее представительность – свыше 50 сосудов. Почти на 100% посуда украшалась гребенчатым штампом. Узоры наносились способом штампованием (более 90%), исключительно редки случаи использования техники шагающей гребенки (1 сосуд) или шагающей с элементами протаскивания (2-3 сосуда). Сосудов с ямками в коллекции менее трети (27%), ямочные вдавления располагались, как правило, в один ряд и только в приустьевой зоне. Декоративная схема очень проста (рис. 3) и, что следует особо подчеркнуть, она определенно не гребенчато-ямочная. О безусловном преобладании печатно-гребенчатой орнаментальной традиции в лесной зоне можно судить и по другим данным, в частности, по керамическим материалам, полученным при раскопках раннебронзовых поселений никондинского (чилимского) микрорайона (Глушков, 2005; Глушков, Собольникова, 2005).

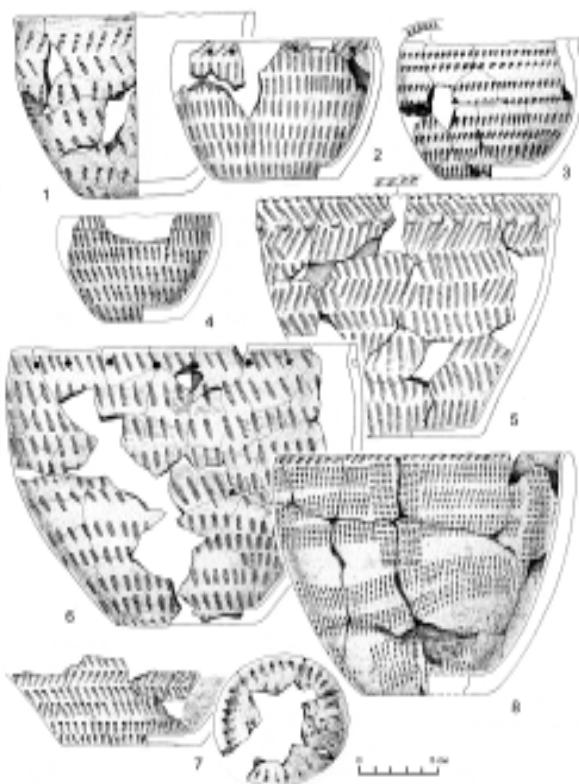

Рис. 3. Могильник Сасыга XVI. Керамика.

Другая черноозерская находка – медная накладная пластина из погребения 2, в силу невыразительности и широкого распространения подобных изделий не может быть привлечена для культурно-хронологического диагностирования объектов. Заметим лишь, что разного рода накладок, обойм, пронизок и прочих

мелких украшений довольно много найдено на Сопке-2 (Молодин, 1985. С. 67-70).

Сравнительный анализ исследованных на Черноозерье VI погребений будет неполным, если мы обойдем вниманием Черноозерский I могильник, расположенный всего в 270 м от поселения на краю той же террасы (Генинг, Ещенко, 1973; Генинг, Стефанова, 1994). 170 захоронений, образующих данный некрополь, демонстрируют сложную картину погребальных обрядов и сопроводительного инвентаря (Косарев, 1981. С. 120-131), в которой андроновские культурные традиции причудливым образом сочетаются с элементами субстратной культуры, сложившимися еще в сейминско-турбинский, т. е. доандроновский, период.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что автохтонный, трансформированный кротовский или позднекротовский культурный компонент, в погребальном памятнике Черноозерье I преобладает. Сходство между погребениями Черноозерья VI и могильником Черноозерье I, конечно, есть: способ захоронения, позы покойников, характерность баночных форм посуды и печатно-гребенчатых орнаментов и др., но черт, различающих эти памятники, больше: на Черноозерье I господствует ориентировка умерших на ЮВ и ЮЮВ (к реке), глиняные сосуды и прочий инвентарь размещались на дне могил, в погребениях нет охры (или ее заменителей), ни на одном сосуде нет ямок в декоре. Кстати, ямочные вдавления не характерны для керамики позднекротовского поселения Черноозерье IV, в составе которой есть экземпляры, «близкие местным андронидным» (Генинг, Стефанова, 1982. С. 63). Нет их и на керамике Черноозерского I поселения (Генинг, Стефанов, 1993).

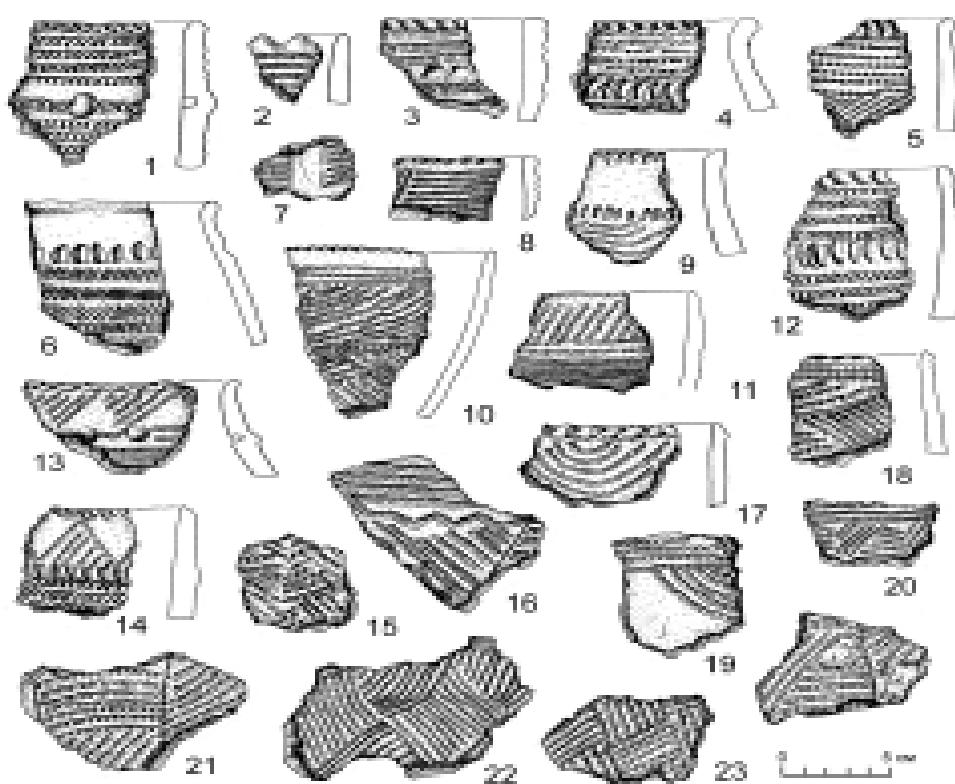

Рис. 4. Поселение Черноозерье VI. Керамика логиновского типа.

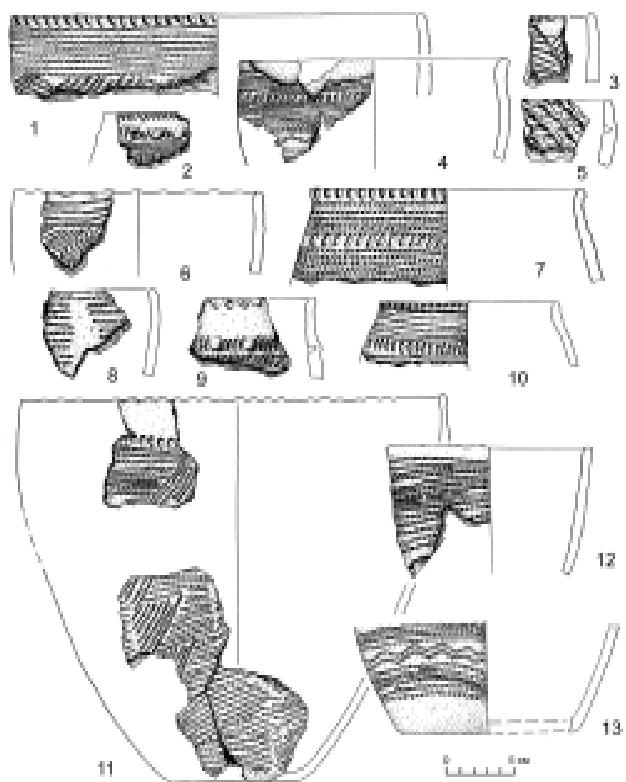

Рис. 5. Поселение Черноозерье VI. Керамика логиновского типа.

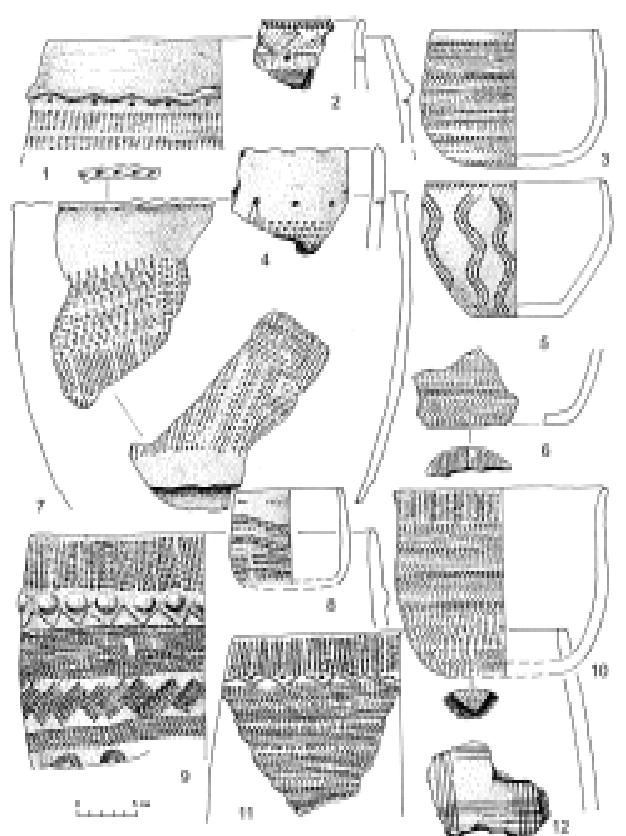

Рис. 6. Поселение Черноозерье VI. Керамика кротовского типа.

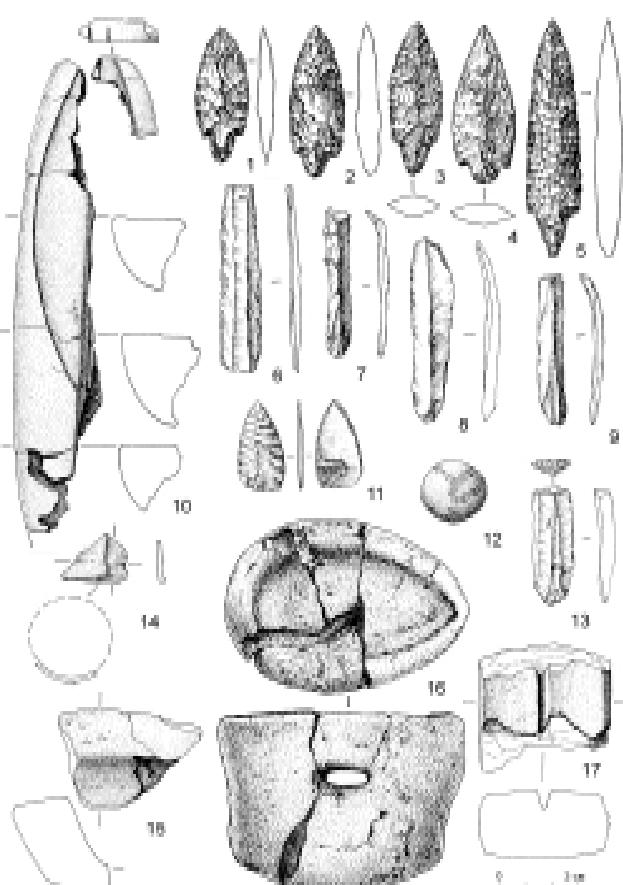

Рис. 7. Поселение Черноозерье VI. Инвентарь. 1-5 – наконечники стрел; 6-9, 13 – ножевидные пластины; 10 – обломки литейной формы копья; 12 – шарик; 14 – обломок втульчатого орудия; 15 – фрагмент тигеля; 16 – тигель; 17 – не определено. 1-9, 11, 13, 17 – камень; 10, 12, 15, 16 – глина; 14 – бронза.

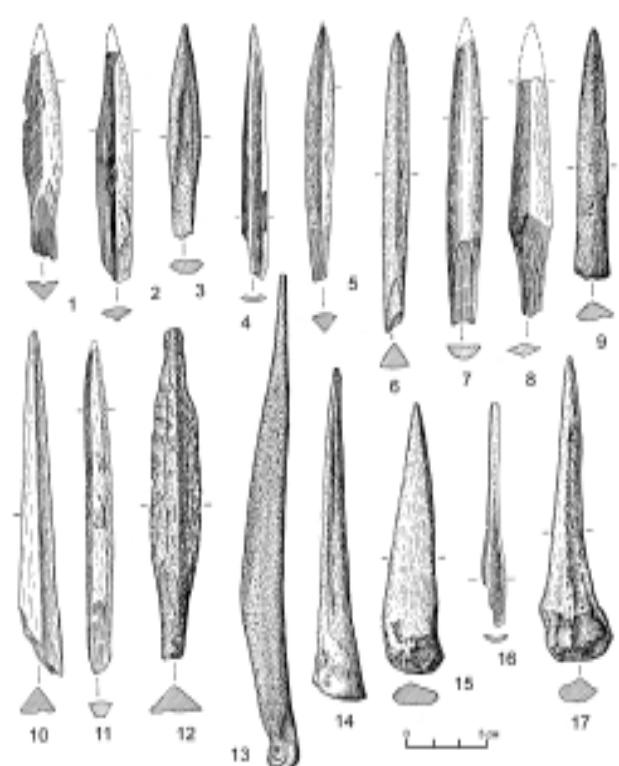

Рис. 8. Поселение Черноозерье VI. Изделия из кости. 1-12 – наконечники стрел; 13-15, 17 – проколки; 16 – орнаментир (?)

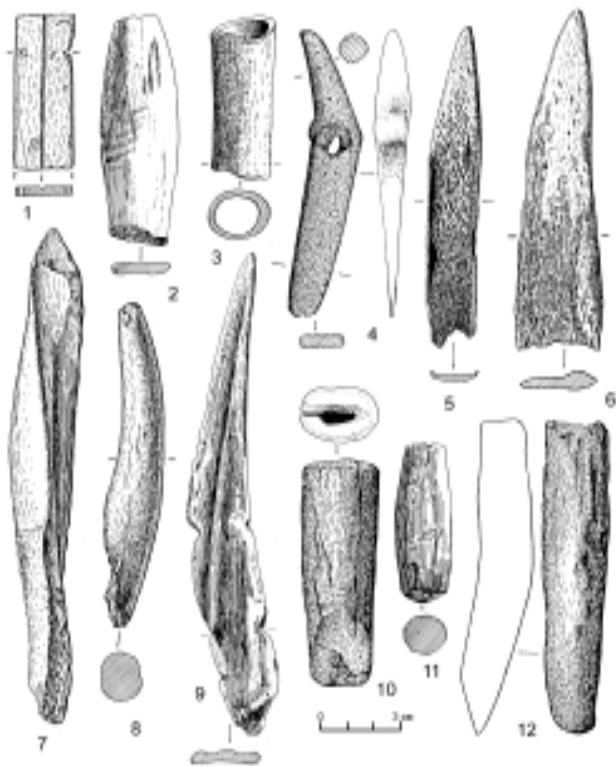

Рис. 9. Поселение Черноозерье VI. Изделия из кости и рога.
1 – панцирная пластина; 3 – муфта (?); 4 – концевой
вкладыш для лука; 5, 6, 9 – ножи-шпатели; 8, 12 – рукояти;
2, 7, 8, 11 – не определены.

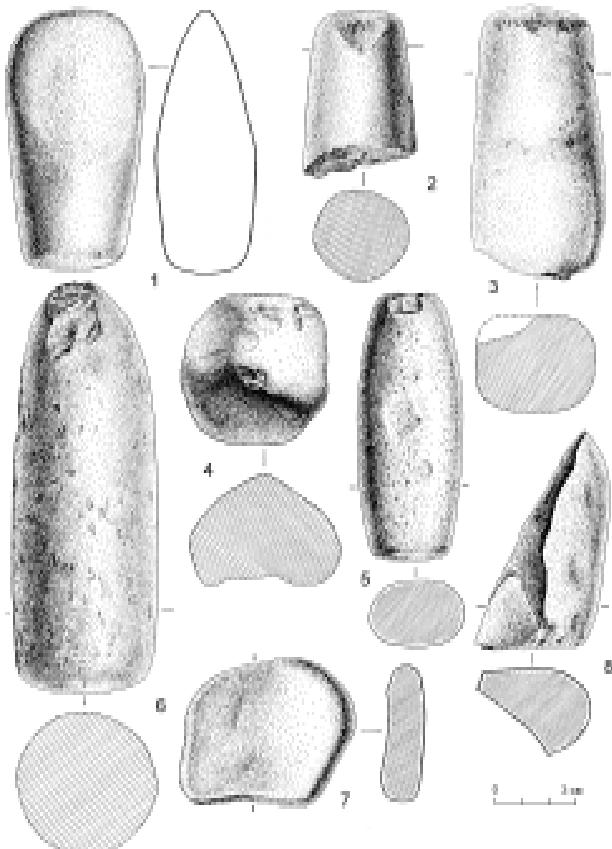

Рис. 11. Поселение Черноозерье VI. Каменный инвентарь.

Рис. 10. Поселение Черноозерье VI. Изделия из кости и рога.
1-3, 5, 6 – орудия для обработки кожи; 4 – мотыжка;
7 – не определено.

Таким образом, основываясь на результатах проведенных сопоставлений, мы, очевидно, вправе сделать следующее заключение: в совокупности с поселенческими остатками (рис. 1, 4-11) погребальные объекты Черноозерья VI образуют целостный комплекс, по многим признакам имеющий аналогии в памятниках доандроновской бронзы или, лучше, периода ПБВ-І Евразийской металлургической провинции (Черных, Агапов, Кузьминых, 1990): кротовских, логиновских, степановских, ташковских, вишневских, елуниных и других, в том числе в могильниках Ростовка и Сатыга XVI. Хронологическую позицию комплекса Черноозерье VI в рамках этого периода конкретизируют отчетливые сейминско-турбинские параллели (литейная форма вилччатого копья, кремневый и костяной инвентарь, керамика, обряд захоронений и др.). В частности, на Черноозерье VI найден фрагмент панцирной пластины – аналог ростовкинских пластинчатых лат.

Более сложен вопрос о культурной принадлежности данного памятника – поселения и погребений. Многократно зафиксированные факты сопряженности логиновских (отступающе-накольчатая орнаментальная традиция) и кротовских (шагающая, движущаяся гребенка) керамических материалов в прииртышских памятниках (Саранин II, Черноозерье III, Омская стоянка, Окунево X, Танатово IX и др.), совместное заlegание керамики логиновского типа и посуды с оттисками шагающей гребенки на елуниных памятниках Телеутский Взвоз-І и Березовая Лука (Кирюшин, Грушин, Тиштин, 2003. С. 88, 89; Кирюшин, Малолетко, Тиштин, 2005. С. 130-133) как будто дают основание

отнести Черноозерье VI к раннему или саранинскому этапу кротовской культуры (Глушков, 1984; Молодин, Глушков, 1989. С. 108-110). Допуская такую возможность, мы отнюдь не считаем проблему генезиса и соотношения логиновской и кротовской орнаментальных традиций закрытой. Она нуждается в дальнейшей разработке, как, впрочем, и множество других взаимосвязанных вопросов, закономерно возникающих при работе с источниками. К сожалению, качество последних таково, что не позволяет сформировать четкое представление об этнокультурной ситуации в прииртышском регионе до появления здесь групп андроновского населения. То, что андроновцы мигрировали из других (другого) районов, что в лесостепном Прииртышье они взаимодействовали с носителями кротовских культурных традиций и что кротовская культура была очень мощным и динамичным образованием, очевидно. По-видимому, не требует особых доказательств тезис о распространении в кротовской (или кротовско-логиновской ?) среде технологий сейминско-турбинской металлообработки и комплекса сопутствующих компонентов (обработка камня, кости). Представляется бесспорным многоотраслевой характер экономики населения кротовской культуры, основанной на сочетании присваивающих (охота, рыболовство) и производящих (придомное скотоводство) форм. Археоцологические материалы, полученные на Черноозерье VI, в этом плане уникальны (Смирнов, 1975; Косинцев, 1988). Коллекция палеофаунистических остатков с этого памятника содержит кости от 10 особей крупного рогатого скота, 178 особей мелкого рогатого скота, 36 лошадей, 5 особей медведя и др. В разных местах поселения зафиксированы пластины из чешуи и костей рыб.

И, наконец, древнейшие в Прииртышье укрепления также относятся к кротовской культуре (Черноозерье VI, Инберень X – см.: Стефанова, 1988. С. 54, 55; Борзунов, 1995. С. 217-220). Насколько усложнится и обогатится содержательная характеристика кротовского этнокультурного образования, если мы соотнесем с ним некрополь Ростовка и среднеиртышский центр производства сейминско-турбинских бронз в целом. Эта идея не кажется нам безосновательной. Тем более, что керамика Ростовки, которую среди прочих черт отличает присутствие в орнаментации валиков-налепов, отступающей палочки и гребенки, гребенчатой качалки и печатной гребенки (Матющенко, Синицына, 1988. С. 89-96), уже была атрибутирована как кротовская (Там же, С. 96-98, 131; Молодин, Глушков, 1989. С. 109, 110).

Должны признать, что для нас остается неясным положение печатно-гребенчатой керамики в составе прииртышских кротовских комплексов. Следует ли рассматривать ее во всех случаях как естественную составляющую (разновидность работы гребенчатым штампом) или это самостоятельный тип, возможно, свидетельствующий о контактах, взаимодействии с инокультурным населением? Ведь нет же ее на елунинских памятниках Березовая Лука и Телеутский Взвоз, и в то же время эта орнаментальная традиция в высшей степени характерна для керамики лесных культур (Сатыга XVI). До сих пор нет определенности

в отношении ишимио-иртышских поселений с текстильной или псевдотекстильной керамикой (Генинг и др., 1970. С. 18-20; Генинг, 1989. С. 157-159), иначе определяемых как одино(одиновско)-крохалевских (Глушков, Глушкова, 1992; Потемкина, 1985, С. 276-279; 1995. С. 16-18). В свое время В.Ф. Генинг упоминал в их числе всего два среднеиртышских памятника – Черноозерье III и Омскую стоянку. Оба памятника многослойные, а керамики с псевдотекстильными отпечатками в их коллекциях ничтожно мало (Матющенко, 1966. С. 81; Генинг и др., 1970. С. 19). За прошедшие годы список пунктов, где была найдена подобная керамика, вырос заметно (Танатово, на Татарском увале у д. Окунево, к северу от Больших Крутинских озер, в окрестностях бывшей д. Сибирская Саргатка и др.), но ни одного «чистого» памятника среди них как будто нет. Независимо от того, будут ли таковые обнаружены в лесостепном Прииртышье или нет, культурно-хронологическая позиция комплексов, аналогичных одиновско-крохалевским, требует корректного объяснения.

Наиболее острой, по нашему убеждению, в настоящее время является проблема относительной и абсолютной датировки среднеиртышских древностей ранних этапов бронзового века. Хронологические реперы необходимы для обоснования внутренней периодизации кротовской культуры и соотнесения ее памятников с культурами сопредельных регионов, а также для решения многих вопросов, которые остались за рамками данной работы.

Список литературы

- Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. I. Поселения и жилища. Томск, 1995.
- Генинг В.Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» (по материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурано-штампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Генинг В.Ф., Ещенко Н.К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.
- Генинг В.Ф., Петрин В.Т., Косинская Л.П. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Работы Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография. Археология и история. Омск, 1988.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Препринт. Екатеринбург, 1994.
- Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

- Глушков И.Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи лесостепного Обь-Иртышья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Глушков И.Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск, 1992.
- Глушков И.Г., Петров А.И. Памятники самусько-сейминской эпохи в лесном Прииртышье // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
- Глушков И.Г., Собольникова Т.Н. Керамические комплексы низовий Конды эпохи ранней бронзы: анализ и интерпретация декоративных и технологических стандартов // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкун А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-І). Барнаул, 2003.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкун А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005.
- Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 1974.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // РЭ. 1993. № 4.
- Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988.
- Матющенко В.И. Омская стоянка // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966.
- Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989.
- Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск, 1987.
- Полеводов А.В., Плешков Е.А. Археологический микрорайон к северу от Больших Крутинских озер // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1998.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. 1995. № 1.
- Смирнов Н.Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 13. Свердловск, 1975.
- Степанова Н.К. Работы в Среднем Прииртышье // АО-1978. 1979.
- Степанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
- Степанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

М.А. ДЭВЛЕТ
Институт археологии РАН, Москва, Россия

НЕБО НА СКАЛАХ

В Туве, где находится географический центр Азиатского материка, в равной степени удаленный от мировых океанов, в летние ночи мы, сотрудники Отряда по изучению петроглифов ИА АН СССР, нередко выносили из палаток спальные мешки, чтобы наблюдать на бездонном таинственном небе звездные миры, мерцающий млечный путь, планеты и созвездия, движение луны, метеоритные дожди, пролетающие над головой спутники Земли. Если ночь заставала нас в пути, то мы искали место для ночлега на какой-нибудь возвышенности, где ветер сдувает докучливых комаров и мошку, где небо кажется ближе, чем в степи у подножия. Картина звездного неба завораживает и наводит на размышления о вечном, о Вселенной и нашем месте в ней. Невольно мысли обращаются к тому, чьи следы на исторической, вернее, доисторической арене мы пытаемся проследить, – к древнему человеку, обитавшему когда-то в этих суровых местах. Тысячелетия назад далекие предшественники тувинцев, подобно нам, наблюдали картину звездного неба и, возможно, как и мы, размышляли о быстротечности жизни, о бессмертии и структуре Мироздания. Подтверждением тому могут служить наскальные изображения, которые древние художники выбили на прибрежных скалах святилища Мугур-Саргол в Саянском каньоне Енисея (Дэвлет, 1980).

Памятники наскального искусства, на которых запечатлены графические символы, обозначавшие солнце, луну и звезды, свидетельствуют о существовании у древнего населения Евразии разработанной системы солярных культов. Сходные формы почтания, связанные с небесными светилами, независимо от территориальных и хронологических границ, от этнической принадлежности творцов наскальных изображений, приводили к сходному графическому воплощению солярных, лунарных и астральных знаков-символов. Традиционная солярная символика в искусстве наскальных изображений получает наибольшее распространение в эпоху бронзы, хотя встречается вплоть до наших дней на этнографических предметах и детских рисунках. Солнце обычно изображалось так, как оно представлялось взору, в виде диска или круга с радиально расходящимися черточками-лучами, создающими эффект «сияния». Иногда древний художник окружал небесное светило венцом лучеобразных зубцов, иногда трактовал в виде концентрических окружностей и др. (рис. 1) В определенные исторические периоды создатели наскальных изображений отдавали предпочтение конкретным унифицированным знакам. В раннем железном веке в качестве солярной символики использовались, в частности, такие полисемантические знаки, как триквостры, свастики, изображения колес со спицами и пр.

Наиболее простые знаки в виде точек, кружков и лунок обозначали звезды. Следует различать чащечные углубления и ямки-лунки, или пятна. При описании петроглифов я исходила из того, что чащечные

углубления имеют большие размеры по сравнению с ямками-лунками и точечными выбоинами - диаметр до 5 см и более и глубину до сантиметра и более.

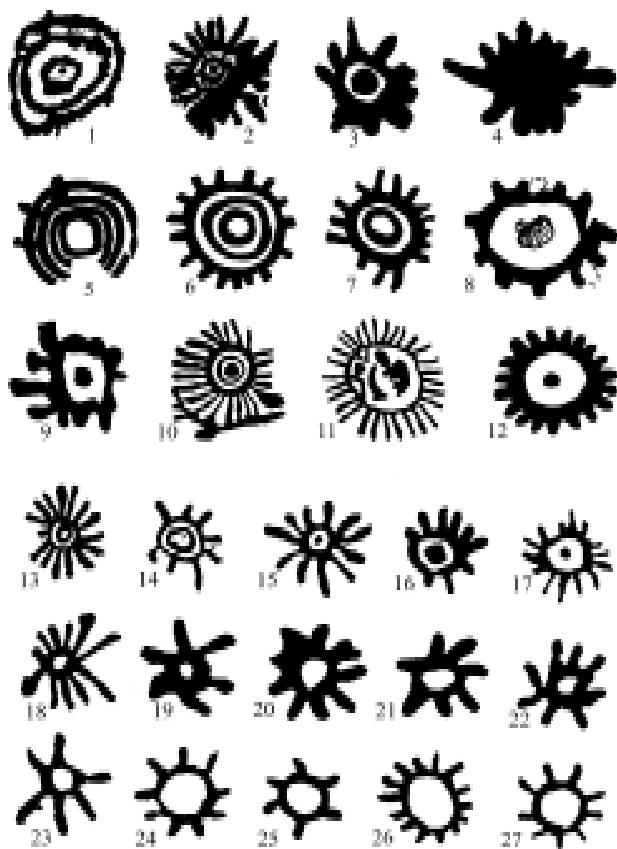

Рис. 1. Изображения солярных символов на скалах. 1 – Алды-Мозага; 2-4 – Мугур-Саргол, верхний Енисей; 5 – Сакачи-Алян, нижний Амур; 6-8 – Урал; 9 – Горный Алтай; 10, 11 – горы Иньшань, Внутренняя Монголия; 13-27 – Жавхлант, Монголия.

Ямки-лунки, или пятна, как и точечные выбоины, как правило, небольшого диаметра и глубины, зачастую бывает снята только скальная корка. Особый интерес привлекают изображения на камне 76 Бижкитиг-Хая в Саянском каньоне Енисея, который находится в восточной части скального массива на вершине комплекса. Изображения выбиты на трех плоскостях, расположенных на трех уступах скального выхода. Плоскости наклонные, обращены на восток, две из них примерно равновеликие, а третья значительно меньших размеров. Поверхности волнистые, шероховатые, покрыты мелкими трещинами, сколами и кое-где лишайниками. Представлены скопления чашечных углублений диаметром в большинстве случаев от 1,5 до 5 см. В центре каждого скопления находится одна более крупная и глубокая чашка-лунка, кроме того, в отдельных местах проходят глубокие борозды и расположены непонятные фигуры. В окружении чашек-лунок представлено несколько изображений козлов. Чашечные углубления по цвету совпадают со скальным фоном или же светлее его, они подшлифованы, некоторые подновлены. Что-либо определенное сказать об их семантике затруднительно. Одно из возможных предположений: выбитые кружки могут означать звезды. Поскольку плоскости не вертикальные, а слабо

наклонные, то эти ямки могли заполняться кровью жертвенных животных, по желобкам, их соединяющим, кровь могла переливаться из одной «чашки» в другую. Красный цвет, цвет крови, мог символизировать сияние небесных светил. Дж. Кулес констатирует, что точное назначение чашевидных углублений в действительности не известно, но имеется не менее 100 различных объяснений, например, что они воплощают звезды или созвездия, капли крови, чаши (вместилища) для священной влаги, регистрацию смерти или рождения, сражений или солярные знаки (календари), знаки женского пола и т.д.

На святилище Мугур-Саргол под номером 198 объединяются несколько плоскостей грандиозного скального выхода в центре святилища. Поверхность камня, равно и рисунков, покрыта иссиня-черным пустынным загаром, отливающим на солнце серебристо-серым графитовым отблеском. Местами скала покрыта каменной коркой, напоминающей выходы белого мрамора. Группировка рисунков подчинена естественной фактуре скальной поверхности. Несмотря на то, что петроглифы находятся на прибрежных скалах выше обычного летнего уровня воды в реке метров на шесть, они, так же как и другие изображения центрального камня алтарного комплекса, замыты во время паводков.

Северо-восточная плоскость крутая, складчатая, имеет наклон к реке. Юго-западная, самая большая по размеру, плоскость обращена к горам. Эту неровную складчатую поверхность, изрытую промоинами, испещренную многочисленными трещинами и сколами, плоскостью можно назвать только условно. Юго-западная и северо-восточная плоскости сходятся под углом, образуя верхний гребень главного камня алтарного комплекса.

По бокам главной плоскости центрального камня расположены два грандиозных столбообразных скальных монолита, испещренные петроглифами. В верхней части главного камня алтарного комплекса на участке, обращенном к небу, по краям промоин сосредоточены точечные углубления, символизирующие, надо полагать, небесные тела. Представляется, что эта часть камня мыслилась создателями петроглифов как самая верхняя небесная сфера, находящаяся выше той, где обитают небожители. В другом месте в глубокой промоине на вершине главного камня алтаря находится изображение роженицы и выходящего из ее чрева плода. В представлении тюркских народов промоина в камне, расщелина, трещина в скале, пещера воспринимались как природные варианты рожающего лона. Должно быть, древний человек воспринимал эту фигуру как родонаучальницу людей и их мифических предков.

Основная плоскость, «иконостас», разделена скальными трещинами на три яруса. Эти трещины были для древних художников как бы естественной рамкой, обосабливающей определенные группы рисунков. Изображения на главной плоскости «алтаря», вероятно, можно рассматривать как отражение комплекса древних представлений о структуре мира. Древние художники символически передали картину мироздания: наверху – верхний небесный мир, где в более высоких по сравнению с людьми сферах оби-

тают божества, духи-предки; ниже – средний, земной мир; затем можно было бы предполагать подземный, нижний мир, но он, как правило, не изображался.

В верхней части основной наклонной плоскости иконостаса представлены многочисленные таинственные существа потустороннего мира (рис. 2). Их символами были личины-маски, которые в несколько раз превышают размерами фигуры людей на плоскости камня 198. Тем самым подчеркивалась их семантическая значимость. В окружении сверхъестественных существ «второго порядка» перед зрителем предстает верховное «божество», выделяющееся своими размерами. Для него древний художник избрал участок скалы, имеющий естественный выступ, так что нос личины выдается вперед, придавая изображению характер барельефа. Это самая крупная личина не только алтарного комплекса, но и всего святилища. Особенно устрашающий вид имеет вторая по величине личина-маска с угрожающе-гневным выражением лица, искаженного страшной гримасой: нахмуренные брови сведены на переносице, глаза выпучены, рот свирепо оскален. Возможно, в этих образах нашел отражение миф о паре демиургов, боге и демоне, который был широко распространен в представлениях азиатских шаманистов.

Рис.2. Мугур-Саргол, камень 198. Фрагмент композиции «иконостаса». Изображения небожителей – обитателей верхней сферы вселенной.

В средней части представлен поселок, состоящий из трактованных в плане жилищ, к которым примыкают загоны для скота. В средней части этого участка плоскости изображены странные зооморфные существа с расширяющимися книзу ногами. У более крупной из этих фантастических фигур с трехъярусной головой на спине помещен антропоморфный персонаж. Еще одно подобное «животное» находится у верхнего края этого участка плоскости.

В нижней части «иконостаса» мы видим картины, напоминающие «земную» жизнь: люди ведут за повод домашних животных; охотник стреляет из лука в козла, которого окружили собаки; человек в широкополой шляпе присел на корточки, широко расставив

ноги; согбенный старец в длинном одеянии, в обуви, напоминающей очертаниями унты или валенки, опираясь на посох, следует за оленем, но в то же время у оленя на голове солнечный диск с лучами, а у быка в кольце рогов – точка, солярный символ. Эти обстоятельства наводят на мысль, что деление «иконостаса» на ярусы означает деление «верхнего мира» на отдельные сферы, что жилища – это дома небожителей, а человечки, изображенные в нижней части, – это небесные люди. У тувинцев до недавнего времени сохранялось предание о небесной земле, где обитают люди, и духи. Люди после смерти живут в небесных сферах, сохраняя материальные формы «земного» существования, носят обычную одежду, но подпоясываются на уровне подмышек (Потапов, 1960. С. 224). Древнетюркская надпись в честь полководца Кюль-Тегина гласит: «На небе вы будете, как среди живых» (Потапов, 1978. С. 53, 63). Любопытен такой случай: у тувинца, принимавшего участие в археологических раскопках, умерла мать, и старики родственники похоронили ее с соблюдением старинных долмаистских обрядов. На вопрос этнографа В.П. Дьяконовой о том, как похоронили мать, сын неожиданно ответил: «Все в порядке. Она там хорошо устроилась и работает в швейной артели». При дальнейших спросах выяснилось, что в похоронах участвовал проживавший поблизости шаман. Именно через него родственники «узнали», что умершая в мире усопших «устроилась на работу» (Дьяконова, 1975. С. 44).

Не исключено, что главная плоскость «алтаря» делится не только по вертикали, но и по горизонтали. Личины-маски с полностью «забытыми» точечными ударами лицом (что, вероятно, отражало окраску лица) сосредоточены в правой половине плоскости. В этой связи можно вспомнить космогонические представления алтайцев, которые были основаны на дуалистических представлениях о борьбе двух братьев-духов Ульгена и Эрлика (Золотарев, 1964. С. 264-265). Ульген представляет небесное начало, доброе, светлое, ему принадлежит запад. Эрлик представляет темное, злое начало, ему принадлежал восток. В сказаниях Эрлик описывается, как гигант с черным лицом. Т.Д. Скрынникова писала: «Ведущей в представлении монголов о мире была оппозиция верх – низ: наверху – Вечное синее небо, внизу – Земля. Мне неизвестны нарративные источники, где бы (за исключением буддийских) отмечалось членение мира на три сферы: верх, середина, низ, хотя представление о подземном царстве мертвых, где владыкой являлся Эрлик, достаточно актуально для монгольской мифологии. Отсутствие упоминаний в обрядовых текстах нижнего мира во главе с Эрликом, возможно, означает только, что, во-первых, для жизнедеятельности общества (а именно на это направлены регулярные стабилизирующие обряды, согласно добуддийским представлениям монголов) существование подземного мира не имело решающего значения. Во-вторых, можно предположить по отсутствию прямого упоминания подземного мира как в обрядовых текстах, так и в известных письменных источниках XIII – XIV вв., что передки, кульп которых был одним из решающих, находились на земле, а не под землей, хотя по отношению к по-

верхности земли покойники находились внизу» (Скрынникова, 1997. С. 62). Как сообщает В.П. Дьяконова, Вселенная, по материалам карахольских тувинцев, состоит из трех миров или сфер: верхний мир – небесный, средний – это земля, нижний – подземный мир. По представлениям тувинцев, небо как космическая зона является местом обитания небесных светил и небожителей. Высоко в небесных сферах, согласно мифологии шаманов, жили небожители-азалары. Иногда небесные люди спускают с неба молнии.

На втором по величине камне Мугур-Саргола (камень 283) в целом повторяется та же схема, что и на главном. В верхней его части в окружении многочисленных точечных углублений, ямок-лунок представлено солнце в виде концентрических окружностей с точкой в центре и расходящимися радиально линиями-лучами. Ниже находятся еще два лучистых диска меньших размеров. Заманчиво видеть в них изображения первозданных трех солнц, два из которых, согласно древним поверьям, убил стрелок – культурный герой, защитивший человечество от нестерпимой жары. Встречаются ямки-лунки, расположенные определенным образом и соединенные между собою тонкими линиями. Возможно, они означали созвездия. Поскольку на святилище Мугур-Саргол солярные символы находятся в окружении точечных углублений, то последние воспринимаются как изображения объектов космической символики — звезд.

О многочисленных ямках-лунках в верхней части камня 283 святилища Мугур-Саргол, представленных в сочетании с лучистыми дисками, я писала, что они символизируют звезды и что «это предположение, так сказать, из области научной фантастики», имея в виду не саму возможность отождествления ямок-лунок с небесными телами, а лишь то гипотетическое построение, что в данном случае они в своей совокупности символизируют конкретную картину звездного неба во время древнего календарного праздника (Дэвлет, 1980. Табл. 283). Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, я трижды приглашала в состав Отряда по изучению петроглифов профессиональных астрономов, сотрудников академических Институтов, однако вопрос так и остался открытym, поскольку перспектива рассмотрения его под таким углом зрения не показалась специалистам серьезной. Скорее всего, на камне 283 Мугур-Саргола картина неба отражена не в конкретный исторический отрезок времени, это не «палеофотография», не иллюстрация, имеющая хронологическую привязку, а вневременная схема – символ звездного неба. Подобную схему-символ мы видим, по всей видимости, и на камне 76 местонахождения петроглифов Бижигит-Хая в Саянском каньоне Енисея.

На камне 283 имеется изображение созвездия Большой Медведицы, представленное почти таким же образом, как и в современных атласах звездного неба (рис.3, 1). Как показала А.В. Лушникова, наблюдение за поведением Большой Медведицы издавна использовалось для слежения за видимым перемещением Солнца в течение года, для вычисления наступления сезонов в связи с промыслово-хозяйственной деятельностью. Большая Медведица – циркумполярное

созвездие, которое не заходит за горизонт. Оно вращается вокруг северного небесного полюса. Положение Ковша со сменой времен года последовательно меняется. Наиболее показательны четыре положения Ковша в полночь. Летом он находится над северным полюсом вверх дном; осенью Ковш опущен вниз, а ручка вытянута вверх; зимой он находится в самой нижней точке, дном вниз; весной дном направо, ручка свисает вниз. А.В. Лушникова пишет: «Идея сезонных перемен и годичный кругооборот Солнца, сопровождающийся изменением в положении ковша Большой Медведицы, отразились в мифах о небесном преследовании Лося-Большой Медведицы охотником-медведем Манги-Волопасом, который гонится за Большой Медведицей вокруг полюса и через времена года» (Лушникова, 2004. С. 120).

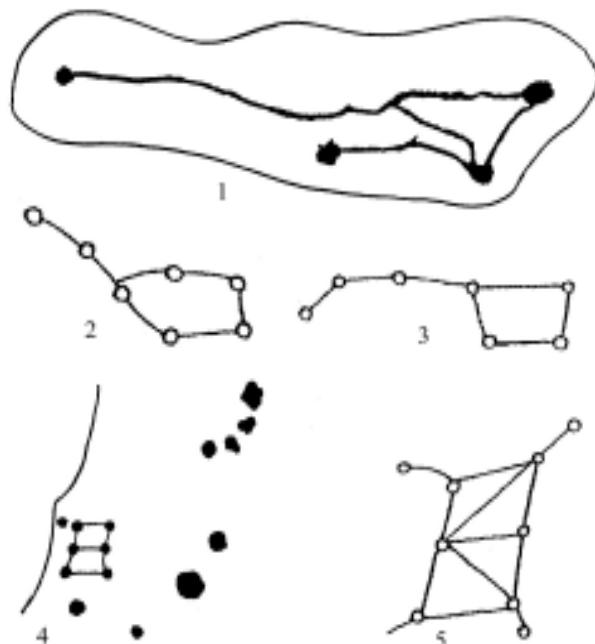

Рис. 3. Изображения созвездий.
1, 4 – Мугур-Саргол (по М.А. Дэвлет); 2 – Плеяды;
3 – Большой Ковш; 5 – Звезды невода (по И. Бэкер).

Созвездие, изображенное на обращенной к западу стороне камня 283, где звезды, обозначенные точками, соединены между собою тонкими линиями, я идентифицировала как созвездие Большой Медведицы. Однако, возможно, я ошибалась и его следует связывать с созвездием Плеяды (рис. 3, 2, 3). Созвездие Плеяды в древней Индии и Персии было знаком весны. Ведущее место Плеяд относится к рубежу III и II тысячелетий до н.э., когда наступление весеннего равноденствия было связано именно с созвездием Плеяд. Из-за смещения земной оси созвездие постепенно переместилось к Овну, а приблизительно к началу нашей эры – к созвездию Рыбы (Бэкер, 2004. С. 41). У монгольских и тюркских народов Плеяды ассоциировались обычно с дырами, сквозь которые поступал сильный холод. Чтобы препятствовать проникновению холода, согласно преданию, одну звезду обычно воруют и соединяют с созвездием Плуг (Большая Медведица – М.Д.). Другим символом созвездия Плеяды у народов Центральной Азии было большое враж-

дебное насекомое. Интересно отметить, что на камне 263 Мугур-Саргола на плоскости, обращенной к небу и сплошь покрытой округлыми точечными выбоинами, предполагаемыми звездами, имеется изображение насекомого, которое я трактовала прежде как душу человека, обитающую в небесных сферах (рис. 4). Рисунки созвездий взяты из работы И. Бэкер «Шаманские небеса (Маньчжурская мифология и изучение звезд Амурского бассейна)», первоначально в 2000 г. опубликованной в г. Висбаден, Германия, а в 2004 г. переданной для публикации в Записках Гродековского музея в Хабаровске (Бэкер, 2004. С. 52).

Рис. 4. Мугур-Саргол, камень 263.

На святилище Мугур-Саргол знаки солярного характера встречаются в устойчивых сочетаниях с изображениями личин и жилищ с примыкающими к ним загонами. В таком же сочетании эти сюжеты представлены на камне 50 Алды-Мозага. На камне 358 Мугур-Саргола все три сюжета объединились в одном изображении. Представляется, что в едином образе на камне 358 Мугур-Саргола – личина, жилище, солярный символ – закодирован целый мир представлений творцов петроглифов и их соплеменников, участников первобытных мистерий, проводившихся среди прибрежных скал древнего святилища. Эти воззрения можно попытаться произвольно сформулировать приблизительно так: высоко в заоблачных сферах, среди

небесных светил обитают божества верхнего мира, духи-предки, лицом схожие с личинами-масками, изображенными на скалах. Они живут в домах, подобных земным, в центре которых горит негасимый священный огонь очага. Таким образом, данные наскальные изображения можно рассматривать как своеобразные зримые благопожелания.

О почитании древним населением Верхнего Енисея небесных светил, о знании ими созвездий можно судить по изображениям солярного характера, встречающимся среди петроглифов Саянского каньона на святилище Мугур-Саргол – храме, созданном самой Природой под открытым небом.

Список литературы

- Бэкер И. Шаманские небеса (Маньчжурская мифология и изучение звезд Амурского бассейна) // Записки Гродековского музея. Вып. 8. Хабаровск, 2004.
 Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.
 Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
 Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
 Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей. М., 2004.
 Потапов Л.П. Материалы по этнографии тувинцев Монгун-Тайги и Кара-Холя // ТТКАЭЭ. Т.1. М.-Л., 1960.
 Потапов Л.П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
 Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Д.Г. САВИНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

СЕЙМИНСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕТРОГЛИФАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА

Известно, что наскальные изображения (петроглифы) являются не только произведениями древнего искусства и памятниками духовной культуры давно ушедших времен, но и наиболее четкими свидетельствами расселения носителей той или иной изобразительной традиции. Выбитые на скальных плоскостях изображения, в отличие, например, от бронзовых изделий и предметов мобильного искусства, не могли передвигаться «сами по себе». За стилистически и сюжетно близкими рисунками, находящимися на разных, иногда достаточно удаленных территориях, стоят люди, для которых такое содержание и манера исполнения составляют неотъемлемую часть их культуры. В этом плане значение петроглифов, как индикаторов культурно-генетических процессов, не вызывает сомнения. Однако исследования подобного рода в значительной степени затруднены тем, что далеко не всегда удается осуществить культурную атрибуцию самих наскальных изображений, поскольку в вещественных материалах примеры figurативного творчества, дающие возможность для такого рода сопоставлений, встречаются сравнительно редко.

Одним из важнейших достижений в изучении петрографического искусства Южной Сибири и Казахстана

на явилось выделение сейминско-турбинской (для краткости — сейминской) изобразительной традиции, позволившее определить реальные контуры расселения ее носителей (Пяткин, Миклашевич, 1990). Это одиночные и групповые изображения животных, главным образом, лошадей, выполненные в своеобразной стилистической манере: тяжелая передняя часть туловища, массивная голова, высокая стоячая грива или нависающая челка, слегка отставленный длинный хвост (рис. 1). По мнению авторов, «наскальные рисунки описанной изобразительной манеры известны с тех же территорий, с которых в основном происходят сейминско-турбинские металлические и каменные изделия (конечно, за исключением тех мест, где по причине отсутствия скальных выходов петроглифы не выбивались)» (Там же. С. 150). В последнем случае, очевидно, имеются в виду лесостепные районы юга Западной Сибири и Северного Алтая, где неоднократно зафиксированы находки бронзовых изделий сейминского типа, но в силу природных условий отсутствуют наскальные изображения.

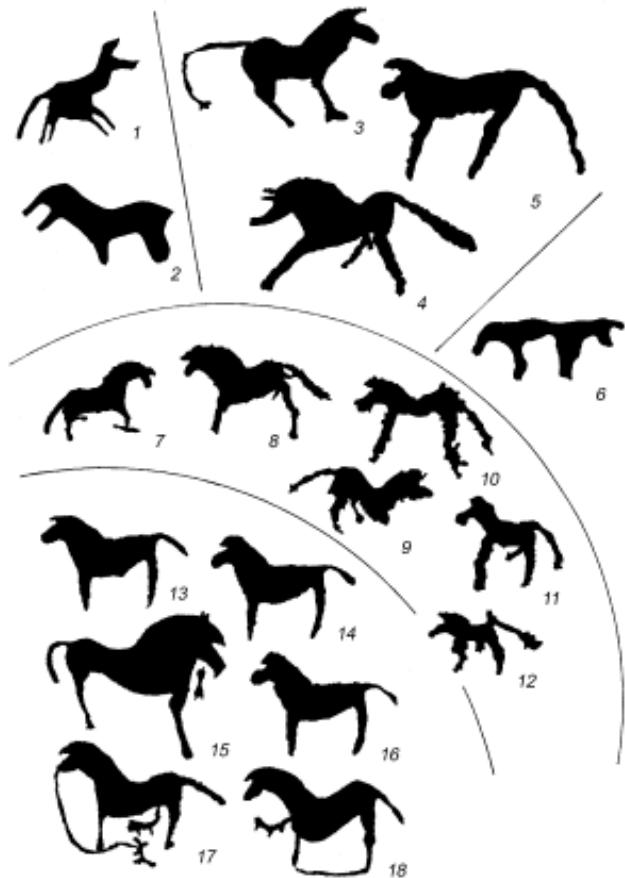

Рис. 1. Наскальные изображения сейминской изобразительной традиции. 1, 2 — Горный Алтай, Кокорю (по Я.А. Шеру); 3—5 — Монгольский Алтай, Цагаан-Салаа (по В.Д. Кубареву, Д. Цэвээндоржу, Э. Якобсону); 6 — Минусинская котловина, фрагмент изображения на плите из Есино III (по Д.Г. Савинову); 7—12 — Восточный Казахстан, Саевър и Мойнак (по З.С. Самашеву); 13—18 — Центральный Казахстан, Байконур (по В.А. Новоженову).

В настоящее время ясно, что абсолютное большинство петроглифов, выполненных в сейминской изобразительной традиции, происходит с территории Центрального и Восточного Казахстана — Байконур,

Мойнак, Сагыр и др. (Самашев, 1992. Рис. 26; 52; 167; 168; Новоженов, 2002. Рис. 8, Табл. 2; 6; 8; и др.). Основной зоной концентрации подобных изображений, судя по всему, были районы, прилегающие к Верхнему Прииртышью, откуда они распространялись в сторону Монгольского Алтая на территории Северной Монголии — Цагаан-Гол, Цагаан-Салаа и др. (Новгородова, 1984. Рис. 50; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005. С. 152, 169, 175 и сл.). По Б.Н. Пяткину и Е.А. Миклашевич, «какая-то часть населения (носителей данной изобразительной традиции — **Д. С.**) мигрировала на юго-восток в Синьцзян и Монголию, откуда известны единичные сейминско-турбинские находки» (Пяткин, Миклашевич, 1990. С. 152).

За пределами этой обширной области находки подобных изображений единичны. Так в близкой манере сделан рисунок стоящей лошадки на вторично использованной плите, предположительно андроновского времени, из тесинского могильника Есино III на юге Минусинской котловины (Савинов, 2000. Рис. 1). Других таких изображений среди тысячных серий петроглифов на среднем Енисее нет. Нет ни одного подобного изображения и в Туве, где в отдельных районах памятники наскального искусства, благодаря многолетним исследованиям М.А. Дэвлет, изучены досконально (Дэвлет, 1980; 1998 и др.). Отдельные рисунки, выполненные в сейминской традиции, известны в южной части Горного Алтая, смежной с Северной Монголией — Сайлюгем (Шер, 1980. Рис. 53) и на р. Чуе — Калбак-Таш (Кубарев, 1990. Рис. 1; 2); причем в последнем случае фигуры лошадей показаны запряженными в двухколесную колесницу, что наиболее характерно для монгольских петроглифов. В целом, создается впечатление, что носители данной изобразительной традиции распространялись из районов Центрального и Восточного Казахстана (Верхнее Прииртышье) по предгорьям Монгольского Алтая на юго-восток, «минуя» внутренние районы Горного Алтая и Тувы, где таких рисунков, несмотря на сравнительно высокую степень изученности этих территорий, значительно меньше, а если они и находятся, то имеют явно «отраженный» характер.

Рассмотрение наскальных изображений сейминской изобразительной традиции возможно в двух отношениях: 1) значение их для сравнительно-стилистического анализа петроглифов севера Центральной Азии и Казахстана в широком хронологическом диапазоне; 2) определение культурной принадлежности носителей данной изобразительной традиции в период ее сложения и первоначального распространения.

В том и другом случаях основополагающим является определение датировки основной массы подобных изображений, особенно в местах их наибольшего средоточения, по поводу чего в литературе уже высказаны различные точки зрения. Некоторые авторы поддержали предложенную в статье Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич культурную и хронологическую атрибуцию (Савинов, 2000а; Студзицкая, Кузьминых, 2001; Кляшторный, Савинов, 2004). Другие высказали сомнение в их столь ранней хронологической принадлежности. Так, по З.С. Самашеву, они относятся к завершающему периоду эпохи поздней бронзы —

предсакскому и раннесакскому времени (Самашев, 1992. С. 152–154). По В.А. Новоженову, многочисленные изображения этого стиля из Байконура следует датировать «эпохой бронзы и периодом поздней бронзы — ранних кочевников со значительным (курсив наш — Д. С.) преобладанием изображений последнего периода» (Новоженов, 1993. С. 155). Основаниями для этого послужили сопоставления с изображениями скифского (сакского) звериного стиля, сложившееся представление об отсутствии фигуристивного творчества у населения андроновской культуры, а также значительный, ничем не заполненный перерыв между концом сейминской эпохи и началом раннескифского времени. Существует и компромиссная точка зрения, согласно которой «безусловно, не все петроглифы и мелкую пластику, отнесенные Б.Н. Пяткиным и Е.А. Миклашевич к кругу сейминско-турбинских, необходимо считать таковыми... Однако сам факт постановки проблемы оказался дальновидным и перспективным» (Бобров, Ковтун, 2002. С. 157).

На наш взгляд, в решении этого вопроса на уровне современной базы имеющихся источников должна быть внесена максимальная ясность. Высказанные сомнения в «сейминско-турбинской» культурной и хронологической принадлежности петроглифов данной изобразительной традиции «снимаются» целым рядом известных аналогий, а именно бронзовыми и каменными изделиями с фигуристивными навершиями в виде фигурок лошадей (или лошадиных голов), выполненных в той же стилистической манере: массивная голова, стоячая грива или выступающая челка и т. д. Примеры такого рода изображений в сводных таблицах уже приводились неоднократно (Пяткин, Миклашевич, 1990. Рис. 1; Парцингер, 2000. Рис. 4–6; Новоженов, 2002. Рис. 8; Савинов, 2000а. Рис. 3; Кляшторный, Савинов, 2004. Рис. 8); и нам остается только повторить некоторые, наиболее выразительные из них (рис. 2, 1–5). Из приведенных аналогов наиболее близки наскальным изображениям навершия каменных жезлов из Верхнего Прииртышья (Ченченкова, 2004. №№ 53–56). Последняя находка такого рода была сделана на Северном Алтае в разрушенном погребении у пос. Шипуново (елунинская культура) (Киришин, 2002. Рис. 127). Ни у кого из исследователей принадлежность этих вещей к сейминской эпохе (в широком культурно-историческом значении термина) сомнения не вызывает. Очевидно, что так должна датироваться и основная масса выполненных в том же характерном стиле наскальных изображений.

Отдельные рисунки сейминской традиции из Казахстана, как правило, более грацильные и передающие фигуру лошади с вытянутыми вперед ногами (или в позе «внезапной остановки»), действительно относятся к сакскому времени (рис. 3, 2, 3). В этой связи можно согласиться с мнением В. А. Новоженова, высказанным им при публикации петроглифов Сары-Арки, что «дата сейминско-турбинских кинжалов с навершиями может стать “реперной” для соответствующих петроглифов... и принята как возможная нижняя дата первого (курсив наш — Д. С.) стратиграфического пласта изображений» (Новоженов, 2002. С. 39). В принципе, о том же писали Б.Н. Пяткин и Е.А. Миклаше-

вич, отмечая, что «в дальнейшем внутри сейминско-турбинской изобразительной традиции Восточного и Центрального Казахстана выкристаллизовывается сакский звериный стиль» (Пяткин, Миклашевич, 1990. С. 152). Позже нами было прослежено, что основные стилистические элементы, сложившиеся в сейминской изобразительной традиции, еще долго сохранялись, главным образом, в реалистических изображениях скифского времени (Савинов, 2000а. Рис. 2; 3).

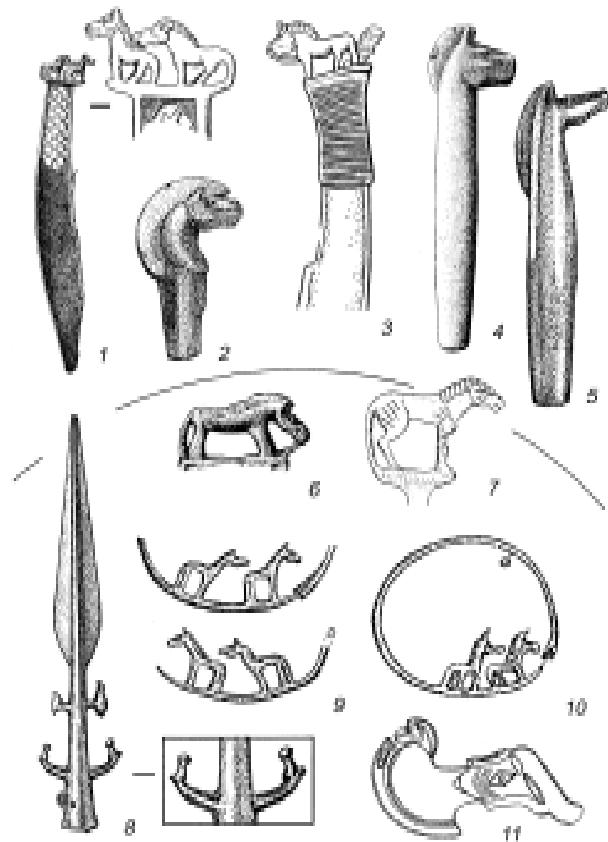

Рис. 2. Фигуративные изображения сейминской изобразительной традиции. 1–5 — сейминско-турбинский «горизонт»; 6–11 — предполагаемый андроновский «горизонт». 1 — Сейма (по И.В. Ковтуну); 2 — Омский музей (по О.П. Ченченковой); 3 — Ростовка, Омская область (по Е.Н. Черныху, С.В. Кузьминых); 4 — Шипуново, Северный Алтай (по Ю.Ф. Киришину); 5 — Семипалатинский музей (по О.П. Ченченковой); 6 — Чарышское, Западный Алтай, навершие кинжала (по Ю.Ф. Киришину, П.И. Шульге, С.П. Грушину); 7 — Зардгахалифа, ок. Самарканда (по С. Бобомуллоеву); 8 — Кустанайский музей (по И.В. Ковтуну); 9 — Чесноково, Северный Алтай (по Ю.Ф. Киришину, П.И. Шульге, С.П. Грушину); 10 — Мыншункур, Семиречье (по И.В. Ковтуну); 11 — изображение головы коня на секире из Бактрии (по Г.Н. Курочкину).

Определение петроглифического пласта, как не имеющего узкой датировки, а охватывающего длительный исторический период целой эпохи, внутри которого очень долго сохраняется приоритет устойчивых изобразительных традиций, представляется наиболее существенным. Ярким свидетельством такого длительного сохранения сейминской традиции является опубликованный К. В. Чугуновым (1997. Рис. 1) бронзовый кинжал раннескифского типа (с перекрестием — «усиками»), но с навершием в виде идущих друг за другом животных, как на классическом ноже

из Сейминского могильника, найденный в Монгун-Тайге, крайнем юго-западном районе Тувы (рис. 3, 1). Эти два предмета: нож из Сеймы и кинжал из Монгун-Тайги — маркируют крайние «точки» изобразительного пластика, начало и широкое распространение которого были связаны с сейминской изобразительной традицией.

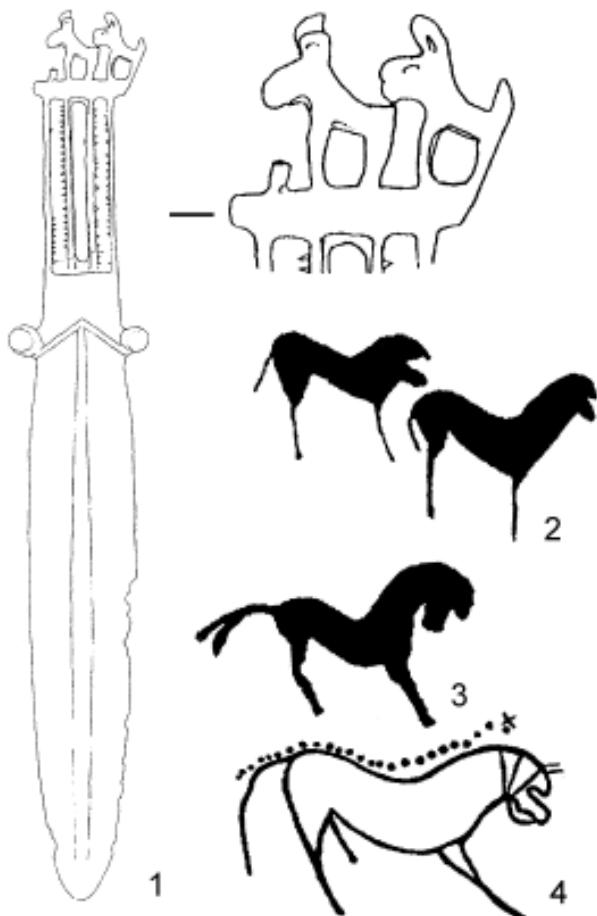

Рис. 3. Реминисценции сейминской изобразительной традиции в скифское время. 1 — бронзовый кинжал с фигурным навершием из Монгун-Тайги, юго-западная Тува (по К.В. Чугунову); 2, 3 — Байконур, Центральный Казахстан (по В.А. Новоженову); 4 — Теректыауул, Центральный Казахстан (по И. Сагындыку).

Следует отметить, не развивая далее этого сюжета, что выделение изобразительного пластика, охватывающего длительный период времени и транскультурного по своему содержанию, не является чем-то уникальным для эпохи бронзы. Точно так же верхне-палеолитический пласт образуют вызвавшие широкую дискуссию крупные контурные изображения животных на открытых плоскостях из Южного Алтая (Калгуты), точная датировка которых вполне может выходить за установленные хронологические рамки верхнего палеолита (Молодин, Черемисин, 1999). В изображениях окуневской культуры на Енисее очень долго сохраняется ангарская неолитическая изобразительная традиция (Савинов, 2006. С. 160–162) и т. д. Очевидно, фактическое «наполнение» того или иного изобразительного пластика не «укладывается» в рамки существующей археологической периодизации.

Среди вещественных аналогий наскальным изображениям сейминской традиции особый интерес пред-

ставляют выполненные в той же стилистической манере парные фигуры стоящих лошадей на золотых серьгах с растробом (андроновского типа). Одна из них происходит из могильника Мыншункур в Семиречье; другая точно такая же серьга была найдена в погребении андроновской культуры вместе с глиняным сосудом в могильнике Чесноково-1 на Западном Алтае (рис. 2, 9, 10). Расположенные друг за другом фигурки лошадей на этих серьгах, то есть точно так же, как на навершиях ножей сейминского типа, отличаются некоторым отступлением от канона и общей схематизацией образа. В связи с этим авторы публикации находки из Чесноково-1 отмечают, что «вероятно, такие особенности фигурок на андроновских серьгах можно считать результатом дальнейшей поздней трансформации или подражанием сейминско-турбинской традиции» (Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006. С. 47).

Круг аналогий изображениям, относящимся к периоду андроновской культуры, но выполненным в сейминской традиции, может быть расширен. К ним относятся навершия в виде фигурки лошади на кинжалах из Семиречья и Западного Алтая (рис. 2, 6) кенкольского типа по Г. Парцингеру (2000. С. 71. Рис. 6) и изображения головок коня на втулке копья постсейминского типа из собрания Омского музея (рис. 2, 8). Степное, скорее всего, андроновское влияние ощущается в изображении головы коня на секире из Бактрии — рис. 2, 11 (Курочкин, 1992. Рис. 9, 2) и зооморфном навершии бронзовой булавки из Пенджикента — рис. 2, 7 (Бобомуллоев, 1993. Рис. 3). Эти находки, несмотря на то, что пока они представлены единичными экземплярами, опровергают тезис о том, что андроновцам в принципе было не свойственно фигуративное искусство. Вероятно, такая изобразительная традиция у населения андроновской культуры, связанного с территорией Западного Алтая и Семиречья, все же существовала, что предполагает возможность соответствующей интерпретации некоторых наскальных изображений.

Существование сейминской традиции в андроновское время и характер распространения выполненных в этом стиле наскальных изображений — из районов Центрального и Восточного Казахстана через Верхнее Прииртышье в Монгольский Алтай — в общих чертах соответствует находкам других изделий сейминской металлургии, а также предполагаемым путям расселения андроновцев на восток. С учетом приведенных материалов может быть поставлен вопрос и о носителях данной изобразительной традиции. Согласно заключению Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, центр сложения сейминской металлургии находился «в достаточно широком районе Рудного Алтая, бассейна Верхнего Иртыша и, может быть, прилегающего к нему с юго-запада Семиречья» (Черных, Кузьминых, 1989. С. 248). Дальнейшее распространение сейминских бронз, главным образом, наконечников копий, отмечено находками из Павлодарского Прииртышья (Грушин, Мерц, Папин, Пересветов, 2006. Рис. 1), в Западном и Степном Алтае (Савинов, 1975. Рис. 6; Грушин, 2000. С. 37, 38). Отдельные находки известны в Минусинской (Леонтьев, 2002. Рис. на с. 182) и Кузнецкой (Бобров, 2000. Рис. на с. 77) котловинах. Из

открытый последних лет особо следует отметить типично сейминские наконечники копий с «крюком», найденные в Синьцзяне (Молодин, Комиссаров, 2004. Рис. 1, 1, 2). Ни в Туве, ни в Горном Алтае наконечников копий сейминского типа не обнаружено.

Приблизительно таким же образом происходило распространение памятников андроновской культуры на восток. По Е.Е. Кузьминои, существовало три направления культурных связей андроновских племен, одно из которых было направлено в сторону Синьцзяна и Западного Китая (Кузьмина, 1992). Проникновение носителей андроновской культуры подтверждается находками в Северо-Западном Китае типично андроновских изделий — керамики федоровского типа, украшений, в том числе серег с растробом, бронзовых серпов, топоров и т. д. Некоторые из них обнаружены в виде кладов (Хаврин, 1992; Бехтер, Хаврин, 2002. Рис. 1). По заключению А. В. Бехтера и С. В. Хаврина, бронзовые изделия степных типов из Северо-Западного Китая относятся к различным периодам эпохи бронзы (Бехтер, Хаврин, 2002. С. 76). Этому соответствуют и находки глиняных сосудов — андроновской и бегазы-дандыбаевской культур (Молодин, Комиссаров, 2004. Рис. 2; 3). Но наличие среди них предметов андроновского типа несомненно. Каким образом они могли оказаться здесь, в крайнем восточном районе великой Евразийской степи?

Обращает на себя внимание, что андроновских памятников, как и сейминских бронз, а также выполненных в соответствующей традиции наскальных изображений нет ни на юге Минусинской котловины, ни в Горном Алтае, ни в Туве. Правда, в Центральной Туве в одном из разрушенных погребений на могильнике Аймырглыг были найдены два типично андроновских браслета со спиральными выступами (Стамбульник, Чугунов, 2006. Рис. 30), но обстоятельства появления здесь этих «совершенно уникальных для всего центрально-азиатского региона» предметов (Там же. С. 301) остаются неизвестными. В целом приходится признать, что ни памятники андроновской культуры, ни сейминские бронзы, ни наскальные изображения в сейминской традиции не характерны для указанных областей. Отсутствие этих трех важнейших явлений культуры эпохи бронзы является более значимым и исторически мотивированным, чем наличие каждого из них, взятого в отдельности.

В другой своей работе Е. Е. Кузьмина отмечала, что «главный путь андроновского проникновения (на восток — Д. С.), вероятно, шел через Фергану — Семиречье..., но андроновское влияние распространялось и восточным путем из Сибири», на что «указывают находки в Приморье на памятниках зайсановской культуры имитаций андроновской керамики» (Кузьмина, 2000. С. 117).

Очень высоко оценивая вклад Е. Е. Кузьминои в постановку и разработку данной проблемы, следует отметить, что вряд ли андроновцы, освоившие сплошной полосой всю лесостепную часть юга Западной Сибири, степной Алтай и север Минусинской котловины (федоровская культура) и не проникшие в предгорья Саян, в Туву и Горный Алтай, могли быть каким-то образом причастны к появлению элементов андронов-

ской культуры, равно как и сейминских бронз, в западных провинциях Китая, Синьцзяне и Приморье. Гораздо логичнее предположить, что распространение влияния андроновской культуры или, скорее всего, самих андроновцев на восток из районов Южного Приуралья и Казахстана происходило двумя путями — северным и южным. Северный путь хорошо документирован сплошной полосой распространения федоровских памятников (Казахстан, юг Западной Сибири, Северный Алтай, север Минусинской котловины) и заканчивается на Енисее. Южный путь обозначен «пунктиром» отдельными погребениями и находками и проходил, как и указывает Е.Е. Кузьмина, через Семиречье по восточным отрогам Тянь-Шаня в Монгольский Алтай, Синьцзян и западные провинции Китая. Между этими двумя векторами андроновской экспансии, дальнейшие связи между которыми, кроме общего места исхода, достаточно проблематичны, оставался «мир» безынвентарных погребений Центральной Азии (херексы и памятники монгун-тайгинского типа), отражающих своеобразие происходивших здесь культурно-исторических процессов (Савинов, 1993).

Наскальные изображения сейминской изобразительной традиции так или иначе связаны с южным путем движения андроновцев, совпадающим с отдельными находками сейминских бронз. В этом же контексте, очевидно, следует рассматривать появление в Северной Монголии антропоморфных статуарных изображений (Нарийн Хурумта), стилистически близких с предметами мелкой пластики из Западного Алтая и Прииртышья (Кляшторный, Савинов, 2004. Рис. 7, 1–3). Каким образом происходило распространение носителей сейминской изобразительной традиции — в виде единовременной миграции в начальный период ее сложения или несколькими волнами на протяжении всей эпохи бронзы — если предложенная реконструкция верна, должны показать будущие исследования.

Список литературы

- Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблема восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита, 2002.
- Бобомулоев С. Раскопки погребального сооружения из Зардгахалифы // Изв. АН Республики Таджикистан (серия востоковедения, истории, философии. № 3. 1993.
- Бобров В.В. Бронзовые изделия самусько-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 1.
- Бобров В.В., Ковтун И.В. Иконографические особенности комплекса сейминско-турбинских бронз // Первообытная археология. Человек и искусство (К 70-летию со дня рождения Я.А. Шера). Новосибирск, 2002.
- Грушин С.П. Проблема изучения сейминско-турбинского феномена на Алтае // Пятьте исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Омск, 2000.
- Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.
- Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
- Дэвлет М.А. Петроэлифы на дне Саянского моря. М., 1998.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири.

- Барнаул, 2002.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеоиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3.
- Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгуря (Монгольский Алтай). Новосибирск – Улан-Батор – Юджин, 2005.
- Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия как источник изучения культурных связей Семиречья, Южной Сибири и Синьцзяна в эпоху бронзы // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. К 70-летию со дня рождения В.И. Матюшенко. Омск, 2000.
- Курочкин Г.Н. Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана // РА. 1992. № 2.
- Леонтьев С.Н. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб., 2002.
- Молодин В.И., Комиссаров С.А. Памятники бронзового века Северо-Западного Китая (в контексте внешних контактов) // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ, 2004.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск, 1999.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Новоженов В.А. Петроглифы долины реки Байконур // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993.
- Новоженов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002.
- Парцигер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск, 2000.
- Пяткин Б.Н., Михаилович Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
- Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири (К 70-летию со дня рождения М.П. Грязнова). Л., 1975.
- Савинов Д.Г. О «третьем мире» культур эпохи бронзы (Центральная Азия) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.
- Савинов Д.Г. Антропоморфная фигура на каменной плите из Есино III // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. СПб., 2000.
- Савинов Д.Г. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. К 70-летию со дня рождения В.И. Матюшенко. Омск, 2000а.
- Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992.
- Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырылы // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галический «клад»: к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. Сборник статей к 70-летию со дня рождения М.Ф. Косареева. М., 2001.
- Хаврин С.В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла. III–I тыс. до н. э. Екатеринбург, 2004.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
- Чугунов К.В. Нахodka кинжала раннескифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН. СПб., 1997.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

**Г.Б. ЗДАНОВИЧ¹, Т.С. МАЛЮТИНА²,
Д.Г. ЗДАНОВИЧ³**

**¹Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим», Челябинск, Россия
^{2,3}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия**

МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАННИХ ЭТАПОВ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АЛАНДСКОЕ)

Открытие на рубеже 1980-х – 1990-х гг. целой серии памятников типа Аркаима и Синташты поставило ряд новых вопросов и проблем в изучении эпохи бронзы урало-казахстанского степного региона. В руинизированных остатках укрепленных поселений и могильников читается попытка построения некоторого нового формата социально-экономической и культурной жизни. Однако движущие силы и формы этого процесса до сих пор остаются невыявленными.

Проблема происхождения синташтинской культуры решается сегодня не столько на уровне знаний, сколько на уровне мнений. Причины этого понятны. Они кроются в отсутствии объективных данных о культурно-генетических процессах, которые происходили в древних обществах (Арутюнов, 1985. С. 31-50; 1989. С. 170-178). С другой стороны, источниковедческая база по синташтинской культуре еще крайне ограничена. Правда, для Южного Зауралья мы имеем такой набор артефактов, что можем говорить о культуре Синташты и Аркаима как о полномасштабном археологическом явлении (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.Б., 1992; Зданович Г.Б., 1987; Аркаим: некрополь..., 2002; Виноградов, 2003). Полученные коллекции дают реальное представление об устойчивой совокупности объектов материальной культуры, определенным образом ограниченной во времени и пространстве, вполне соответствующей понятию «археологическая культура» (Генинг, 1987. С. 6-32).

Решение проблемы происхождения синташтинской культуры Южного Зауралья не возможно без понимания истоков синташтинско-аркаимской фортификации, ее поселенческой архитектуры и четко отработанных планировочных систем. С чего начиналось создание укрепленного поселка, проводилась ли и как проводилась предварительная разметка фортификационных и жилых конструкций, какие технологические

приемы использовались первыми строителями, какие из найденных вещей могли принадлежать именно им? Получить нужные материалы можно только в процессе кропотливых полевых исследований. Обнаружить даже небольшой участок культурного слоя, не затронутый перекопами и позднейшими вторжениями, на степных поселениях эпохи бронзы – всегда большая археологическая удача.

Тем более важными представляются материалы укрепленного поселения Аландское, которые дают нам сведения о ранних комплексах синташтинской культуры и некоторые данные о соотношении «синташты» и «петровки».

Укрепленное поселение Аландское исследовалось в 1997, 1999 и 2001 годах. Общая вскрытая площадь составляет 700 кв.м. Раскоп 1999 г. (автор раскопок Д.Г. Зданович) демонстрировался участникам международного совещания и явился основой для обсуждения архитектуры и стратиграфии синташтинских поселений (Зданович Г.Б., Батанина, 1999. С. 210; Zdanovich, Batanova, 2002. Р. 127).

Аландское относится к укрепленным поселениям овального типа. В плане оно фиксируется как объект яйцевидной формы размером 200×170 м. Ширина развала оборонительных стен - 7–10 м, высота - 0,6–0,9 м. Вдоль внешней границы развала фиксируется понижение (остатки рва) шириной 9–11 м и глубиной 0,2–0,3 м. С внешней стороны развала оборонительной стены на поверхности выступают два ряда плит, сложенных из различных пород камня (Зданович Г.Б., Батанина, 1995. С. 57; 2003. С. 85).

Раскопами были охвачены система фортификации и прилегающая к ней жилая площадка (рис. 1; 2). Выявлено два основных этапа существования памятника (синташтинский – I и петровский – II) и несколько связанных с ними строительных горизонтов. Синташтинскому этапу соответствуют три строительных горизонта – А, Б, В, петровскому – горизонты Д и Г. Система фортификации образована стеной I (СI), содержащей, как минимум, три строительных горизонта – А, Б, В, стеной II (СII), предположительно отнесенной к горизонту В, и двумя рвами – РI и РII. Ров I связан с тремя строительными горизонтами (А, Б, В), ров II, вероятно, соответствует строительному горизонту В. Исследованы остатки трех жилищ синташтинского этапа (1, 2, 3, одно фрагментарно) и четыре жилища петровского этапа (4, 5, 6, 7, два фрагментарно) (Зданович Г.Б., Малютина, 2003. С. 142–144; 2004, С. 58).

Культурный слой, отложившийся в котлованах жилищ, имел различную мощность и структуру. Около оборонительных стен его толщина достигала полутора метров и более, в середине жилищ она уменьшалась до 0,65–0,75 м. Практически все слои представлены глиной и суглинками различной плотности и цветности. Значительную долю составляют прокаленные грунты. Прокаленные суглинки имели ярко-красные и коричневатые цвета, не прокаленные суглинки – серые и серо-желтые. И в тех, и в других фиксировалось наличие строительных блоков, зольников, фрагментов обугленного дерева, хвороста и травы. В серых и серо-желтых суглинках иногда присутствовал прокаленный грунт в виде включений красной крошки.

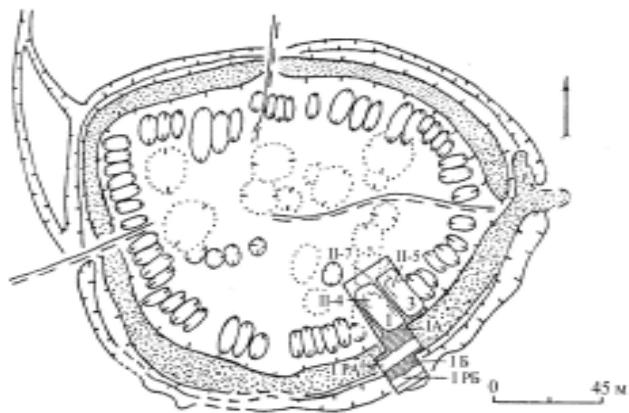

Рис. 1. Укрепленное поселение Аландское. Дешифровка аэрофотоснимка (Батанина И.М.) и раскоп 1997, 1999, 2001 гг. 1-3 – жилища синташтинского этапа; II-4, II-5, II-7 – жилища петровского этапа; I A – оборонительная стена синташтинского этапа (горизонта А, Б, В); I B – оборонительная стена синташтинского этапа (горизонт В); I РA – ров синташтинского этапа (горизонты А, Б, В); I РB – ров синташтинского этапа (горизонт В).

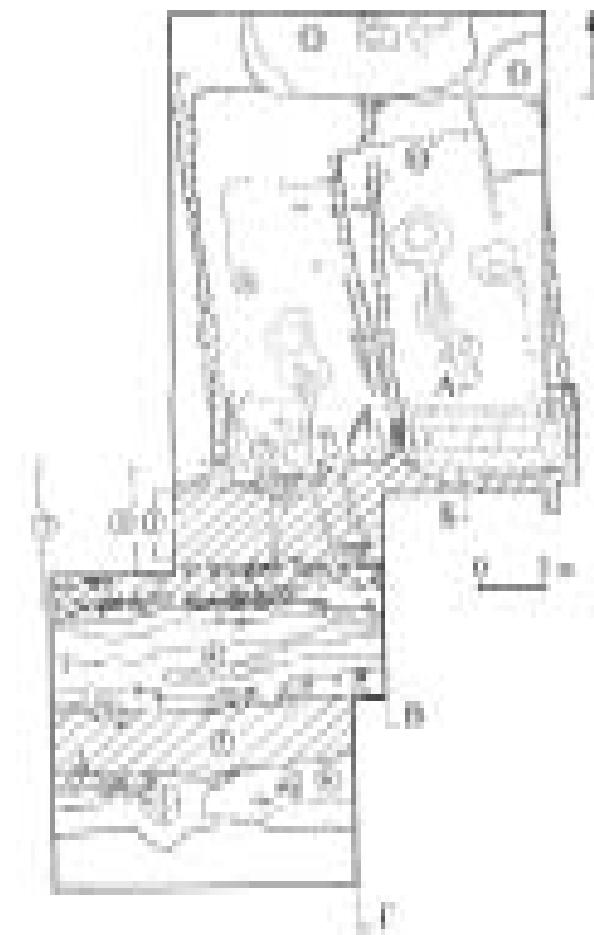

Рис. 2. Укрепленное поселение Аландское. План раскопа. 1 – оборонительная стена 1, горизонт А, синташтинский этап; 2 – оборонительная стена 1, горизонт Б, синташтинский этап; 3 – оборонительная стена 1, горизонт В; 4 – ров 1, горизонты А, Б, В; 5 – оборонительная стена 2, горизонты Б, В; 6 – ров 2, горизонты Б, В; 7 – жилище 1, горизонты А, Б, В; 8 – жилище 3, горизонты А, Б, В; 9 – жилище 4, горизонт Г, петровский этап; 10 – жилище 5, горизонт Г; 11, 12 – жилища 6, 7, горизонт Д, петровский этап

С синташтинским этапом существования памятника связаны следы пожарищ, а также сохранившиеся первоначальные основания стен жилищ и оборонительных конструкций, не содержащие следов огня. Наиболее мощные прокалы примыкают к оборонительным стенам и продольным стенам жилищ. Непрокаленные суглинки сосредоточены ближе к центру построек. Установлено, что пожары были многократными и жилища восстанавливались 3–4 раза. При этом поздние конструкции вписывались в пределы более ранних развалин.

Достаточно отчетливо выделяются три слоя пожарищ, которые маркируют три строительных горизонта синташтинского этапа (А, Б, В). В слоях пожарищ полностью преобладала керамика синташтинской культуры.

Жилища петровского этапа характеризуются котлованами, заполненными серыми и серо-желтыми суглинками с золой. Фиксируются лишь локальные участки прокалов. В жилище 5, в центральной части, отмечены обгоревшие балки перекрытия. С петровским этапом связано два строительных горизонта (Г, Д). Жилища 4 и 5 раннего петровского горизонта (Г) вписаны в пределы синташтинских построек 1 и 3, жилища 6 и 7 второго петровского горизонта (Д) разрушают конструкции более ранних синташтинских котлованов. Сооружения петровского этапа соотносятся с керамикой петровской культуры, которые имеют значительную долю алакульских признаков.

Жилища синташтинского этапа (1,2,3) имели прямоугольные (трапециевидные?) формы, длина - 18,0–18,5 м, ширина - 8 м. Котлованы вырезаны в погребенной почве и материке на глубину 0,4–0,8 м. По длине продольных стен жилища примыкали друг к другу. Между продольными стенками жилищных котлованов оставлены нетронутыми полосы грунта шириной 0,75–0,95 м. Эти останцы, имевшие различную степень сохранности и высоту от 0,2 до 0,8 м, служили основанием для возводимых стеновых конструкций (рис. 2). Особенно ярко на всем протяжении обозначалась продольная смежная стена между жилищами 1 и 2, которая выделялась ярким желтым суглинком и имела неровные контуры. В 4–5 м севернее оборонительной стены она сужалась и несколько отклонялась в западном направлении. Около нее выделялось 2–3 слоя пожара с фрагментами вторичных кладок стены. Интересно, что в блоках повторной кладки в глине присутствуют прокаленные грунты из развалов предыдущих пожаров.

Продольная стена между жилищами 1 и 3 была срезана в южной части, в 5 м от оборонительной стены, и далее на север прослеживалась отдельными участками или отбивалась столбовыми ямками и канавками. Восточная продольная стена жилища 3 также сохранилась небольшими участками и не везде входила в пределы раскопа. С ССВ стороны она нарушена более поздним жилищем 6, уходящим в основном за пределы раскопа. Северные торцевые стены жилищ 1–3 также сохранились очень плохо и были нарушены более поздним жилищем 7.

Полы ранних синташтинских жилищ наиболее углублены в материк в южной части около оборонитель-

ной стены. В северной части уровень пола постепенно поднимается на 0,3–0,4 м. На полу фиксировались прокалы, остатки бревен, плетень, трава, вдавленные глыбы прокаленных глиняных блоков, участки многослойных разноцветных обмазок. Материковая поверхность пола также оказалась несколько видоизмененной из-за проникновения прокалов и углистых прослоек. На материковом дне обнаружены ямки от столбов, 6 крупных ям от храмилищ и колодцев и 18 теплотехнических сооружений.

Столбовые ямки в сочетании с остатками основания стен четко маркируют конструктивные особенности жилищ различных строительных горизонтов. Мы достаточно надежно можем представить площади полов самых ранних жилищ 1 и 3, которые равны примерно 148–150 кв.м. Как уже отмечалось, форма жилищ прямоугольная или слегка трапециевидная, ориентированы постройки по линии ССЗ–ЮЮВ. Входы-выходы, по-видимому, были устроены в торцевых стенах. В северной части построек они отмечаются столбовыми ямками и коридорами-пандусами на полу. В юго-западном и юго-восточном углах жилищ фиксируются выступы. Это, вероятно, тоже следы входов, они могли вести наверх, на оборонительную стену. Такой факт достаточно надежно был зафиксирован при раскопках укрепленного поселения Аркаим (Зданович Г.Б., 1995. С. 28. Рис. 5). Более поздние жилища периода пожарищ (горизонты Б и В) были, по-видимому, несколько меньших размеров, а в ориентации слегка смещены на запад. Об этом свидетельствуют направление узких канавок между жилищами 1–3 и очертания остатков материковых выступов в северных участках раскопа. Как отмечалось, петровские жилища 4 и 5 четко вписываются в поздние синташтинские котлованы. При этом их длина и ширина сокращаются за счет расширения оснований оборонительных стен до 3 м и продольных стен до 1,5 м. Возможные размеры жилища 4 предварительно восстанавливаются в пределах 12×5,5 м, жилища 5 – 14×6 м (рис. 2, 9, 10).

Яма-храмилище и колодец с прилегающими к нему небольшими печами из глины и камня организованы, как правило, в единый комплекс и являются неотъемлемой частью интерьера жилищ синташтинского этапа. Они фиксировались в более углубленной южной половине помещений, ближе к торцевой стене, совмещенной с оборонительной конструкцией. Производственные комплексы восстанавливались после каждого пожара. Ямы-храмилища частично использовались и в петровское время, частично были перенесены на новые места.

В данной работе для нас наиболее важно выделить и охарактеризовать самые ранние материалы синташтинского этапа. Стоит подчеркнуть, что поселения с овалообразными схемами планировки (как Аландское) принято относить к раннему этапу развития данной культуры (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995; Zdanovich, Batanina, 2002).

Особенно яркие артефакты самых ранних строительных горизонтов с остатками пожарищ зафиксированы на участках раскопа, захватывающих стык оборонительной стены и жилых помещений (рис. 2, 3). Здесь толщина культурного слоя достигает более 1,5 м.

Грунт основания древнейшей оборонительной стены, лежащий *in situ*, четко фиксировался с первых горизонтов и резко отличался от завалов. Он был представлен глиной (суглинком?) желтого и коричневого цветов с отдельными контурами строительных блоков. Первоначальная кладка стены А следов огня не имела. Она сложена на тонком слое отмученной глины коричневого цвета. Эта глина покрывала верхний слой погребенной почвы под оборонительной стеной (рис. 3). Есть мнение, что это отложения весеннего паводка, поверх которых возвели стену (Гайдученко, 2003). По внутреннему краю оборонительная стена смыкается с торцевой стеной котлованов жилищ и образует вертикальный срез высотой более 1,5 м от прилегающих участков пола.

Приведем описание разрезов А-Б, Б-В, отражающих стратиграфическую ситуацию в жилище 3 (рис. 3).

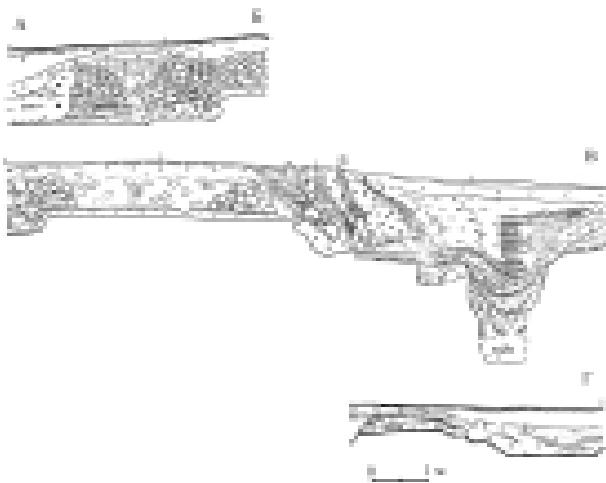

Рис. 3. Укрепленное поселение Аландское.

Разрезы оборонительных сооружений и прилегающего участка жилища 3. 1 – кладка основания оборонительной стены из глиняных блоков, горизонт А; 2 – кладка из глиняных блоков, горизонт Б; 3 – кладка из глиняных блоков, горизонт В; 4 – облицовка оборонительной стены 1 плитами амфболита, горизонт Б; 5 – облицовка гранитом, горизонт В; 6 – прокаленные грунты; 7 – основание оборонительной стены 2, горизонт Б; 8 – ров 2; 9 – углубление котлована жилища 5, горизонт Г; 10 – засыпка внутреннего пространства оборонительной стены 1.

По краю оборонительной стены и котлована жилища сверху до пола опускался слой прокаленного грунта развала стены. В 0,25 м от первоначальной кладки стены слой пожара срезан до уровня погребенной почвы. Здесь фиксировалась горизонтальная платформа шириной 0,5–0,75 м и на ней кладка из глиняных блоков высотой 0,3–0,8 м (стена Б). Глина блоков содержала прокаленный грунт и кусочки древесных углей. То есть для восстановления и крепежа новой стены использовались грунты пожарищ.

От стены Б вниз опускался еще один слой пожара, который по тому же принципу разрезала еще одна кладка стены В. С учетом кладки В толщина оборонительной стены увеличивалась на 1,5–2,5 м. Таким образом, за счет расширения оборонительной стены внутри жилища на узком участке мы фиксируем три строительных горизонта (А, Б, В). Внутри стены В и под ней оказались погребены культурные напласто-

вания и полы жилищ более ранних строительных горизонтов А и Б.

Обычно на поселениях эпохи бронзы, особенно на межжилищных пространствах, культурные слои разных хронологических эпох накладываются друг на друга, создавая горизонтальные, пусть даже многоуровневые структуры. Эти структуры дают информацию по относительной хронологии напластований, что позволяет описать территорию поселения в качестве культурно-хронологического единства, выявляя основные характерные черты того или иного культурного слоя (Зданович Г.Б., 1988. С. 117–131). В случае с пос. Аландским «горизонтальной» стратиграфии, как таковой, нет. Перед нами многократно повторяемое строительство на одной и той же жилой площадке с почти полным сохранением технологий, размеров домов и других строительных элементов. После каждого пожара остатки горения расчищались до пола или почти до пола, стены домов восстанавливались, колодцы и погреба подчищались и зачастую заново восстанавливались на старом месте (Зданович Г.Б., Малютина, 2004. С. 58).

В силу особенностей строительных материалов (глина, дерево) и многократных пожаров покинутые жилищные котлованы периодически заполнялись рухнувшими сырцовыми стенами домов и оборонительных сооружений. Воздействие огня и глина консервируют участки культурного слоя, превращая их в «закрытые комплексы», подобно одновременно формирующимся комплексам погребальных ям. Соответственно, участки пола, оказавшиеся под оборонительной стеной Б, представляют чистый комплекс материалов раннего горизонта А синтетического этапа Аландского поселения.

В жилище 1 на этих участках обнаружены удивительно разнообразные обугленные флористические остатки: обломки сосновых плах, вмазанных в материковый пол жилища, плетенки, пучки, «венки» из злаковых растений, скопления и фрагменты плетенок из прутьев ивы, рогоза, участки, выстланные корой бересклета, сосны. Возможно, это остатки каких-то растительных покрывал, циновок, вязанок из прутьев. Близкие ассоциации вызывает описание органических материалов покрывал и циновок из злаковых растений в погребениях больших курганов эпохи средней бронзы Оренбургья, как, например, Болдыревского кургана № 1 (Моргунова, 2000. С. 56–61; Моргунова и др., 2003. С. 205–214).

В жилище 3 на участках горизонта А от органики на полах остался равномерный углистый слой. В обоих жилищах (1 и 3) фиксировались небольшие углубления, заполненные мелкими пережженными и колотыми костями животных и камешками. Среди костей животных многочисленны фаланги и астрагалы мелкого рогатого скота. Из предметов в ямках обнаружены фрагменты керамики, костяные орнаментированные трубочки, кусочки азурита, медная проволока и обломки кристаллов горного хрусталя. Интересна находка костяной трубочки в виде шахматной фигуры (рис. 4, 1).

Керамика, которую можно надежно связать с ранним горизонтом А, очень немногочисленна и представ-

лена фрагментами десятка сосудов (рис. 4, 4-6). Несмотря на то, что керамика немногочисленна, мы впервые в синташтинской поселенческой археологии имеем «закрытый» комплекс, относящийся к начальному этапу существования конкретного поселения.

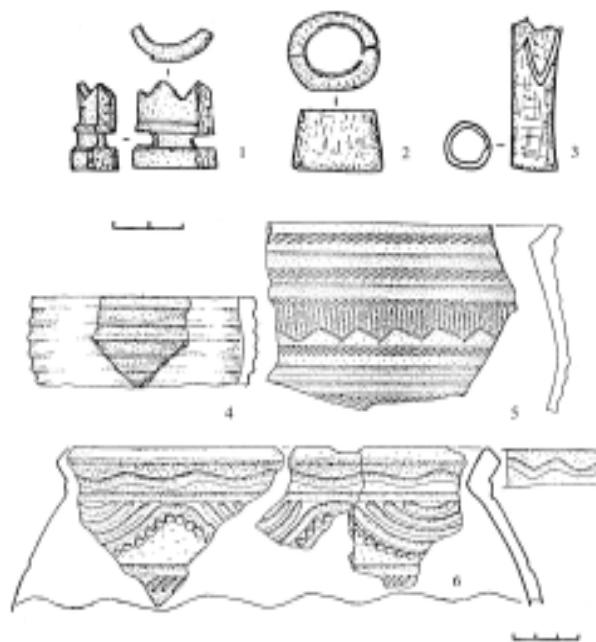

Рис.4. Укрепленное поселение Аланское. Вещевой комплекс горизонта А, синташтинского этапа.
1-3 – кость; 4-6 – керамика

В керамическом комплексе преобладают придонные части сосудов, которые оказались впечатанными в пол жилищ. Это либо развалы днищ крупных, грубо вылепленных емкостей, либо, наоборот, днища очень тонкой выделки с подложенной поверхностью. Присутствуют и верхние части сосудов. Это яркие образцы классической синташтинской посуды горшечных форм суженной горловиной, с короткой отогнутой шейкой и внутренним ребром. Из примесей в глине сосудов выделяются в равной степени раковина и тальк. В придонной части крупных горшков орнаменты представлены грубыми многорядными горизонтальными зигзагами. На изящных сосудах узор состоит из горизонтальных каннелюр, волны, волнистых фестонов. Каннелюры заполнены или обрамлены рядами наклонных вдавлений (рис. 4, 5-6).

Среди керамики раннего строительного горизонта А особо выделяется сосуд № 88 (рис. 4, 6). Наиболее крупные фрагменты этого изделия найдены на самом раннем полу жилища 3, часть фрагментов происходит из нижнего заполнения ямы-хранилища, один фрагмент извлечен из стенки колодца. На этом основании можно говорить, что яма-хранилище и колодец жилища 3, расположенные вблизи оборонительной стены, тоже были сооружены в период существования строительного горизонта А. В нижнем заполнении колодца читаются два слоя пожарищ. О том, что колодец восстанавливается в период второго строительного горизонта (Б), свидетельствуют находки фрагментов сосуда, надежно связанные с этим горизонтом. На уровне пола к колодцу примыкало целое скопле-

ние (6 шт.) небольших глиняных печей диаметром 0,4–0,6 м, частично перекрывающих друг друга. В период строительных горизонтов А и Б печи и колодец функционировали как единое сооружение, связанное с плавкой металла (Зданович Г.Б., 1995. С. 33-39; Григорьев, 2000. С. 443, 456-470). Третий и последний слой прокала со строительными остатками захватывает только верхнюю часть заполнения и представляет развал крупной овальной печи, которая была сооружена в колодце. Слои пожарищ над ямами и печами перекрыты пластом серо-желтой глины, который маркировал пол петровского жилища 5. Яма-хранилище, колодец и теплотехнические сооружения, соответствующие жилищу 5, располагались севернее, в центральной части помещения.

Итак, ранний строительный горизонт А поселения Аландское включает в себя уже выработанные культурные стереотипы. Здесь проявлены все основные принципы синташтинской архитектуры, а также организации производственных и жилых комплексов (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 52, Зданович Г.Б., 1997. С. 48-51).

Выделяются и некоторые особенности, характерные именно для горизонта А.

1. В строительстве оборонительных стен и стен жилищ использовались только глина и дерево. Крепеж из каменных плит амфиболита появился в период строительного горизонта Б.

2. Среди органических материалов преобладают остатки циновок, «покрывал» и т.п. из злаковых растений. В слоях второго горизонта Б кроме злаковых присутствуют камыш, рогоз.

3. Среди палеозоологических остатков в скоплениях (жертвенниках?) горизонта А обнаружены в основном кости мелкого рогатого скота, присутствуют кости птиц, а также единичные кости коровы и лошади. В слоях последующих горизонтов преобладает крупный рогатый скот и увеличивается количество костей лошади.

4. Небольшие печи, сопряженные с колодцем (для плавки руды? металла?) использовались в периоды горизонтов А и Б. В период горизонта В технология плавки несколько изменяется, появляются более крупные теплотехнические сооружения (вероятно, с использованием мехов), некоторые колодцы не восстанавливаются.

5. Керамический комплекс раннего горизонта состоит в основном из сосудов, которые представляют классические каноны синташтинской культуры. Преобладают узоры из каннелюр и горизонтальных линий, наклонных вдавлений, которые более всего совместимы с елочными традициями орнаментации, широко известными в культурах средней бронзы приуральских степей (Ткачев, 2000. С. 42).

Люди, пришедшие на новое место строить укрепленное поселение, которое мы сегодня называем «Аланское», владели всеми необходимыми знаниями и практическими навыками для его сооружения. Мы отчетливо фиксируем, что и оборонительная стена, и конструкции жилищ возводились в единой связке, как одно целое, как единый «организм».

Предварительно была сделана разметка, которая

охватывала всю территорию будущего поселка. Неоспоримым доказательством наличия предварительного плана будущего поселения является способ выборки грунта под жилища. Котлованы копались таким образом, что между двумя соседними домами оставлялись полоски грунта шириной до 0,9 м, которые в дальнейшем использовались как основание при возведении стен. В отдельных случаях, как уже указывалось, высота таких «оснований» сохранилась полностью и была равна глубине жилища (0,6–0,7 м) от уровня дневной поверхности.

В нашу задачу не входит подробное описание строительных технологий, укажем только, что при разных размерах грунтовых блоков и вариабельности форм можно отметить стремление к их стандартизации и, во всяком случае, наличие такой кладки, которую можно назвать регулярной.

Традиции и строительный опыт нашли отражение и в последующих этапах функционирования крепости: после пожаров и времени запустения дома восстанавливались почти в прежних размерах при использовании старых технологий.

К вопросу о взаимосвязях синташтинской и петровской культур. На поселении Аландское первый строительный горизонт (Г), связанный с петровской керамикой, в отношении жилой архитектуры продолжает традиции синташты (жилища 4 и 5). И только на этапе Д появляются петровские постройки, которые не вписываются в традиции синташтинской архитектуры.

Список литературы

- Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекарганского могильника). Кн. 1. Составитель Д.Г. Зданович. Челябинск, 2002.
- Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Гайдученко Л.П. Календарные сроки начала строительства круглоглавых укрепленных поселений эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.
- Генинг В.Ф. Археологическая культура, социально-исторический организм – центральная категория археологического познания // Исследования социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч.1. Челябинск, 1992.
- Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Т.1. Челябинск. 2000.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
- Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс средней бронзы Южного Зауралья // СА. 1997, № 2.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» – укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М. Укрепленные центры «Страны городов» Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск, 1999.

- Зданович Г.Б., Батанина И.М. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. Астана, 2003.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конф. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Укрепленное поселение эпохи бронзы Аландское // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном историческом музее: Тез. конф. Ч. I. М., 2003.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004.
- Моргунова Н.Л. Большой Болдыреевский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000.
- Моргунова Н.Л., Гольцева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халапин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.
- Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Zdanovich G.B., Batanina I.M. Planography of the fortified centers of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals according to aerial photography data // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC.: Regional specifics in light of global models. Vol. I. Washington D.C. 2002.

**A.В. МАТВЕЕВ¹, Е.Н. ВОЛКОВ²,
Ю.В. КОСТОМАРОВА³**

**^{1,3}Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия**

**²Институт проблем освоения севера СО РАН,
Тюмень, Россия**

МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ РАСКОПОК ХРИПУНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Уже только потому, что научная деятельность Т.М. Потемкиной началась во второй половине XX в., наш дорогой юбиляр не имел шансов стать первооткрывателем андроновских древностей Зауралья. Их изучение началось задолго до ее появления на свет, однако приход Тамилы Михайловны в большую науку был связан с исследованием памятников именно этого круга. Обилие андроновских древностей в Притоболье и их незаурядный характер - а именно это, в первую очередь, следовало из публикаций Т.М. Потемкиной 70-х и последующих лет - привлекли к этому району внимание многих ученых, как уже состоявшихся, так и молодых.

Среди начинающих был тогда и самый старший из соавторов настоящей статьи. Высокая результативность работ Т.М. Потемкиной позволяла надеяться на то, что сходные с курганными памятники бронзового века будут открыты и на юге Тюменской области. Эти ожидания оправдались. Правда, северная часть Тоболо-Исетья, судя по всему, была заселена разновременными андроновскими группами не так плотно, как южная, где довелось работать Тамиле Михайловне. Однако здесь тоже удалось найти и алакульские, и федоровские, и черкаскульские памятники. И пусть некоторые из наших выводов, базирующиеся на тюменских материалах, разошлись с заключениями ува-

жаемого юбиляра, это, в конце концов, не столь существенно. Во-первых, наука не мыслима без новых идей, и, во-вторых, какие из них окажутся перспективными, покажет будущее. Гораздо важнее другое: Т.М. Потемкина, может быть, сама того не подозревая, инициировала разработку поднятых ею проблем на материалах Тюменского региона.

Начиная в 80-х гг. исследования в северной лесостепи Приобья, мы особенно и, разумеется, только по-хорошему завидовали открытию Т.М. Потемкиной в Курганской области целой серии алакульских памятников, в том числе могильников Верхняя Ала-буга, Раскатиха, Субботино и др. (Потемкина, 1985. С. 148-258). Именно поэтому в первые же годы своего существования археологическая экспедиция Тюменского университета возобновила и в течение трех сезонов (1982, 1983, 1988 гг.) продолжала начатые В.А. Могильниковым раскопки Чистолебяжского курганного могильника, находящегося на границе Курганской и Тюменской областей (Могильников, 1984; Могильников, Куйбышев, 1991; Матвеев, 1998. С. 31—134). В конце 80-х гг. примерно в 60 км к северо-востоку от Чистолебяжских курганов, в окрестностях г. Заводоуковска, группой свердловских археологов было открыто многослойное селище Ук-3, на площади которого им удалось изучить небольшой участок алакульского поселка (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 22—30). Материалами этих памятников, по существу, и исчерпывался к началу 90-х гг. корпус

источников по истории и культуре алакульского населения, обитавшего на самом севере андроновской ойкумены.

Еще один могильник, который получил название Хрипуновского и может рассматриваться как самый северный из известных на сегодняшний день алакульских некрополей, был открыт группой археологов Института проблем освоения Севера СО РАН под руководством Н.П. Матвеевой на правобережье р. Исеть в окрестностях с. Красногорского (Исетский район Тюменской обл.) в 1992 г. В рельфе памятник оказался никак не выражен и был обнаружен случайно — при осмотре карьера, заложенного строителями автодороги на самой стрелке мысовидного выступа коренной исетской террасы (рис. 1, 1). Раскопки памятника начались в том же 1992 г. Н.П. Матвеевой и Е.М. Зах и продолжались Н.П. Матвеевой в 1993 и 2000 гг. (рис. 1, 2). В течение этих трех полевых сезонов сплошной площадью было изучено 1192 кв.м. территории могильника с 36 алакульскими и 8 средневековыми могилами. Результаты первых двух сезонов раскопок подробно освещены в печати одним из автором настоящей статьи (Матвеев, 1998. С. 135—176), материалы 2000 г. — Н.П. Матвеевой с соавторами (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003. С. 26—43). В тех же книгах сделаны выводы о том, что изученные алакульские захоронения находились под невысокими земляными насыпями, которые со временем сравнялись с окружающей поверхностью, что полученная при рас-

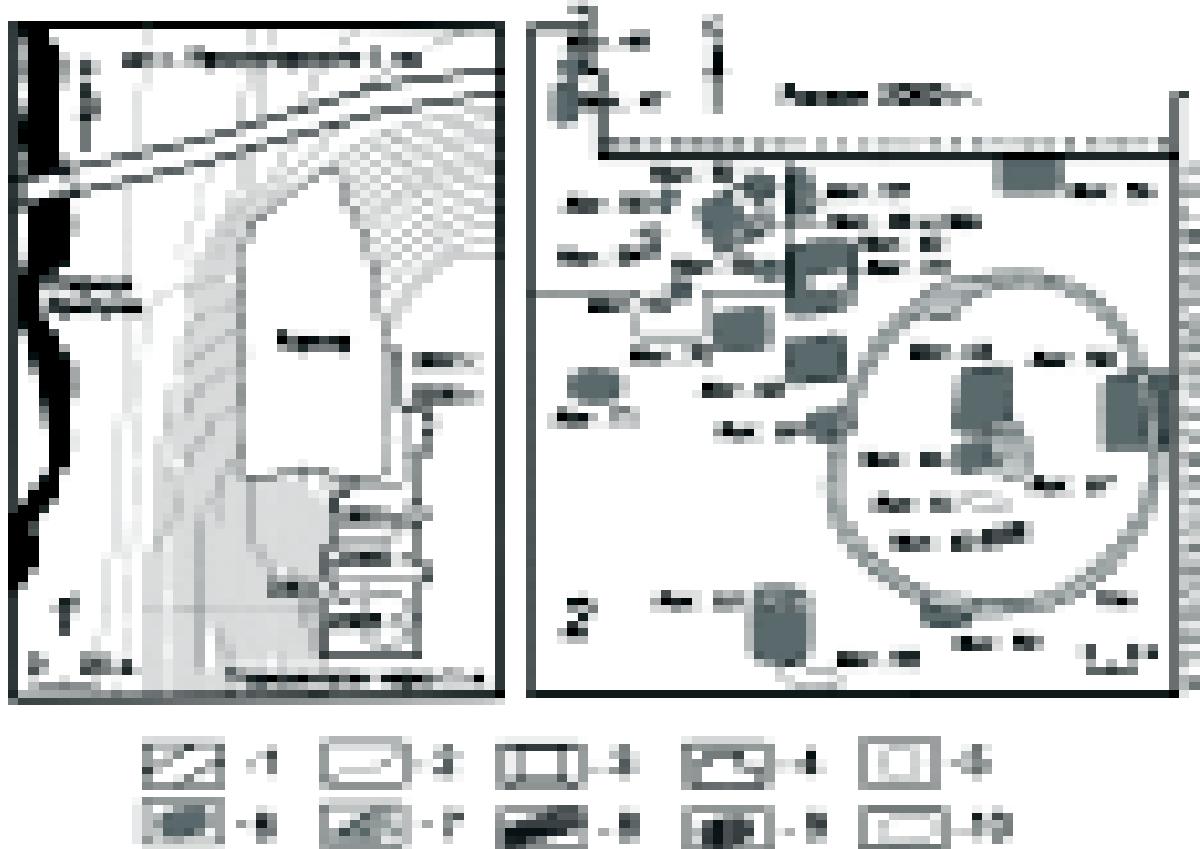

Рис. 1. Хрипуновский могильник. Ситуационный план (1) и план раскопа (2).
1 – шоссе; 2 – грунтовая дорога; 3 – мост; 4 – раскоп; 5 – курган; 6 – алакульская могила; 7 – алакульский жертвенный комплекс; 8 – саргатский погребальный комплекс; 9 – раннесредневековая могила; 10 – позднесредневековая могила.

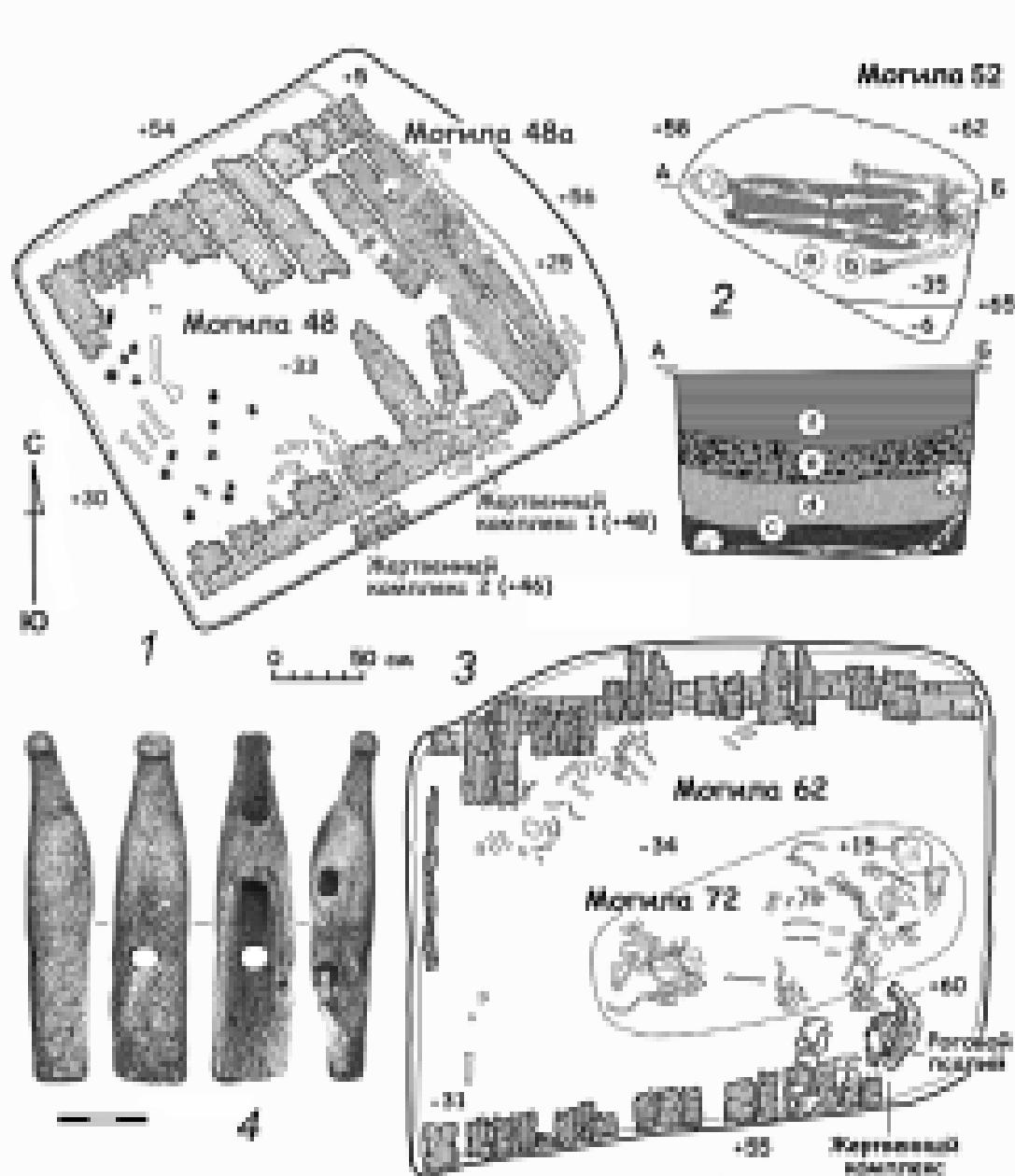

Рис. 2. Хрипуновский могильник. Планы могил 48 и 48а (1), 52 (2), 62 и 72 (3), роговой псалий из жертвенного комплекса у могилы 62 (4). К плану могилы 52: а — охристая подсыпка; б — обгоревшая береста.

К разрезу могилы 52: с — рыхлая черная супесь с охристыми вкраплениями; д — прокаленная супесь с включениями углей и обломков костей; е — черная углистая супесь; ф — плотная серая супесь.

копках коллекция глиняных сосудов и инвентаря принадлежит развитому этапу алакульской культуры и обнаруживает наибольшее сходство с материалами Алакульского могильника, что вопреки мнению сторонников традиционной хронологии алакульской культуры некрополь относится не ко второй, а к первой половине II тыс. до н. э.

В 2001 и 2005 гг. под руководством А.В. Матвеева и при участии остальных соавторов данной статьи изучение Хрипуновского могильника было продолжено. Общая площадь прирезки к раскопам прошлых лет составила 890 кв. м. Раскоп 2005 г. захватил курган размерами 18 × 16 м, высотой 1 м, который оказался саргатским погребальным комплексом. На вскрытой площади изучено 27 разновременных погребений, ров кургана и несколько других объектов.

К позднейшему комплексу памятника относятся четыре безынвентарные могилы (48а, 55, 61 и 72), одна из которых была впущена в саргатский курган (см. рис. 1, 2), а две другие — в алакульские захоронения 48 и 62 (рис. 2, 1, 3). В 2006 г. эти могилы, возраст которых ранее не определялся точнее, чем период позднего средневековья — нового времени, были продатированы радиоуглеродным методом. Для могилы 55 получена дата 420 ± 80 л.н. (СОАН-6264), а для могилы 61 — 385 ± 50 л.н. (СОАН-6277). Их калиброванные значения (вероятность 95,4 %) соответствуют 1390—1650 и 1430—1640 гг. (Все определения абсолютного возраста образцов, полученных в ходе раскопок 2005 г., выполнены в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН Л.А. Орловой, которой авторы искренне признательны).

Более раннему периоду принадлежит средневековое погребение 60 (Костомарова, 2007. С. 62), которое по находкам деталей поясного набора, удил с писалиями и бронзового бубенчика может быть отнесено к VIII—Х вв. Радиоуглеродный анализ древесины от обкладки могилы дал дату 1380 ± 80 л.н. (СОАН-6269), калиброванное значение которой с вероятностью 95,4 % соответствует 530—880 гг.

О возрасте саргатского кургана и его единственной могилы, которая получила порядковый номер 67 и оказалась опустошенной грабителями, можно судить по двум радиокарбонным датам: 2430 ± 40 (СОАН-6274) и 2390 ± 35 (СОАН-6279) л.н. Калибровка первой с вероятностью 51,7 % указывает на 540—400 гг. до н.э., а второй с вероятностью 68,2 % — на 520—390 гг. до н.э.

Основная часть изученных в 2001 и 2005 гг. погребений (20 или 21 могила) относится к алакульскому периоду. Погребальные камеры бронзового века сгруппированы в концентрические или близкие им по конфигурации структуры, связанные с центральными захоронениями. Данное обстоятельство подтверждает ранее сделанный вывод о том, что андроновские усыпальницы могильника должны были иметь земляные надмогильные сооружения.

Так, довольно отчетливо фиксируется круговое размещение нескольких захоронений (50—53, 57, 62, 68, 70) вокруг могилы 48. О формировании и развитии данного погребального комплекса на основании стратиграфических наблюдений можно сделать однозначный вывод: могила 48 сооружена позднее, чем камеры 52 и 53, поскольку обе они оказались перекрыты выбросом из нее. Материковый выброс зафиксирован и в заполнении могилы 62, однако, связан ли он с сооружением ее самой или соседней могилы 53, неизвестно.

Возникают затруднения и с интерпретацией захоронения 52, то ли относящегося к данному погребальному комплексу, то ли нет (рис. 2, 2). Как уже указывалось, оно древнее могилы 48, весь вопрос в том — насколько. Погребение оказалось безынвентарным и произведенным явно не по алакульскому обряду. Тело умершего (а этот человек при жизни отличался могучим телосложением) поместили на дно ямы полулежа, прислонив спиной к восточной стенке. Верхняя часть костяка, включая череп, была сильно обожжена, причем огнем, разведенным в могиле. Под тазовыми костями и ногами усопшего прослежена подсыпка из красной охры, здесь же сохранились фрагменты обгоревшей бересты. На ступнях погребенного покоялся череп второго индивида. Точная датировка и культурная принадлежность описанного археологического объекта остается неизвестной. В 2001 г., когда он только что был обнаружен, его нео- или энеолитический возраст казался нам более чем вероятным, как и открытие на площади могильника других погребений этого же периода. Однако на прилегающем участке площадью около 900 кв. м., исследованном в 2005 г., их не оказалось. Поэтому сейчас мы допускаем, что могила 52 могла являться частью алакульского погребального комплекса, но содержать захоронение иноплеменника.

Еще одна группа могил расположена в западной части раскопа 2005 г. Ядром этой структуры, скорее всего, выступала могила 64, одна или вместе с находившейся поблизости от нее могилой 66, — такое иногда встречается в алакульских и близких к ним по времени курганах. На периферии данного погребального комплекса, видимо, находились могилы 58, 59 и 69. Захоронения 64 и 66 были разрушены, как минимум, дважды: при совершении саргатского погребения 67 и при его ограблении «бугровщиками». Могилы 58, 59 и 69 оказались частично нарушены рвом саргатского кургана.

Захоронение 56, вскрытое северной частью раскопа 2005 г., думается, входило в один комплекс с могилами 36 и 46, изученными в 2000 г. Отдельно от остальных находились могилы 63 и 71.

Все алакульские погребения были совершены в сравнительно неглубоких ямах, имевших в большинстве случаев довольно правильные прямоугольные или близкие к ним очертания, а также широтную или меридиональную ориентировку. Практически в каждой могиле зафиксированы остатки деревянных домовин. В подавляющем большинстве они представляли собой одно- или двухвенцовые конструкции, перекрытые поперечным накатом из бревен или плах (могилы 47, 48, 50, 53, 56—58, 62—64, 68, 69). Концы продольных и поперечных бревен, скорее всего,стыковались впритык, без какого бы то ни было специального соединения. Остатки более сложной конструкции, в которой использовались как горизонтально лежавшие, так и вертикально установленные бревна, зафиксированы в могиле 65. В семи случаях отмечено сожжение домовин в ходе погребальных церемоний.

Как и другие Зауральские алакульские некрополи, Хрипуновский могильник дал очень мало палеоантропологического материала. И хотя коллекция из раскопок последних лет специалистами еще не обработана, совершенно ясно, что большие могильные ямы, которые в количественном отношении явно доминируют среди вновь изученных, вмещали коллективные погребения, а малые являлись местом одиночного захоронения детей.

В ходе раскопок 2001 и 2005 гг. в алакульских могилах обнаружено около 65 глиняных сосудов (рис. 3). Их количество в одном погребении колебалось от одного (могилы 53, 59, 66, 71) до пяти-шести (могилы 48, 50, 63, 64, 68) и обнаруживало тесную связь с размерами могилы и, видимо, численностью погребенных в ней людей.

Большинство обнаруженных емкостей — это плоскодонные горшки средних пропорций с вертикальной или чуть отогнутой наружу шейкой и уступчатым плечом. Ребро в нижней части плечика и «воротничок» на шейке отмечены лишь на единичных сосудах. Декор, выполненный нарезкой, гладким или, реже, гребенчатым штампами, представлен заштрихованными треугольниками, горизонтальными зигзагами или несложными меандрами. Керамический комплекс достаточно однороден. Типологически самые близкие аналогии ему можно найти в коллекции, связанной с погребениями Алакульского могильника. Особо следует оговорить тот факт, что сосудов федоровского типа ни в

одном из изученных захоронений не было обнаружено.

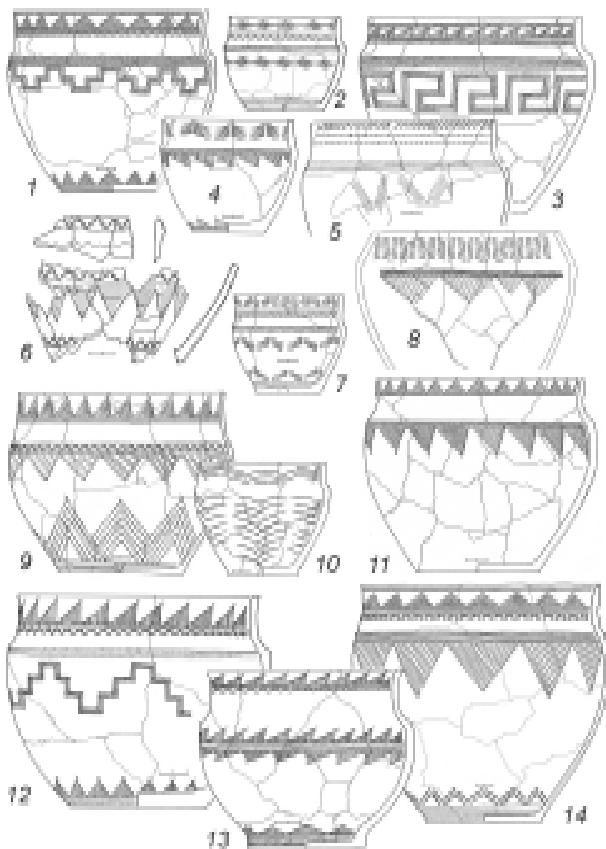

Рис. 3. Хрипуновский могильник. Глиняные сосуды.
1, 4, 7, 9 – могила 68; 2, 14 – могила 63; 3 – могила 66;
5 – могила 65; 6, 11–13 – могила 58; 8 – могила 71;
10 – могила 59.

Среди других категорий могильного инвентаря можно отметить такие бронзовые изделия, как кинжал (могила 48), квадратное в сечении шило (могила 58), крестовидную подвеску (могила 57), бусы (могилы 47, 58, 63, 64, 65, 68, 70, 71). В нескольких захоронениях найдены подвески, изготовленные из зубов животных (могилы 48, 54, 58, 70).

Рядом с некоторыми могилами или в верхних горизонтах их заполнения (последние случаи фиксировались чаще) обнаружены остатки жертвенных комплексов, включавших черепа и кости конечностей домашнего скота. С каждой из больших могил 48 и 63 связаны по два скопления костей. Видовое определение этих находок, которое бы дополнило собой результаты изучения археозоологического материала, полученного в 1992 и 1993 гг. (Косинцев, 1998), пока не произведено, однако некоторые из них представляют большой интерес.

Так, в верхней части заполнения могилы 62 обнаружены остатки черепа взнужданной лошади. К сожалению, этот комплекс был частично нарушен при совершении позднесредневекового погребения 72, впущеного прямо в алакульскую погребальную камеру, а также при его ограблении. Однако под остатками челюстей животного все же сохранился правый (?) псалий, входивший в состав упряжи (рис. 2, 3, 4). Он почти не пострадал от времени и представляет собой

очень своеобразную роговую поделку с так называемым переменным сечением. Отрезок рога длиной около 12 см был выбран внутри и обработан снаружи так, что в верхней и двух нижних четвертях предмет стал напоминать расколотую по длинной оси трубчатую кость, а промежуток между ними в разрезе сохранил форму кольца. Конец постепенно сужающейся верхней части изделия резчик оформил в виде утолщения, напоминающего незамкнутый валик, а значительно ниже проделал в предмете три отверстия: одиночное — в наружной стенке, а спаренные — в одной из боковых, видимо, той, которая была обращена назад, к державшему поводья. Кем он являлся — всадником или колесничим, — сказать не беремся, поскольку данный тип псалиев пока еще не только не изучен, но и, как будто, даже не описан в литературе. Во всяком случае, сколько-нибудь точные аналогии найденному предмету авторам не известны. Заметим только, что хрипуновская находка сочетает в себе признаки как желобчатых, так и стержневидных псалиев и, возможно, отражает процесс возникновения последних.

Как можно заметить, все детали устройства погребальных сооружений Хрипуновского могильника, его керамика и прочий инвентарь находят самые близкие параллели в материалах значительно более южных алакульских некрополей, прежде всего отнесенных одним из авторов данной статьи к классическому этапу алакульской культуры. Среди этих памятников курганы 8 и 13 Алакульского могильника, поздние усыпальницы Чистолебяжского некрополя, а также изученные Т.М. Потемкиной захоронения первой группы могильника Верхняя Алабуга, могильники Раскатиха, Камышное-1 и многие другие. Таким образом, Хрипуновский могильник, несмотря на его периферийное положение в пределах ареала алакульской культуры, вполне можно рассматривать в качестве одного из ее классических памятников.

Вновь проведенные раскопки дали дополнительную информацию и об абсолютном возрасте памятника. В книге, опубликованной в 1998 г., один из авторов данной работы привел первые результаты радиоуглеродного датирования древесины из захоронений Хрипуновского могильника — всего пять дат, полученных в СО РАН в г. Новосибирске (Матвеев, 1998. С. 363). Еще три даты — две из Новосибирска и одна из Санкт-Петербурга — были введены в научный оборот Н.П. Матвеевой с соавторами пятью годами позже (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003. С. 42). С тех пор количество выполненных определений абсолютного возраста алакульских захоронений некрополя увеличилось еще в три раза и достигло 24 (рис. 4). Большинство новых датировок (14 из 16), как и самые первые, были получены в Институте геологии СО РАН Л.А. Орловой, а две — в Институте истории материальной культуры РАН Г.И. Зайцевой. Столь представительной серии нет пока ни по одному из других алакульских памятников, и ее анализу есть смысл посвятить особую работу, в которой полученные даты были бы соотнесены с новейшими результатами определения абсолютного возраста других памятников бронзового века Урала и Сибири (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005; Gorsdorf, Parzinger, Nagler, 2004). Пока же отме-

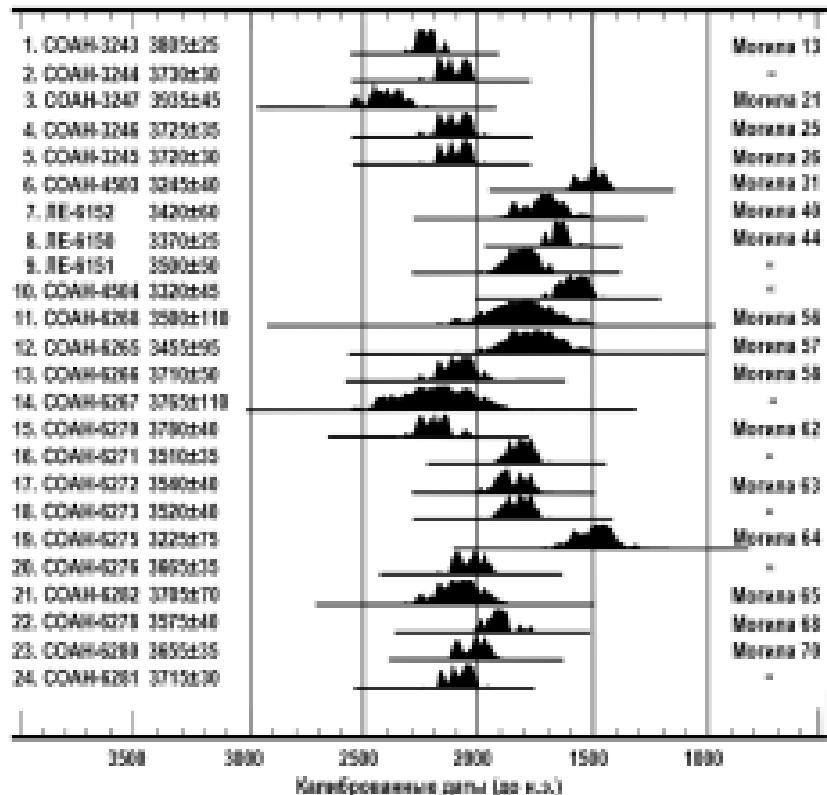

Рис. 4. Хрипуновский могильник. Радиоуглеродные даты.

тим лишь самые важные результаты датирования вновь исследованных алакульских захоронений.

Во-первых, сняты все сомнения в том, что этот погребальный комплекс значительно древнее, чем этого следовало ожидать, опираясь на устоявшиеся к концу XX в. представления о хронологии алакульской культуры в системе андроновских древностей. Даты, которые соответствовали бы второй половине II тыс. до н.э., в полученной серии нет или почти нет, фактически вся алакульская культура «уходит» в значительно более древний период. Во-вторых, данная серия, особенно, если учесть ее представительность и, в общем, приемлемую согласованность отдельных датировок между собой, может рассматриваться как очень веский аргумент в пользу того, что алакульская эпоха закончилась в Зауралье задолго до конца II тыс. до н.э. Из этого, в свою очередь, следует, что алакульские группы не могли принимать непосредственного участия в формировании сообщества носителей тех культур, которые сложились здесь в самом конце бронзового века, на рубеже II и I тыс. до н.э., и что временной разрыв между теми и другими может и должен быть соотнесен со временем существования других культур, памятники которых известны в регионе, в том числе федоровской, черкаскульской и т.д. И еще хотелось бы обратить внимание на присутствие в рассматриваемой серии нескольких довольно древних дат, которые указывают на III тыс. до н.э. Насколько они корректны — этот вопрос является сейчас одним из самых главных.

Список литературы

- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991.
- Костомарова Ю.В. Погребение средневекового времени с Хрипуновского могильника // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень, 2007.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск, 2003.
- Могильников В.А. Курганы Чистолебяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы Чистолебяжье – памятник эпохи бронзы предтаежного Притоболья // Проблемы археологии Евразии. М., 1991.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ¹⁴C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrect, Boston, London, 2004.

О.М. АНОШКО
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАРХАТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЗАУРАЛЬЯ

Эпоха бронзы в Западной Сибири изучена довольно неравномерно, причем как в хронологическом, так и в территориальном отношении. Особенно явно недостаток фактического материала чувствовался вплоть до недавнего времени при постановке вопросов, связанных с периодом распада андроновского культурного единства и формированием культур заключительного этапа бронзового века на территории Зауралья. Бархатовская культура была выделена позднее многих других западносибирских культур эпохи поздней бронзы и продолжает оставаться наименее исследованной, при этом до сих пор некоторые исследователи отказывают ей в праве на существование.

Краткая история изучения. Исследование бархатовских древностей началось значительно раньше, чем они оказались соотнесены с самостоятельной археологической культурой. Первая коллекция бархатовской керамики получена еще в начале XX вв. П.А. Дмитриевым в ходе раскопок Мысовской стоянки в черте г. Тюмени (Дмитриев, 1928. С. 180; 1951. С. 13). Тем не менее, лишь в конце 60-х гг. этого же столетия К.В. Сальниковым при анализе коллекций, происходивших с зауральских многослойных поселений Боборыкино 2 и Черкаскуль 2, была типологически выделена флагштаково-жемчужная керамика (Сальников, 1961. С. 45, 46; 1967. С. 393, 394). Она выглядела настолько своеобразной по сравнению с известными тогда межевско-березовскими и замараевскими керамическими комплексами, что возникла мысль о существовании в конце II - начале I тыс. до н.э. в Зауралье особой в культурном отношении группы населения. В те же годы на нее обратили внимание В.Ф. Генинг и Н.И. Совцова, выделившие комплексы бархатовского типа XII-X вв. до н.э. (Генинг, Совцова, 1967. С. 57-71). К сожалению, их открытие осталось практически незамеченным в научном сообществе в связи с активным обсуждением андроновской проблематики. К тому же однослойных бархатовских памятников в то время исследовано еще не было. Не исправила сложившуюся ситуацию и публикация в 1978 г. результатов раскопок Миасского городища, находящегося на левобережье р. Миасс в Челябинской области. В небольшой статье В.А. Иванов и А.Х. Пшеничнюк (1978. С. 255-260) датировали керамическую коллекцию этого памятника концом II тыс. до н.э., но не смогли установить ее культурную принадлежность, хотя основная часть керамики городища находила точные аналогии в бархатовских древностях.

Впоследствии среди исследователей возобладала точка зрения о том, что в конце бронзового века в лесных и лесостепных районах Зауралья существовала только самостоятельная межевская культура, памятники которой найдены и в Приуралье (Косарев, 1976. С. 171-173; 1981. С. 133, 162, 163; Обыденнов,

1981. С. 11; Шорин, 1988. С. 15). Однако в конце 80-х гг. в лесостепном Притоболье были изучены поселения Ново-Шадрино 2 и 7, Заводоуковское 10, Красногорское городище, материалы которых имели существенные отличия от межевских, что актуализировало вопрос об их культурном и хронологическом соотношении. Решение данной проблемы нашло отражение в работах В.И. Стефанова, О.Н. Корочковой, А.В. Матвеева и А.С. Сергеева (Стефанов, Корочкова, 1984. С. 79-90; Корочкова, Стефанов, 1991. С. 59-62; Матвеев, 1989. С. 109-111; 1991. С. 63-65; Сергеев, 1991. С. 58).

Проанализировав весь корпус полученных источников, ученые сделали важное заключение о том, что на указанной территории в эпоху поздней бронзы проживали не межевые группы, а население, оставившее памятники бархатовского типа. Одна из первых О.Н. Корочкова подчеркнула, что эти памятники не только выделяются из общего комплекса древностей Западно-Сибирского региона, но и обладают культурной спецификой, отличаясь по целому ряду признаков от материалов сопредельных археологических культур. Поэтому, на ее взгляд, следовало бы говорить о самостоятельной бархатовской культуре (Корочкова, 1987. С. 24). На рубеже ХХ-ХХI вв. круг открытых и раскопанных бархатовских памятников значительно расширился. Среди них отметим селище Щетково 2, исследованное А.В. Матвеевым в 1998-2001 гг. в Притоболье (Матвеев, Аношко, 2004. С. 156-158). Представительные бархатовские материалы получены Н.П. Матвеевой при раскопках Коловского городища в Приисетье (Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006. С. 24-38). В 2002 г. А.В. Матвеев частично исследовал селище Заводоуковское 9 на правобережье Тобола (Матвеев, Аношко, Агишева, 2005. С. 73-81). В том же году А.С. Сергеев после длительного перерыва продолжил работы на поселении Заводоуковское 10, в результате которых оно было полностью раскопано (Сергеев, 2002. С. 10-18). Введены в научный оборот бархатовские материалы селища Палатки 2, находящегося в горно-лесном Зауралье (Панина, 2003. С. 97, 98).

Памятники и ареал бархатовской культуры. На сегодняшний день насчитывается 48 памятников, в культурном слое которых обнаружены бархатовские материалы. С изученных разведками поселений проходят как богатые коллекции бархатовской керамики (Бархатово-Заречное, Верхне-Ингальский Борок 2, Поспелово 1 и др.), так и комплексы, исчисляемые всего лишь несколькими фрагментами сосудов (Ивановское, Ирюмское или Бархатовское городище, Карагужевское, Малое Окунево, Ук 1 и др.). На некоторых из раскопанных поселений бархатовская посуда не связана ни с одним из исследованных археологических объектов (Боборыкино 2, Большой Имбиряй 2, Мысовская стоянка, Ук 3, Черемуховый Куст, Черкаскуль 2 и др.). На селищах Язево 1 и Камышное 2, изученных Т.М. Потемкиной широкими площадями, найдено сравнительно немного бархатовской керамики, которая залегала в культурном слое совместно с алексеевско-саргаринской и выделена лишь типологически (Потемкина, 1985. С. 57, 95. Табл. 4, 12) (рис. 1, 20, 21, 24).

К числу опорных для изучения бархатовской культуры памятников следует отнести поселения Заводоуковское 9 и 10, Ново-Шадрино 2 и 7 (раскоп 2), Палатки 2, Щетково 2, а также Красногорское, Коловское, Миасское и Усть-Утякское 1 городища (рис. 1, 1-19, 22, 23, 25-96). В ходе их раскопок получены чистые комплексы артефактов, изучена серия жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений. Бархатовские погребения практически не изучены. С ними можно однозначно связать только два захоронения, обнаруженные В.А. Захом при раскопках городища Калачик 1 раннего железного века на южнотаежном левобережье Тобола (Зах В.А., Зах Е.М., 1994. С. 32-44). Не исключена, на наш взгляд, бархатовская принадлежность нескольких погребений могильников Малоказакбаевского, Сарбулат 2 и «У поворота дороги...», исследованных в Южном Зауралье (Костюков, Епимахов, Нелин, 1996. С. 156-162).

Картографирование бархатовских древностей четко фиксирует две территориально обособленные группы, обозначенные нами как тюменская и курганская. В первую из них включены объекты, сконцентрированные в Тоболо-Исетском междуречье, во вторую — находящиеся в южной части Среднего Притоболья. Для остальных участков ареала бархатовской культуры характерно рассеянное расположение памятников. Его западная граница, скорее всего, проходила по верховьям Исети и Миасса, северная — по левому берегу Туры, южная — по среднему течению Тобола (Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006. С. 25. Рис. 1). Восточную границу можно условно провести по Приишимью, где отсутствуют чистые бархатовские памятники, но зафиксированы синкретичные сузунско-бархатовские комплексы типа городища Кучум Гора и Чупинского поселения, отражающие, на наш взгляд, процесс смешения разных в культурном отношении групп населения. Данный вывод основан на статистическом анализе керамических коллекций этих памятников, в результате которого выявлены как сузунские, так и бархатовские орнаментальные черты на их посуде (Аношко, Рыжкова, 2005. С. 130-133).

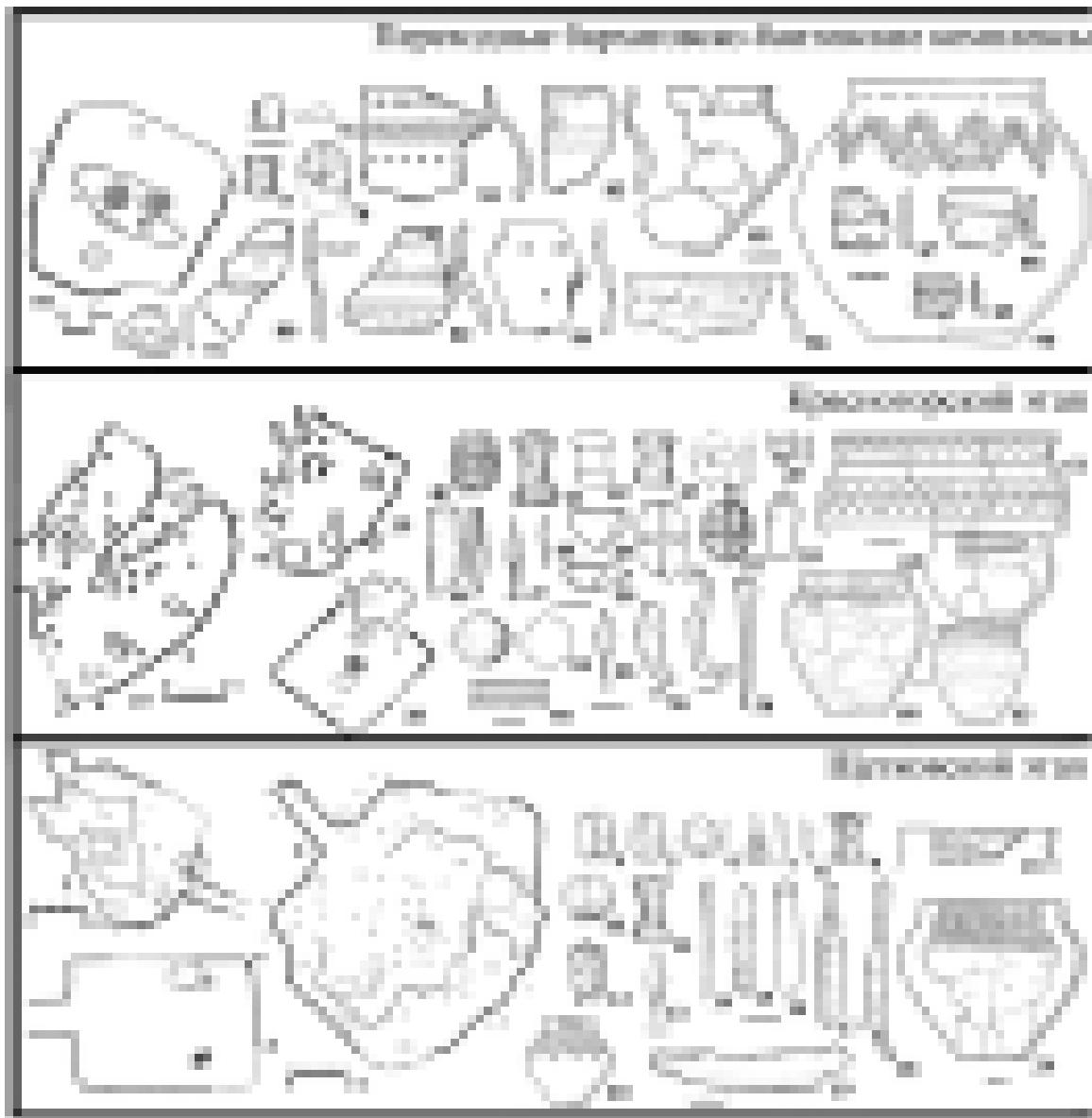
В результате анализа топографической приуроченности бархатовских памятников улавливаются следующие закономерности. Во-первых, среди них можно выделить поселения, находящиеся на низких гипсометрических отметках, в трех - четырех метрах над уровнем воды: в пойме, на невысоких мысах, гравиях, дюнных возвышениях. Другие, напротив, тяготеют к высоким участкам: останцам или мысовидным выступам коренных террас, высота которых достигает 18-40 м. Во-вторых, отметим зависимость гипсометрического положения памятника от его типа. На низких отметках находятся исключительно неукрепленные поселения, тогда как на высоких преобладают городища. Бархатовские группы выработали наиболее удобную для своего существования систему расселения, четко отражающую их тяготение к довольно узким территориям вдоль речных долин и являющуюся важнейшим показателем особенностей жизнеобеспечения с характерными традициями домостроительства и формой ведения хозяйства.

Домостроительство и фортификация. Установо-

вить основные черты застройки и форму бархатовских селищ и городищ сложно, так как многие из них подвергаются регулярной распашке, являются многослойными, а обнаруженные в ходе раскопок сооружения иногда частично или практически полностью разрушены представителями более поздних культур. Лишь несколько бархатовских поселений, исследованных большими площадями, позволяют говорить о характере их застройки. Так, на селище Заводоуковское 10 установлено круговое размещение одиннадцати сооружений, опоясывающих собой незастроенную площадку. На поселении Щетково 2 выделены две компактные группы построек, отличающиеся концентрацией мелких сооружений у более крупных и представляющие, скорее всего, отдельные жилищно-хозяйственные комплексы. Красногорское городище состояло из двух частей: сравнительно небольшой «цитадели» и располагавшегося за ее пределами неукрепленного «посада». Планировка за время существования этого поселка претерпела определенные изменения, связанные со стремлением обитателей расширить его укрепленную площадь.

Кроме Красногорского городища, остатки достоверно позднебронзовых оборонительных сооружений исследованы на Миасском городище. Судя по планиграфическим наблюдениям, не исключена возможность существования на территории Коловского городища укреплений в бархатовское время, впоследствии разрушенных деятельностью жителей раннего железного века и эпохи средневековья. На бархатовских городищах выявлены элементы, свойственные развитой фортификационной системе древности: рвы, валы, дополнительные деревянные сооружения. Небольшие размеры рвов и валов указывают на малую вероятность существования трудно преодолимых заграждений, хотя использование высоких крутых берегов и укрепление вала бревенчатой стеной усиливали защиту от нападений. В первую очередь городища выполняли функцию жилого поселка, затем — форпоста. Появление фортификаций фиксируется не только у бархатовских групп, но и у их соседей. Ближайшие аналогии мы находим на памятниках ирменской, сузунской, гамаюнской и красноозерской культур (Абрамова, Стефанов, 1981. С. 103-130; Борзунов, 1992. С. 33; Потемкина, Корочкина, Стефанов, 1995. С. 101; Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001. С. 142-144; Ткачев, 2003. С. 40-44). Все это говорит об усилении военной опасности, которую почувствовало население разных районов Западной Сибири в конце эпохи бронзы.

О домостроительных традициях представителей бархатовской культуры можно судить по материалам 33 полностью или частично раскопанных сооружений. По одной или две постройки исследовано на селищах Заводоуковское 9 (рис. 1, 75), Ново-Шадрино 2 и 7 (рис. 1, 1, 2), Палатки 2. На поселениях Заводоуковское 10, Щетково 2 зафиксированы остатки 11 и 7 сооружений соответственно (рис. 1, 3), а на Красногорском и Коловском городищах — 7 и 4 постройки (рис. 1, 37-39). На городище Усть-Утяк 1 о наличии бархатовских сооружений свидетельствуют лишь стратиграфические данные, которые не позволяют говорить ни об

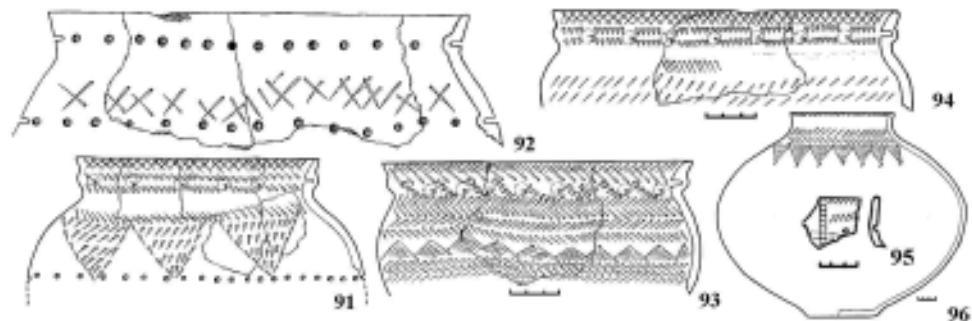

их размерах, ни о деталях внутренней планировки (Кайдалов, Сечко, 2005. С. 26-29). На остальных бархатовских памятниках постройки либо не выявлены, либо не изучены.

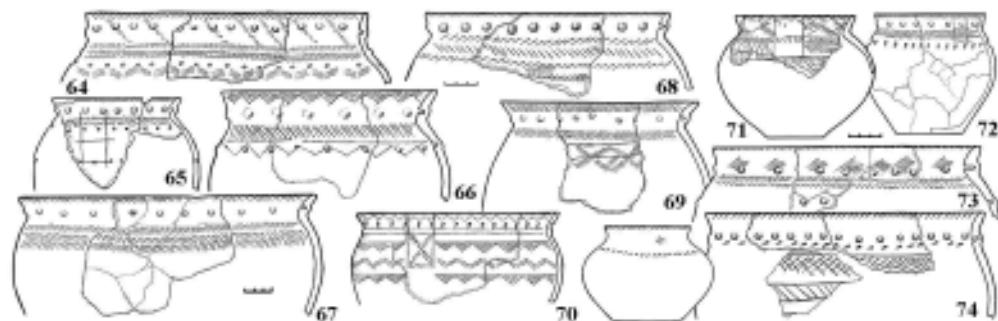
Домостроительству бархатовского общества было свойственно возведение каркасно-столбовых построек, представленных в основном однокамерными помещениями. Анализ бархатовских сооружений позволил установить их различия по форме котлована (под-прямоугольная, подквадратная, подтрапециевидная и др.), размерам (малые постройки до 25 кв. м, средние — 100 кв. м, большие — 210 кв. м), степени углубленности в землю (слабо, средне и сильно углубленные сооружения), устройству входа (узкий длинный коридор, тамбур, пандус), оформлению и размещению очага (наземный, углубленного типа, с дополнительными конструкциями), количеству хозяйственных ям и другим признакам, на основании которых выделено три группы построек. Первую из них образуют хозяйственные сооружения, характеризующиеся малой площадью, слабой углубленностью и отсутствием очага. Во вторую и третью группы входят жилища, которые различаются лишь по отдельным конструктивным элементам. Бархатовские постройки по ряду признаков сходны с сооружениями пахомовской культуры. На поселениях последней (Ир 2, Ново-Шадрино 7, Пахомовская пристань 1, Ук 3) исследованы как жилые комплексы около 100 кв. м с входами в виде коридоров и тамбуров, так и хозяйственные сооружения малых размеров без очагов (Косинская, 1984. С. 45-47; Евдокимов, Корочкова, 1991. С. 50-63; Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 30, 31). Бар-

хатовские постройки отличаются от пахомовских, в первую очередь, тем, что в них отсутствуют жилые помещения, а все сооружения являются хозяйственными. Важной особенностью бархатовских построек является то, что они строились из дерева, что делает их более легкими и подвижными, чем каменные постройки пахомовской культуры. Бархатовские постройки также отличаются от пахомовских тем, что они имеют более простую и функциональную форму, без излишних украшений и декоративных элементов. Бархатовские постройки представляют собой типичные для этого региона землянки, характерные для сельской местности. Их строительство было связано с необходимостью защиты от непогоды и холода, а также с удобством проживания в них. Бархатовские постройки были распространены на территории современной Сибири и Дальнего Востока, где они использовались как жилища, склады, мастерские и другие хозяйственные сооружения. Бархатовские постройки были распространены на территории современной Сибири и Дальнего Востока, где они использовались как жилища, склады, мастерские и другие хозяйственные сооружения.

(VIII в. до н.э.)

(начало I тыс. до н.э.)

(последняя четверть II тыс. до н.э.)

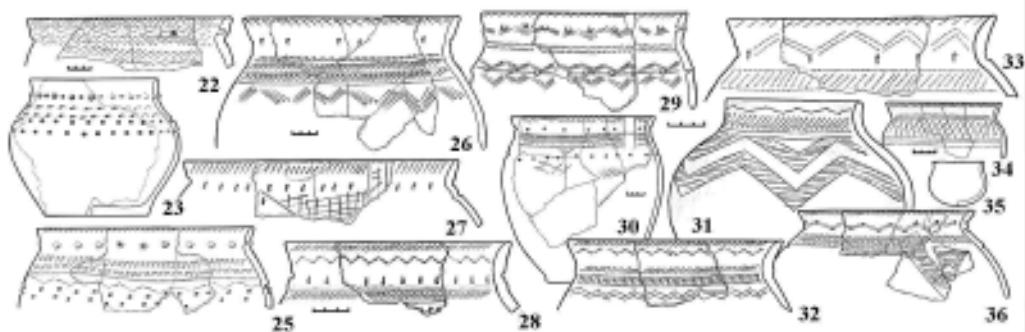

Рис. 1. Периодизация бархатовских древностей лесостепного Зауралья.

Планы сооружений и артефакты: 1, 7, 8, 31, 33 — Ново-Шадрино 2 (Стефанов, Корочкова, 1984); 2, 26, 29, 30, 32, 35, 36 — Ново-Шадрино 7 (Корочкова, 1983); 3-6, 9-19, 22, 23, 25, 27, 28, 34 — Щетково 2; 20, 24 — Камышное 2 (Потемкина, 1985); 21 — Язево 1 (Потемкина, 1985); 37, 39, 42, 44, 47, 49-51, 53, 56, 58, 61, 62, 64-70 — Красногорское городище (Матвеев, 1999); 38, 40, 41, 43, 45, 52, 54, 55, 71-74 — Колывское городище (Матвеева и др., 2005; 2006); 46, 48, 57, 59, 63 — Миасское городище (Иванов, Пшеничнюк, 1978); 60 — Усть-Утякское 1 городище; 75-84, 87-96 — Заводоуковское 9; 85, 86 — Ук 3 (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991). 4-6, 9-12, 20-36, 40-45, 49-53, 59-74, 77-96 — глина; 7, 8, 17, 18, 55, 56 — бронза; 13-15, 19, 46-48, 57, 58 — кость; 16, 54, 76 — камень.

Бархатовские жилища также обнаруживают параллели в материалах западносибирских культур конца бронзового века, хотя в отличие от межовских, алексеевско-саргаринских и ирменских построек они меньше по размерам, но более вариативны по форме и устройству входа. Отметим единичный факт наличия на бархатовских поселениях очень крупной постройки площадью 210 кв. м (сооружение 8 поселения Щетково 2) (рис. 1, 3), модель которой представляет каркасно-столбовую конструкцию с усеченно-пирамидальной кровлей. На бархатовских поселениях не обнаружены зольники и отсутствуют постройки срубной конструкции, достаточно распространенные в материалах других западносибирских культур.

Хозяйство. Основными источниками информации о тех или иных занятиях бархатовских групп являются

палеозоологические материалы и изделия, обнаруженные при исследовании бархатовских памятников. Инвентарь по функциональным признакам можно подразделить на группы, включающие предметы, которые использовались в конкретных отраслях хозяйства и видах деятельности: орудия охоты, рыболовства, бронзолитейного производства, собирательства, возможно, земледелия, ткачества, обработки шкур, кожи и металла. Среди них отметим глиняные изделия: грузила с одним, двумя желобками (рис. 1, 4, 5, 10, 40, 51, 52, 78), пряслица (рис. 1, 44), лощила, сопла, тигли (рис. 1, 49), льячки (рис. 1, 50); каменные: наконечники стрел подтреугольной формы с прямым основанием, абразивы (рис. 1, 76), песты (рис. 1, 54), зернотерки, пешневидные орудия, оселок с желобком (рис. 1, 16); костяные: наконечники стрел с многогранной,

ромбической, треугольной формой сечения пера (рис. 1, 13, 47), концевые вкладыши для лука (рис. 1, 15, 57), кочедык, трепало (рис. 1, 19), проколки (рис. 1, 14, 48, 58), орудия, напоминающие мотыжки (рис. 1, 46); бронзовые: однолезвийные ножи с хорошо и слабо выраженной рукоятью (рис. 1, 18), двулезвийные ножи с кольцевым упором на черенке и ребром на клинке (рис. 1, 17), сильно изогнутый пластинчатый нож (рис. 1, 56), четырехгранные шилья (рис. 1, 8), наконечники стрел, два из которых черешковые с ромбическим сечением (рис. 1, 55), третий - двухлопастной с листовидным пером, длинной выступающей втулкой и нервюрой по стержню пера и втулке. С предметами внепроизводственной сферы связаны мелкая пластика (антропоморфные, антропозооморфные фигурки) (рис. 1, 12, 45, 53), бронзовые украшения (ажурная и гвоздевидная подвески, браслет из тонкой проволоки, бляшки с петелькой на обороте) (рис. 1, 7) и предметы игры (фишки) (рис. 1, 6). Не установлено назначение глиняных изделий, названных «катушками», абсолютно не характерными для культур сопредельных территорий (рис. 1, 9, 11, 41-43, 77). Эти предметы могли применять в качестве грузил для рыболовных сетей, грузиков для веретена, хотя они редко имели продольные отверстия, гирек для ткацких станков или катушек для наматывания ниток, веревок, волокон. Практически все бархатовские изделия находят аналогии в материалах многих археологических культур, причем как предшествовавших бархатовской (федоровская, черкаскульская и пахомовская), так и синхронных ей (ирменская, межовская, саргаринско-алексеевская и сузунская).

Удельный вес костных остатков домашних животных на селищах Ново-Шадрино 2, 7, Щетково 2 и городищах Красногорском, Коловском явно выше, чем диких (до 94,1 %) (Косинцев, 2003. С. 157-173; Матвеева, Аношко, Цембалюк, 2006. С. 24-38). В составе стада бархатовского населения присутствовали крупный и мелкий рогатый скот, лошадь. На неукрепленных поселениях либо значительно преобладают кости крупного рогатого скота, либо фиксируется его практически равная доля по этому показателю с лошадью или мелким рогатым скотом. На городищах, наоборот, на первом месте по костным остаткам стоит лошадь. По сравнению с экономикой федоровских и лесостепных черкаскульских групп предшествующего времени у представителей бархатовской культуры значительно увеличилось количество лошадей в стаде за счет сокращения поголовья крупного рогатого скота и возросла доля охоты, что, напротив, находит параллели в хозяйстве пахомовского населения. Тип скотоводства бархатовского общества определен нами как придомно-пастушеский, при котором скот выпасался на незначительном расстоянии от поселка. Однако высокий процент костей лошади в материалах Красногорского и Коловского городищ, видимо, свидетельствует о росте мобильности стада.

Использование специальных методик, а именно карпологии, палинологии и анализа пригаров из сосудов, позволило получить прямые свидетельства знакомства бархатовских групп с земледелием (Аношко, 2006. С. 340-342). В спорово-пыльцевых спектрах из

культурного слоя поселения Щетково 2 обнаружены зерна злаков рода *Avena* (овес) и *Secale* (ржь) (Рябогина, 2004. С. 12). На одном фрагменте керамики с Коловского городища оказались следы семени пшеницы *Triticum sp.* (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003. С. 150). В остатках пищи из сосудов селища Щетково 2 и Красногорского городища зафиксированы фрагменты зерен ячменя (*Hordeum sp.*) и проса (*Panicum sp.*) (Аношко, Гайдученко, 2006. С. 70, 71). По инструментальному набору бархатовской культуры трудно судить о масштабах и характере земледелия. На ее поселениях встречены изделия, напоминающие мотыжки, которые употреблялись для рыхления почвы и разбивания комьев (рис. 1, 46). Орудиями уборки урожая, вероятно, служили бронзовые однолезвийные ножи (рис. 1, 18), на переработку зерен указывают каменные песты (рис. 1, 54) и обломки зернотерок. Впрочем, этот инвентарь мог использоваться при собирательстве и в горнometаллургическом производстве.

По палеозоологическим данным основным объектом охоты являлся лось, что указывает на ее ярко выраженную мясную направленность. Значительно реже на поселениях встречаются кости косуль, кабанов, медведей. Бархатовские группы эпизодически промышляли пушных зверей: лисицу, волка, зайца, бобра. Важную роль в их хозяйстве играл рыболовный промысел, что подтверждается расположением поселков по берегам рек и озер, остатками ихтиофауны на ряде из них и многочисленными желобчатыми грузилами (рис. 1, 4, 5, 10, 40, 51, 52, 78).

Керамика. В морфологическом отношении бархатовская керамика выглядит унифицированной, так как абсолютно доминирует посуда, представленная горшечными формами (рис. 1, 21-30, 32-34, 36, 59-74, 90-94). Судя по реконструированным сосудам, их размеры сильно варьируют, но пропорции и профилировка отличаются стабильностью за счет устойчивого сочетания широкого устья, средне раздутого туловища и маленького днища. Помимо горшков, выделяются небольшие неорнаментированные круглодонные мисочки, присутствующие в незначительном количестве в бархатовских комплексах (рис. 1, 35). Самую малочисленную группу образуют кувшинообразные сосуды вытянутых пропорций с узким горлом и сильно раздутым туловом (рис. 1, 31, 96). Для бархатовской посуды характерны в основном резная техника нанесения орнамента и четко выраженная зональность в построении орнаментальной композиции. Узоры наносились на верхнюю, среднюю и нижнюю части горловины, верхнюю и нижнюю части плечиков. Количество зон на одном сосуде варьирует в зависимости от степени его орнаментированности. Среди элементов орнамента доминируют наклонные и горизонтальные линии, сетка, вертикальный и горизонтальный зигзаги, жемчужины, каплевидные вдавления и круглые ямки (рис. 1, 21-23, 25, 27-30, 60-65, 67-69, 72, 79-89, 92, 94, 95). Геометрические узоры встречаются реже, но создают более сложные композиции, особенно на стенках сосудов. Они представлены заштрихованными треугольниками, ромбами и лентами, треугольниками с насечками, лентами с вертикальным и гори-

зонтальным зигзагами, флагжками (рис. 1, 20, 26, 31-34, 36, 59, 66, 70, 71, 73, 74, 90, 91, 93, 96). Характерным признаком бархатовской керамики является межзональный узор, разбивающий по вертикали все орнаментальное поле сосудов одной или двумя параллельными линиями, которые либо нанесены поверх декора, либо его прерывают (рис. 1, 27, 30, 62, 65, 70-72, 95). Каннелюры и валики зафиксированы лишь в зоне у основания шейки горшков (рис. 1, 28, 64).

Бархатовская керамика обнаруживает некоторые параллели в керамических материалах межовской, сузунской, ирменской и саргарино-алексеевской культур, носители которых являлись соседями бархатовских групп. Наличие общих черт в орнаментации посуды культур конца бронзового века обусловило выделение учеными сначала замараевско-ирменского, а затем межовско-ирменского историко-хронологического пласта, характеризующего специфику и особенности развития в это время населения Западно-Сибирского региона (Хлобыстин, 1976. С. 5-7; Корочкива, 1987. С. 3-5; Косарев, 1993. С. 76-123). Однако еще в 60-е гг. XX в. К.В. Сальников (1961. С. 45, 46; 1967. С. 393, 394) указал на своеобразие бархатовской посуды, отличительные черты которой он видел, прежде всего, в таких элементах орнамента, как флагжки и жемчужины, отсутствующие в орнаментации зауральских межовских материалов, но имеющие аналогии в керамических комплексах ирменской культуры Западной Сибири и культуры курмантау Приуралья. Можно отметить и другие существенные отличия межовской и бархатовской керамики. Весьма показательным в этом случае является то, что межовские сосуды имеют более приземистые пропорции и менее раздутое туло, а в их тесте значительна примесь талька, что не характерно для бархатовской посуды. Более того, прослеживаются расхождения и в процентном соотношении многих элементов орнамента. Межовскую орнаментальную традицию определяют валики и воротнички, располагающиеся в приустьевой части сосудов, при этом довольно высока доля каннелюр и вертикального зигзага. На бархатовской керамике воротнички не обнаружены, а удельный вес валиков, зафиксированных только в переходной зоне от шейки к тулову, значительно ниже. С другой стороны, в материалах бархатовских памятников довольно высок процент горшков с сетчатым орнаментом, каплевидными вдавлениями и круглыми ямками, которые в межовских коллекциях либо встречаются не часто, либо, как ямки, вообще отсутствуют. На посуде ирменской, сузунской и саргарино-алексеевской культур повторяются все основные элементы орнамента, присущие бархатовской керамике. Стоит, однако, заметить, что разнокультурные керамические комплексы эпохи поздней бронзы отличаются удельным весом сходных орнаментов, и каждый из них демонстрирует специфику их сочетаний. На фоне этих культурных традиций бархатовские керамические материалы также характеризуются особым набором элементов орнамента, их взаиморасположением и устойчивыми сочетаниями, которые, в свою очередь, определяют своеобразие посуды бархатовской культуры и демонстрируют самостоятельную орнаментальную

традицию ее представителей.

Происхождение, периодизация и хронология. Геоморфологическая характеристика поселений, а также анализ керамических, домостроительных традиций и хозяйственной деятельности представителей бархатовской культуры показали, что между бархатовскими памятниками существуют различия по ряду признаков, которые, на наш взгляд, являются следствием развития рассматриваемой культуры и отражают ее изменения во времени. В одной из публикаций А.В. Матвеевым и автором данной работы намечены основы периодизации бархатовских древностей, предлагающей необходимость выделения среди них ранней и более поздней групп, которые, с нашей точки зрения, представляют конкретные этапы развития бархатовской культуры (Матвеев, Аношко, 2001. С. 29-32).

К раннему, щетковскому, этапу следует относить селища Ново-Шадрино 2 и 7, Камышное 2, Поспелово 1, Щетково 2, Язево 1 и ряд других (рис. 1, 1-36). Основными признаками этого периода мы считаем: 1) размещение поселений на низких, нередко затапливаемых в настоящее время участках; 2) сравнительно теплые и сухие климатические условия, реконструируемые по палинологическим данным, полученным при исследовании селища Щетково 2 (Рябогина, Семочкина, Иванов, 2001. С. 32-36); 3) расселение бархатовских групп преимущественно в Тоболо-Исетье; 4) яркое проявление в орнаментации посуды таких элементов, как наклонные линии, вертикальный зигзаг, горизонтальные линии, сетка, каплевидные вдавления, круглые ямки, орнаментированные валики, вертикальные линии, скобочки, луновидные вдавления и каннелюры (рис. 1, 20-36); 5) присутствие в коллекциях поселений небольшого количества инокультурной керамики, свидетельствующей о связях бархатовского населения с представителями ирменской, саргарино-алексеевской и сузунской культур, процесс формирования которых ученые связывают с последними веками II тыс. до н.э., а также с группами, изготавливавшими посуду с крестово-печатной орнаментацией. Последняя имеет много общих черт с комплексами атлымской культуры Нижнего и Среднего Приобья, Нижнего Прииртышья, красноозерской культуры Среднего Прииртышья, завьяловской культуры Верхнего Приобья и другими аналогичными материалами, что затрудняет ее точную культурную и хронологическую атрибуцию. Малочисленный характер крестовой керамики из ранних бархатовских памятников не дает никаких оснований говорить о пребывании в это время в лесостепном Зауралье сколько-нибудь значительных по составу групп мигрантов и вовсе не означает, что эти комплексы следует датировать раннескифским временем. Хронология щетковского этапа определяется нами на основании анализа всех источников, в том числе полученных в последние годы трех радиоуглеродных датировок селища Щетково 2, и соотносится с концом II тыс. до н.э.

Выделение раннего этапа бархатовской культуры открывает перспективы для исследования проблемы ее генезиса. Историко-культурная обстановка, существовавшая в добархатовский период, предопределила особенности формирования бархатовской куль-

туры, обусловила наличие в ней тех или иных культуроопределющих признаков. С местной линией развития в Зауралье в позднем бронзовом веке была связана черкаскульская культура, памятники которой (Ольховка, Имбиряй 2, 3, Яр 22) обнаружены в междуречье Тобола и Исети, где находится основная часть бархатовских поселений. Здесь же известны поселенческие комплексы пахомовской культуры (Ново-Шадрино 7 (раскоп 1), Ук 3, Большой Имбиряй 2, Ботники 1, Оськино Болото и др.). Пахомовские коллективы были пришлыми в Тоболо-Исетье, хотя дискретный характер ареала их культуры затрудняет решение проблемы локализации области ее первоначального распространения. Совмещение на одной территории разных групп населения создавало условия не только для их существования, но и смешения. О тесных контактах представителей черкаскульской и пахомовской культур свидетельствуют материалы селищ Большой Имбиряй 10 и Сосновка 10, в культурном слое которых практически в одинаковом количестве обнаружена пахомовская и черкаскульская керамика (Аношко, Еньшин, Жаромских, 2004. С. 181; Матвеев, Аношко, Костомаров, Рыжкова, 2003. С. 90, 91). В керамических коллекциях поселений Ольховка и Оськино Болото присутствует посуда, которая, на наш взгляд, отражает зарождение новых орнаментальных черт, характерных для сосудов бархатовской культуры. Особенности слияния двух орнаментальных традиций улавливаются непосредственно в ранних бархатовских керамических комплексах, которые отчетливо иллюстрируют наличие элементов орнамента и их сочетаний, свойственных черкаскульской и пахомовской керамике. В экономике бархатовского населения раннего этапа, как и представителей пахомовской культуры, весьма заметную роль играла охота, а в составе стада домашних животных была значительна доля лошадей. Однако его знакомство с земледелием и животноводческая направленность хозяйства определяют сходство с системой жизнеобеспечения лесостепных черкаскульских коллективов. Изделия и доимостроительные традиции бархатовских общин обнаруживают параллели в пахомовских и черкаскульских материалах. Исходя из вышеперечисленных аргументов, мы считаем, что бархатовская культура возникла на двухкомпонентной основе в результате взаимодействия пахомовских и черкаскульских групп в лесостепном Притоболье.

Развитый, красногорский, этап бархатовской культуры характеризуют материалы Красногорского, Коловского, Миасского и Усть-Утякского 1 городищ, а также селища Палатки 2 и некоторых других памятников (рис. 1, 37-74). Этот период определяют следующие признаки: 1) локализация памятников на высоких гипсометрических отметках, причем нередко на 20—40-метровых мысах коренных террас зауральских рек; 2) похолодание и увлажнение климата, нашедшие отражение в палинологических данных Коловского городища (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003); 3) расширение ареала культуры в западном и восточном направлениях, следствием чего явилось проникновение отдельных бархатовских групп в предгорные районы Зауралья, а также в Приишмье; 4) изменения в

орнаментации посуды, произошедшие в результате ее внутреннего развития, в частности, увеличение доли жемчужника, флагжков, лесенки, насечек и вертикальной линии, разбивающей орнаментальное поле (рис. 1, 59-74); 5) возрастание роли животноводства и рост поголовья лошадей в составе стада; 6) появление на площади поселков оборонительных сооружений, свидетельствующих о напряженной внешней обстановке, сложившейся в результате продвижения в лесостепь из более северных районов представителей гамаюнской культуры. Датировка красногорского этапа опирается на значительную серию образцов абсолютного возраста Красногорского и Коловского городищ и определяется нами началом I тыс. до н.э. или, точнее, X-IX вв. до н.э. Имеющиеся материалы позволяют говорить, что на красногорском этапе бархатовская культура достигла своего расцвета.

Процесс трансформации бархатовской культуры протекал, на наш взгляд, в двух направлениях. В лесостепном Зауралье на ее основе сложилась байтовская культура раннего железного века. К переходным бархатовско-байтовским комплексам мы относим селища Заводуковское 9 и Ук 3 (раскоп 2) (рис. 1, 75-96), в керамических материалах которых сочетаются бархатовские и байтовские орнаментальные и технологические традиции. Более поздняя временная позиция этих поселений по отношению к другим бархатовским памятникам позволяет допускать вероятность того, что в ходе дальнейших исследований могут быть получены аргументы в пользу выделения в периодизации рассматриваемой культуры еще одного, заключительного, этапа. На границе лесостепи и южной тайги Притоболья в результате активного взаимодействия отдельных бархатовских коллективов с гамаюнскими сформировалась особая в культурном отношении группа населения, оставившая памятники карагай-аульского типа переходного времени от бронзового века к железному (Зах, Зимина, 1999. С. 151-156; 2001. С. 138-149; Зимина, 2002. С. 28-33; 2003. С. 49-53). Карагай-аульский компонент лег в основу вак-куровских или «лесных байтовских» древностей подтаежного и южнотаежного Притоболья (Зах, Зимина, 2001. С. 148; 2004. С. 105), материалы которых демонстрируют как сходство, так и существенные различия с «классическими» байтовскими комплексами.

Дальнейшее изучение бархатовских древностей позволит проверить наши предположения, высказанные по затронутым в данной работе проблемам, а также даст возможность осуществить решение многих других вопросов на качественно ином уровне.

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. Вып. 15. Свердловск, 1981.
Аношко О.М. О наличии земледелия у бархатовского населения позднего бронзового века Зауралья // Современные проблемы археологии России. Т. I. Новосибирск, 2006.
Аношко О.М., Гайдученко Л.П. Особенности питания бархатовского населения позднего бронзового века лесостепного Притоболья // II Северный Археологический конгресс. Ханты-Мансийск, 2006.

- Аношко О.М., Еньшин Д.Н., Жаромских А.Г. Разведочные работы на территории Ингальской долины // Словцовские чтения-2004. Ч.1. Тюмень, 2004.
- Аношко О.М., Рыжкова Ю.В. К характеристике позднего бронзового века Приишмья (по материалам городища Кучум Гора и Чупинского поселения) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.
- Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург, 1992.
- Генинг В.Ф., Соевцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананынской этнической общности // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. 1967. № 148.
- Дмитриев П.А. Мысовские стоянки и курганы // Тр. СА РАНИОН. Вып. IV.1928.
- Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. № 21. 1951.
- Зах В.А., Зах Е.М. Городище раннего железного века Калачик-1 на Тоболе // Западная Сибирь - проблемы развития. Тюмень, 1994.
- Зах В.А., Зимина О.Ю. Городище Карагай-Аул 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. № 2. Тюмень, 1999.
- Зах В.А., Зимина О.Ю. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (Юртоборовский микрорайон) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. № 3. Тюмень, 2001.
- Зах В.А., Зимина О.Ю. Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 5. Тюмень, 2004.
- Зимина О.Ю. К вопросу о переходном времени от бронзы к раннему железному веку в Западной Сибири (историографический аспект) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 3. Тюмень, 2002.
- Зимина О.Ю. Керамические комплексы городища Карагай-Аул 1 в Нижнем Притоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4. Тюмень, 2003.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991.
- Иванов В.А., Пшеничнюк А.Х. Городище финальной бронзы на р. Миасс // СА. 1978. № 4.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Керамика и домостроительство лесного населения Среднего Притоболья в комплексе финальной бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк 1: вопросы хронологии и атрибуции (по материалам исследований 2002-2004 гг.) // Зыряновские чтения. Курган, 2005.
- Корочкова О.Н. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино 7 в 1983 г. // Архив КА УрГУ, ф. II, д. 456.
- Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук-III. Препринт. Свердловск, 1991.
- Косарев М.Ф. К проблеме общей историко-культурной стратиграфии бронзового века Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // РЭ. 1993. № 4.
- Косинская Л.Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
- Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Матвеев А.В. Историко-культурная ситуация в западносибирской лесостепи на рубеже бронзового и железного веков // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989.
- Матвеев А.В. Хронология бархатовского комплекса Красногорского городища // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991.
- Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск, 1999.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. К проблеме хронологической дифференциации бархатовских древностей // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 2. Тюмень, 2001.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Бархатовский комплекс селища Щетково 2 // XVI Словцовские чтения. Ч.1. Тюмень, 2004.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Агишева О.С. Результаты исследования селища Заводоуковское 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. № 6. Тюмень, 2005.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Большой Имбиряй 10 - новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения-2003. Тюмень, 2003.
- Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И. Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. 2006. № 2.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Матвеев А.В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 6. Тюмень, 2005.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков // Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование. Вып. 1. Новосибирск, 2003.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс И., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер И., Майнштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича - городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2001.
- Обыденнов М.Ф. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1981.
- Панина С.Н. Поселение бархатовской культуры финальной бронзы в горно-лесном Зауралье (по материалам раскопок памятника Палатки 2) // Международное XIV Уральское археологическое совещание. Пермь, 2003.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995.
- Рябогина Н.Е. Стратиграфия голоценов Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.
- Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Иванов С.Н. Реконструкция условий обитания населения Нижнего Приисетья в позднем бронзовом и раннем железном веках // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 2. Тюмень, 2001.
- Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. 1961. № 2.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сергеев А.С. Поселение Заводоуковское 10 - новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991.
- Сергеев А.С. Отчет о научно-исследовательской работе

- «Археологические исследования в Сургутском и Заводоуковском районах Тюменской области в 2002 году» // Архив КА УрГУ, ф. II, д. 642.
- Стефанов В.И., Корочкина О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
- Ткачев А.А. Культурно-хронологические комплексы Абатского Пришишмья (по материалам городища Абатское VI) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4. Тюмень, 2003.
- Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976.
- Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988.

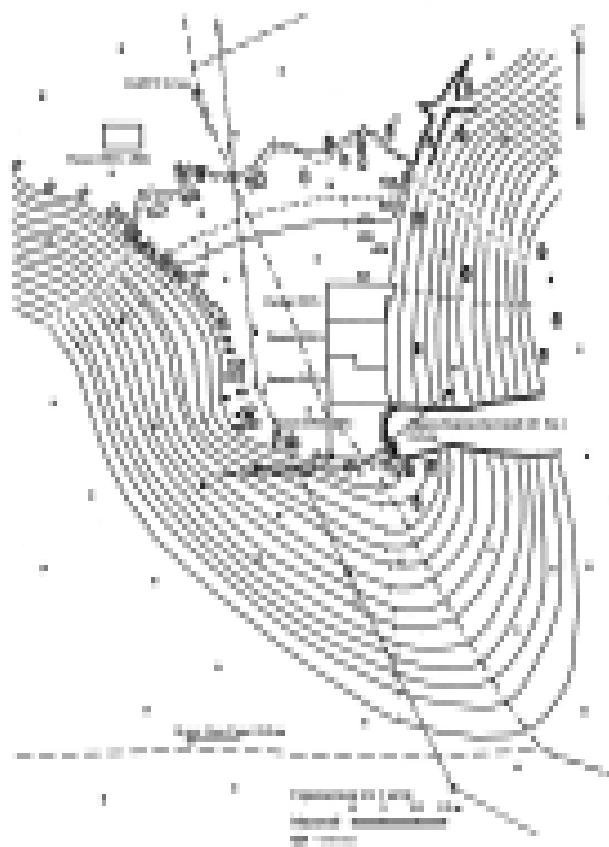
А.И. КАЙДАЛОВ, Е.А. СЕЧКО
Областной краеведческий музей,
Курган, Россия

ГОРОДИЩЕ УСТЬ-УТЯК I НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ (по результатам исследований 2002-2005 гг.)

Переходный этап от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Среднего Притоболья изучен в настоящее время недостаточно. Поселения этого периода исследованы раскопками на многослойных памятниках в единичных случаях, а погребальные комплексы на рассматриваемой территории пока не известны. Большая часть поселений была отнесена к данной эпохе на основании керамического материала, полученного как из культурного слоя, так и из разведочных подъемных сборов.

Выделение переходного периода, как правило, сопряжено с определенными трудностями, так как многие памятники демонстрируют устойчивую связь с хронологически более ранними комплексами. И сама переходная эпоха на разных территориях проявляется с разной степенью отчетливости (Погодин, Полеводов, 2005. С. 344). В одних случаях это формирование ярких своеобразных культур переходного облика, связанных с участием в процессе культурогенеза инокультурного компонента в результате миграционных процессов. На территории Зауралья избыточное население в конце II тыс. до н. э. шло в южном и юго-западном направлениях, где находились благоприятные в климатическом отношении районы. Миграции проходили из более северных районов вдоль Оби и Иртыша (Рудковский, 2002. С. 258). В других случаях, переходной процесс менее выразителен, будучи обусловлен внутренними тенденциями трансформации позднебронзовых культур. Иногда оба варианта могли сосуществовать на одной территории, образуя две линии развития.

Вследствие малочисленности комплексно обработанных материалов на территории Среднего Притоболья до сих пор не совсем ясно, как протекал процесс культурогенеза на заключительном этапе бронзового века. Поэтому любые материалы, соотносимые с данным периодом, представляют значительный интерес.

Rис. 1. Городище Усть-Ут'як I. Общий план.

В 2002-2005 гг. археологической экспедицией Курганского областного краеведческого музея проводились аварийные исследования городища Усть-Ут'як I («Змеиная горка»). Памятник находится в Кетовском районе Курганской области в 0,7 км восточнее поселка Усть-Ут'як и в 21,4 км к югу от г. Кургана. Городище занимает подтреугольный мыс, слегка вытянутый с северо-запада на юго-восток и выступающий в пойму р. Ут'як. Высота от уровня воды составляет 18 м, а общая площадь всего городища – 1840 кв.м. Фортifikация представлена валом высотой до 1,5 м с напольной стороны, с четырьмя небольшими выступами с внешней стороны. Ров, въезд на площадку, а также жилищные впадины визуально не фиксируются (рис.1). Край террасы изрыт окопами.

В ходе исследований установлено, что памятник многослойный. Наиболее насыщенными культурными остатками являются наслонения, связанные с переходным этапом от эпохи бронзы к раннему железному веку. Мощность слоя по мере продвижения к центру площадки городища возрастает. В верхних слоях культурных отложений найдены фрагменты средневековых сосудов бакальского типа и остатки сооружения 1.

Раскопом общей площадью 265 кв.м., заложенным по краю мыса на внутренней площадке, а также на посаде (24 кв.м.), были исследованы остатки шести сооружений (2, 3, 4, 5, 6, 7). Они зафиксированы как стратиграфически по заполнению углублений четко читаемым слоем темной, местами углистой супеси, так и планиграфически: границы сооружений маркировались наличием столбовых ямок (рис. 2). К сожалению, исследовать полностью не удалось ни одно

из сооружений, так как все они уходили в стенки раскопа и на склон мыса. Сооружения углублены от уровня дневной поверхности эпохи финальной бронзы на 0,1-0,2 м. Следует предполагать, что в данном случае имеют место наземные каркасно-столбовые конструкции. Каркасно-столбовые сооружения усеченно-пирамидальных форм с прямоугольными, четко выраженным котлованами разной глубины характерны практически для всех лесостепных культур эпохи поздней бронзы (Борзунов и др., 1993. С. 24).

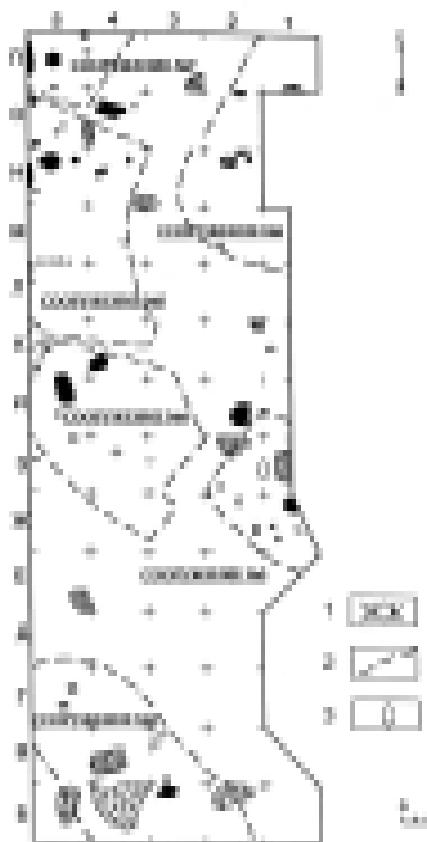

Рис. 2. Городище Усть-Утjak I. План раскопа.
1 – развал, полуразвал сосуда; 2 – границы сооружений;
3 – столбовая ямка; 4 – прокаленный слой; 5 – выходы
ожелезненной осадочной породы (ракушечник ?); 6 – уголь,
остатки обожженных деревянных конструкций.

Что касается интерьера жилищ, то в сооружениях 2 и 6 был расчищен один очаг, в сооружениях 4 и 7 – два, в сооружении 3 – один внутри и один за пределами. Один очаг располагался неподалеку от сооружений 5 и 7. Очаги прослеживались в основном в виде пятен прокаленной почвы с многочисленными углистыми вкраплениями. Очаг в сооружении 2 был несколько углублен в почву. Неподалеку от очагов обычны находки обожженных костей и керамики со следами шлака.

В сооружении 3 к северо-западу от очага находилась хозяйственная яма; в пределах сооружений 2 и 3 фиксировались выходы ожелезненной породы (ракушечника?); в сооружении 5 обнаружен специфический глинистый слой. Последний мог являться обмазкой хозяйственной площадки. В очаге сооружения 2, как и в очаге, располагавшемся за пределами сооружения 3, были обнаружены развали крупных сосудов

бархатовского типа. В одном случае сосуд был обложен с четырех сторон деревянными плахами в виде рамы. Развалы сосудов, вкопанных в землю, зафиксированы также в сооружении 4.

Вещественный материал, относящийся к периоду перехода к раннему железному веку, включают в себя керамику, различный инвентарь и кости животных.

Керамический комплекс городища Усть-Утjak I неоднороден. Выделяется несколько культурных групп посуды, основными критериями выделения которых послужили состав теста, форма сосудов, техника нанесения и рисунок орнамента.

Группа I - керамика *бархатовского типа*: 202 сосуда, выделенных по шейкам и венчикам, и 176 фрагментов стенок. Удалось полностью реставрировать четыре сосуда, а несколько горшков реконструировать графически (рис. 3, 1, 3). Кроме того, большинство фрагментов днищ и придонных частей, встречающихся в заполнении сооружений, также могут быть отнесены к бархатовским сосудам.

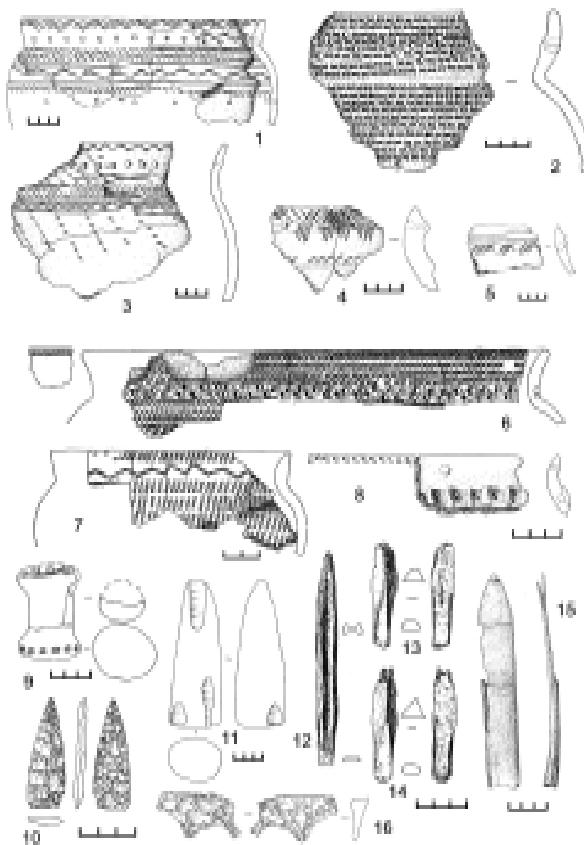

Рис. 3. Городище Усть-Утjak I. Вещественный материал.
1-8 – керамика; 9 – грузило; 10, 11-14 – наконечники стрел;
11 – лест; 15 – рыбный нож (?); 16 – скобель зооморфной
формы (?). 1-9 – глина; 10, 11, 16 – камень; 12-15 – кость.

При изготовлении посуды в качестве отощителей глины использовались в основном песок и шамот. Обжиг сосудов в основном неровный, вероятно костровой. Сосуды имеют невысокую прямую, часто отогнутую, шейку, переходящую в раздутое туло с образованием утолщения с внутренней стороны; дно плоское, с закраиной. При нанесении орнамента определяющим является горизонтально-ленточный прин-

цип. Декорирована обычно верхняя треть сосуда. Техника нанесения орнамента в основном резная, реже выполнена штампом. Наиболее часто встречаются такие элементы узора, как жемчужины (по шейке), одно- и многорядовые зигзаги, елочка, ямки, решетка, расположенная обычно под срезом венчика, ряды отпечатков гладкого штампа (часто по срезу венчика). Встречаются и фрагменты только с ямочно-жемчужной орнаментацией. На отдельных фрагментах присутствует своеобразный межзональный узор из двух вертикальных линий, как бы разделяющих орнаментальное поле. Ближайшие аналоги данной посуде можно обнаружить как в материалах поселений Среднего Притоболья - Язево I, Камышное II (Потемкина, 1985. С. 53-60; 91-97), так и в сопредельных районах - Красногорское, Коловское, Палатки II, Ново-Шадрино II, Бархатовское, Поспелово I (Матвеев, Бурлина, 1990. С. 99-144; Панина, 2003. С. 97-98; Стефанов, Корочкина, 1984. С. 79-85).

Группа II включает 145 сосудов, выделенных по шейкам и венчикам, и 151 фрагмент стенок. Керамика этой группы определена как гамаюнская (рис. 3, 6). В качестве примесей к глиняному тесту использовался тальк. Венчики сосудов этого типа скосены наружу, шейка сильно отогнута, плавно переходит в раздуптое туло. Днища и придонных частей, принадлежащих данному типу, не обнаружено. При нанесении декора в основном применялась техника волнисто-прокатанного и крестового штампов. Использовался также гребенчатый штамп, в отдельных случаях - гладкий штамп. Спецификой декора данной группы посуды служат ямки, расположенные в шахматном порядке в нижней части шейки. Орнаментальное поле сплошное, украшались также срез венчика и его обратная сторона. Данная группа керамики имеет аналоги на Зотинском IV городище на р. Багаряк (Борзунов, 1993. С. 126). Появление подобной посуды в лесостепи исследователи связывают с миграциями её носителей из более северных территорий в VIII-VII вв. до н.э. (Борзунов, 1990. С. 18).

Стратиграфически две указанные группы керамики разделить очень сложно. Взаимное влияние их керамических традиций отражает посуда группы III синcretичного облика (рис. 3, 7, 8), которая сочетает в себе черты первых двух групп. По венчикам и шейкам выделено 80 сосудов, которые в большинстве случаев сохраняют профилировку, характерную для бархатовской керамики, а орнамент, выполненный гребенчатым штампом и ямками в шахматном порядке, имеет гамаюнские черты. Также следует отметить и композиционные сочетания последних с жемчужинами. Отиски гребенки иногда образуют и типично бархатовские узоры: однорядовый горизонтальный зигзаг, ряды косопоставленных отпечатков.

Группа IV представлена керамикой, орнаментация и профилировка которой имеют отдаленное сходство с посудой красноозерской культуры, относящейся к общности западносибирских культур с крестовой орнаментацией в целом (рис. 3, 2). Сосуды вытянутых пропорций имеют вогнутую шейку, переходящую в слабораздуптое туло. При нанесении декора использована техника крестового и гладкого штампа и ямоч-

ных вдавлений. Основные композиции узора: горизонтальные ряды из отпечатков крестового либо косопоставленного гладкого штампа различных форм, ряды ямок (иногда в шахматном порядке), как бы разделяющие орнаментальное поле на полосы-зоны. Однако на некоторых сосудах ямки, являющиеся традиционно разделителем орнаментального поля на посуде западносибирского древнего населения, наносятся поверх декора. Наиболее близкие аналогии подобной посуде имеются на поселениях Инберень V, Новотроицкое I, Ефимово I (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 7, 104; Матвеев, Горелов, 1993).

В керамическом комплексе городища Усть-Утяк I представлены также единичные фрагменты, орнаментированные жемчужинами с характерным разделением их вертикальными насечками или отисками угла пластинки, валиками (рис. 3, 4, 5). Подобные элементы орнамента имеют аналоги на кухонной посуде на позднеирменском этапе развития ирменской культуры в лесостепном Приобье: Кротово 16 и 17 в Новосибирской области, Бобровка на Алтае, которая датируется В.И. Молодиным в пределах конца VIII – VI вв. до н. э. (Молодин, 1985).

Инвентарь городища представлен изделиями из глины, камня, кости и насчитывает порядка 109 предметов, как целых, так и в обломках. О функциональном назначении некоторых из них можно говорить с достаточной степенью уверенности.

Среди них грузила, изготовленные из глины в количестве 14 экз. Форма их достаточно однообразна: цилиндрическая центральная частью и два круглых уплощенных основания. Один экземпляр орнаментирован по боковым сторонам оснований однорядным пояском кольцевых отпечатков пустотелой палочки (рис. 3, 9).

Самая массовая категория инвентаря – лощила (28 экз.), изготовленные из фрагментов сосудов, сработанных (лощение) с торцевых сторон (20 экз.). Имеются лощила из галек (8 экз.).

Обнаружены абразивы (5 экз.) - шлифовальные плитки под треугольной и подпрямоугольной формы со следами обработки (шлифовки) с одной или обеих сторон, в одном случае - с торцевой стороны в ходе дальнейшего использования. Изготовлены из мелкозернистого или крупнозернистого (1 экз.) песчаника коричневато-серого и темно-коричневого цвета.

В числе изделий из камня - шлифованный пест конической формы, изготовленный из серо-зеленой яшмы. На поверхности имеются небольшие сколы, возможно, полученные в ходе использования (рис. 3, 11). Остальные 5 экземпляров в обломках.

Скребки (3 экз.) изготовлены из кремня яшмовой породы, обработанные притупляющей ретушью.

В коллекции имеются наконечники стрел из кости. Один из них целый: общая длина - 12,3 см, длина пера - 9,7 см, длина черешка - 2,6 см, ширина пера - 1,3 см., ширина черешка - 1,1 см., ширина кровостоков - 0,7-0,8 см (рис. 3, 12). Остальные наконечники найдены в обломках (рис. 3, 13, 14). У большинства из них насад черешковый, с плавным переходом от пера к насаду. Перо граненое, в одном случае остро-листное, в сечении трапециевидное или треугольное,

ширина пера в среднем - 1,5 см. На нескольких экземплярах можно отметить желобки, возможно, кро-востоки, расположенные по длине, а также следы воздействия огня. Один экземпляр стрелы под треугольной формы, с прямым основанием, изготовлен из темно-зеленого камня (кремня?), длиной 5,9 см, с максимальной шириной 2 см., толщиной 0,5 см (рис. 3, 10).

Из кости изготовлены также проколки путем скола и подрезки, имеющие вытянутую изогнутую треугольную форму (2 экз.). Рукоятью служил эпифиз (?).

К костяным орудиям относятся два типологически сходных рыбных (?) ножа (рис. 3, 15). Оба экземпляра изготовлены из ребра неизвестного животного. Одна боковая сторона кости и треугольное окончания были подрезаны (заострены) так, что кость приобрела острое окончание и боковое лезвие со следами защемленности.

Встречены также маленькие сосудики, возможно, игрушки, лягушки или светильники (4 экз.). В одном случае на внутренней и внешней поверхности имеются следы воздействия высокой температуры. На одном из экземпляров по устью нанесен орнамент в виде горизонтального пояска мелких наколов. Диаметр по венчикам сосудиков составляет 3,4 - 9 см.

Из единичных находок выделяются заготовка пряслица неправильной округлой формы, «кирпичик» из глины с примесью шамота, овальной формы со следами пальцевых вдавлений, сопло, изготовленное из трубчатой кости со следами сильного огня. Найден также скобель зооморфной формы (?), вытянуто-треугольный в сечении, из темно-серого ожелезненного ракушечника. Изготовлен при помощи сколов крупной ретушью, рабочий край подработан более мелкой пристрояющей ретушью (рис. 3, 16).

Кроме того, в ходе исследований были обнаружены следы ошлаковки на фрагментах керамики и небольшие кусочки шлака. Найдена и бронзовая плоская пластинка неправильной формы размером 1,5 x 0,9 x 0,3 см.

Хорошо датируемых вещей в процессе исследования городища не обнаружено. Хронологическая позиция памятника была определена на основе керамического материала, отражающего круг основных контактов населения, обживавшего площадку городища в переходную к раннему железному веку эпохи. Предполагаемые даты укладываются в рамки конца IX – VIII вв. до н. э.

Материалы раскопок городища Усть-Утяк I дают возможность проследить на территории Среднего Приоболья на рубеже бронзового и раннего железного веков особенности местной линии культурогенеза, проходящего при участии пришлого населения с более северной и северо-восточной территории. Наличие разнокультурных материалов в рамках единого хронологического среза на одном памятнике имеет аналоги и в более северных районах: на Коловском городище (Матвеева и др., 2004), Красногорском городище (Матвеев, Бурлина, 1990), Чича 1 (Молодин, 1985). Это обстоятельство еще раз обращает внимание на сходство некоторых внутренних и внешних условий сложения и развития культур в исследуемый период на территории Западной Сибири. Для уточне-

ния особенностей данной эпохи на территории Среднего Приоболья необходимо дальнейшее исследование подобных комплексов.

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроя Сибири. Новосибирск, 1985.
- Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // РА. 1990. № 1.
- Борзунов В.А. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 22. Екатеринбург, 1993.
- Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.
- Матвеев А.В., Бурлина Т.В. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990.
- Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово I. Препринт. Тюмень, 1993.
- Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Берлина С.В., Поклонцев А.С., Цембалюк С.И. Комплексные исследования Коловского городища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 5. Тюмень, 2004.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Панина С.Н. Поселение бархатовской культуры финальной бронзы в горно-лесном Зауралье (по материалам раскопок памятника Палатки II) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В. К характеристике переходного периода от бронзы к железу и начало железного века в лесостепном Прииртышье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул, 2005.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Рудковский С.И. Палеоэкология культур периода поздней бронзы на территории севера Западной Сибири // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002.
- Стефанов В.И., Корочкива О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 17. Свердловск, 1984.

Е.М.ДАНЧЕНКО, А.В.ПОЛЕВОДОВ
Омский государственный педагогический
университет,
Национальный археологический и природный
парк «Батаково», Омск, Россия

СУЗГУНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ЮЖНОТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Сузгунская археологическая культура эпохи поздней бронзы была выделена в Тоболо-Иртышье по материалам одного памятника – жертвенного места Сузгун II, открытого и исследованного В.И. Мошинской совместно с В.Н. Чернецовым (Мошинская, 1957). Это не встретило возражений в ученом мире прежде всего благодаря выразительному облику керамики, в которой отчетливо фиксировался синтез южных, восходящих к андроновскому миру, и таежных, гребенчато-ямочных, традиций. Основной ареал сузгунских памятников В.И. Мошинской видела в Тобольском Прииртышье, хотя материалы, близкие сузгунским, были отмечены ею и в более южных районах (Мошин-

ская, 1957. С. 132). Предварительная, по оценке В.И. Мошинской, публикация вплоть до начала 1970-х оставалась практически единственной по сузунской культуре, что объективно отражало степень ее изученности.

В 1960-1970-е гг. к древностям эпохи поздней бронзы южнотаежного Прииртышья обратились М.Ф. Косарев и В.И. Матющенко, имевшие разные мнения относительно их культурно-исторической атрибуции. Анализ некоторых материалов, представленных преимущественно сборами, позволил М.Ф. Косареву включить данную территорию в ареал формирования еловской культуры (Косарев, 1964). Против этого выступил В.И. Матющенко, который считал, что таежные прииртышские памятники принадлежат к самостоятельной археологической культуре, но воздерживался от ее конкретного определения (Матющенко, 1974. С. 151-154). Становилось очевидным, что для прояснения культурно-исторической ситуации в лесном Прииртышье необходимы новые данные. Их удалось получить в середине 1970-х, когда М.Ф. Косарев совместно с Т.М. Потемкиной предприняли раскопки городища Чудская Гора в Знаменском районе Омской области.

Объем и выразительность материалов памятника, включавших около 20 тыс. фрагментов керамики и 130 целых сосудов, сделали его, наряду с Сузгуном II, опорным для характеристики заключительного этапа бронзового века южнотаежного Прииртышья. Столь представительная коллекция позволила М.Ф. Косареву не только выявить характерные черты лесной позднебронзовой посуды и включить комплекс Чудской горы в «андронойдный» культурный массив, но и уловить хронологические изменения в орнаментации. Отмечая сходство керамики городища с еловской и особенно с сузунской, М.Ф. Косарев, вместе с тем, указывал на существенные, на его взгляд, отличия: отсутствие орнамента в придонной части, больший удельный вес гладкого штампа и резной техники, употребление сложных меандровых композиций, а также наличие в верхних горизонтах культурного слоя посуды, сопоставимой с ирменской (Косарев, 1981. С. 141-142).

Позднее в совместной работе М.Ф. Косарева и Т.М. Потемкиной Тарское Прииртышье было окончательно включено в ареал сузунской культуры (Косарев, Потемкина, 1985). Уточненная по материалам Чудской Горы схема культурно-исторических процессов, протекавших на этой территории в эпоху поздней бронзы, выглядела теперь следующим образом.

Основной комплекс городища, близкий Сузгуну II, был отнесен к сузунской культуре, в то время как посуда из верхних слоев, имевшая ирменские черты в орнаментации, рассматривалась как позднесузунская. Финал сузунской культуры в Прииртышье связывался с проникновением в южную тайгу и лесостепь носителей крестовой керамики, в небольшом количестве обнаруженной в верхних горизонтах памятника.

Благодаря объему, выразительности и исключительной информативности материалов, городище Чудская Гора, несомненно, занимает особое место в системе сузунских древностей, позволяя обращаться к

самым разным аспектам их изучения. Это особенно важно с учетом того, что полноценная публикация жертвенного места Сузгун II так и не состоялась. Поэтому обстоятельное монографическое исследование материалов Чудской Горы, подготовленное одним из авторов раскопок Т.М. Потемкиной совместно с О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995), закономерным образом подвело итог почти сорокалетней истории изучения сузунских памятников. Неслучайно различным аспектам сузунской проблематики в монографии посвящено почти 40% ее текста. Наибольшее внимание авторы уделили хронологии и этапам развития сузунской культуры, выявлению компонентов ее формирования, определению культурно-исторических связей.

Вместе с тем, в силу понятной ограниченности материалов, которыми оперировали исследователи, за пределами их возможностей осталось решение не менее важной проблемы – исторической судьбы носителей сузунской культуры. Вслед за М.Ф. Косаревым, авторы монографии полагали, что верхний предел существования сузунского поселка на Чудской Горе совпадает с распространением крестовой керамики (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 67, 70). При этом отмечалось отсутствие каких-либо свидетельств о контактах между сузунскими и атлымскими (Нижнее и Сургутское Приобье) коллективами, хотя не исключалось, что подобные связи могли иметь опосредованный характер (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 130). Что касается взаимодействия сузунцев с населением красноозерской культуры, сформировавшейся при участии «крестового» компонента, то оно, судя по совместному залеганию сузунской и крестово-струйчатой керамики на целом ряде памятников лесного и лесостепного Прииртышья и Приишимиya (Голдина, 1969; Труфанов, 1983; Матвеев, Горелов, 1993), было глубоким, но о его характере авторы публикации затруднялись сказать что-либо определенное (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 131).

Возросший с момента выхода монографии объем источников позволяет в настоящее время гораздо увереннее судить о культурных процессах, протекавших в южнотаежном Прииртышье на рубеже бронзового и железного веков. Прежде всего, на представленных здесь памятниках растет число случаев совместного залегания сузунской и «крестовой» керамики. Это в частности зафиксировано на поселениях Кип III (раскопки Б.А. Коникова, Е.М. Данченко), Надеждинка IV (раскопки С.Ф. Татаурова), Алексеевка I (раскопки С.С. Тихонова), городищах Красноярское (раскопки Е.М. Данченко) и Конашовка III (раскопки Б.А. Коникова, которому авторы признательны за возможность использовать его неопубликованные материалы) На последнем была исследована часть жилища, в заполнении, на полу и в очаге которого керамика с крестовым штампом была обнаружена вместе с позднесузунской. Примечательно, что, как и на всех перечисленных памятниках, «крестовая» керамика городища Конашовка III наряду с красноозерской посудой включает и типично атлымскую, отличающуюся характерной формой и декором (рис. 1, 1, 5).

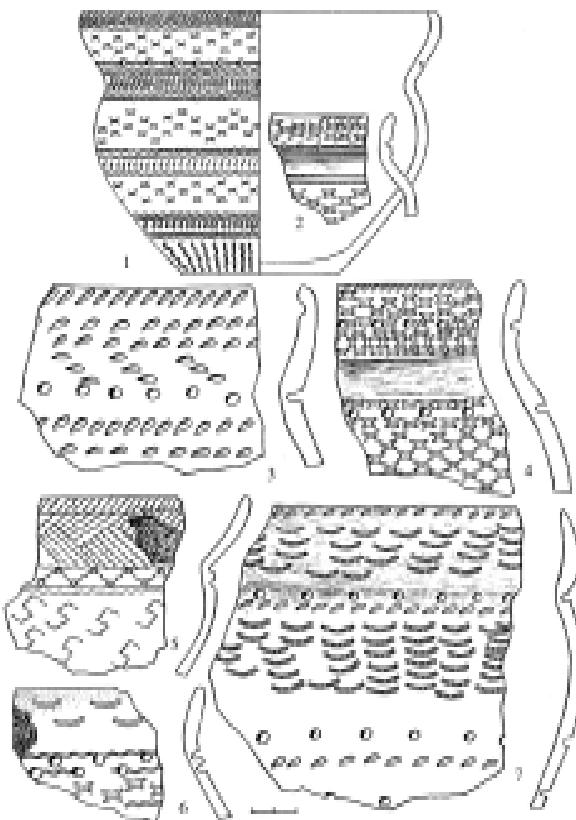

Рис. 1. Городище Конашовка III. Керамика рубежа бронзового – железного веков.

Думается, что приведенные факты в дальнейшем получат соответствующую оценку в контексте проблемы происхождения культур Западной Сибири с крестово-струйчатой орнаментацией посуды. Кроме того, во всех коллекциях, включающих позднесузунскую и «крестовую» керамику, на многих сосудах наблюдается смешение характерных признаков той и другой. Например, лощеные дорожки и воротнички по основанию шеек некоторых горшков могут сочетаться с узорами, нанесенными крестовым штампом, среди которых встречаются геометрические (Рис. 1, 2, 4; Danchenko, 2000. Abb. 4, 2, 3, 5). В других случаях «крестовая» орнаментация соседствует с мотивами, выполненными типично сузунским штампом «скоба», а последние, в свою очередь, могут украшать сосуды с дуговидными горловинами (рис. 1, 6, 7).

Перечисленные факты наглядно демонстрируют устойчивые контакты между сузунцами и носителями «крестовой» керамики. По-видимому, появление последних в южнотаежном Прииртышье отнюдь не привело к полному прекращению существования сузунской культуры, как это подразумевалось ранее (Косарев, 1981. Рис. 77), а ознаменовало этап чересполосного проживания и активного взаимодействия местных и пришлых групп в переходное время от бронзового века к железному. Такая ситуация предполагает определенную культурную неоднородность, когда позднесузунские и северные «крестовые» традиции могли не только сливаться, но и существовать вплоть до начала эпохи железа, в неодинаковой степ-

ени отражаясь в материалах различных памятников. Поэтому в качестве одного из возможных вариантов следует, видимо, допустить, что участие позднесузунского населения в формировании культуры раннего железного века могло иметь не только опосредованный, но и более прямой характер.

Проблема происхождения культур эпохи раннего железа неоднократно рассматривалась исследователями как на материалах лесостепного (Могильников, 1992. С. 308; Труфанов, 1991; Погодин, Полеводов, 2003), так и лесного Прииртышья (Могильников, Данченко, Труфанов, 1991. С. 216, 217). Стоит заметить, что археологические исследования Чудской Горы и здесь сыграли свою положительную роль: во время раскопок памятника Т.М. Потемкиной было впервые обследовано расположенное поблизости Богочановское городище, где помимо сузунской и «крестовой» керамики выделялся комплекс эпохи раннего железа. Дальнейшие исследования памятника, проведенные В.А. Могильниковым, позволили ему поставить вопрос о выделении особой археологической культуры середины – второй половины I тыс. до н. э., которая была названа богочановской (Могильников, 1988. С. 29).

В настоящее время в ее развитии выделяется два этапа: журавлевский (VI–IV вв. до н.э.) и богочановский (IV–II вв. до н.э.), которым соответствуют одноименные типы посуды, впервые выделенные А.Я. Труфановым по материалам городища Ямсыса VII (Труфанов, 1987. С. 128, 129; Данченко, 1996. С. 101).

Яркой особенностью керамики журавлевского типа является то, что, с одной стороны, она наследует традиции культур предшествующего времени – сузунской и красноозёрской, с другой, в ходе своего дальнейшего развития постепенно трансформируется в богочановскую. Сузунские, или в более общем плане – позднебронзовые, черты на журавлевской посуде прослеживаются как в композиционном построении декора (деление орнаментального поля ямками, лунками или зигзагами (рис. 2, 1, 3, 6, 7), наличие неорнаментированных «лощеных дорожек», валиков или «воротничков» (рис. 2, 9) по основанию шеек), так и в наборе орнаментальных мотивов (сочетающиеся между собой или самостоятельные ряды вертикальных и наклонных отпечатков штампа, «елочка», «сетка», «скобы» (рис. 2, 2, 4; Данченко, 1996. Рис. 4–6). Присутствие в сузунских комплексах горшков с «воротничками» на шейках связывают с ирменским компонентом (Стефанов, Труфанов, 1988. С.82). В этом плане показательно, что и на журавлевской керамике можно встретить трансформированные ирменские или ирменско-сузунские орнаменты в виде прочерченных или выполненных гребенкой зигзагов и фестонов, обрамленных лунками (рис. 2, 8; Данченко, 1996. Рис.7).

Красноозёрская традиция также находит отражение в журавлевских комплексах. С ней следует связывать сосуды с дуговидными шейками (рис. 2, 3, 5) и некоторые орнаментальные мотивы, среди которых ряды сдвоенных, строенных или расположенных в шахматном порядке лунок, отпечатков гладкого или гребенчатого штампа, разделявших орнаментальное поле, что отмечалось в качестве характерной детали

красноозерской керамики (рис. 2, 4; Данченко, 1996. Рис. 8-10; Абрамова, Стефанов, 1985. С. 115).

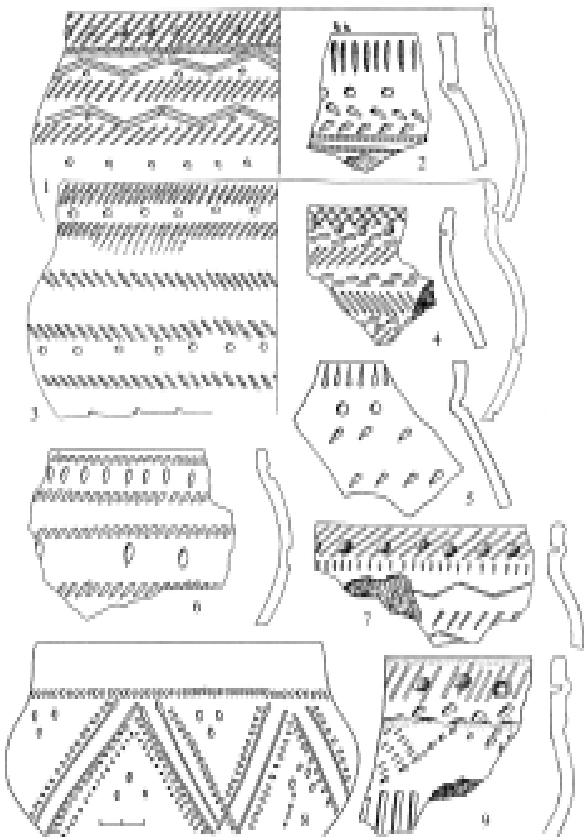

Рис. 2. Журавлевская керамика южнотаежного Прииртышья.
1-5, 7, 9 - Красноярский археологический комплекс; 6,
8 - поселение Кип Ш.

В то же время, несмотря на сохраняющиеся традиции поздней бронзы и переходного времени, журавлевская керамика не может быть отождествлена ни с сузунской, ни с красноозерской и составляет оригинальный, единый в культурном отношении комплекс, в полной мере демонстрирующий тенденции, связанные с переходом к эпохе железа: круглодонность, укорачивание шеек, более грубую обработку сосудов, обеднение орнамента.

По мере развития журавлевской посуды, происходившего на фоне отмеченных изменений, она приобретает более стереотипный облик, постепенно трансформируясь в керамику богочановского типа, на которой, тем не менее, также сохраняются отдельные сузунские и красноозерские реминисценции. К первым следует отнести меандровые фигуры, заштрихованные треугольники, использование штампа «скоба», ко вторым – волнистые узоры, в том числе – в виде поставленных под углом друг к другу «змеек», напоминающие струйчатые орнаменты (Данченко, 1996. Рис. 42, 3; 43). Присутствие этих черт на богочановской посуде указывает на ее опосредованную связь с керамическими комплексами сузунской и красноозерской культур.

Таким образом, сопоставление журавлевских и богочановских материалов, с одной стороны, свидетельствует об их генетической преемственности, с другой – отражает процесс формирования населения ран-

него железного века южнотаежного Прииртышья на основе местных культур предшествующего времени.

Следует признать, что исследования последних десятилетий позволили лишь сократить, но не устранить пробелы в археологической периодизации региона. До настоящего времени здесь не известны памятники рубежа эр и первых веков новой эры, в силу чего сохраняется хронологический разрыв между южнотаежными прииртышскими комплексами эпохи раннего железа и средневековья. Определить направление дальнейшего развития керамики богочановского типа сложно; проследить какую-либо преемственность ее с хронологически более поздними саровскими и карымскими комплексами также не удается, в силу чего появление последних на Среднем Иртыше, скорее всего, следует считать результатом миграции (Данченко, 2005. С. 152).

Тем не менее, изучение особенностей керамических материалов некоторых памятников позволяет в предварительной форме ставить вопрос об опосредованной генетической связи культур эпохи раннего железа и средневековья. Так обращает на себя внимание то, что часть посуды раннесредневекового облика с Логиновского городища на Ишиме и с Красноярского археологического комплекса на Иртыше по форме и орнаментации близка керамике журавлевского и богочановского типов (Генинг, Евдокимов, 1969. Табл. 55, 1-4, 6-9; 56, 2, 4, 5, 7, 10; 57; 58, 3, 5, 6; 60; Данченко, 2000. Abb. 9, 5; Данченко, Колесникова, 2000. Рис. 8, б, д, е, з). Пока сложно судить, насколько существенным является это сходство и что оно отражает. Однако, учитывая нерешённость вопросов о судьбе богочановского населения и о компонентах генезиса культуры раннего средневековья, отмеченные ассоциации вызывают несомненный интерес. Не исключено, что в данном случае мы действительно имеем дело с проявлением традиций эпохи раннего железа в более позднем орнаментальном комплексе.

Не менее интересны некоторые особенности средневековых керамических материалов усть-ишимской культуры южнотаежного Прииртышья, в частности, полученных Б.А. Кониковым при исследовании городища Верхнее Аксеново II и курганных могильников Малая Бича и Иванов Мыс. Орнаментация посуды памятников по мотивам узоров и их композиционному построению вызывает вполне определенные ассоциации как с богочановской, так и с сузунской керамикой. Характерные для последней ряды вертикальных оттисков штампа на шейке, горизонтальные линии в сочетании с ямками, «скоба», «елочка», «сетка», разнообразные многорядные композиции в измененном виде представлены на средневековых усть-ишимских сосудах (рис. 3).

Еще одну линию преемственности комплексов эпохи раннего железа и средневековья специалисты усматривают при сопоставлении керамики саргатской и бакальской культур. Хотя время их существования разделено промежутком в несколько столетий, исследователи считают их генетически связанными, аргументируя свою точку зрения сходством в орнаментальных мотивах (Могильников, 1987. С. 183). Следует, впрочем, заметить, что характерная для бакальс-

кой посуды «резная» орнаментация в виде «елочки» и «сетки» находит аналогии не только в саргатских, но и в богочановских комплексах. Примечательно, что в формировании и тех, и других принимал участие сузгунский компонент, что в дальнейшем могло способствовать контактам богочановского и саргатского населения, которые практически повсеместно фиксируются на памятниках южнотаежного Прииртышья (Данченко, 1996. С. 102-104).

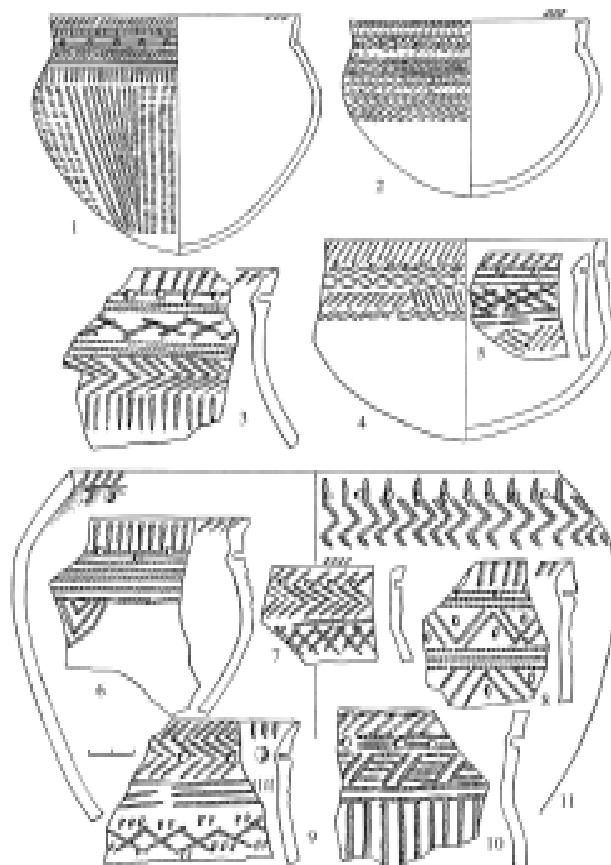

Рис. 3. Керамика усть-ишимской культуры южнотаежного Прииртышья. 1 - курганный могильник Малая Бича; 2, 4 — курганный могильник Иванов Мыс 1; 3,5-11 - городище Верхнее Аксеново П.

Правомерен вопрос: если отмеченное сходство не является случайным, можно ли его связывать с сузгунским наследием? Могло ли оно повлиять на сложение столь непохожих комплексов, каковыми являются бакальские и усть-ишимские? Подобная постановка вопроса лишь на первый взгляд может показаться лишенной логики, поскольку ранее, при переходе к эпохе железа, сузгунский компонент уже становился основой формирования двух различных археологических культур Прииртышья: южнотаежной богочановской и лесостепной саргатской. Очевидно, генезис археологических культур в принципе нельзя рассматривать лишь как механическое смешение имевшихся в наличии компонентов. Свою роль, безусловно, играли направления связей, возможно, существование субкультур, представители которых могли по-разному сохранять собственное культурное наследие и воспринимать внешние влияния. Следует также учитывать роль процессов реинтерпретации, в

результате которых могли возрождаться и наделяться новым содержанием традиции минувших эпох: именно это определяет синкретизм многих традиционных культур, изучаемых этнографами. В этом смысле, говоря о наследии сузгунской культуры, нельзя забывать, что сама она являлась лишь одним из вариантов развития более древних традиций гребенчато-ямочной общности, существовавшей, по крайней мере, с эпохи неолита. При этом нельзя забывать, что традиционность культурного развития может диалектически сочетаться с разнообразием внешних форм, используемых для выражения устоявшихся стереотипов.

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
- Генинг В.Ф., Еёдокимов В.В. Логиноевское городище (VI-VII вв. н. э.) // ВАУ. Вып. 8. Свердловск, 1969.
- Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. Вып. 8. Свердловск, 1969.
- Данченко Е.М. К изучению карымских памятников Среднего Прииртышья // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.
- Данченко Е.М. Поселение Кип-III // Исторический ежегодник. Омск, 2000.
- Данченко Е.М. Южнотаёжное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. Омск, 1996.
- Данченко Е.М., Колесникова И.М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник. Вып. 4. Омск, 2000.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: Автограф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1964.
- Косарев М.Ф., Потемкина Т.М. Городище Чудская Гора в свете этнических интерпретаций андронойидных культур Западной Сибири // Урало-Алтаистика. Новосибирск, 1985.
- Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово-І (препринт). Тюмень, 1993.
- Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974.
- Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Могильников В.А. К этническому составу Омского Прииртышья в раннем железном веке // Археология Западной Сибири (история, краеведение и музееведение Западной Сибири). Омск, 1988.
- Могильников В.А. Ургы и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-ургы и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // СА. 1991. № 3.
- Мошинская В.И. Сузгун-II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58. М., 1957.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В. К характеристике переходного периода от бронзы к железу и начало железного века лесостепного Прииртышья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.
- Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Труфанов А.Я. Жертовное место Хутор-Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

Труфанов А.Я. Закрытые комплексы городища Ямсыса-VII // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековые. Омск, 1987.

Труфанов А.Я. Саргатская орнаментика в аспекте генезиса культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991.

Danchenko E. Die Besiedlungsabfolge des Gorodisca Krasnojarka und seine Kulturellen Kontakte // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 6. Mainz, 2000.

**Л.С.МАРСАДОЛОВ, В.А.ИКОННИКОВ,
Н.В.ДМИТРИЕВА**

**Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия;**

**Усть-Каменогорск, Республика Казахстан;
Московский городской дворец детского и
юношеского творчества, Москва, Россия**

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АК-БАУРЕ НА ЗАПАДНОМ АЛТАЕ

Астроархеологические исследования на культовых объектах – новое направление в изучении древних памятников, которое начало развиваться в России только с 1980-х годов. В основном эти работы пока ведут учёные из крупных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Челябинска, Барнаула, Якутска и др. (Археоастрономия..., 1996; Астрономия..., 2002; Ларичев, 1992; Марсадолов, 1989; 1998; 1999; 2000; 2001а; 2001б; 2002; 2005. Потёмкина, 1996; 2001; 2004; 2006).

Тамила Михайловна Потёмкина одна из первых начала астроархеологические работы в России и очень много сделала для разработки методологии таких исследований (Потёмкина Т.М., Юрьевич В.А., 1998), организации первых научных конференций и выпуска первых сборников статей по этой проблематике в нашей стране (Археоастрономия..., 1996; Астрономия..., 2002). Но это тема для отдельной большой научной работы.

Западный Алтай расположен на стыке не только нескольких важных географических регионов, но и современных государств: Казахстана, России, Монголии и Китая. Через его территорию проходила одна из трасс «Великого степного пути Евразии» (Марсадолов, 1984; 2001б. С. 44–47). Относительная географическая изолированность этого региона, широкие межплеменные связи его местного и пришлого населения способствовали формированию своеобразной кочевой культуры. II–I тыс. до н.э. – особый и яркий исторический период в политической, экономической и культурной жизни древних кочевых народов Западного Алтая, оставивший множество материальных объектов и оказавший влияние на все последующие эпохи. Письменные источники лишь в малой степени освещают этот период в истории Центральной Азии. Греческие авторы сообщают полулегендарные сведения о «стерегущих золото грифах» и «аримаспах», его отнимающих, иранские – о «саках», а китайские ис-

точники – о живущих где-то далеко на севере «динлинах». На долгие столетия, в силу разных обстоятельств, культура древних кочевников Западного Алтая «выпала» из мирового культурного наследия. Хотя археологические памятники этого региона изучаются несколькими поколениями учёных из разных областей науки почти 300 лет, исследования святилищ, петроглифов и других археологических объектов с использованием данных астроархеологии ведутся лишь в последние два десятилетия.

Сложный многоаспектный уникальный комплекс объектов Ак-Баур находится в 38 км от города Усть-Каменогорска, за поселком Ленинка, среди отрогов Калбинских гор (Республика Казахстан). Немногочисленные упоминания и сведения о нем относятся к концу XIX – началу XX века, а с 1960-х годов началось его планомерное системное изучение, появились интересные подходы к семантике наскальных изображений и попытки общего осмысливания памятника. Одним из первых обширные исследования в окрестностях посёлка Ленинка и в гроте Ак-Баур произвёл З.С. Самашев. Он открыл огромное число наскальных рисунков различных исторических периодов, сделал их описание и дал научную интерпретацию (Самашев, 1992; 2006).

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Л.С. Марсадолова, начиная с 1997 года, основное внимание уделяла новому копированию рисунков в гроте Ак-Баур, поиску новых изображений и детальному промеру расстояний между ними. После систематизации рисунков, анализа связей с окружающим ландшафтом было высказано мнение, что здесь находился стационарный пункт для астрономических наблюдений (Марсадолов, 1999; 2000; 2002. С. 228–234; Марсадолов, Самашев, 2000).

Исследователи и краеведы из города Усть-Каменогорска: Е.В. Курдаков, В.А. Иконников, Н.И. Левченко, С.С. Царегородцева и другие – обнаружили и провели фотографическую съемку многих объектов в Ак-Бауре, высказали интересные гипотезы об их назначении. Они пришли к выводу, что астроархеологический комплекс Ак-Баур, занимавший довольно большую территорию, был в древности предназначен для проведения различных обрядов и ритуалов (Курдаков, 2002. С. 32–34; Царегородцева, 2005. С. 5; 2006. С. 44–45).

В 2006 году на Ак-Бауре побывали московские школьники – учащиеся отдела астрономии и космонавтики Городского дворца детского творчества (научный руководитель – Н.В.Дмитриева). Основным предметом исследования экспедиции были астрономические аспекты святилища. Особое внимание юные исследователи уделяли не только гроту, но и другим, малоизученным объектам Ак-Баура. Используя консультации с Л.В.Десиновым и Л.С.Марсадоловым, в Ак-Бауре был осуществлен первый этап наземных исследований по программе «Эксперимент в Космосе». По договорённости с космонавтами уже получены первые удалённые космические снимки окрестностей Ак-Баура. В дальнейшем исследования по этой программе будут продолжены (Дмитриева, 2006. С.

10–11).

Многочисленные факты позволяют не только поставить, но и более подробно рассмотреть вопросы о наличии у кочевых племён Евразии своеобразных культовых центров и святилищ, служащих для различных ритуальных целей, в том числе и для довольно сложных обрядов поклонения небесным объектам, в том числе Солнцу и Луне.

Необходимость астрономических наблюдений у кочевых народов Евразии вытекала из сакральности времени: время священно. Небесные светила, в первую очередь Солнце и Луна, а также созвездия были составной частью культа Неба. Отсюда рождалась потребность познания и согласования своей жизни с их основными ритмами.

Знание точного времени наступления начала года или сезона было необходимо для проведения того или иного праздника – его подготовки и достижения лучших результатов. Требовалась согласованность ежегодного и многолетнего хозяйственных циклов с основными моментами восхода и захода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния, а также с основными фазами высокой и низкой Луны. Во время ежегодных перекочёвок и походов на далёкие расстояния, особенно по бескрайним степям и пустыням, где нет других надежных ориентиров, в древности люди сверяли свой путь с Полярной звездой или со звездой, находившейся в те времена на её месте, а также с основными созвездиями ночного неба (Большой Медведицей, Орионом и др.).

Показать рядовым кочевникам наиболее важные созвездия и обучить их основам астрономических знаний древние служители культа (жрецы?) могли при подготовке и проведении ритуальных действий на святилищах.

Древние святилища Западного Алтая – своеобразные типы культовых памятников кочевых племён, сакральное назначение которых пока остаётся мало доступным для современных исследователей, несмотря на то, что к настоящему времени в этом регионе изучен ряд культовых археологических объектов (Марсадолов, 2005. С. 34–42; Самашев, 2006).

Ак-Баур – сложный комплекс разновременных объектов. Если ранее исследователи уделяли основное внимание замечательному гроту Ак-Баур и его наскальным росписям, выполненным красной краской (Самашев, 1992; Марсадолов, 2000, 2002; Марсадолов, Самашев, 2000; Царегородцева, 2005), то в последнее время они всё чаще изучают и другие многочисленные объекты в его окрестностях.

Одним из таких интересных объектов является скальный выход с искусственными лунками и петроглифами, относящимися ко II–I тыс. до н.э. (рис. 1, 1). Этот объект находится в 0,9 км к северу от грота с рисунками. Скальный выход (далее скала) сложен из нескольких слоёв гранитных плит различной толщины и выступает над поверхностью земли на 3,5 м. Длина объекта около 15 м, а ширина колеблется от 3 до 8 м в разных местах. Верхняя плита скалы образует «козырек-навес», направленный на юго-запад и нависающий над плоскостью одной из нижних плит на рас-

стоянии 1,4 м, а средние и нижние плиты образуют различные выступы и ступени (рис. 1, 2).

С юго-западной стороны скалы на плитах «козырька» выбиты два наскальных рисунка. Петроглифы изображают козлов с длинными рогами, закинутыми за спину. От земли к этому месту скалы ведут каменные «ступени». На выступах средних плит и у подножия скалы имеется много небольших лунок, диаметром 3–5 см, искусственного происхождения. Так, например, с южной стороны скалы под коzyрьком размещены треугольником три лунки диаметром 5 см (рис. 2, 3). Правее через 1 м еще три лунки диаметром 4 см, расположенные в линию, через 12 см друг от друга. Эти лунки находятся на светлых, лишенных «скального загара» плоскостях и хорошо заметны. Остальные лунки плохо различимы на тёмных и шероховатых от эрозии поверхностях, открытых солнцу и осадкам. С восточной стороны на плоскости выступа нижней плиты можно различить не менее девяти лунок диаметром по 3 см, собранных в группы, образующие углы и треугольники, а немного в стороне – еще три лунки, составляющие фигуру, близкую к равностороннему треугольнику (рис. 2, 4). На краю выступов средних плит (с восточной стороны и с юго-западной стороны на против коzyрька) есть еще по одной лунке диаметром 5 см. На вершине скалы также имеется три лунки диаметром 4 см, расположенные вдоль линии восток–запад. В середине скалы есть сквозная расщелина–отверстие, образованная слоистыми плитами, имеющая форму неправильного четырехугольника, с размером большей стороны 40 см. Отверстие направлено с запада на восток.

У подножия скалы с западной стороны с наклоном около 45 градусов, стоит продолговатый камень–стела длиной 1,8 м и шириной до 90 см (рис. 1, 2). На плоскости камня, обращенной на юго-запад, выбиты сверху вниз пять лунок диаметром 8–10 см и одна лунка диаметром 5 см (рис. 1, 3). Плоскость камня с лунками обращена на юго-запад. Рядом с этой стелой с шестью лунками находится «камень–стрелка 1», длиной 190 см, шириной 30 см с узкого северного конца и 60 см с широкого южного. По форме он близок к «камню–стреле 2», находящемуся в 135 м к югу от центра визирной площадки, где находился еще один из астрономических наблюдательных пунктов. На обеих «стрелках» выбито по три лунки. Особенность этих «стрелок» в том, что они направлены на вершину находящегося к северу Белого холма.

Ниже авторы дают своё объяснение этим изученным объектам и произведённым на них наблюдениям.

В.А. Иконников. Учитывая, что древним астрономам необходимо было определять дни весеннего и осеннего равноденствий, летнего и зимнего солнцестояний, можно предположить, что эта скала служила указателем для определения положения солнца в эти астрономически важные дни. Конечно, это можно было делать, отмечая точки восхода и захода солнца на горизонте, т.е. пользуясь пригоризонтным методом наблюдения, если бы не погодные условия, когда из-за облачности часто упускаются моменты восхода и захода солнца. В этом случае могли быть использованы менее точные отметки в виде тени или луча на

поверхности скалы в моменты освещения её в течение дня в просветы между облаками, как чаще всего и бывает. Наблюдения в течение ряда дней до и после дней равноденствий и солнцестояний, даже в случае неблагоприятных погодных условий, позволяли путём сопоставления вычислить с необходимой точностью эти важные дни.

Проведённые в 2003–2006 гг. наблюдения у этой скалы в течение дня во время летнего солнцестояния, а также во время весеннего и осеннего равноденствий подтвердили эти предположения.

Так, в день летнего солнцестояния, примерно через полчаса после восхода солнца (точное время не фиксировалось) световой клин, образованный тенями выступов скалы, коснулся верхней из трёх лунок на средней плите. В другие дни он прошёл бы выше лунки. Около 11:00 световой зайчик, отражённый от поверхности воды, налитой в лунку на краю выступа средней плиты, попадает прямо в небольшое по диаметру (около 40 мм), но довольно глубокое естественное углубление под козырьком верхней плиты скалы (рис. 2, 1). В другие дни зайчик прошёл бы ниже углубления. Примерно в полдень характерный световой выступ, образованный тенью от козырька скалы, вошёл в среднюю из трёх лунок на средней плите скалы. В другие дни он прошёл бы выше лунки.

Еще один интересный эффект можно наблюдать в дни летнего солнцестояния, в 17:30 по местному времени: узкий луч, проходя через отверстие в скале, падает на нижнюю плиту и образует весьма примечательное показание этого «прибора». Луч света на своем пути проходит через остриё выступа (возможно, специально подработанного) и образует на нижней плите световое пятно округлой формы с четким темным треугольником в нижней части (рис. 2, 2). Расстояние от вершины треугольника до верхней границы светового пятна в этот день будет наименьшим – около 4 см. Если взять во внимание (а наука об этом свидетельствует), что в те времена солнце шло примерно на 1 градус выше, то данное расстояние на этом «приборе», возможно, было равно нулю, и острие треугольника касалось «свода».

В другие дни это расстояние быстро увеличивается и довольно скоро луч проходит выше острия, т.е. эффект «солнечной галочки» не наблюдается. Нужно отметить, что продолжительность этого эффекта длится всего несколько минут и обнаружен он был благодаря счастливому случаю, после чего и было решено провести наблюдения в дни солнцестояний и равноденствий в течение всего светового дня.

Н.В. Дмитриева. Только в день летнего солнцестояния можно через узкую центральную расщелину наблюдать в виде самого узкого луча восход солнца (рис. 3, 1), а в день зимнего солнцестояния – закат солнца (рис. 3, 2).

Если смотреть в «окно-расщелину» с обратной стороны, с востока на запад, то по его центру видна Сорокина гора. Причем одна из стенок плиты, образующей расщелину, параллельна северному склону Сорокиной горы. Возможно, что вдоль этого склона Солнце или Луна «катится» к закату в определенный день года. Для подтверждения этого предположения

требуются дополнительные наблюдения и расчеты.

В.А. Иконников. Наблюдения в дни весеннего и осеннего равноденствий дали два примечательных момента:

1) Примерно в полдень в дни равноденствий при чудливая тень от выступов скалы падает на продолговатую плиту с крупными лунками, стоящую наклонно с западной стороны скалы. Извилистая тень постепенно проходит, как представляется, каким-то особым образом через все шесть лунок (рис. 1, 3). Так же около полудня в день зимнего солнцестояния тень соединяет эти лунки, но ее силуэт резко отличается от осенне-весеннего. Есть предположение, что эта плита с крупными лунками в основном предназначена для наблюдения за Луной. Во время полнолуния Луна светит очень ярко, и тень, падающая от выступов плит на крупные лунки, а также динамика её перемещения хорошо видны (наблюдение в одну из лунных ночей это хорошо подтвердило). Вероятно, особенно легко проследить за перемещениями тени зимой, когда лунки, припорошенные снегом, буквально светятся в темноте. Очевидна связь лунок с проходящей по ним извилистой тенью от полуенного солнца и от полночной луны в полнолуния. Можно предположить, что по этой плите определялись крайние положения высокой и низкой луны в дни равноденствий и дни зимнего солнцестояния. Эти моменты могли служить началом исчисления какого-либо временного цикла. Движение Луны намного сложнее движения Солнца, а интерес древних к Луне был очень большим – как к светилу, ответственному за зарождение, расцвет, угасание и смерть всего живого на Земле.

2) Примерно около 15:00 в дни равноденствий солнечный зайчик, отраженный от поверхности воды, налитой в лунку на южном краю средней плиты попадает в теневую часть под козырёк верхней плиты следующим образом: зайчик делится пополам – половина его падает на выступ, другая половина в ямку. В предыдущие дни зайчик падает полностью в ямку, а в последующие дни на выступ.

Закат солнца в день зимнего солнцестояния при наблюдении от скального выхода происходит в правый край выемки, образованной на далеком горизонте горными вершинами. В те времена закат солнца происходил левее, и вполне возможно, что точка захода солнца находилась точно в выемке между двумя вершинами. И, конечно же, самый красочный эффект – это наблюдение момента захода солнца через отверстие в скале. Только в период зимнего солнцестояния можно наблюдать закат солнца через отверстие в скале в виде самого узкого луча (рис. 3, 2). Если бы солнце садилось еще левее, то луча вообще не было бы – это есть крайнее зимнее положение солнца в своем годовом движении.

Итак, в ходе неоднократных наблюдений было установлено, что скальный выход с лунками использовался древними астрономами как некий «прибор» для определения точек весенне-осеннего равноденствия, а также летнего и зимнего солнцестояния.

Л.С. Марсадолов. С каждым годом увеличивается число работ, посвященных изучению световых эффектов, образующих резкие значимые контрасты

света и тени. В 2005 году в Италии была проведена научная конференция по этой проблематике, где обсуждались вопросы об использовании эффектов «света и тени» в сакральной жизни древних людей. В 1980–90-х годах такие исследования были проведены в уроцище Семисарт на Центральном Алтае, у поселка Ело (Республика Алтай, Россия). Летние наблюдения за движением тени со временем восхода солнца и до его захода, а также проведенные астрономические расчеты позволили объяснить хаотичное, на первый взгляд, расположение разных объектов (Марсадолов, 2001а).

Каждый ясный день в Ак-Бауре можно наблюдать закат солнца как необыкновенно впечатляющее зрелище, волнующее современного человека не менее, чем древнего. В день осеннего равноденствия 2006 года во время заката солнца был отмечен необычный эффект, наблюдаемый с восточной стороны от скального выступа с лунками: солнце закатилось в своеобразную «пасть», образованную козырьком и нижней площадкой объекта (рис. 3, 3).

Весьма близким по форме и семантике к этому «скальному выходу с лунками» из Ак-Баура является «зооморфный скальный объект», изученный Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1993 и 1996 годах на горе Очаровательной, в 5 км к северо-востоку от знаменитого поселка Колывань на Западном Алтае (Кургинский район Алтайского края, Россия – Марсадолов, 1998). Так же, как и в Ак-Бауре, скальные останцы около Колывани сложены из слоистых пород сероватого гранита. Если смотреть на некотором удалении с восточной стороны на верхнюю половину самого массивного и высокого скального выхода на вершине горы Очаровательной, то северный конец скалы напоминает голову рыбы, зверя или птицы с раскрытым пастью или клювом и даже выделенным «глазом»-выступом. Еще более это сходство усиливается, если заглянуть в «пасть» с верхней площадки в северной части скалы. «Пасть зверя», высотой более 5 м, широко раскрыта, с гладкими внутренними стенками. Возможно, один из окатанных валунов был специально поднят древними людьми на верхнюю площадку, «внутрь пасти», и служил своеобразным «алтарём-языком зверя». В передней части нижней плоскости «пасти» находится выбитая округлая неглубокая ямка-лунка искусственного происхождения. Вероятно, эта скала в виде головы зверя, птицы или рыбы являлась культовым центром святилища.

К северо-востоку от этого зооморфного объекта находится скальный выход с ямой № 2 – стационарный пункт для астрономических наблюдений, из которого удобно наблюдать точки восхода и захода солнца в дни равноденствия и солнцестояния. Самая нижняя точка захода зимнего солнца находилась на «крупе рыбы-зверя», как бы выползающего из озера. После зимнего солнцестояния (22–23 декабря) траектории захода солнца постепенно смещались к северу, всё выше по тулову зверя. В день весеннего равноденствия (22 марта) солнце проходило через «пасть зверя». «Рыба или зверь глотало солнце» и после этого постепенно наступала темнота. В тёплые весенние и

летние дни солнце заходило за соседнюю гору всё севернее и севернее. После летнего солнцестояния (22 июня) начиналось обратное движение к югу. В день осеннего равноденствия (22 сентября) солнце вновь заходило в «пасти зверя». В последующие осенние и зимние дни становилось всё холоднее (падала температура воздуха), солнце спускалось всё ниже и ниже по тулову «зверя» – до края (22 декабря). Затем всё повторялось, как и в предшествующий год.

В полдень 24 сентября 2006 года с помощью цифрового фотоаппарата с фиксатором времени более точно были отмечены изгибы тени, падающие на стоящий камень-стелу в Ак-Бауре (рис. 1, 3). Пока сложно однозначно ответить на вопросы, специально ли была приставлена эта стела к западной стенке скального выступа и когда на ней были выбиты лунки? Возможно, что первоначально эта стела была единственным целым с рядом находящимся «камнем-стрелкой 1». Разломившаяся на две части длинная стела была использована как в пространственном, так и во временном значениях. Одна половина «камня-стрелки 1» указывала на вершину Белого холма, а вторая половина позволяла точнее определить время равноденствий.

В день осеннего равноденствия эта стела утром и в первой половине дня полностью находилась в тени. Ближе к полудню тень постепенно начала отступать. В полдень тень прошла через центральную линию из лунок, а затем образовала причудливые контуры, напоминающие зооморфные, а иногда и антропоморфные фигуры (рис. 1, 3, 4). Не исключено, что одна из небольших боковых лунок была выбита специально, чтобы подчеркнуть зооморфность изображения, образованного тенью. Лунка, находящаяся на центральной прямой линии, оказалась в «пасти зверя» (рис. 1, 4). На затемненном участке проявился профильный контур головы зверя, где даже наметился своеобразный «глаз» и «рот-пасть». Чем выше поднималось солнце над этим скальным останцем и над горой Коржимбай, тем быстрее «зверь выпускал из своей пасти» круглую лунку, символизирующую Солнце. Через 35–40 минут после полудня Солнце полностью освещало всю стелу. Во время заката Солнца весь скальный выступ вновь превращался в «огромного ночного зверя», который «глотал Солнце» (рис. 3, 3). Затем довольно быстро наступала темнота. Утром снова восходило Солнце и после полудня окончательно побеждало ночную тьму и её дневное отражение – тень, спрятавшуюся за скальный выступ. Начиналось торжество Света над Тьмой. Затем наступал переломный момент, заход Солнца и далее – победа Тьмы. И так повторялось из года в год...

Можно предположить, что какие-то ритуалы, проходившие на святилищах в Ак-Бауре и на горе Очаровательной, могли дополнительно или главным образом быть связаны с движением Солнца и Луны, игравших большую роль в жизни древних людей. Вероятно, это был определенный этап в развитии религиозных и научных представлений об окружающем мире, связанный как с мифологическими, так и с ранними естественно-научными наблюдениями (когда древние люди еще не могли достаточно реально

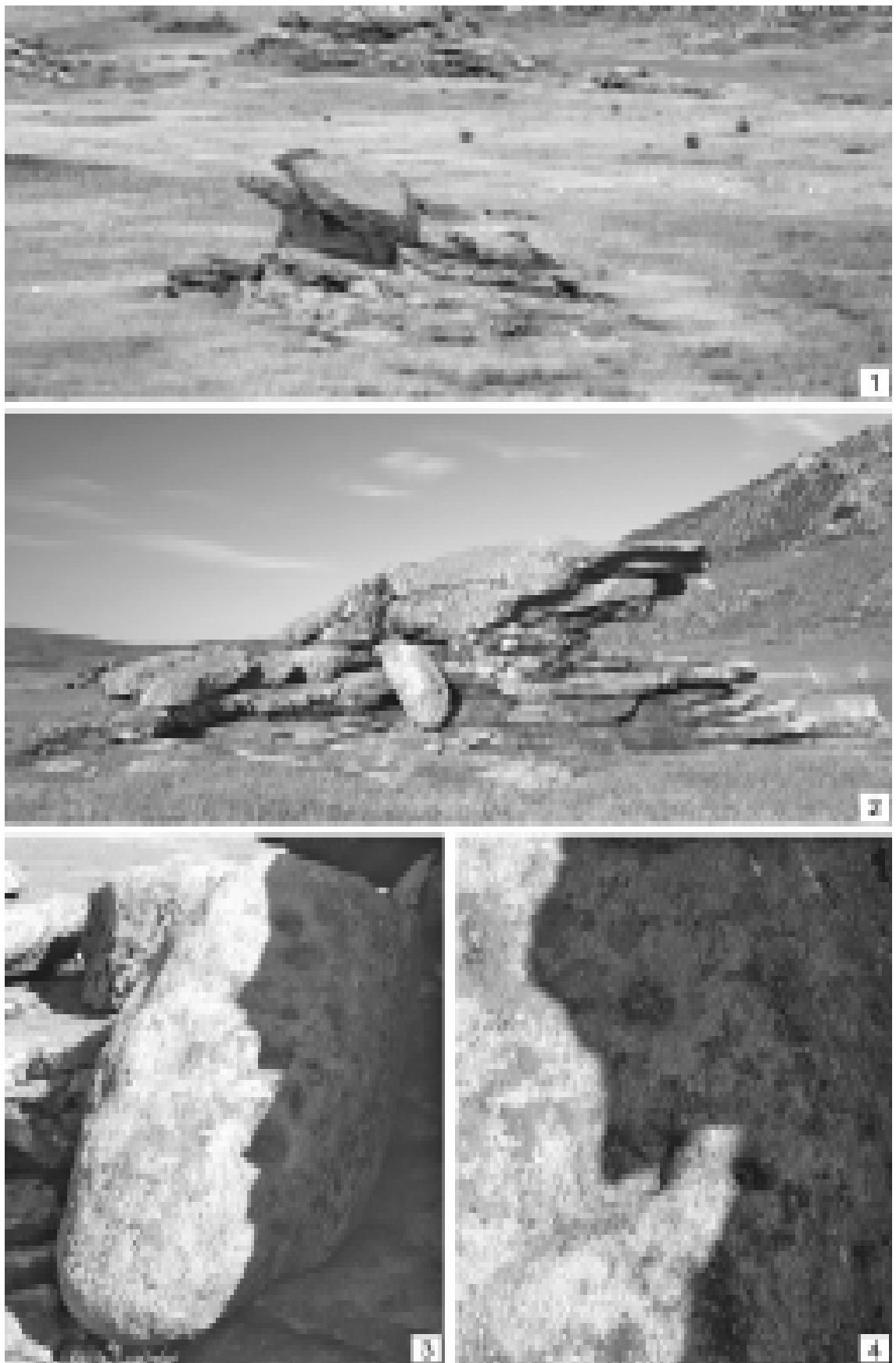

Рис. 1. Ак-Баур. Скальный выход с лунками.

1 – общий вид объекта с Белого холма; 2 – вид с западной стороны; 3 – контур тени от выступов скалы относительно лунок стелы около полудня в день осеннего равноденствия; 4 – вид тени около лунок в центральной части камня-стелы.

Рис. 2. Ак-Баур. Скальный выход с лунками. Световые эффекты и лунки искусственного происхождения.
1 – отражение солнечного луча от лунки с восточной стороны объекта в день летнего солнцестояния; 2 – эффект «солнечной галочки» в день летнего солнцестояния; 3 – три лунки на южной стороне останца; 4 – скопление лунок на восточной стороне объекта (вид лунок зимой).

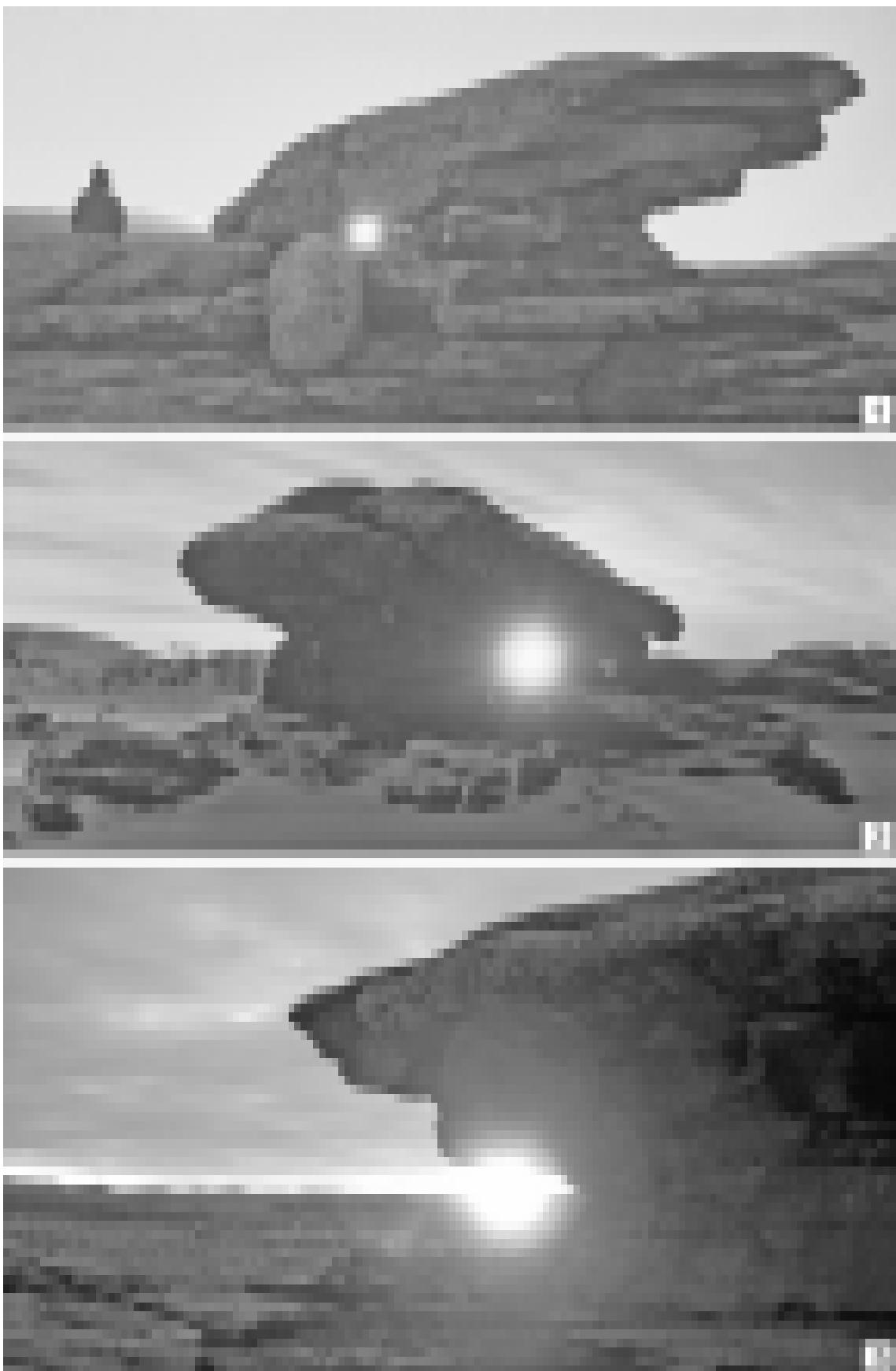

Рис. 3. Ак-Баур. Скальный выход с лунками.

1 – общий вид объекта с юго-западной стороны, на восходе солнца в день летнего солнцестояния; 2 – общий вид объекта с северо-восточной стороны, на закате солнца в день зимнего солнцестояния; 3 – закат солнца в день осеннего равноденствия.

объяснить, куда исчезает солнце после захода, с чем связаны солнечные затмения и т.п.). В устной, письменной и изобразительной традициях многих народов Евразии, начиная с эпохи бронзы и до современности, был широко распространен образ глотающего солнце зверя, рыбы или мифологического животного, вплоть до современных сказок, где «крокодил солнце проглотил» (Марсадолов, 1998).

Многие народы воспринимали сложные диахронные связи между явлениями окружающей их действительности как священные. В древней «картине мира» борьба дня и ночи, света и тени, холода и тепла, добра и зла – две взаимосвязанные стороны одного сакрального процесса.

Н.В.Дмитриева. При взгляде с Белого холма скальный выступ с лунками напоминает «мифическое животное с головой орла и лапами льва» (рис. 1, 1). С любой другой точки это впечатление пропадает. В день осеннего равноденствия было похоже, что «зверь проглатывает солнце». Вероятно, полная Луна также может завершать свой путь в этой «пасти» в определённые дни года, но это можно установить только в ходе регулярных наблюдений во время восходов и заходов Луны.

В.А.Иконников. Во время зимнего солнцестояния 2006 года солнце зашло за горный склон на горизонте перед «пастью зверя», однако такой яркий эффект, как в день осеннего равноденствия, не наблюдался.

Подводя итоги, можно отметить, что скальный выход с лунками, как и грот с рисунками, скорее всего, были отдельными взаимосвязанными объектами на обширном древнем святилище в Ак-Бауре. Предположения исследователей о том, что росписи грота являются мифо-эпическим отражением представлений древних жителей (Самашев, 1992; 2006), частичной «картой-схемой звездного неба» (Марсадолов, 2000; 2002) или передают «путь спасения человечества» (Курдаков, 2002), а также многоаспекность интерпретаций скального выхода с лунками лишь подтверждают уникальность Ак-Баура – одного из самых ярких и загадочных памятников культуры прошлого на территории Западного Алтая.

Список литературы

- Археоастрономия: проблемы становления. Тезисы докл. международ. конф. (15–18 октября 1996 г.). М., 1996.
- Астрономия древних обществ. Материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM). Москва, 23–27 мая 2000 года. М., 2002.
- Дмитриева Н.В. Тайны Ак-Баура // Ка-Дар. Астрономический вестник. № 3. М., 2006.
- Курдаков Е.В. Загадки и тайны Ак-Баура // Братина. Вып. 1. М., 2002.
- Ларичев В.Е. «Белая лошадь» – святилище древнекаменного века Хакасии. Новосибирск, 1992.
- Марсадолов Л.С. О территориальных границах единого художественного стиля в I тысячелетии до н.э. // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов. Кемерово, 1984.
- Марсадолов Л.С. К вопросу о семантике кургана Аржан // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы всесоюз. археол. конф. Часть 2. Кемерово, 1989.
- Марсадолов Л.С. Исследования на Западном Алтае (около посёлка Колывань). Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 2. СПб., 1998.
- Марсадолов Л.С. Исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1998 г. // Отчётная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1998 год. Тезисы докладов. СПб., 1999.
- Марсадолов Л.С. Астрономический аспект грота Ак-Баур на Западном Алтае // Jenam 2000. Associated Symposium. Astronomy of Ancient Civilizations. М., 2000.
- Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб., 2001а.
- Марсадолов Л.С. Образ оленя на заре скифской истории // Золотые олени Евразии. СПб., 2001б.
- Марсадолов Л.С. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М., 2002.
- Марсадолов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2005.
- Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственно-го Эрмитажа. Вып. 3. СПб., 2000.
- Потёмкина Т.М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тыс. до н.э. // Археоастрономия: проблемы становления. Тезисы докл. международ. конф. М., 1996.
- Потёмкина Т.М. Энеолитические кругоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
- Потёмкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Потёмкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Чернецова В.Н. М., 2006.
- Потёмкина Т.М., Юрьевич В.А. Из опыта археоастрономических исследований археологических памятников (методический аспект). М., 1998.
- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртыша. Алма-Ата, 1992.
- Самашев З.С. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2006.
- Царегородцева С.С. Ак-Баур // Мир искусства, № 4 (7). Усть-Каменогорск, 2005.
- Царегородцева С.С. Ак-Баур – обсерватория каменного века // Деловой Усть-Каменогорск, № 5. Усть-Каменогорск, 2006.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

С.Н.ШИЛОВ

Курганский государственный университет,
Курган, Россия

МОГИЛЬНИК «СИБИРСКАЯ ЯМА» I - НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ VII – VI вв. до н.э.

В ходе исследований, проведенных разведочным отрядом археологической экспедиции КГУ в Звериноголовском районе Курганской области в 1998 году, был открыт могильник раннего железного века «Сибирская яма» I. Основанием для проведения археологических изысканий послужили сообщения местных жителей о находке разрушенных погребений и обнаружении бронзовых предметов в окрестностях с. Озёрное.

Могильник «Сибирская яма» I располагается в 2,5 км к юго-востоку от с. Озёрное на левом берегу р. Тобол. С севера памятник огибает р. Сибирка. Здесь же находится очень глубокий омут, известный у местных жителей как «Сибирская яма». Поверхность памятника была сильно потревожена в результате распашек 60–70-х гг. XX в. В середине 70-х гг. плугом был выворочен небольшой бронзовый шлем, который забрал себе местный агроном Селютин. Однако с его смертью в середине 80-х гг. древняя находка была утеряна. В 1997 г. после паводка местными жителями были обнаружены остатки погребения: человеческие кости и погребальный инвентарь, переданные археологам КГУ.

В ходе обследования памятника обнаружены следы еще четырех древних захоронений, которые фиксировались прямо на поверхности, обнаженной ветровой эрозией и пасущимся скотом. Всего на поверхности зафиксировано 11 обнажений – выдувов, которые тянутся преимущественно по южному берегу р. Сибирки. Размеры обнажений колеблются от 10x16 м до 70x20 м.

Таким образом, на памятнике «Сибирская яма» I обнаружено 5 захоронений (включая разрушенную паводком 1997 г. могилу), из которых только погребения 4 и 5 сохранили контуры неглубоких могильных ям.

В погребении 1 (обнаруженному местными жите-

лями) был захоронен ребёнок. Первоначальное положение костяка в могиле установить не удалось. Инвентарь из могилы состоял из бронзовой заклёпки грибовидной формы со штырьком (шляпкой) на обратной стороне (рис. 4, 3); узкой удлиненно-прямоугольной поясной обоймы, украшенной с лицевой стороны десятью поперечными углублёнными полосами (рис. 4, 4); наконечника стрелы со сводчатой головкой, пирамидальным остриём, переходящим в три лопасти, и выступающей втулкой (рис. 4, 5). Весь материал уверенно датируется в пределах VIII – VI вв. до н.э.

Погребение 2 парное. На развеянной поверхности найдены два сильно разрушенных детских черепа, лежавших всего лишь в 70 см один от другого и теменной частью направленные на северо-северо-запад. Найдены отсутствуют.

Погребения 3, 4, 5 приурочены к самому южному выдуву, расположенному на возвышенности между излучиной р. Тобол и поворотом р. Сибирка.

Погребение 3 представляло собой круглое пятно (30x30 см.) со скоплением молочных зубов ребёнка и находившимся в непосредственной близости развалом небольшого сосуда. Прямо в пятне находилось раздавленное пряслице. Сосуд (рис. 3, 1) имел округлое дно, слегка намечающуюся короткую шейку с отогнутым округлым венчиком. Прямые, лишь в верхней части сходящиеся, стенки сосуда сближают его по профилю с баночными. Сосуд орнаментирован лишь по венчику небольшими косыми насечками. Пряслице (рис. 3, 2) керамическое, изготовлено из стенки импортного сосуда, скорее всего, среднезиатского происхождения.

Погребение 4 (рис. 1) фиксировалось по тёмно-серому прямоугольному пятну могильной ямы размером 195x47-50 см и глубиной 8 см, ориентированной по линии юго-запад - северо-восток. Вокруг пятна были разбросаны мелкие, раздробленные копытами мелкого рогатого скота человеческие кости. Непотревоженными остались лишь трубчатые кости нижних конечностей. В северо-восточной части погребения располагался обломок правой половины нижней челюсти. Умерший, взрослый человек, лежал в вытянутом положении на спине, головой в направлении северо-востока.

Неразрушенная часть данного погребения находок не содержит, но среди обломков костей скелета,

разбросанных вокруг могилы, были подобраны бронзовые предметы: пластинчатый однолезвийный нож со слегка намеченной рукоятью (рис. 4, 1); массивная круглая бляшка - обойма с четырьмя овальными отверстиями по торцевой части (рис. 4, 2); черешковый наконечник стрелы с массивной сводчатой трёхлопастной головкой (рис. 4, 5). Радиус разброса этого инвентаря вокруг могилы составлял не более 2,5 метров, и нам кажется справедливым соотнесение его с разрушенным погребением.

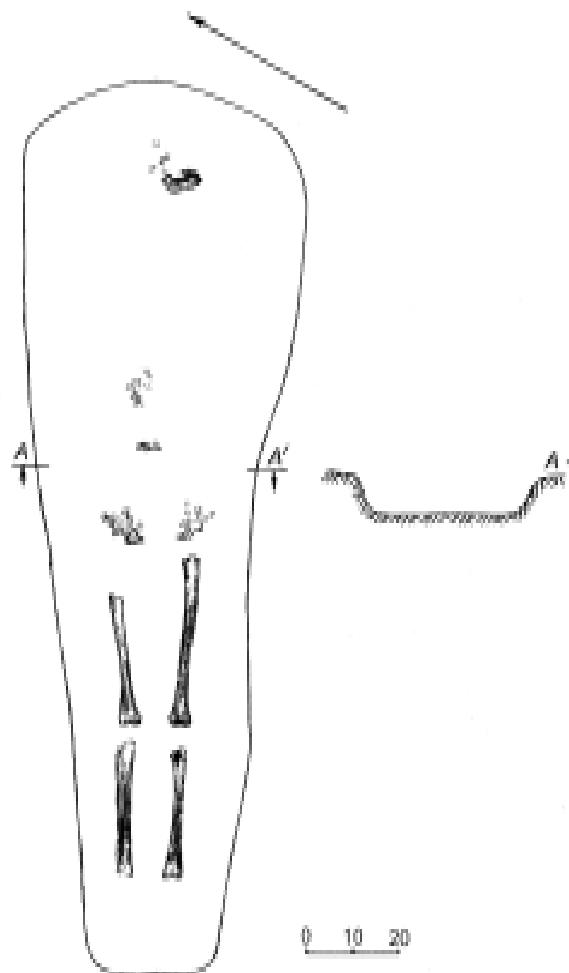

Рис. 1. Могильник «Сибирская яма» I. План погребения 4.

Погребение 5 (рис. 2) являлось наименее потревоженным. Размеры могилы - 220x75 см, глубина – 18 см. Стени прямые, дно ровное.

В могильной яме лежал скелет мужчины зрелого возраста. Он покоялся вытянуто на спине, головой на юго-запад. Костяк лежал чуть наискось, правая рука согнута в локте и несколько откинута в сторону, образуя тупой угол. Левая рука не зафиксирована. Череп, обращенный лицевой частью на северо-запад, обращает на себя внимание своей приплюснутой и вытянутой формой. С большой долей уверенности можно говорить о наличии в данном случае кольцевой деформации головы погребённого. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Об отклонении от обычного положения рук погребённых в памятниках урало-западно-сибирских степных и лесостепных культур эпохи раннего железа пи-

шет Н.С. Савельев. Им отмечается, «что «откинутость» в сторону согнутой в локте левой (реже правой) руки больше становится во время становления прохоровской культуры. В несколько более раннее время небольшое число такого типа отклонений встречалось в сакских древностях Северного Казахстана» (Савельев, 1998. С. 61).

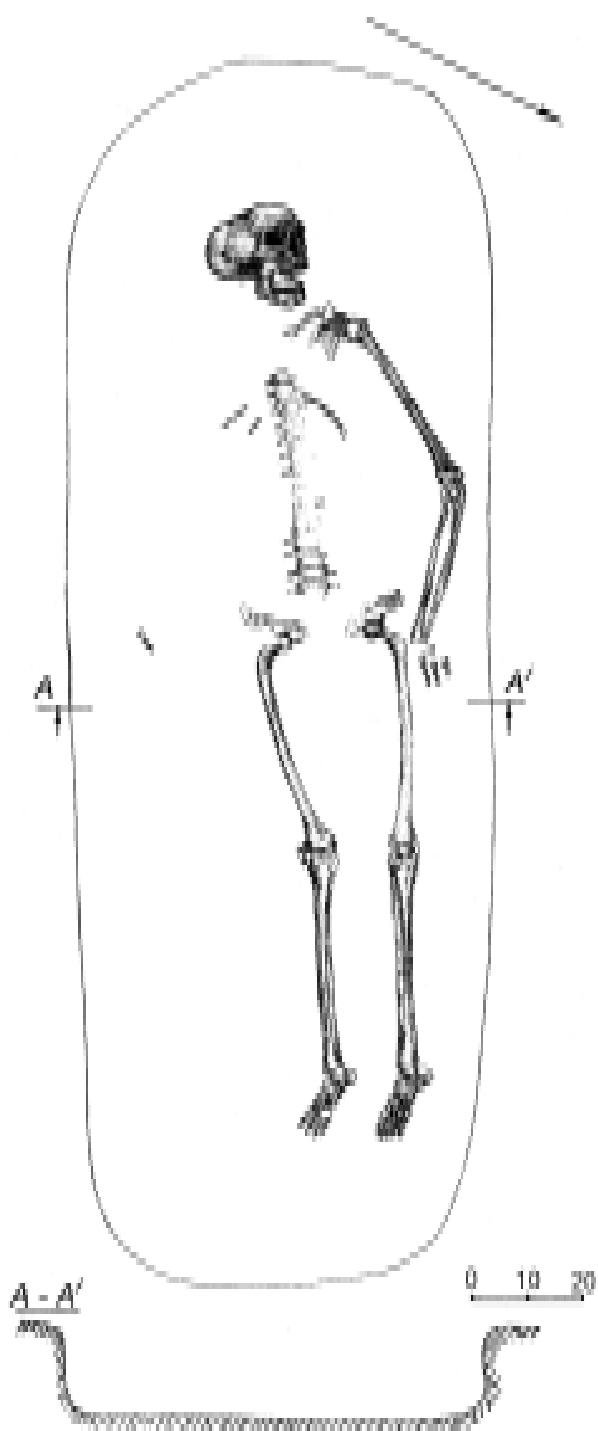

Рис. 2. Могильник «Сибирская яма» I. План погребения 5.

В лесостепном Зауралье погребение с положением умершего, у которого откинута рука (в данном случае, правая), известно в Воробьёвском I могильнике (курган 5, погребение 1). Там был захоронен мужчина, лежащий на спине. Погребение датируется по находке железного акинака VI - V вв. до н.э. и отно-

сится к гороховской культуре, испытавшей сильное степное влияние (Стоянов, Фролов, 1962. С. 55, 61, 62, 66. Рис. 26, 1; 30, 1).

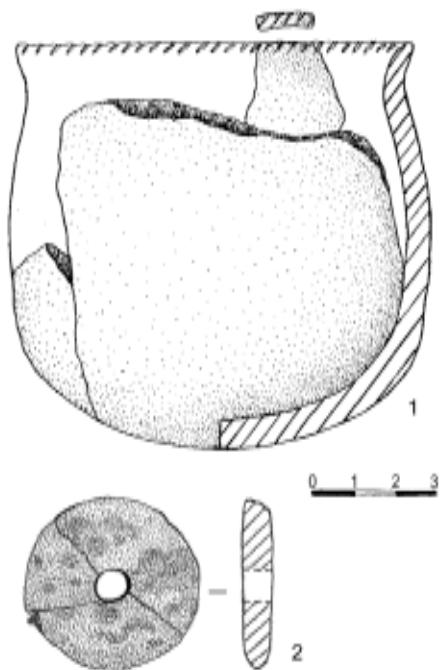

Рис. 3. Могильник «Сибирская яма» I.
Инвентарь погребения 3. 1 – керамический сосуд;
2 – керамическое прядлище.

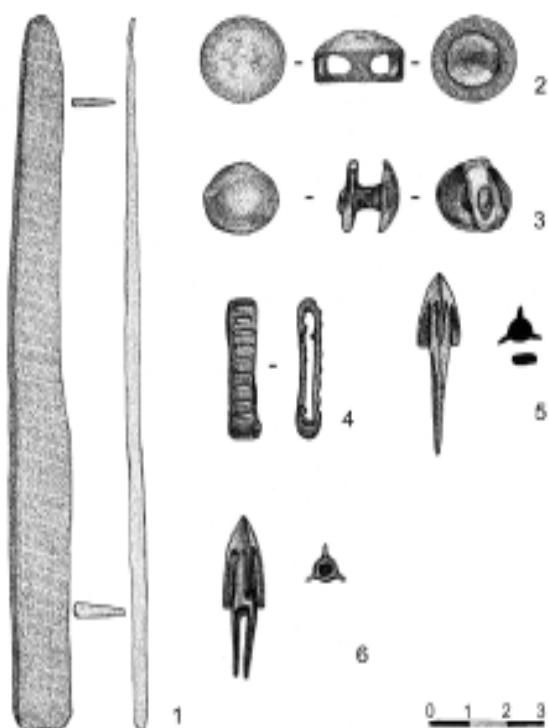

Рис. 4. Могильник «Сибирская яма» I. Изделия из бронзы.
1, 2, 5 – погребение 4; 3, 4, 6 – погребение 1.

Всего на могильнике «Сибирская яма» I в пяти погребениях были найдены останки шести человек: двух взрослых и четырех детей. Вероятно, все они были захоронены по обряду трупоположения, но лишь

в двух случаях (погребения 4 и 5) удается точно зафиксировать позу умерших - вытянуто на спине. Три захоронения совершены в простых грунтовых ямах (погребения 1, 4, 5), где отсутствуют следы какого-либо перекрытия. У погребения 2 наличие могильной ямы не наблюдается. В отношении детского погребения 3 с сосудом можно предположить, что оно находилось на уровне древней поверхности. Сильная разрушенность памятника не позволяет высказать какие-либо соображения относительно надмогильных сооружений.

Ориентировка захоронений разнообразна - юго-запад, северо-восток, северо-северо-восток. Интересным фактом в данной случае является диаметрально противоположная ориентировка расположенных всего в 6 метрах друг от друга погребений 4 и 5.

Для определения культурной принадлежности и хронологии обнаруженных захоронений, которые, как нам кажется, относятся к одной эпохе, следует обратиться к немногочисленному, но достаточно выразительному инвентарю могильника. Помимо развали глиняного сосуда и керамического прядлища, инвентарь представлен бронзовыми изделиями (6 экз.) очень хорошей сохранности: однолезвийным пластинчатым ножом; двумя наконечниками стрел - черешковым трёхлопастным и сводчатым трёхлопастным с выступающей втулкой; полусферической заклёткой, массивной круглой бляшкой-обоймой с четырьмя овальными отверстиями и прямоугольной поясной обоймой.

Бронзовый пластинчатый однолезвийный нож (рис. 4, 1) имеет хорошую сохранность. Общая длина - 18,3 см, длина лезвия - 13,2 см. Бронзовые ножи широко встречаются в памятниках начала раннего железного века. Существует в течение всей эпохи раннего железного века на востоке: в Сибири, Туве, на Алтае, в Средней Азии и Казахстане, бронзовые ножи редки у савроматов. Ножи подобной формы встречены и на территории Волго-Уралья. По классификации С.В. Кузьминых, они относятся к категории Н-14 («Нож бронзовый однолезвийный черенковый с прямой спинкой») и датируются концом VIII - VI вв. до н.э. (Кузьминых, 1983, С. 149-150. Табл. LVII 8-10.).

Бронзовый черешковый наконечник стрелы с широкой массивной сводчатой трёхлопастной головкой (рис. 4, 5). На гранях имеется M-образная выемка. Черешок в виде насада - лопаточки, круглый в верхней части и подпрямоугольной внизу. Известно, что трёхлопастные бронзовые черешковые наконечники стрел находят широкие аналоги в памятниках раннескифского времени восточных районов Евразии, являясь одним из ведущих типов у кочевников Приаралья и Центрального Казахстана, широко распространены в Сибири, Восточном Казахстане, на Алтае, в Монголии (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989). В Средней Азии и Казахстане трёхлопастные черешковые наконечники, появившиеся в VIII - VII вв. до н.э., получают широкое распространение в VI в. до н.э. и заменяются втульчатыми наконечниками скифского типа в конце VI в. до н.э. (Медведская, 1972. С. 76-89). В конце VI - V вв. до н.э. единичные черешковые наконечники появляются у савроматов. По мнению Медведской И.Н., черешковые наконечники стрел в V в. до н.э., как пра-

вило, уже не встречаются. VI в. до н.э. - время существования наконечников черешковых и втульчатых скифского типа. С VI в. до н.э. господствующим типом становятся втульчатые наконечники, а трёхлопастные черешковые наконечники представлены иска жёнными, редкими формами (Вишневская, 1973). Наиболее приемлемая дата для данного наконечника - VI в. до н.э.

Бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы с короткой округлой выступающей втулкой-насадом (рис. 4, 6), которая продолжена двумя полосами бронзы. Наконечник с массивной сводчатой головкой, пирамидальным остриём, переходящим в три лопасти. Точных аналогов данной находке пока не найдено. Наиболее близким по типу является бронзовый наконечник, обнаруженный при исследованиях Бобровского грунтового могильника. Там был найден бронзовый, трёхлопастной, со сводчатой боевой головкой, втульчатый наконечник стрелы, у которого втулка на 3,5 см выступает над углом пера и имеет два продольных выреза по бокам. Втулка напоминает раздвоенный насад. Датируется Бобровский могильник в рамках VIII - VI вв. до н.э. (Шамшин, Фролов, Медников, 1991, С. 86. Рис. 10, I). Исследователи Бобровского могильника для своего наконечника не находят точных аналогий, упоминая лишь относительно похожую находку из могильника Усть-Хадынныг, относящуюся VIII - VII вв. до н.э.

Датировать этот наконечник следует в рамках VII - VI вв. до н.э. Столь интересная форма наконечника, которая почти не известна среди других видов наконечников стрел раннего железного века, может объясняться тем, что такой тип занимает промежуточное положение между втульчатыми и черешковыми наконечниками стрел.

Бронзовая полусферическая заклёпка грибовидной формы со штырьком (шляпкой) на обратной стороне (рис. 4, 3). Подобная заклёпка является, по всей вероятности, элементом конской сбруи. Данная находка не уникальна и имеет аналоги и в сакских памятниках в районе Сырдарьи и Восточного Казахстана. Встречаются бронзовые заклёпки грибовидной формы с VIII в. до н.э., но наибольшее распространение получают в VII в. до н.э. (Вишневская, 1973. Табл. 12, 18; Арсланова, 1974. С. 79, 80).

Массивная бронзовая круглая бляшка-обойма (рис. 4, 2) с четырьмя овальными отверстиями по торцевой части, служившая, видимо, для соединения уздечных ремней конской сбруи. Подобные бляшки-обоймочки достаточно широко известны в материалах конского снаряжения сарматов и ранних сармат (например, могильник Старый Кумак в Южном Приуралье) (Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время, 1989. С. 165-166. Табл. 67-31). Встречаются и в анальинской культуре (Старший Шиповский могильник) (Пшеничнюк, 1982. С. 98-100. Рис. 4, 7) Не редки они в курганных могильниках раннескифской эпохи Горного Алтая (Машенька I, Элекмонтар II, Кызыл-Телань I) (Кирюшин, Тиштин, 1997. Рис. 40, 6; 51, 1). Впрочем, эти бляшки-обоймы могли использоваться не только для перекрестья ремней конской сбруи, но и как украшения. Как полагают Кирюшин

Ю.Ф. и Тиштин А.А., вместо них имелись и другие способы соединения и фиксации ремней сбруи (узлы, бляхи, сшивания и т.п.).

Датируются подобные бляшки-обоймочки в пределах VII - V вв. до н.э.

Узкая поясная обойма вытянуто-прямоугольной формы, украшенная с лицевой стороны десятью перечными углублениями, полосами, слегка заложенными от долгого функционирования данного изделия (рис. 4, 4). Подобные поясные обоймы встречаются в памятниках тасмолинской культуры Центрального Казахстана (курган у д. Вавилонка, могильник Нурманбет IV, курганы 1, 3) и датируется VII - VI вв. до н.э. (Вишневская, 1992. С. 136. Табл. 53, 14-15).

Итак, материалы данного памятника можно уверенно датировать концом VII - VI вв. до н.э. Отметим, что самые ближайшие аналоги происходят из памятников азиатской части скифо-сибирского мира.

Культурная принадлежность погребений на могильнике «Сибирская яма» I следует отнести к ранним кочевникам Южного Зауралья VII - VI вв. до н.э. (бобровский этап), которые входили в тасмолинскую историко-этнографическую общность, являвшуюся составной частью гигантского сакского мира. (Таиров, 1991.; Таиров, 1987. С. 25-37).

Материалы ранних кочевников VII - VI вв. до н.э. чрезвычайно редки в нашем регионе. А.Д. Таировым отмечено лишь чуть более двух десятков погребальных и поминальных памятников, где имеются раннекочевнические древности. Таким образом, могильник «Сибирская яма» I представляет несомненный интерес для исследователей сако-сарматской эпохи - специалистов по ранним кочевникам Южного Урала.

Список литературы

- Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII - VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
Вишневская О.А. Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII - V вв. до н.э. М., 1973.
Вишневская О.А. Центральный Казахстан // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
Кирюшин Ю.Ф., Тиштин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Ср. Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3.
Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник анальинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.
Савельев Н.С. Население Месягутовской лесостепи в V - III вв. до н.э. Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа, 1998.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Стоянов В.Е., Фролов В.Н. Курганные могильники у д. Воробьёво // ВАУ. Вып.4. Свердловск, 1962.
Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII - II вв. до н.э. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1991.
Таиров А.Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
Шамшин А.Б., Фролов В.Я., Медников Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племён Алтая. Новосибирск, 1991.

Н.П. МАТВЕЕВА
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Программа была поддержана грантами РФФИ № 01-06-80094, №03-06-88037, ФЦП «Интеграция» Э-0264/1053, а также администрацией Тюменской области.

Адаптация древних людей к природной и социальной среде – исключительно важный и сложный вопрос, сама постановка и поиск решения которого применительно к культурам Западной Сибири стали возможны лишь в последние годы при опоре на кооперацию усилий междисциплинарных коллективов ученых, на сочетание методов разных наук, в том числе естественных. Проект по изучению условий жизни населения саргатской культуры был реализован большим коллективом исследователей в 2001-2005 гг. и выполнялся по нескольким направлениям.

Реконструкция ландшафтного и фаунистического окружения древних коллективов, климата. На полигоне археолого-палеогеографических исследований «Ингальская долина» в лесостепном Зауралье на материалах семи памятников и двух природных разрезов установлено, что изменения природных условий в раннем железном веке были сложными и контрастными, происходили существенные перестройки ландшафта. В растительном покрове территории чередовались березовые колки и разнотравно-злаковые луговые степи (Матвеева, Рябогина, 2003).

Частые и кратковременные колебания температурного режима и увлажнения, происходившие в данную эпоху, незначительно изменяли состав растительных сообществ, и лесостепной облик ландшафта, но уже с березово-сосновыми лесами, сохранился до настоящего времени (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003). Отмечаются неоднократные волны переселенцев, отчетливо связанные с гумидными или аридными периодами, трансформацией ландшафтов и миграциями с сопредельных территорий с избыточным населением. Полагаем, что в период формирования саргатской культуры сложились природные условия, подобные северу степной зоны Казахстана, что стимулировало оттуда приток кочевников. В частности, по палинологическим данным Щетково-2, Коловского городища и Коловского-2 селища, в Зауралье в интервале 2800-2500 л.н. выделяется фаза сухого, но умеренно теплого климата с тенденцией к похолоданию (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с.140). Затем в VI-III вв. до н.э. наступил период влажного и прохладного климата, позднее, в III-II вв. до н.э., происходили новое потепление и смягчение, новое увлажнение и похолодание, в начале н.э. - снова потепление и большая сухость (Рябогина, Матвеева, Орлова, 2001; Матвеева, Орлова, Чикунова, 2002).

Палеозоологические исследования коллекций из

археологических раскопок поселений и городищ дали сведения об устойчивом наборе видов фауны, а также объектах мясной, пушной и спортивной охоты, соответствующих природной обстановке лесостепной зоны с эпизодическим пребыванием в ней степных видов, таких как верблюд, сайга, корсак (Косинцев, 1986; 1989; Смирнов, 1975). Можно утверждать, что особенности хозяйствования каждой общины были обусловлены состоянием ландшафта и климата на том или ином хронологическом отрезке и претерпевали некоторые изменения, отражая некоторую вариабельность в балансе отраслей и занятий в саргатской общности в целом.

Изучение палеоэкономики саргатской культуры с экологической точки зрения показало, что древнее население содержало значительное количество скота и гибко меняло состав стада по видам в зависимости от конкретных природных условий данной местности, сохраняя основную специализацию на мясном коневодстве и мясо-молочном животноводстве (Чикунова, Поклонцев, 2003; Чикунова, 2004). Разные общины дополнительно делали различные акценты в промышленности и ремеслах. Кроме того, детальный послойный анализ зоологических материалов по скоплениям из Рафайловского и Коловского городищ, Коловского-3 и Коловского-4 селищ показал наличие мусорных куч в жилищах и вокруг них из сотен костей, но оставшихся от 1-2 особей. Эти наблюдения позволяют утверждать, что население употребляло достаточно много мяса в пищу, но проживало в домах недолговременно. Серьезная антропогенная нагрузка в окрестностях поселений временами приводила к истощению пастбищ и оставлению поселков.

В раннем железном веке сформировалась устойчивая система расселения единообразных по численности общин, эксплуатировавших в течение многих веков одну территорию экстенсивным способом со сменой нагрузок на отдельные ресурсные зоны. В отличие от представителей предшествующих археологических культур, население саргатской культуры активно эксплуатировало площади третьей и четвертой надпойменных террас для отгонного скотоводства, причем устанавливается и довольно плотное сезонное использование пойменных земель. В связи с увлажнением климата и сменой социальных ориентиров наnomadный стиль жизни ослабла или была утрачена просуществовавшая в течение нескольких веков в позднебронзовый период местная земледельческая традиция (Матвеев, Матвеева, Корона, 1998; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003. С. 152).

Специальное изучение вопроса о длительности обитания на поселениях на основе анализа микростратиграфии и презентативных серий радиокарбонных датировок привело нас к выводу о достаточно подвижном образе жизни населения саргатской культуры, сочетавшемся с длительным функционированием военных и политических центров, периодически оставлявшихся и возобновлявшихся на наиболее благоприятных в военно-стратегическом отношении участках местности.

Особенностью социально-экономической структуры носителей саргатской культуры следует признать

иерархичную систему с центрами первого и второго порядка, с линейным расположением ядер расселения вдоль важнейших водных артерий, что было обусловлено совокупным влиянием хозяйственных, военных и торговых факторов (Матвеева, 2000; 2001; Матвеева, Чикунова, Берлина, Поклонцев, Цембалюк, 2004).

Выявлено значительное давление человека на природу в черте поселений и их ближайшей периферии, выразившееся в смене растительности от перевыпаса, вырубки леса на строительство и топливо, кустарника для расчистки подходов к воде, распространении синантропных видов на местах хозяйственной деятельности (Матвеева, Волков, Рябогина, 2003). Интересные данные получены при детальном анализе тафонокомплексов поселений, который позволил выявить, что имелись определенные правила разделки мясной добычи – по суставам, без разрубания костей, что, вероятно, связано с идеями культа плодородия животных. По данным Рафайлловского городища, некоторые части туш домашних животных не утилизировались полностью, культурная традиция позволяла черепа, задние и передние конечности скота выбрасывать не переработанными, и, что интересно, они археологизировались не погрызенными даже собаками. На наш взгляд, это характерный показатель достатка и обилия мясной пищи для культуры в целом (Матвеева, Чикунова, Орлова, Поклонцев, 2004).

Изучение домостроительства как формы адаптации к холодным условиям показало, что сочетание больших полуземляночных домов-усадеб и легких наземных обеспечивало нужды проживания и хозяйствования на зимниках и летниках. С применением методов теплофизики, инженерного проектирования, расчета сопротивления материалов установлено, что конструкция домов и способы их утепления учитывали особенности климата и растительных ресурсов. Древние строители наиболее простыми способами достигали значительных размеров строений, прочности, удовлетворительной теплоизоляции.

Палеэкологическая оценка домостроительства дала возможность утверждать, что из-за большой площади и недостаточной толщины стен в зимний период, несмотря на постоянный обогрев открытыми очагами, температура в жилищах была непостоянной в пространственном и временном отношениях, резко падая в ночное время (Берлина, 2002; Чикунова, Берлина, 2003). Судя по данным эксперимента с отоплением бревенчатого жилища каркасной конструкции со свето-дымовым отверстием в соломенной кровле, проведенного польскими учеными, она могла колебаться от 25 до 8-13 градусов (Anuz, Stahova, Stepan, Ther, Tichy, 2000). Планировка жилищ оставляла возможность воздействия сквозняков и повышенной влажности на обитателей, особенно в связи с содержанием молодняка домашнего скота в хозяйственных помещениях, сочлененных с жилыми. Это позволяет говорить о наличии в бытовой жизни саргатцев такого фактора физиологического стресса как переохлаждение, видимо, особенно существенного для стариков и детей.

Изучение некоторых аспектов физиологической адаптации населения было предпринято по доволь-

но представительной выборке - материалам костной ткани 98 индивидов из 16 могильников саргатской культуры. Производилось определение содержания в костях макроэлементов и десяти металлов, индикаторов состояния здоровья и структуры рациона питания, таких как железо, марганец, кальций, свинец, медь, кадмий, магний, цинк, никель, стронций, по методике, апробированной на материалах Восточной Европы и Средней Азии М.Б. Козловской (1993). По большинству показателей величины содержания микроэлементов в образцах выборки сильно различались, иногда в 10 и даже 100 раз.

Для всех людей оказалось характерным пониженное содержание кальция в костных тканях, что может быть связано с геохимическими особенностями территории, а также систематическим недоеданием. На совокупное действие именно двух факторов указывают низкие величины кальция в выборках по 12 из 16 изученных могильников, а также то, что эти особенности свойственны представителям всех возрастных групп населения, в одинаковой мере мужчинам и женщинам. Низкие содержания марганца, почти на уровне патологии костных тканей, характерны также для всех проб. Большинству индивидов оказалась присущей и медная недостаточность.

При сравнении данных макроэлементного состава костной ткани людей в группах, объединенных по половому признаку, выявлены высокие показатели фосфора у мужчин, что может быть связано с существенной долей сыра, творога, мяса и конопли в их рационе. Любопытно, что в среднем цинка больше у женщин, чем у мужчин, вероятно, из-за значительной доли рыбы в пище первых. Разительны различия между мужчинами и женщинами по меди, свинцу, кадмию, стронцию. Отношение стронция к кальцию, являющееся показателем употребления растительной пищи, во много раз выше у женщин, чем у мужчин и детей (Матвеева, Ларина, Колиух, 2002).

Исключительно низкие доли кальция и железа, указывающие на неправильный обмен веществ и недорожье, позволяют предполагать неблагополучное состояние у 25% населения. Анализ образцов костной ткани показал, что у отдельных индивидов были патологические состояния, вызванные остеопорозом, болезнями с длительной неподвижностью, стронциевым ракитом, недостаточной калорийностью и однобразием пищи. Есть единичные образцы костной ткани, анализ которых показал почти полное отсутствие цинка и свинца, что может служить, на наш взгляд, доказательством исключения животных белков из рациона питания людей.

В целом можно считать, что различия в минеральном статусе костной ткани обусловлены как физиологически, так и рационом питания людей. Установлено существенное влияние на здоровье геохимических особенностей ландшафта (Матвеева, Ларина, Захарова, Вилль, 2003). В частности, велик был общий дефицит кальция, меди, железа и марганца, характерный для лесных и пойменных почв, солончаков и боровых песков Западной Сибири, что через пищевые цепи сказывалось на обмене веществ в организмах людей. Экологический фактор наряду с факторами

социального стресса и недоедания являлся одной из причин авитаминозов, анемий, заболеваний опорно-двигательного аппарата.

Видимо, и периодическое недоедание было постоянной стороной жизни общин. Это установлено и по другим источникам, в частности, эмалевой гипоплазии (Ражев, 2002). Основной причиной различий минерального статуса следует считать социальную регламентацию количества продуктов и состава блюд по полу, возрасту, а также важны были традиции распределения еды в семье и общине. Можно говорить о преобладании растительной пищи в рационе большинства женщин (кроме элиты), мясной и рыбной – у мужчин, второстепенном характере обеспечения едой детей. В целом полученные результаты коррелируют с преимущественно скотоводческой направленностью хозяйства и патриархальными традициями в культуре саргатского населения, выявленными на основе археологических и антропологических исследований.

Прямые, а не опосредованные данные о рационе питания предоставляют нагары на сосудах. Химический анализ был проведен по 45 пробам из материалов с Коловского и Рафайловского городищ. Он сопровождался экспериментальными работами для сравнения остатков пищи с основными современными продуктами питания. (Стронций, никель, цинк, медь, кадмий, свинец определены атомно-абсорбционным, марганец, железо и фосфор - фотометрическим, кальций и магний - титриметрическим методами). Аналитические данные свидетельствуют о наличии существенной разницы в химическом составе изученных нагаров на сосудах, что позволяет считать их отражающими весомые отличия в составе блюд. Но полученные нами в эксперименте цифровые данные отличаются совершенно иными пропорциями, чем литературные, по микроэлементному составу современной пищи, вследствие, вероятно, геохимических особенностей районов производства продуктов. Они также трудно сопоставимы с анализами древних остатков, так как при пригорании пищи произошла значительная концентрация минеральных веществ и разложение органики. Пригар мог образоваться за несколько раз приготовления еды при пользовании непромытой посудой, что также вызвало концентрацию минеральных компонентов. Однако из сравнения данных все же можно заключить, что в древности не использовались культурные злаки, были в составе пищи говядина, рыба, мясо кабана и дикорастущие злаки и травы. Было выяснено, что в образцах пищи на керамике имеет место существенная разница средних показателей микроэлементов, свидетельствующая о различной рецептуре и степени насыщенности питательными компонентами блюд.

Наиболее насыщенные фосфором образцы отличаются повышенными дозами кадмия, что наводит на мысль о возможности приготовления рыбы и моллюсков с маслом, молоком, сметаной и дикими злаками. Ряд образцов свидетельствует о варке в горшках мяса, вероятно, печени и костей с целью получения насыщенного мясного бульона. Четверть об-

разцов характеризуются высокими дозами стронция, указывая на еду из растительных продуктов. Прослеживая соотношение показателей цинка и стронция, видим, что в 9 сосудах приготавлялся какой-то суп на мясном бульоне и густая похлебка. Ряд блюд в качестве основных компонентов имели дикорастущие злаки, речную рыбу и моллюсков либо насекомых (Матвеева, Ларина, Гулueva, Колиух, Чикунова, Вилль, 2002).

Как показали палинологические исследования на этих городищах, флора была представлена в основном травянистыми растениями, жимолостью, произрастанием рудеральных видов, в том числе крапивы, лебеды. В наше время здесь произрастает множество кустарников со съедобными плодами: черемуха, калина, малина, смородина, шиповник, крушина, боярышник. К ним можно добавить травянистые растения, судя по палинологическим спектрам, расселявшиеся здесь и в прошлом: земляника, полевые луки, щавель, эстрагон, анис, тмин, бобовые, в частности, дикая вика, просвирник, овсяног, дикая гречиха, сарана, хмель, цикорий, душица, зверобой и др. Надо полагать, что в древности не только все они, но и значительно более широкий круг дикорастущих видов использовались в пищу.

Таким образом, благодаря химическому анализу нагаров с саргатской посуды, с достаточной долей уверенности можно говорить о существенных отличиях пищевых традиций и продуктов населения раннего железного века от современных блюд населения Западной Сибири. Анализ остатков пищи древних обитателей городищ явился еще одним косвенным доказательством отсутствия развитого земледелия у саргатских племен. Несомненно, что древние насељники готовили насыщенные мясные похлебки на костном бульоне, густые похлебки и жидкие супы с пряными травами и злаками, каши на мясном бульоне, сваренные из дикорастущих съедобных видов злаковых, сложноцветных, мальвовых. Также употребляли блюда на рыбном бульоне, заправки из рыбной муки. Предполагается широкое использование древними поселенцами насекомых, рептилий, речных моллюсков, птичьих яиц. Проведенные ранее анализы костей домашних животных из могильников и поселений саргатской культуры показали, что кости принадлежали вареному мясу, и, таким образом, тоже указывают на употребление в основном вареной пищи. По среднему объему горшков (около пяти литров) можно судить, что это были одноразовые порции еды, рассчитанные на обитателей одного домохозяйства. Кухня древних людей, базирующаяся на максимально полном использовании всех ресурсов окружающей среды, также может рассматриваться как один из способов эффективной адаптации.

Результаты работы позволили выдвинуть ряд гипотез объяснения причин существенного различия в питании людей: 1) недостаток продуктов питания и систематическое недоедание большинства населения из-за неустойчивости и неразвитости главных отраслей жизнеобеспечения: скотоводства и земледелия, - из-за технической отсталости материальной

культуры в части полноты утилизации и консервирования продуктов; 2) неблагоприятная социальная среда, изъятие необходимого продукта у рядового населения путем скрытых форм эксплуатации, а также в ходе военных конфликтов; 3) большие объемы иррационального расходования продуктов в культово-церемониальной сфере; 4) традиционная регламентация видов и количества пищи по полу, возрасту и социальному статусу. Первая гипотеза подтвердилась частично. Вторую гипотезу мы отклонили, так как элитарное население в меньшей мере, но также страдало дефицитом микроэлементов. При анализе подтвердились третья и четвертая гипотезы, так как установлена зависимость минерального состава ткани от пола и возраста, обусловленная как физиологическими особенностями организмов, так и различием в рационе питания различных групп, а также большие затраты на обряды, судя по данным элитарных могильников.

Некоторые проблемы социальной адаптации.

Уровень милитаризации общества как фактор социального стресса для населения раннего железного века Западной Сибири по данным изучения фортификаций можно считать довольно высоким. Многократные перестройки оборонительных линий на городищах, не всегда заметные в рельефе памятника, но вскрываемые раскопками, связаны именно с превентивными мерами в отношении постоянной военной опасности. Исследования, основанные на сериях радиокарбонных датировок, показали постепенное от стадии к стадии увеличение размеров валов и рвов, в целом приведшее к возрастанию в три раза размеров заграждений, превратившихся в более серьезные препятствия при штурме. Земляные ограды обязательно дополнялись высокими стенами по верху таким образом, что могли достигать в общей сложности 6-7 м. К концу существования саргатской культуры появляется прием эшелонированной обороны.

Городища не были местами постоянного проживания всего населения и строились для защиты какой-то части от эпизодических набегов, чтобы снять фактор внезапности; они не могли выдержать осаду в течение сколько-нибудь длительного периода. Полагаем, что крепости строились и реконструировались более в превентивных целях, нежели для реально необходимой систематической обороны. Саргатские племена были в течение многих веков хозяевами лесостепной зоны Западной Сибири и страдали скорее от внутренних конфликтов за лидерство и награбленные в войнах с соседями материальные ценности. Единообразные интервалы между городками позволяли контролировать определенную экономическую зону, а также участок водного пути по берегам наиболее крупных рек, главных транспортных артерий прошлого, что указывает на определенный уровень централизации военно-политической деятельности и существование постоянной напряженности.

В ходе исследования выявилось сочетание неблагоприятных факторов природной и социальной среды, которое не было преодолено разными формами культурной и физиологической адаптации в полной

мере. В результате стали более ясными причины повышенной смертности и низкой продолжительности жизни саргатского населения Западной Сибири (Матвеева, Ларина, Берлина, Чикунова, 2005).

Таким образом, в эпоху раннего железа существенным становится влияние на системы жизнеобеспечения политических и социальных процессов на сопредельных территориях, на ближней периферии древних цивилизаций. Это повлекло за собой возникновение новых вариантов социокультурной адаптации: межобщинное и межплеменное разделение труда, усиление обмена, возникновение торговли, создание военно-иерархических систем общественного устройства, ограничение доступа к материальным благам и пище по социальному статусу и рангу и т.д. Но и влияние природной среды, в частности геохимии почвы и воды, разнообразия растительности не стоит преуменьшать.

Использованные источники являются в настоящее время одними из наиболее репрезентативных в отечественных палеоэкологических исследованиях и исключительно ценные для дальнейших сравнительных изысканий в данном направлении.

Список литературы

- Берлина С.В. О некоторых условиях обитания в жилищах саргатской культуры // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002.
- Козловская М.В. К вопросу о своеобразии минерального статуса костной ткани носителей джетысарской культуры // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. 2. Джетысарская культура. Ч.1. Склепы. М., 1993.
- Косинцев П.А. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
- Косинцев П.А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.Н. Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Притоболья (предварительное сообщение) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Вып.3. Тюмень, 1998.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000.
- Матвеева Н.П. Расселение саргатских племен в Прииртышие // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып.2. Тюмень, 2001.
- Матвеева Н.П. Пространственный анализ памятников саргатской культуры западносибирской лесостепи // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Древности Ингальской долины. Вып.1.Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск, 2003.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Колиух О.А. О рационе питания людей саргатской культуры западносибирской лесостепи // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной конференции к 100-летию М.П. Грязнова. Т.2. СПб., 2002.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Гулуева М.Х., Колиух О.А., Чикунова И.Ю., Вилль К.В. Изучение рациона питания населения раннего железного века Западной Сибири по нагарам на посуде // Вестник Тюменского госуниверситета. Вып.2. Тюмень, 2002.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Захарова Л.Е., Вилль К.В. Новые данные об особенностях питания саргатского

населения западносибирской лесостепи. Доклады Второй Всеросс. конф. «Экология древних и средневековых обществ». Тюмень, 2003.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., И.Ю.Чикунова. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск, 2005.

Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Чикунова И.Ю. Хронология саргатского комплекса Коловского городища // Хронология и стратиграфия опорных памятников голоцене Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы научной конференции. Тюмень, 2002.

Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е. Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2003. № 4.

Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Орлова Л.А., Поклонцев А.С. Новые исследования Рафайловского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.5. Тюмень, 2004.

Матвеева Н.П., Чикунова И. Ю., Берлина С. В., Поклонцев А. С., Цембалюк С. И. Комплексное изучение Коловского городища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии Ученого совета Института проблем освоения Севера СО РАН 2003 г. Вып. 5. Тюмень, 2004.

Ражев Д.И. Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкции антропологических особенностей: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

Рябогина Н.Е., Матвеева Н.П., Л.А.Орлова. Новые данные о природной среде Зауралья в древности (палинологические исследования отложений Нижне-Ингальского-З поселения) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.3. Тюмень, 2001.

Смирнов Н.Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. Вып.13. Свердловск, 1975.

Чикунова И.Ю., Поклонцев А.С. Палеоэкономические аспекты скотоводства саргатского населения Рафайловского городища и селища // Экология древних и современных обществ. Материалы Второй Всероссийской конференции. Тюмень, 2003.

Чикунова И.Ю. К вопросу о рационе питания саргатского населения Примоболья (по материалам Рафайловского археологического комплекса) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.5. Тюмень, 2004.

Чикунова И.Ю., Берлина С.В. Особенности домостроительства саргатских племен (по материалам Рафайловского комплекса) // Материалы итоговой научной сессии Ученого совета Института проблем освоения севера СО РАН 2002 г. Вып.4. Тюмень, 2003.

Anuz R., Stahova E., Stepan M., Ther R., Tichy R. První etapa zimního obývání rekonstrukce polozemnie z doby zelene // Rekonstrukce a experiment v arhologii. 2000.

**40-ЛЕТИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
КУРГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА (1966 – 2006 гг.)
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Т.М. Потемкина
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

**РИТУАЛЬНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР
IV – III вв. до н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ШИКАЕВСКОГО КУРГАНА НА Р. СУЕРЬ)**

Вместо введения

В первых строках этой публикации - слова искренней благодарности автора всем студентам-участникам археологических экспедиций Курганского пединститута 1966 – 1974 гг., руководителем которой в те годы являлась. Выполнение масштабных для вновь организованной экспедиции археологических работ на курганской земле вряд ли было бы возможно без энтузиазма, ответственного отношения и интереса к археологии всех участников экспедиции. Особую сердечную признательность автор выражает членам студенческого археологического кружка КГПИ тех лет: Комогоровой Г.В., Фельдшерову А.И., Саливону А.Н., Охониной (Детковой) Н.С., Яцкому С.А., Стрелкову Ю.В., Николаевой Г.А., Куминову Н.Н., Поповой С.В., Боковой Н.А., Бутаковой Н.Н., помогавшим ей в организации экспедиций, проведении раскопок и разведок, при обработке материалов и написании отчетов. Успешная работа археологической экспедиции во многом состоялась благодаря поддержке руководства КГПИ в лице ректоров Кондрашенкова Алексея Алексеевича и Сazonова Александра Дмитриевича.

Обращаясь к материалам раскопок кургана 4 Шикаевского могильника, о котором речь пойдет ниже, не могу не отметить активного участия в полевых исследованиях кургана студентов-кружковцев С.А. Яцкого, Ю.В. Стрелкова, Г.А. Николаевой, которых хочу поблагодарить через много лет еще раз, уже в печатном слове.

Коллекция предметов, обнаруженных в Шикаевском кургане 4, являлась наиболее яркой находкой (149 предметов из золота) археологической экспедиции КГПИ в 1960-1970-х гг. Тем не менее, первая развернутая научная публикация этих материалов состоялась только через 35 лет (Потемкина, 2005. С. 112 – 121). До этого краткая информация о результатах раскопок кургана была опубликована в местной печати (Потемкина, 1969. С. 47 – 48; 1971. С. 34 – 35) и научных трудах КГПИ (Потемкина, 1975. С. 9, 10). В экспозиции Курганского областного краеведческого музея была представлена скульптурная реконструкция головного убора из основного женского погребения, выполненная по слепкам обнаруженных в раскопках украшений. Вся коллекция находок из Шикаевского кургана 4 была передана в Государственный Исторический музей в Москве, где находится и в настоящем времени.

Трудно однозначно объяснить, почему так затянулась публикация столь яркого материала, тем более что сбор опубликованной информации по тематике кургана и близкой ей велся автором постоянно. Попытка опубликовать материал предпринималась неоднократно, но написать то, что считала необходимым, не получалось. Вероятно, это связано не только с тем, что автору раскопок памятника в те годы приходилось активно заниматься другой проблематикой. Скорее всего, осмысление хоть и небольшого, но уникального материала тогда просто не состоялось: еще не пришло время для глубокого понимания вновь открытых артефактов. Только с накоплением собственного опыта и знаний, с открытием таких ярких и богатых синхронных курганных комплексов, как Филипповский на Южном Урале (Пшеничнюк, 1988; 2006. С. 26-37) и Ак-Алаха на плато Укок Горного Алтая (Полосьман, 1996. С. 142-167; 2001), появилась возможность попытаться более полно раскрыть смысловое содержание шикаевских находок и найти их место в системе сходных древностей на более широком историко-культурном фоне.

Характеристика погребального комплекса и вещевого материала.

Курганный могильник Шикаевка находится в Варгашинском районе Курганской обл. на правом берегу р. Суерь, правого притока р. Тобол. Памятник был открыт разведочным отрядом археологической экспедиции КГПИ в 1968 г. Могильник состоял из шести земляных насыпей высотой 0,6 - 2 м, диаметром 24 - 32 м, расположенных двумя группами у озера Слободчиково. Первая группа курганов (1 - 3) находилась на пашне на южном берегу озера, вторая (4 - 6) – на западном берегу в 500 м от первой группы, за огородами деревни Шикаевка.

Раскопками исследованы два кургана второй группы (4, 6). Исследования кургана 4, представленного в данной публикации, производились в 1969 - 1970 гг. под руководством автора (Потемкина, 1969. С. 40-50. Рис. 32-40. Фото 15-36; 1970. С. 76-80. Рис. 33, 34. Фото 74; 2005. С. 112 – 120; 2006. С. 199 - 220).

Курган 4 сразу привлек наше внимание местом своего расположения и внешним видом. Он располагался на заброшенном огороде жителя деревни Юшкова Н.И., в 20-30 м от дома. Невысокая уплощенная насыпь кургана была хорошо задернована, без высокой растительности и заметных с поверхности ям и перекопов. Такой «приглаженный» вид нераспаханного кургана за период многолетних разведок встретился нам впервые. По этой причине расспросили хозяина дома о кургане подробнее. По словам Н.И. Юшкова, этот курган находится на земельном наделе их семьи с начала XX века, когда они поселились здесь во время столыпинской реформы. Курган запомнился ему с детства тем, что при освоении надела и распашке целинной земли лошадь, тянувшая плуг, у кургана всегда останавливалась, фыркала и тянуть плуг на насыпь не хотела. Так курган и оставался нераспаханным до начала 50-х гг., пока его несколько раз не распахали трактором. Вскоре пахать перестали, так как на насыпи все росло плохо. Начинали строить в насыпи погреб-хорилище, но стенки при строитель-

стве обвалились, и затею эту оставили. Больше никакие земляные работы на его памяти на кургане не велись, в отличие от двух других насыпей этой группы. Рассказ произвел впечатление, не раз вспоминался на занятиях археологического кружка, и в следующем сезоне были начаты раскопки кургана, на этот раз не обманувшие наши ожидания.

Ко времени раскопок кургана его насыпь имела высоту 1,2 -1,3 м, диаметр 30 -32 м. Раскоп площадью 256 кв.м. включал практически всю насыпь, которая в верхней половине была сложена из темно-серого плотного слоя, в нижней - из более светлого грунта с глинистыми вкраплениями. В северо-восточной части насыпи обнаружен скелет овцы, рядом – углистые и золистые пятна; у западного края на уровне древней поверхности зафиксированы остатки костища (1,2 x 0,4 x 0,05м). Под насыпью выявлены две могильные ямы – центральная (№ 1) и периферийная (№ 2).

Центральная могила прямоугольной формы (4,2 x 5 м), глубиной от уровня древней поверхности 1,9-2 м, ориентирована продольной осью по линии запад-восток. Ее внешние размеры были искажены двумя грабительскими вкопами, которые прослеживались в центре и в северо-восточной части могилы до самого дна. В результате придонная часть могилы оказалась в северной ее половине более расширенной и углубленной (на 0,1-0,15). Стенки могильной ямы наклонные. На уровне дна ее размеры сократились до 2,8 x 1,7 м и приобрели вытянутую с севера на юг форму. Сверху могила была перекрыта плахами или досками: вдоль стенок обнаружены их обломки, находившиеся либо в вертикальном положении, либо под углом 45°-70° к дну могилы. Большое количество мелких обломков дерева обнаружено в нижнем заполнении могилы.

В центральной могильной яме обнаружены захоронения в два яруса, разделенные прослойкой чистой глины мощностью 0,1-0,4 м. *Погребения верхнего яруса* потревожены и ограблены. Кости двух скелетов и погребальный инвентарь найдены в заполнении могилы на различной глубине преимущественно в северо-восточной части могилы. Все вещи были сломаны и располагались в беспорядке. В их числе костяные панцирные пластинки (23 экз.), обломки блюда из красного песчаника, неопределимые обломки различных железных предметов, некоторые из которых могут быть интерпретированы как фрагменты конского уздечного набора и клинка кинжала, обломки каменных предметов; две кости животных, одна из них – венечная кость правой ноги лошади (определение В.П. Данильченко).

Датирующими предметами из погребений верхнего яруса могут быть только костяные панцирные пластинки, какие часто находят в погребениях саргатской культуры, особенно раннего и среднего этапов. В Среднем Притоболье в кургане 3 могильника Язево 3 было обнаружено более 100 подобных пластин, что позволило сделать реконструкцию всего доспеха (Матвеева, Потемкина, Соловьев, 2004. С. 80-98. Рис. 6, 10, 11). Датируются пластинки в основном IV-II вв. до н. э. В связи со сравнительно небольшим числом пластин, обнаруженных в кургане 4 могильника Шикаевка, следует обратить внимание на тот факт, что саргат-

цы редко помещали в могилу целый доспех. Это было связано с трудоемкостью процесса изготовления пластин.

Погребение нижнего яруса было обнаружено в слое чистой глины ниже (на 0,1–0,15 м) фиксируемого дна могильной ямы с захоронениями верхнего яруса. Нижнее погребение не было ограблено, хотя северный край дна могилы был затронут тем же грабительским вкопом, которым было разрушено верхнее погребение. Сохранившаяся придонная часть могильной ямы на глубине 2,1 м от уровня погребенной почвы имела прямоугольную форму с закругленными углами размером 2,6 x 1,9 м, вытянутую длинной осью по линии север-юг.

Между зафиксированным уровнем дна могильных ям верхнего и нижнего погребений прослеживалась прослойка чистой светло-желтой глины мощностью 0,1–0,4 м. Это может свидетельствовать о том, что после помещения в могилу основного захоронения, оно было засыпано материковой глиной, вынутой при сооружении могильной ямы. Представляется, что сделано это было преднамеренно, исходя из особенностей захоронения, хотя нельзя исключать и чисто практических целей. Но в любом случае засыпка всего дна могильной ямы чистой глиной спасла погребение от разрушения грабителями: заполнение могилы не отличалось от материкового слоя.

Захоронение женщины находилось в слое желтой глины. Оно было совершено в вытянутом положении на спине, головой на север, руки – вдоль туловища (рис. 1). Скелет сохранился в анатомическом положении, но отсутствовала часть костей правой руки. Конец сохранившейся плечевой кости был сломан, возможно, грабительским вкопом. Погребенная была помещена вдоль восточной стенки могилы в углублении овальной формы размером 2,2 x 0,7 м, глубиной 5–6 см. По-видимому, тело женщины было уложено на подстилку из кошмы, от которой сохранилась тонкая темно-коричневая прослойка. Дно могильной ямы по всей площади к западу от погребения было посыпано тонким (1,0–1,5 см) слоем охры темно-красного цвета. На расстоянии 0,6 м к югу от стоп находилось скопление углей, которое выделялось округлым пятном диаметром 0,12 м.

Вещественный материал из нижнего погребения состоит из 163 предметов. Подавляющая часть изделий (147 экз.) была сосредоточена в области верхней части черепа и являлась украшениями головного убора (рис. 1). В состав украшений входили нашивные бляшки из тисненого листового золота различной формы, размеров и сюжетов (142 экз.), четыре золотые подвески, золотая птица-гриф (рис. 2, 1-12). Более подробно эти изделия будут охарактеризованы ниже при реконструкции головного убора.

К числу богатых и знаковых украшений относятся золотая гривна, длиной 15 см, шириной 1,2 см, состоящая из двух спаянных полых трубок, диаметром 5–6 мм каждая (рис. 2, 13). На боковой стенке одной из трубок имеются следы пайки. Близкие аналогии шикаевской гривне известны из савроматского кургана на Южном Урале на р. Миасс (IV–III вв. до н.э.) и сакского кургана на р. Или в Семиречье. Золотые

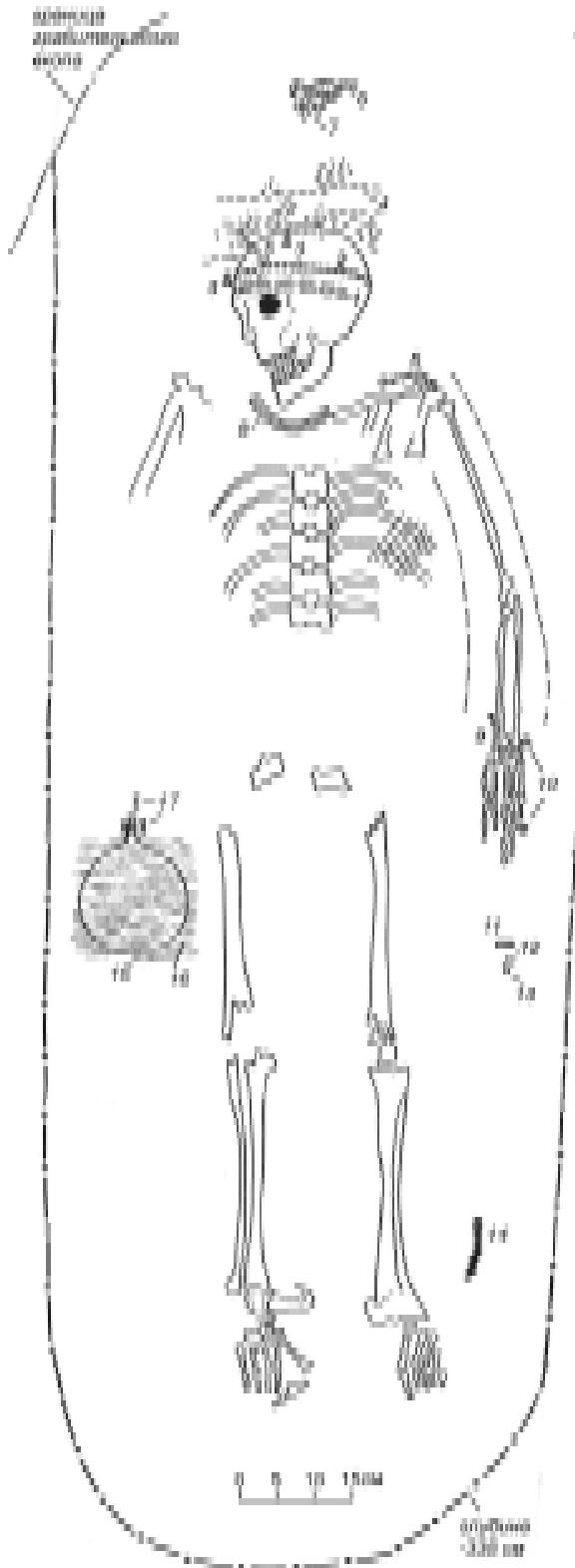

Рис. 1. Шикаевка, курган 4. План основного погребения (фрагмент).

1, 2, 4 – бляшки: в форме рогов оленя, полусферические, прямоугольные; 3 – подвески в форме бутона цветка; 5 – височные подвески; 6 – птица-гриф; 7 – обломок деревянной пластины; 8 – гривна; 9 – ряд бусин; 10 – отдельные бусины со следами шнура; 11 – железный предмет; 12 – полусферическая бляшка; 13 – крючок; 14 – низка бус; 15 – зеркало; 16 – остатки чехла; 17 – фаланги пальцев. 1-8, 13 – золото; 9, 10, 14 – стекло; 11 – железо; 12, 15 – бронза; 16 – береста.

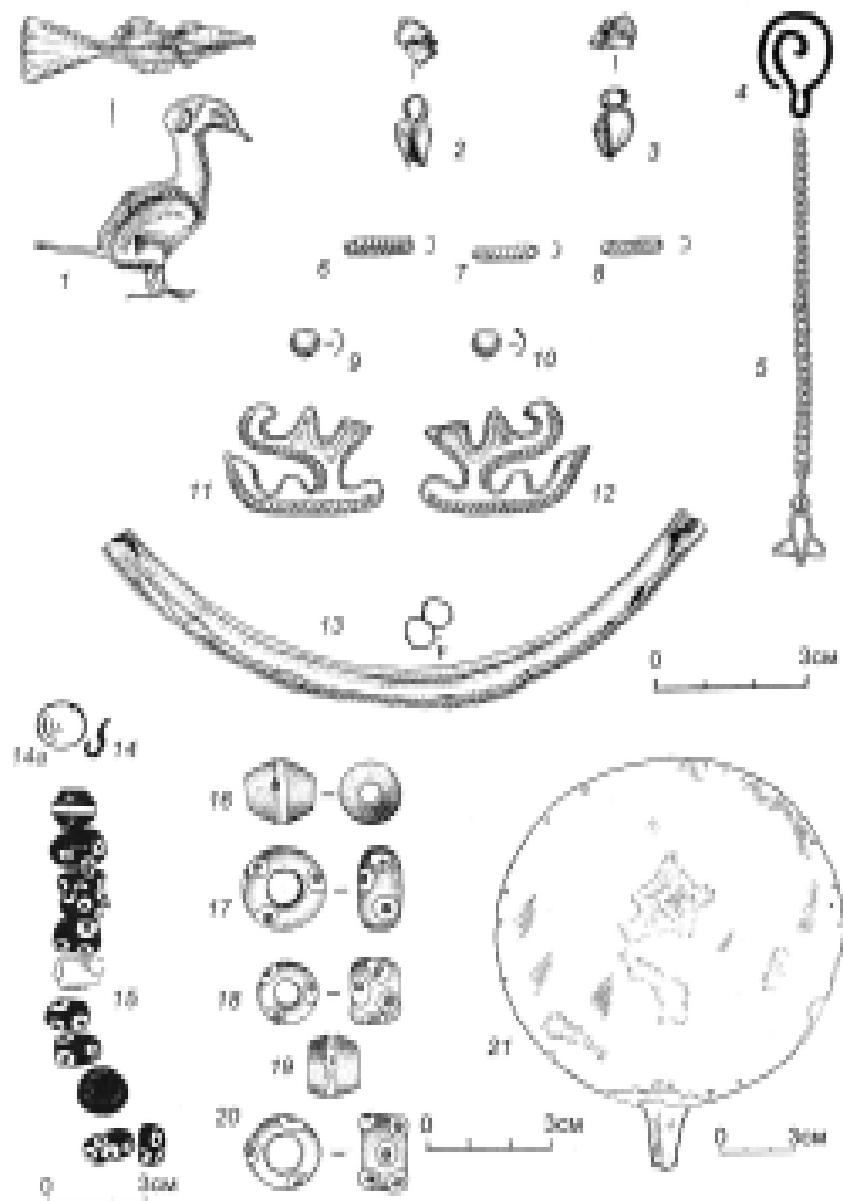

Рис. 2. Шикаевка, курган 4.

1-12 - украшения головного убора: 1 – птица-гриф; 2, 3 – подвески в форме бутонов цветка; 4 – крючок для крепления височной подвески; 5 – височная подвеска; 6-12 – нашивные бляшки (прямоугольные, полусферические, в форме рогов оленя); 13 – гравна; 14а – полусферическая бляшка; 14 - крючок; 15-20 – бусы (15 – в положении *in situ*); 21 – зеркало. 1-3, 5-14 – золото; 4 – серебро; 15-20 – стекло; 14а, 21 – бронза.

гривны, состоящие из полых, напаянных друг на друга обручей, имеются в сибирской коллекции Н. Витзена. Одну из этих гравен, где верхняя трубка заканчивается изображением животных в зверином стиле, К.Ф. Смирнов считает возможным отнести к кругу савроматских ювелирных изделий, созданных под влиянием образцов ювелирного искусства среднеазиатского или иранского Юга. По его мнению, прототип гравен из полых спаянных трубок восходит к гравнам ахеменидской Персии (Смирнов, 1964. С. 143-145. Рис. 71, 15, 16). По аналогии с близкими по конструкции ахеменидскими, скифскими и савроматскими золотыми гравнами, часто имеющими на концах скульптурные головы или фигурки реальных и фантастических животных, можно предположить, что шикаевская гравна также могла иметь на открытых концах одной из трубок вставленные деревянные наконечники, выполненные в форме животных. Основанием для такого

предположения служат каракольские и пазырыкские бронзовые и серебряные, покрытые золотой фольгой полые гравны-обручи, в конце которых вставлены вырезанные из дерева морды и фигурки хищных животных (Киселев, 1949. С. 191. Табл. XXXII, 7, 8; Полосьмак, 2001. С. 164. Рис. 110).

У кисти правой руки погребенной обнаружено бронзовое зеркало, которое было вложено ей непосредственно в руку: дистальные и средние фаланги пальцев лежали на ручке зеркала. Зеркало в форме диска, плоское, отлитое вместе с трапециевидной ручкой; диаметр – 13,8 см, длина ручки – 2,3 см (рис. 2, 21). Вся лицевая поверхность зеркала заполирована, по краям имеются четырнадцать отверстий. Зеркало находилось в футляре из березовой коры. Круг аналогий зеркалу очень широк. Наибольшее число идентичных зеркал обнаружено в савроматских (V-IV вв. до н.э.) и прохоровских (IV-III вв. до н.э.) курганах в

Южном Приуралье (Смирнов, 1964. С. 154. Рис. 12, 8; 14, 2а; 21, 3а; Мошкова, 1963. С. 41, 42. Табл. 27, 15-21). В саргатской культуре подобные зеркала считаются связанными по своему происхождению с савроматскими (Корякова, 1988. С. 77; Матвеева, 1993. С. 113).

В погребении обнаружены одиннадцать крупных цветных стеклянных бусин, плотно располагавшихся вдоль нижней части костей голени в один вертикальный ряд (рис. 2, 15-20). Среди них имеются разнотипные бусы, расположенные в слизке в определенной последовательности: верхняя бусина биконической формы из черного стекла, инкрустированная по ребру ярко-желтой пастой; ниже - четыре уплощенных бусины из синего стекла с белыми глазками; далее – бусина из белой пасты и пять глазчатых бусин из синего стекла (рис. 2, 15). Диаметр бусин – 2,2-1,5 см, толщина - 1,6-0,9 см.

Две бусины найдены у кисти правой руки: круглая из непрозрачного стекла диаметром 0,7 см - с внешней стороны запястья у конца локтевой кости (вероятнее всего, использовалась как пуговица), биконической формы из черного стекла с желобком вдоль ребра для инкрустации – на месте отсутствующей дистальной фаланги мизинца (рис. 2-19). Внутри биконической бусины сохранились остатки кожаного шнура.

Ниже кисти правой руки на расстоянии 10 см компактно, в один вертикальный ряд располагались три мелких предмета: сильно коррозированная железная пластина длиной 3 см, шириной 1 см; бронзовая полусферическая бляшка диаметром 0,8 см и золотой крючок длиной 1,1 см из округлой в сечении проволоки (рис. 2, 14, 14а).

Расположение всех обнаруженных бусин в один ряд, идущий вдоль нижней половины туловища от запястья до стопы, в сочетании с находками кожаного шнура и крючка, может свидетельствовать о том, что все эти предметы являлись составной частью одного изделия с одним функциональным назначением. Бусы в данном случае, прежде всего, находящиеся в слизке из 11 экземпляров, не служили, как обычно, украшением, а скорее использовались для каких-то сакрально-магических целей. Например, были чем-то наподобие четок, являлись оберегом или использовались для гадания, тем более, что во взаимном расположении бус различного типа и цвета присутствует явно выраженная числовая и цветовая символика.

Мне известен только один случай подобных условий местонахождения бус – в богатом женском погребении Тютринского могильника (погр. 3, курган 10) в Притоболье, примерно в 150 км к северу от Шикаевки. В этом погребении 11 крупных разноцветных бус лежали слабо изогнутой дугой между голеней (Матвеев, Матвеева, 1991. С. 130. Рис. 8, 7). Прочий инвентарь из погребений во многом соответствует шикаевскому: курильница из талькового теста, сосуды, бронзовое зеркало, нож, кольчатые удилы, вток, браслет из железа, золотые бляшки с узором и серьга.

На территории саргатского населения, в том числе в Среднем Притоболье, многоцветные стеклянные бусы с глазчатыми и другими узорами получили распространение в IV-III вв. до н.э. В основной своей массе они являлись предметом импорта из греческих коло-

ний Северного Причерноморья, куда привозились из Сирии (Смирнов, 1964. С. 151, 152; Корякова, 1988. С. 80; Могильников, 1992. С. 304; Матвеева, 1993. С. 112). Как предметы далекого импорта, бусы представляли большую ценность. Их носили преимущественно люди, отличающиеся богатством или особым положением в обществе. Например, в савроматских и сарматских погребениях оренбургских степей почти все бусы, особенно крупные и разнообразные наборы, были найдены в богатых женских погребениях, в частности, в погребениях жриц.

В набор погребального инвентаря основного женского погребения входила курильница (рис. 3, II).

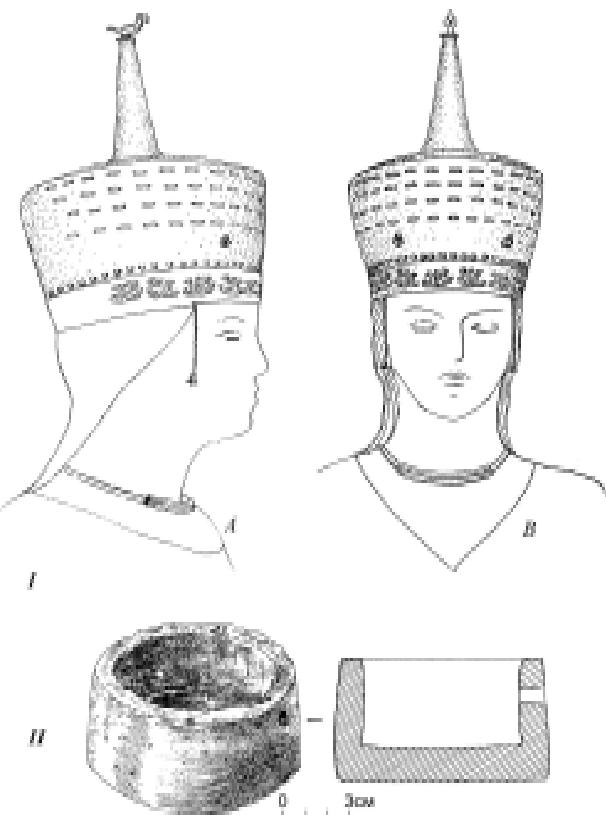

Рис. 3. Шикаевка, курган 4. Основное погребение.
I - реконструкция головного убора (выполнена Потемкиной Т.М.); А – профиль, В – фас.; II – каменная курильница.

Она была обнаружена в юго-восточном углу могильной ямы южнее ног погребенной. Курильница находилась в положении вверх дном в слое чистой глины над скоплением углей, зафиксированных на дне могилы у ног погребенной. Рядом обнаружено небольшое пятно, включающее комочки красной краски. Данные раскопок свидетельствуют, что курильница была поставлена в могилу в перевернутом виде после того, как дно могилы с основным погребением было засыпано глиной. Ее местоположение было приурочено к области ног погребенной и кучке ранее насыпанных углей (следов прокала рядом с углем не наблюдалось).

Сосуд-курильница высечен из талькового камня и имеет близкую к цилиндрической форме с диаметром по венчику 9 см, у дна – 9,5 см, высотой 7 см. В верхней части стенки находится отверстие диаметром 0,9-1,1 см. Поверхность сосуда зашлифована, но с

внутренней стороны заметны следы лезвия инструмента, которым обрабатывался сосуд – узкие вертикальные и горизонтальные (у дна) бороздки шириной около 1 см.

Шикаевская курильница относится к типу цилиндрических, известных в погребальных комплексах сарматского и саргатского населения Южного Урала и прилегающих районов Западной Сибири в IV-II вв. до н.э. У сармат цилиндрические курильницы появляются в IV в. до н.э. (Смирнов, 1964. С. 171. Рис. 37, 26), более широкое распространение получают в III-II вв. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 29, 30. Табл. 11, 27-29). В погребальных комплексах саргатской культуры каменные и глиняные цилиндрические курильницы известны на всей территории ее распространения: на Иртыше (Саратово), Ишиме (Узлово), в Притоболье (могильники Шадринский, Тютринский, Красногорский Борок), где датируются V-III вв. до н.э. (Могильников, 1992. С. 304, 350. Рис. 126, 46, 57; Матвеева, 1993. С. 114, 116, 153, 154. Рис. 24, 24).

Интересно отметить, что в саргатских погребениях Притоболья, почти во всех зафиксированных случаях, курильницы находились в ногах погребенных (Матвеев, Матвеева, 1991. С. 130; Матвеева, 1993. С. 46). На Южном Урале также известны случаи находления курильниц в ногах захоронений рядом с углами (Генинг, 1962. С. 102, 103). Только в Шадринском могильнике (курган 3) курильница обнаружена в нижней части насыпи (Генинг, 1962. С. 93, Рис. 37; 38). Курильницы относятся всеми последователями к числу культовых предметов. Они предназначались для воскурения благовонных веществ, служили вместе лищем священного огня или его символов (Смирнов, 1964. С. 170, 171).

Антропологические исследования останков из погребений кургана 4 Шикаевского могильника не производились. Но весь набор погребального инвентаря нижнего, непотревоженного, погребения свидетельствует о его принадлежности женщине. Согласно коэффициентам ранговой корреляции между встречаемостью предметов в саргатских погребениях, в женский набор погребального инвентаря, как правило, входили зеркала, бусы, прядлица. Женские погребения с курильницами, богатым набором украшений, в том числе импортных, могут указывать на то, что женщины, принадлежащие к социальной верхушке общества, выполняли какие-то жреческие функции (Корякова, 1988. С. 54, 158).

Устройство погребальных сооружений, обряд и инвентарь позволяют отнести погребения из центральной могилы кургана 4 Шикаевского могильника к первому этапу (V-III вв. до н.э.) саргатской культуры, в ареал которой входила территория Притоболья (Могильников, 1992. С. 294-296, 299, 300; Матвеева, 1993. С. 134-136, 154). Одновременно в характеризующих курганный комплекс признаках четко просматривается культурное влияние западного и южного кочевого населения Урала и Казахстана – савромато-сармат и саков. Погребальный инвентарь захоронений верхнего и нижнего ярусов из центральной могилы по имеющимся аналогиям датируется в пределах одного хронологического периода – IV-III вв. до н.э.

К этому времени относится и *периферийное погребение* в 2 м к востоку от ямы 1. Могила овальной формы (2,2 x 1,9м), глубиной 1,2 м, вытянута по линии север-юг. Погребение ограблено, скелет потревожен, вероятна северная ориентировка. Инвентарь - глиняный сосуд-курильница с углами и остатками сгоревшего вещества на дне, прядлице, две бронзовые бусины, обломки железного ножа, кусочки охры. По набору инвентаря можно предполагать женское захоронение (Потемкина, 1970. С. 76-80. Рис. 33, 34. Фото 74).

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что периферийная могила была сооружена почти одновременно с центральной до сооружения насыпи: обе ямы были вырыты с уровня древней поверхности; периферийная могила примыкала непосредственно к краю выкода из центральной ямы; выкод из ямы 2 залегал на древней поверхности с противоположной восточной стороны. По всей вероятности, захоронения второго яруса также были помещены в центральную могилу до сооружения насыпи. Об этом свидетельствует расположение более поздних погребений непосредственно над основным женским захоронением у самого дна могилы на глинистой засыпке.

Следовательно, погребения кургана 4 совершины в сравнительно небольшой промежуток времени, предшествующий сооружению насыпи кургана. Погребенные, по всем имеющимся данным, принадлежали к одному сообществу с разным социальным статусом. Набор инвентаря из центрального погребения свидетельствует о том, что нижнее погребение принадлежало богатой женщине, исполняющей жреческие функции; верхнее с учетом присутствия в могиле панцирных пластинок, обломков меча и конской упряжи – мужчинам–воинам. Периферийное погребение, согласно набору инвентаря, могло принадлежать женщине, зависимой от погребенной в нижнем ярусе и сопровождавшей ее в кургане.

Обширная могильная яма (40 куб. м), ее центральное положение в кургане, перекрытие плахами, состав и количество инвентаря, детали ритуала – все это свидетельствует о принадлежности погребенных в центральной могиле к родовой или племенной знати определенного ранга. Все исследователи саргатской культуры отмечают развитую социальную дифференцию саргатского общества и обособление рода-племенной аристократии от рядовых членов общества (Корякова, 1988. С. 155-159; Могильников, 1992. С. 307; Матвеева, 1993. С. 146-147). Принадлежность захоронений из шикаевского кургана 4 к родо-племенной аристократии подтверждается и особенностями реконструируемого головного убора из нижнего погребения кургана.

Реконструкция головного убора

Известно, что головной убор играет в традиционных культурах особую роль, являясь наиболее значимой частью костюма и показателем возрастного и социального статуса, а также этнической принадлежности его носителя. В головных уборах в наибольшей степени сохраняются следы влияния идеологического фактора. Особенно это относится к женским головным уборам.

Археологически выявленные головные уборы, как

правило, происходят из погребений и встречаются очень редко. Значительная серия ярких и уникальных образцов древних головных уборов представлена в культурах скифо-сарматского мира на широкой территории степей Евразии. Среди них особым богатством и разнообразием отличаются женские головные уборы, часть которых имела ритуальное значение (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 127, 130, 134, 141, 148; Мирошина, 1980. С. 32, 33. Рис. 2, 3; 1981, С. 47-55. Рис. 1, 3, 5; Клочко, 1982. С. 122-128; Полосыма, 2001. С. 143-163).

К числу ритуальных относится и рассматриваемый ниже женский головной убор из основного погребения кургана 4 могильника Шикаевка. Восстановленный по артефактам знаковый статус головного убора может указывать и на статус его носителя. Органическая основа головного убора не сохранилась. Но точная фиксация в процессе раскопок размещения золотых изделий, украшавших головной убор, позволили восстановить его форму и положение деталей декора.

Всего на головном уборе обнаружены украшения трех видов: нашивные бляшки, подвески и навершия в виде птицы.

Все бляшки (142 экз.) сделаны из тисненного на деревянной основе листового золота и представлены тремя типами с различными сюжетами.

Тип I (9 экз.) – бляшки в виде рогов оленя или лося, стоящих вертикально на горизонтальной полосе, концы которой загнуты вверх: один из них загнут выше и заострен, второй – закруглен (рис. 2, 11, 12). Пять бляшек имеют заостренные концы с левой стороны, четыре – с правой. Нижний горизонтальный край и внешний изгиб рогов бляшек украшен косыми на-

сечками. На каждой бляшке по краям имеется по шесть отверстий для пришивания; длина изделий – 3,2-3,4 см, высота – 2,2 см. Представляется, что бляшки являются стилизованным изображением оленя, где закругленный конец соответствует морде животного, а заостренный – копыту. Такая ассоциация напрашивается при сопоставлении композиции и места расположения шикаевских бляшек с изображением оленей на деревянной диадеме, покрытой золотой фольгой, из пазырыкского кургана 1 могильника Ак-Алаха-5 (Полосыма, 2001. С. 90, 154, 155. Рис. 103). Эти параллели прослеживаются не только в сюжете бляшек, но и в системе их парного расположения (рис. 4, 2 а).

Все девять бляшек располагались в один ряд на расстоянии 2-3 мм на лобной доле черепа умершей, плотно прилегая к черепу. Бляшки были помещены рогами вверх и обращены поочередно одна к другой то тупыми, то острыми концами, образуя таким образом четыре пары (по две с каждой стороны лба). Одна бляшка с левой стороны (девятая) оставалась как бы вне этой системы, но при соединении концов ряда парный ритм восстанавливался.

С учетом размеров бляшек и расстояния между ними длина ряда из парных стилизованных изображений оленей на лобной части головы должна была быть равна 31-32 см. Очевидно, данный тип бляшек был нашит на налобную повязку из кожи или войлока шириной около 3 см, если учитывать высоту бляшек (рис. 3, 1). Отсутствие каких-либо следов дерева и крепления из гвоздиков, известных на изделиях ряда курганов скифо-сарматского мира этого времени (Толстая Могила, Филипповка), не позволяют видеть в налобном украшении деревянную диадему (рис. 3, 1, А, В).

Тип II – бляшки полусферической формы (51 экз.)

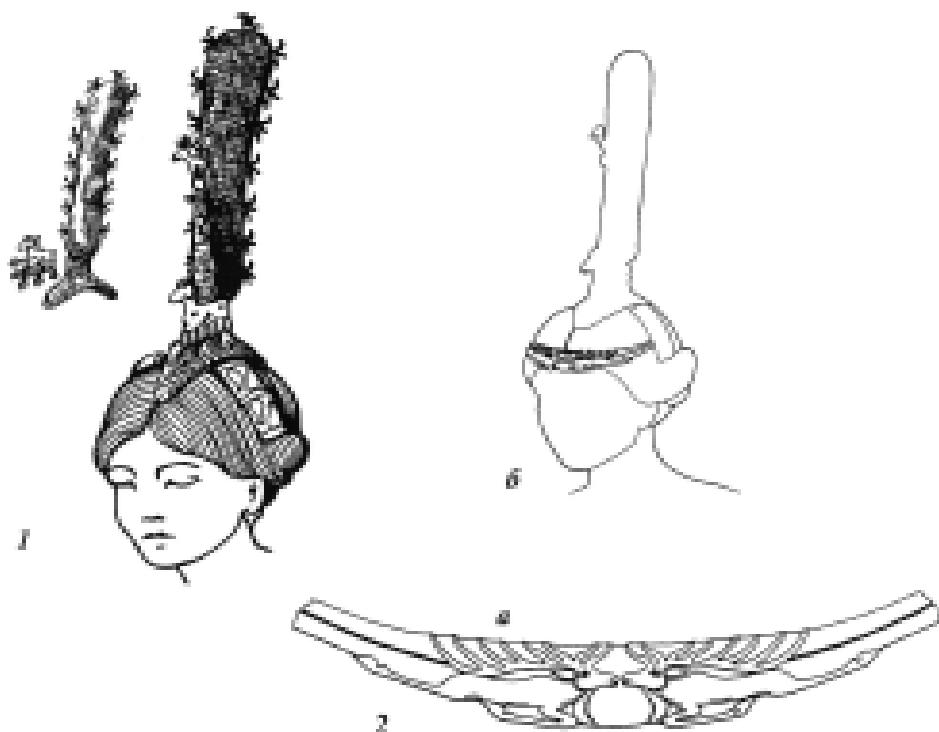

Рис. 4. Женский головной убор-парик пазырыкской культуры Горного Алтая. 1 – могильник Ак-Алаха 3, курган 1: реконструкция расположения украшений на женском парике; 2 - могильник Ак-Алаха 5, курган 1: а – деревянная диадема, б – возможный способ ее ношения. 1, 2 – по Полосыма Н.В., 2001. С. 147, 155. Рис. 98; 103.

диаметром 5-6 мм с двумя отверстиями с противоположных сторон (рис. 2, 9, 10), располагались в один ряд на расстоянии 5-6 мм одна от другой, плотно опоясывая череп. Длина ряда в этом случае должна была составлять 55-56 см, что, вероятно, соответствовало размеру головного убора и может свидетельствовать о том, что полусферические бляшки были нашиты по нижнему его краю.

Тип III – бляшки прямоугольной формы (82 экз.) длиной 1,3-1,4 см, шириной 0,3-0,4 см, с одним отверстием на торцевых концах (рис. 2, 6, 8). Все бляшки этого типа покрыты чеканным узором в виде одного ряда из пяти косых насечек (19 экз.) или двух рядов косых насечек (63 экз.), образующих елочный узор, который может трактоваться также как изображение колоска злакового растения.

Все прямоугольные бляшки составляли верхний ярус узора головного убора, будучи расположены горизонтальными рядами, стройность которых в значительной степени была нарушена. Почти все бляшки найдены лицевой стороной кверху, что предполагает их расположение, преимущественно, на передней части убора. Хорошо сохранились ровный горизонтальный ряд из двадцати бляшек длиной 25 см по верхнему краю и часть нижнего ряда из пяти бляшек длиной 6 см у лобной доли черепа. Последние, вероятно, фиксировали нижнюю границу узора, составленного из прямоугольных пластинок. Между отмеченными крайними рядами намечается еще два горизонтальных ряда, состоящих из 18-20 пластинок. Следовательно, верхний ярус узора на передней части головного убора состоял из четырех горизонтальных рядов прямоугольных бляшек с растительным орнаментом, общей шириной 10 см и длиной около 30 см. Полоса из прямоугольных пластинок шире ряда полусферических бляшек по нижнему краю убора на 3-4 см с каждой стороны, что предполагает расширение головного убора кверху (рис. 3, I).

К головному убору были прикреплены две подвески в форме бутона трехлепесткового лотосовидного цветка с припаянной петелькой у основания; высота бутона – 0,9-1 см, ширина – 0,7-0,8 см, диаметр петельки - 0,4-0,5 см (рис. 2, 9, 10). Листики обрамляют витая проволока, прямоугольная в сечении. Петелька в одном случае сделана из такой же витой проволоки, в другом – из гладкой узкой полоски. Условия местонахождения подвесок-бутонов в области лобной доли черепа предполагают, что они были прикреплены симметрично по отношению к центральной части убора на расстоянии 7-8 см одна от другой на свободной от украшений полосе выше ряда полусферических бляшек.

Под правым виском и у левой ключицы были обнаружены две *височные подвески*, состоящие из крючка в виде завитка высотой 2,2 см, шириной 1,5 см, изготовленного из серебряной проволоки, золотой цепочки сложного плетения длиной 7,5 см и схематизированного изображения цветка типа лилии или лотоса размером 1,5 x 1,1 см. Общая длина изделия – 11 см (рис. 2, 5). Вместе с серебряным крючком подвески, найденного у левой ключицы, сохранился маленький кусочек кожи, что дает возможность предполагать

кожаную основу налобной повязки и, возможно, всего головного убора. Золотая цепочка по технике плетения тождественна цепочкам, представленным в богатых савроматских могилах Южного Урала, а также Скифии (Смирнов, 1964. С. 142. Рис. 15, 3а; 24, 5; 71, 9).

Наиболее знаковым украшением головного убора являлась золотая *фигурка птицы-грифа*. Она находилась на расстоянии 18 см от теменной части черепа. Под фигуркой птицы-грифа была обнаружена гладкая тонкая дощечка или пластина шириной 7 см, верхний конец которой был закруглен, а нижний – обломан. Птица лежала на правом боку с легким наклоном вперед и была обращена клювом в ту же сторону, что и лицевая часть черепа погребенной (рис. 1). Птица-гриф, высотой 4,2 см и длиной 4,6 см, изготовлена из золотой фольги, пустотелая внутри (рис. 2, 1). У грифа увеличена голова, особенно клюв с петелькой, спина выгнута, крылья сложены, хвост распущен. Изображение лап с когтями отсутствует, вместо них – подставка типа втулки диаметром 0,4 см, высотой 0,6 см, обрамленная по нижнему краю кольцевой пластиной диаметром 1,4 см с четырьмя отверстиями с противоположных сторон (рис. 2, 1).

Судя по следам пайки, изображение птицы было выполнено путем тиснения по частям на четырех деревянных шаблонах: для двух половинок туловища с головой и половиной втулки; для распущенной части хвоста и кольцевой основы втулки. Впоследствии к клюву была припаяна петелька (Потемкина, 1969. Табл. 31; 32).

Если исходить из наличия таких деталей, имеющих отношение к креплению фигуры птицы, как втулка и остатки деревянной пластины или дощечки под ней, то есть все основания предполагать, что фигурка птицы-грифа была надета на деревянную палочку-стойку, крепившуюся к дощечке. Это сооружение составляло основу каркаса навершия головного убора. Одновременно птица была для прочности пришита по кольцевому основанию втулки к войлоку или коже, которыми мог быть обернут деревянный каркас. У основания войлочная или кожаная часть навершия, вероятнее всего, имевшего конусовидную форму, могла быть пришита к верхнему покрытию головного убора в области макушки. Возможно, семь прямоугольных бляшек, зафиксированных в предполагаемой области крепления навершия к головному убору, были нашиты на переднюю часть навершия у его основания. Высота навершия составляла 12 см, вместе с птицей - 16 см, что соответствовало высоте самого головного убора (шапки) вместе с налобной повязкой (рис. 3, I, A, B).

Правомерность подобной реконструкции навершия с птицей на шикаевском головном уборе может быть подкреплена материалами из пазырыкских курганов Алтая, где в «замерзших» могилах в слое льда сохранились головные уборы и их детали. Особенно близкие ассоциации возникают при сравнении формы и деталей навершия головного убора-парика из погребения женщины – служителя культа – в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3. На макушку парика крепилось своеобразное навершие – символ «древа жизни»: высокое сооружение из войлока на деревянном карка-

се-палочке в виде длинного лепестка, обтянутого черной тканью (рис. 4, 1). На него были нашиты 15 деревянных фигурок птиц, обклеенных золотой фольгой (Полосьмак, 1996. С. 158; 2001. С. 143-145. Рис. 97; 98).

Таким образом, головной убор женщины из кургана 4 могильника Шикаевка состоял из трех частей: налобной повязки, кожаной или войлочной шапочки, навершия с изображением птицы (рис. 3, I).

Налобная повязка шириной около 3 см длиной 31-32 см была сделана из кожи и украшена рядом из золотых однотипных бляшек со стилизованным изображением оленей, попарно и симметрично расположенных по отношению к центру головного убора. К налобной повязке, вероятнее всего, были прикреплены золотые височные подвески на цепочке: с крючком одной из них найден кусочек кожи.

Шапка, вероятнее всего, была сделана из войлока, возможно, обтянута кожей. Характер развода головного убора с нашитыми на него бляшками, которые несут признаки формы убора, свидетельствует о том, что шапка имела расширяющуюся кверху форму с плоским верхом типа скифского калафа. Нижний диаметр шапки – 18 см (обхват головы - 55-56 см), верхний – 24-25 см, высота - 12-13 см. Наиболее вероятно, что шапка держалась за счет деревянной основы. Это хорошо фиксируется нижним рядом полусферических бляшек и остатками дерева от каркаса навершия. Остатки деревянных обручей-каркасов на голове погребенных известны в скифских курганах (Мирошина, 1980. С. 41).

Навершие с золотой птицей-грифом, общей высотой 16 см, на деревянном каркасе, реконструируется в форме слегка усеченного конуса, изготовленного с помощью войлока и кожи. Вместе с навершием высота головного убора составляла 28-29 см, с налобной повязкой – 31-32 см.

Поскольку бляшки в области черепа лежали преимущественно в один слой, то, вероятнее всего, головной убор был украшен только в передней его части с заходом на бока. Об этом же свидетельствуют размеры бляшек, их количество в рядах и расстояния между ними. Отсутствие бляшек на затылочной части может быть объяснено тем, что сзади было прикреплено покрывало, как это известно в скифских женских головных уборах (рис. 5, 1, 3, 4), или назатылочник, как на головном уборе богини из культовой сцены, изображенной на ковре из пятого Пазырыкского кургана. Головной убор богини – также типа калафа, расширяющийся кверху, украшенный рядом треугольников по нижнему краю (Артамонов, 1973. С. 62-66. Рис. 77).

В расположении золотых нашивных бляшек на шикаевском убре наблюдается симметричность по отношению к центру убора, особенно заметная на подвесках в виде бутонов цветка и налобной повязке. Размещение бляшек на поверхности убора подчинено общей традиции в прикладном искусстве скифов – ритмичные ряды, чередующиеся полосы, ярусы однотипных сюжетов, отделенных друг от друга поясками (Ключко, 1982. С. 122, 124-127. Рис. 2, 4, 6).

Среди сюжетов головного убора присутствуют зооморфные (олень, птица), растительные (колоски злаковых, бутоны и цветы, близкие лилии или лотосу)

и орнаментальные (круг). Все эти изображения в обязательном порядке и разных сочетаниях представлены на скифских головных уборах (Мирошина, 1980. С. 52, 53. Табл. 3, 4; 1981. С. 67, 68).

По стилистической трактовке зооморфные изображения шикаевского головного убора ближе всего звериному стилю сарматских древностей Южного Урала, что может свидетельствовать о местных традициях в искусстве звериного стиля у саргатского населения. В сарматском искусстве степного Урала наиболее яркие и многочисленные изображения оленей (на 174-х предметах) присутствуют в коллекции Филипповского кургана 1, самого богатого раннесарматского (прохоровского) памятника региона, датируемого началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 1988. С. 14). Олени здесь представлены как крупными отдельными фигурами с подчеркнуто высокими и ветвистыми рогами, так и изображениями фигур или только головы оленя на оковках и ручках деревянной посуды, на бляшках-накладках, на оружии (Пшеничнюк, 1988. С. 4, 5, 11. Рис. 2; 10; 13; 2006. С. 26 – 29. Рис. 4 – 10). Исследователь памятника А.Х. Пшеничнюк отмечает такую характерную черту изображений оленей Филипповки, как особый акцент на рога животных, которые занимают половину рисунка, а иногда и более (2006. С. 29). Имеются случаи, когда изображены только рога животных в виде ажурных завитков (Пшеничнюк, 2006. С. 20. Рис. 8, 3; 10).

Образ грифона занимает второе место среди изображений Филипповского кургана 1. В подавляющем большинстве случаев здесь представлена только голова птицы (Пшеничнюк, 2006. С. 31. Рис. 15). Изображения головы грифона, как и оленей, чаще всего использовались в качестве оковок деревянных сосудов.

Как полагают некоторые исследователи, на оковках деревянных сосудов Филипповки с изображением оленя и грифона представлены сюжеты, связанные с ведийскими и авестийскими мифами о священном напитке Соме, а сами сосуды являлись культовыми и служили атрибутами отправление культа Сомы. Приводятся примеры, где Сома в ведийских и авестийских текстах не раз выступает в образе птицы, как правило, хищной – орла. Устойчивым образом является сома-птица, усаживающаяся на дереве, в гнезде (сосуде). Главный миф, связанный с Сомой, повествует о его похищении орлом с вершины горы (Федоров, 2006. С. 48 – 50).

Приведенные параллели свидетельствуют, что сюжеты изображений на украшениях шикаевского головного убора, вероятнее всего, были подобраны в соответствии с его знаковой функцией. Прежде всего, это относится к изображениям грифа и оленей, которые входили в образную схему не только скифских головных уборов, но и многих предметов культового назначения всего скифо-сарматского мира, являясь универсальными символами, маркирующими сакральный верх, солнце и Верхний мир. Размещение на головном убре таких значимых символов, как птица и олень, означало его соотнесение с сакральным верхом.

Наличие определенного круга сюжетов и компо-

зионное построение изображений на шикаевском головном уборе позволяет предполагать, что они находились в соответствии с существующими представлениями о вертикальной трехчастной модели мира. Одной из наиболее важных деталей, подтверждающей это предположение и несущей основную смысловую нагрузку не только для головного убора, но и его хозяйки, является птица-орел (гриф), венчающая убор. Тот факт, что птица расположена на самом верху головного убора, на специальной деревянной основе, составляющей половину высоты всего убора, может свидетельствовать о присутствии здесь символики, связанной с мировым деревом. Орел в мифологиях различных народов мира – символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия, одно из наиболее распространенных и обожествляемых животных (Иванов, Топоров, 1988. С. 258).

Считается, что образ грифона сложился у хеттов как символ стражи и охраны. Эти представления прошли к скифам и народам скифского круга вместе с изображениями птицевидных грифонов (Членова, 1983.

С. 57). Появление образа орла в качестве солнечного (божественного) символа у населения лесостепного – южнотаежного Притоболья следует предполагать не ранее рубежа бронзового и раннего железного веков, поскольку даже на юге Средней Азии, в частности в Марганде, он появляется только в первой половине II тысячелетия до н.э. как результат влияния стран Древнего Востока (Сарианиди, 1976. С. 60, 61). Появление космогонических представлений в верованиях обско-угорского населения, связанных с иранскими традициями, в том числе и культом орла, В.Н. Чернецов связывает с приходом в Обь-Иртышье южных степных групп населения в лице угров-коневодов, входивших в состав скифо-сарматского мира и принесших с собой в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. иранские элементы культуры, сохранившиеся в языке, топонимике, фольклоре, культовых обрядах, самоназваниях ханты и манси (Чернецов, 1947. С. 114, 115). В мировоззренческих представлениях древнего коренного населения Урало-Западносибирского региона, начиная с эпохи неолита, а, возможно, и рань-

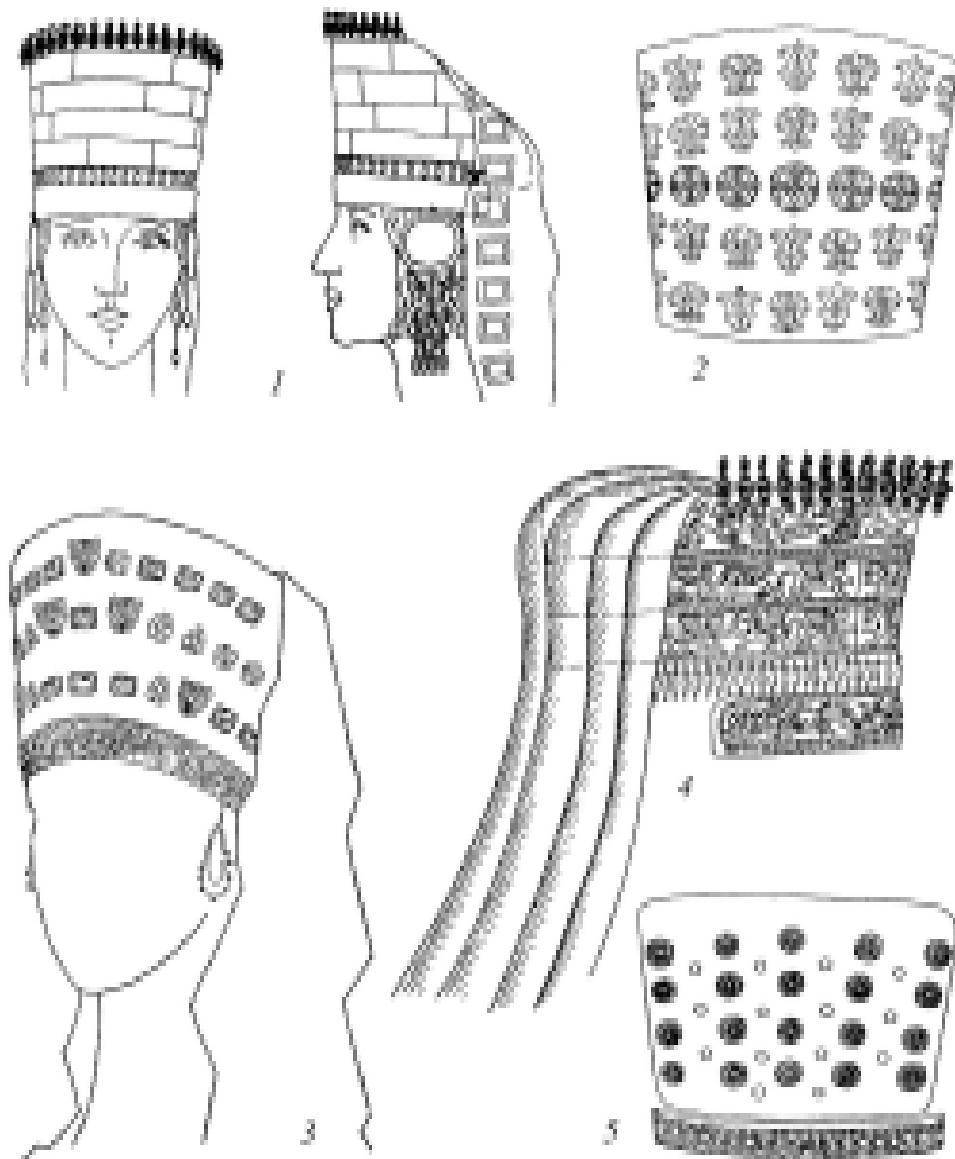

Рис. 5. Реконструкция женских головных уборов из скифских курганов. 1 – скифский калаф; 2 – Гайманова Могила, погребение 4; 3 – Казенная Могила, погребение 2; 4 – Большая Близница; 5 – Златополь, курган 5, погребение 5. 1, 4 – по Мирошиной Т.В., 1980. Рис. 3, 2; 4, 2, 3, 5 – по Клочко Л.С., 1982. Рис. 2; 4, 2; 6.

ше, основное место занимал образ водоплавающей птицы (Викторова, Чайкина, Широков, 1997. С. 40-61).

Головной убор из Шикаевки по всем основным признакам наиболее близок скифским калафам (рис.5, 1-5).

Это сходство проявляется в расширяющейся кверху форме убора, в наличии таких его составных частей, как шапка и налобная повязка – метопида, в размерах убора в целом и его составных частей, в присутствии височных подвесок, в размещении украшений на передней части убора, в их сюжетах и мотивах, связанных с солярной и небесной символикой. Время наибольшего распространения калафов, IV-III вв. до н.э., полностью согласуется с датировкой инвентаря из основного погребения кургана 4 могильника Шикаевка (Мозолевский, 1972. С. 299-301, 307; Мирошина, 1980. С. 30-45; 1981. С. 52. Табл. 3, 4; Клочки, 1982. С. 119-127). Калафы относятся исследователями к числу ритуальных головных уборов. В Греции калаф носили жрицы и девушки, выполнявшие пляски в честь Деметры, Коры, Артемиды, Диониса (Мирошина, 1980. С. 44).

Одновременно в шикаевском головном уборе присутствует такая значимая составляющая часть, как навершие с птицей, аналоги которому известны в богатом женском захоронении из пазырыкского кургана 1 могильника Ак-Алаха 3 (рис.4, 1). Головные уборы с навершием в виде птичьей головы или фигурки птицы, покрытые золотой фольгой, найдены в курганах Горного Алтая не только в женских, но и в мужских погребениях. Считается, что шапки с головой птицы или животного являются особенностью восточноиранских кочевых народов. Исследователи полагают, что изображение птицы на головном уборе пазырыкцев – это их племенной символ с духами-помощниками, олицетворяющими Верхний, светлый мир. Распространение у кочевников Горного Алтая таких головных уборов – одно из свидетельств иранских корней пазырыкской культуры (Полосьмак, 2001. С. 155-161).

Семантика головного убора

Изображение мирового дерева или дерева жизни с птицами на вершине, конями, оленями и козлами у основания были популярны на широкой территории евразийских степей в скифо-сарматскую и гуннскую эпохи (V в. до н.э. – V в. н.э.).

Ярким образцом подобных головных уборов, наряду с пазырыкскими, является найденный в кургане Иссык в Южном Казахстане кулах погребенного, где верхний фриз украшали пять миниатюрных деревьев с сидящими на вершине птицами. Спереди были помещены пары коней и козлов. Шапку венчала фигура архара. Курган Иссык относится к сакской культуре и датируется IV веком до н.э. (Акишев, 1978. С. 26, 46. Рис. 23. Табл. 8).

Золотая корона с изображением деревьев и сидящих на них птиц, наряду с цветами-пальметками и дисками, найдена в женском погребении № 6 бактрийского правящего рода на холме Теллятепе в Северном Афганистане (I в. до н.э. – I в. н.э.). В соседнем мужском погребении № 4 обнаружена золотая модель дерева с ветвями, отходящими в четыре стороны, к концам которых подвешены диски (Кузьмина, Сарианиди, 1982. С. 19-22. Рис. 1; 2). Золотые диски,

подвешенные на моделях деревьев, вероятно, символизировали солнце.

Считается, что сюжет дерева с птицами и стоящими впереди копытными животными мог быть заимствован кочевниками евразийских степей как в западно-, так и восточноиранском ареале. Этот сюжет был особенно популярен в начале I тысячелетия до н.э., в эпоху расселения ираноязычных племен, в искусстве Северного Ирана, оказавшего определенное воздействие на формирование скифского изобразительного искусства. В переднеазиатском искусстве древо жизни ассоциировалось с богиней плодородия и выражало идею возрождения жизни (Кузьмина, Сарианиди, 1982. С. 23).

Исследователи мифологии полагают, что образ дерева в изобразительном искусстве передает содержание основного космогонического мифа, согласно которому в центре мира на вершине располагается мировое дерево, объединяющее четыре стороны света и три сферы мироздания (корни дерева – подземный мир, ствол – поверхность земли – мир людей и зверей, вершина – небо – мир богов). Универсальный миф о мировом дереве, в том числе и с птицами, у которого стоят кони, олени, козлы, был хорошо известен всем индоевропейским народам, что нашло отражение как в древних текстах, так и в ритуалах. (Топоров, 1987. С. 398, 399).

Образ дерева с двумя орлами на вершине и орла как символа Верхнего мира присутствует в гимнах «Ригведы» (мандала I, гимн 164, стих 20 и 52):

Два орла, два связанных друг с другом товарища,
Обхватили одно и то же дерево.
Один из них ест сладкую винную ягоду,
Другой наблюдает, не вкушая.

Небесного орла, птицу большую,
Отпрыска вод, приятного на вид, (отпрыска) растений,
Насыщающего водой вдосталь –
Сарасвата я призываю на помощь.

Изображения птиц, сидящих на вершине священного дерева или дерева жизни имеются на ритуальном сосуде древней Маргианы (первая половина II тысячелетия до н.э.) в дельте р. Мургаб, левого притока Аму-Дарьи в Южном Туркменистане. Сосуд обнаружен в районе Гонура – древнего столичного центра Маргианы (страны Маргуш), известного своими уникальными дворцовыми и храмовыми комплексами (Сарианиди, 1992. С. 317). Отсюда происходит и другое интересующее нас изделие – печать-амulet с изображением орла с распростертыми крыльями на одной из сторон (Сарианиди, 1976. С. 50. Рис. 8). Автор видит в этом изображении влияние стран Древнего Востока и в качестве ближайшего аналога приводит изображение на печати бронзового века из Дашилинского оазиса Северного Афганистана (Сарианиди, 1976. С. 60, 61. Рис. 17). На печати изображено дерево в виде прямого ствола, от которого снизу отходят ветви с листочками. Сверху на ветвях сидят по одной птичке с орлиными клювами и поднятыми крыльями. Мотив священного дерева сомнений не вызывает. В.И. Са-

рианиди вслед за В. Вардом, привлекающим данные Австры, предполагает, что рисунок «священного дерева» символизирует не просто плодородие, а дерево, дарующее счастье, т.е. фортуну.

Следовательно, в свете данных индоиранских традиций, образ дерева с птицей на вершине на головном уборе шикаевской женщины, как и других подобного типа ритуальных уборах евразийской знати скифо-сарматской эпохи, можно трактовать как изображение дерева жизни – космического символа плодородия и возрождения. Сходство шикаевского головного убора со скифскими калафами как по форме, так и по растительным и зооморфным сюжетам украшавших их бляшек позволяет предполагать, что он передает ту же мифологему.

Атрибуты и изображения на уборах скифских цариц дают основания считать, что царица исполняла функции жрицы верховной богини. Сходный культ религиозных представлений и ритуалов существовал и среди правителей сарматской, сакской, бактрийской и другой знати Евразии (Кузьмина, Сарианиди, 1982. С. 24).

Видимо, сходной была и социальная роль женщины, похороненной в кургане могильника Шикаевка. Наличие на головном уборе навершия с птицей – символа дерева жизни – свидетельствует о сакральной значимости убора и позволяет считать женщину из шикаевского погребения не просто знатной, а выполняющей жреческие функции. Основная роль служительницы культа в данном случае, вероятнее всего, состояла в «посредничестве» между миром людей и богов, поскольку, по представлениям древних, связующим звеном между землей и небом служило мировое дерево.

Эти представления о мировом дереве как медиаторе Вселенной сохранились в ритуальной обрядности у аборигенного населения лесного Зауралья (хантов и манси) практически до современности.

В этом отношении показательны обряды, связанные с божиим жертвенным деревом, известные по этнографическим свидетельствам. Участники церемонии при жертвоприношениях срубали под корень маленькое деревце, обрубали нижние ветки, оставляя часть из них только на вершине, на коре дерева вырезали изображение духа, которому предназначались жертвы. Подготовленное таким образом деревце устанавливали на культовом месте (летом – в земле, зимой - в снегу) на восход солнца. На дерево подвешивали «подарки» богам и духам–покровителям. Поклонами и заклинаниями приглашали на праздник духа жертвенного места. Считалось, что прилетая, он опускается на вершину священного дерева и по нему, как по лестнице, поднимает дары к небесному богу (Карьядайнен, 1996. С. 69, 70).

В рассматриваемом нами аспекте интересен также обряд, основанный на космогонических представлениях, связанных с культом мирового дерева, наблюдавшийся в 20-е годы XX века В.Н. Чернецовым у манси (вогул). При приобщении юноши из рода Орла к родовому культу его заставляли взбираться на вершину священного дерева и читали заклинания (в основном добрые пожелания). Считалось, что тем са-

мым юноша приобщался к высшим божествам, получал силу от солнца, выступающего в данном конкретном случае в образе орла – тотема рода (Чернецов, 1927. С. 123).

Культ орла, известный в древних мировоззренческих представлениях в тесной связи с культом мирового дерева, у многих сибирских народов (обских угров, самодийских народностей, якутов, тунгусоманьчжурских народов) связан с представлением его в виде помощника или олицетворения шамана. Отсюда происходит традиция помещения изображений орла и других птиц на одежду шамана (Иванов, Топоров, 1988. С. 258).

Например, у авамских нганасан на корону шамана для камлания духам верхнего мира помещалась железная фигурка летящей двуглавой птицы-мышелова. По существующим представлениям, эта птица находила в небе отверстие, через которое шаман «проникал» в верхний мир. Наличие двух голов объяснялось тем, что птица двуполая (Иванов, 1970. С. 107).

Некоторые шаманы ваховских хантов имели железный головной убор в виде короны, на котором на перекрестье двух полос на макушке крепились железные стилизованные олени рога (Алексеев, 1932. С. 353. Рис. 54; Кулемзин, 1976. С. 69,70. Рис. 8). Основным элементом одежды шамана васюганских хантов была шапка, сшитая из шкуры горностая и выдры, расшитая бисером и бусами.

У хантов, манси, алтайских народов культ орла связывается не только с представлениями о нем как культурном герое, первом шамане и родоначальнике шаманства. Орел являлся вестником солнца и даже отождествлялся с самим солнцем. Некоторые исследователи полагают, что в культе орла эта птица приобрела образ солнца не только по причине мировоззренческой нагрузки, но и в силу определенных природно-климатических факторов: время прилета орла в большинстве северных районов Сибири совпадает с таким астрономическим событием, как восход солнца после полярной ночи и поворот к весне. Этот период (февраль - март) у большинства сибирских народов известен как «месяц орла» (Лушникова, 2004. С. 34-36, 40).

Таким образом, все основные характеризующие шикаевской головной убор признаки позволяют считать убор ритуальным. Ряд особенностей погребального обряда и инвентаря (угли, красная краска на дне могилы, курильница, необычное положение цветных стеклянных бус и др.) также свидетельствуют о жреческих функциях, выполнявшихся погребенной женщиной при жизни.

Ритуальный головной убор из Шикаевки имеет все основания быть рассмотренным в системе представлений древних людей о структуре Мироздания не только в плане макрокосма, но и микрокосма – человека, если исходить из общей основополагающей идеи, что человек – самая главная, образная и семантически насыщенная модель мира.

Любой головной убор – это символ верхней части. Если на головном уборе помещены изображения птицы, рогов животных, солярные знаки, как в нашем случае, то все это символизирует целеустремленность

вверх, то есть маркирует верхнюю часть человека – микрокосма. Можно привести много примеров из мифологии и этнографии, характеризующих подобные представления. Особенно четко это выражено на праздничной и культовой одежде. Но это уже особый подход к трактовке головного убора, требующий специального исследования, провести которое в данном случае нет возможности.

Список литературы

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. I, XIII – XVI вв. Иркутск, 1932.
- Акишев К.А. Курган Иссык: искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
- Викторова В.Д., Чайкина Н.М., Широков В.Н. Гора и водопла-вающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. № 4. Екатеринбург, 1997.
- Генинг В.Ф. Курганы у г. Шадринска // ВАУ. Вып. 4. Свердловск, 1962.
- Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX века. Л., 1970.
- Иванов В.В., Толоров В.Н. Орел // Миры народов мира. Энциклопедия. Том II. М., 1988.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов. Т. 3. Перевод с немецкого и публикация Лукиной Н.В. Томск, 1996.
- Киселев С.В. Древняя история Сибири // МИА. № 9. 1949.
- Кличко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной скифии. Киев, 1982.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Кузьмина Е.Е., Сарианиди В.И. Два головных убора из погребений Теллятепе и их семантика // КСИА. Вып. 170. М., 1982.
- Кулемзин В.М. Шаманство восточно-ваховских хантов (конец XIX - начало XX вв.) // Из истории шаманства. Томск, 1976.
- Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей (лингвистическая реконструкция). М., 2004.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
- Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (По материалам могильника Язово 3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4.
- Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н.э. // СА. 1981. № 4.
- Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. № 1.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
- Мозолевский Б.Н. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине // СА. 1972, № 3.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д 1-10. М., 1963.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины // ВДИ. 1996. № 4.
- Потемкина Т.М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1969 г. Архив Института археологии РАН. Р-1, №№ 3957, 3957а.
- Потемкина Т.М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1970 году // Архив Института археологии РАН. 1970. Р-1. №№ 4189, 4189а д.
- Потемкина Т.М. Археологические памятники Зауралья // Блокнот агитатора. № 21. Курган, 1969. С. 36-49.
- Потемкина Т.М. Археологические памятники – важнейшие источники по изучению древней истории края // Роль краеведения в коммунистическом воспитании труда-щихся. Курган, 1971.
- Потемкина Т.М. Первобытно - общинный строй в Зауралье / / История родного края. Челябинск, 1975.
- Потемкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005.
- Потемкина Т.М. Женский ритуальный головной убор IV-III вв. до н. э. из Зауралья // Поселищен живот в Тракия. IV Международен симпозиум. 9-11 ноември 2005, Ямбол-Кабиле. Редактор Илия Илиев. Ямбол, 2006. (Болгария).
- Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989.
- Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- Ригведа. Мандалы I-IV. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1989.
- Сарианиди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1.
- Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуши. М., 1992.
- Смирнов К.Ф. Сафроматы. М., 1964.
- Топоров В.Н. Древо мировое // Миры народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987.
- Федоров В.К. О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного Урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- Чернецов В.Н. Жертвоприношение у Богул // Этнограф-исследователь. № 1. Л., 1927.
- Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 1. М., 1947.
- Членова Н.Л. Предыстория «Торгового пути» Геродота (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1.

И.Э. ЛЮБЧАНСКИЙ, А.Д. ТАИРОВ

Челябинский государственный университет,

Челябинск, Россия;

Южно-Уральский государственный

университет, Челябинск, Россия

АРХЕОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА КОМПЛЕКСА КУРГАНА С «УСАМИ» НОВОКОНДУРОВСКИЙ I

В июне 2006 года на базе Челябинского государственного университета и музея-заповедника «Аркаим» состоялся полевой семинар «Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала» (Астрономическое..., 2006). Организаторами семинара выступили Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга Московского государственного университета, Астрономическое общество, Институт археологии РАН, Челябинский государственный университет, Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим». Этот семинар явился первым в России научным мероприятием такого рода, хотя необходимость их проведения отражена еще в решении первой конференции по археоастрономии в России в 1996 году (Потемкина, Косарев, Юрьевич, 1998. С. 237, 238). Инициатором проведения семинара, главным его идеяным вдохновителем была Тамила Михайловна Потемкина. Благодаря ее энергии, на-

стойчивости и организаторской деятельности удалось собрать в одном месте профессиональных археологов и астрономов. Следует особо подчеркнуть, что Т.М. Потемкина - одна из первых археологов в России, которые стали заниматься археоастрономическими исследованиями. Ее перу принадлежит ряд основополагающих работ по этой теме (Потемкина, 1994; 1996; 1997; 2001; 2006; Потемкина, Юревич, 1996; 1998; Кауров, Потемкина, 1995). Археоастрономия – область науки междисциплинарного характера, предметом изучения которой является астрономический контекст археологических памятников. В число основных задач археоастрономических исследований входят выявление и раскрытие (на научном уровне) астрономических аспектов материальных остатков жизнедеятельности древних культур, реконструкция астрономических знаний древних и места таких знаний в архаических картинах мира.

Одним из направлений работы полевого семинара 2006 года было проведение астрономо-геодезических измерений на отдельных масштабно исследованных археологических объектах. Основным таким объектом стал курган с «усами» Новокондуровский I, на котором уже проводились археоастрономические исследования, нашедшие отражение в печати (Зданович, Кириллов, 2002). Но полученные данные не охватывали весь аспект проблем, связанных с астрономическим содержанием этого памятника. В связи с этим Т.М. Потемкина предложила особую методику измерений, которая учитывала специфические особенности каменных «усов», выложенных из участков камней различного цвета, местонахождения сосуда в центральном сооружении и т.п.

Результаты измерений, проведенных на кургане с «усами» Новокондуровский I, сейчас находятся в стадии обработки и в будущем будут представлены отдельным изданием. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот данных по археологии и архитектонике комплекса кургана с «усами» Новокондуровский I.

Курган с «усами» Новокондуровский I расположен на левом берегу реки Большая Караганка, у села Новокондуровка Кизильского района Челябинской области в 0,5–1,25 км на ЮВ–ВЮВ от характерной тройной излучины реки. В 0,5 км на ЗСЗ от кургана имеется небольшое озерцо (сильно заболочено) и старый (не действующий) родник; в 200 м на СЗ от кургана проходит водовод. В 3,5 км на СВ расположен брод через реку Большая Караганка. Сам курган с «усами» занимает центральную часть долины, которая тянется вдоль левого берега реки в направлении ЮЗ–СВ от села Новокондуровка до указанного брода. От кургана до северной окраины села – 4 км на ЮЗ. Строго на восток на расстоянии 1 км расположена вершина безымянной сопки (отметка 348,2), на которой находятся два кургана. Один относится к эпохе раннего железного века, второй, разрушенный, целесообразно соотнести с эпохой поздних кочевников средневековья. В 1 км к ЮЗ от кургана с «усами» расположен могильник эпохи бронзы Змеиный Дол I, названный так по одноименному долу.

Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I

был обнаружен при дешифровке аэрофотоснимков И.М. Батаниной и подтвержден археологической разведкой И.В. Ульянова и М. Кузнецовой (Галиуллиной) в 1997 году.

Курган с каменными грядами-«усами» Новокондуровский I представляет собой сложную архитектурную композицию, состоящую из центральной насыпи диаметром 12 м и двух «усов» – гряд, сложенных из камня. Памятник ориентирован в восточном направлении. Длина северного «уса» составила 236 м, южного – 216 м. Оба «уса» оканчиваются каменными площадками-«выкладками». Диаметр окончания северного «уса» (курган № 3) составил 6 м, южного «уса» (курган № 5) – до 5 м. На началах гряд-«усов» характерных площадок-«выкладок» не зафиксировано. Вследствие распашки территории, на которой расположен памятник, гряды-«усы» фрагментарно разрушены, но в целом комплекс находится в удовлетворительном состоянии (рис. 1, 1).

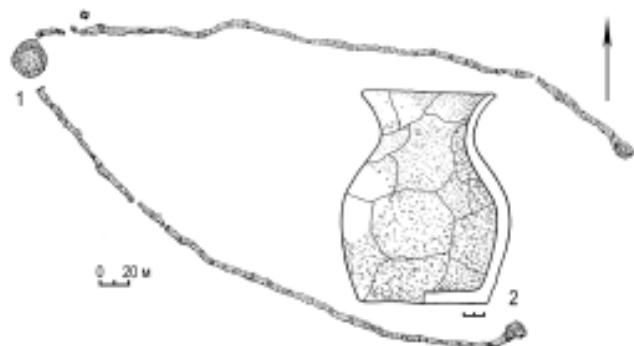

Рис. 1. Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I.
1 – общий план; 2 – керамический сосуд.

За условный ноль была выбрана точка на межусном пространстве в 20 м к ВЮВ от центра основной насыпи.

Центральная насыпь комплекса кургана с «усами» Новокондуровский I исследовалась тремя параллельными траншеями и одной добавочной, расположенной перпендикулярно к северо-западной поле насыпи. Она представляет собой каменную насыпь окружной неправильной формы, сверху покрытой дерном. Размеры насыпи – 12 м по оси СЗ–ЮВ и 11 м по оси СВ–ЮЗ. Насыпь состоит из желто-коричневых гранитов и базальтов. В целом она представляет собой каменную оградку шестиугольной формы.

Стратиграфия центральной насыпи представляет собой гумусный слой мощностью 0,25–0,35 м; слой погребенной почвы мощностью 0,15–0,25 м; материк светло-серого цвета с черными температурными разломами. Камни нижнего слоя расположены частью на погребенной почве, верхнего – на камнях нижнего яруса. Материк расположен на уровне [-20 – -26] от условного «0» (рис. 2).

Северная гряда-«уса». Исследовалась траншейным способом. Всего было заложено 62 траншеи параллельно друг другу. В каждой траншее фиксировались специфические особенности структуры и строения каменной гряды-«уса».

Стратиграфия северной гряды-«уса». На про-

тяжении всей гряды-«уса» слои прослеживаются на одинаковых уровнях: гумус мощностью 0,5–0,15 м, которая понижается к концу гряды; погребенная почва – мощность 0,2–0,5 м; материк желто-коричневого цвета.

Каменная выкладка окончания северного «уса». Выкладка на окончании северной гряды имеет вид прямоугольника размерами 6 м по линии запад-восток и 5,5 м по линии север-юг. Площадка выложена из базальтовых камней средних и больших размеров. В ЮЮЗ части площадки уложены большие камни (размеры $0,53 \times 0,88$ м). Выявлены завалившиеся камни больших размеров, возможно, стоявшие вертикально. При снятии верхнего слоя камней между первым и вторым слоем была уложена базальтовая галька. Второй слой укладки также представлял прямоугольник размером $4,5 \times 4$ м, сложенный из камней больших и средних размеров неправильной формы (рис. 3, 1).

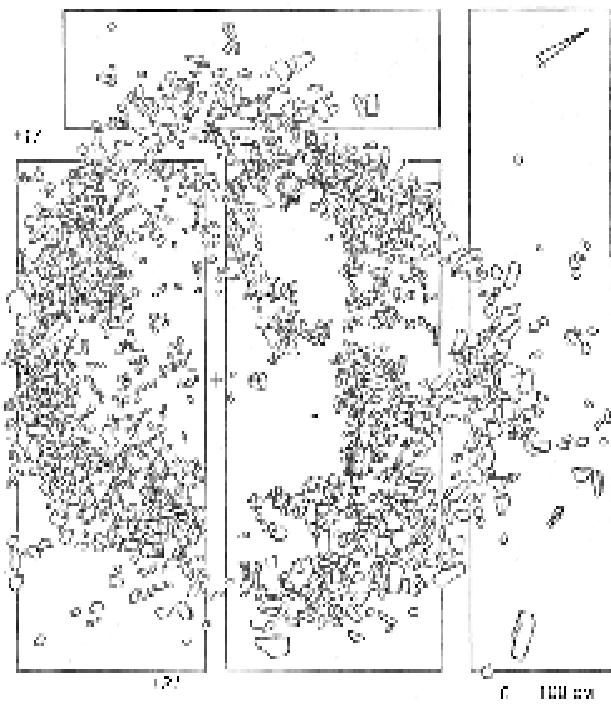

Рис. 2. Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I. Центральная насыпь. Каменная выкладка.

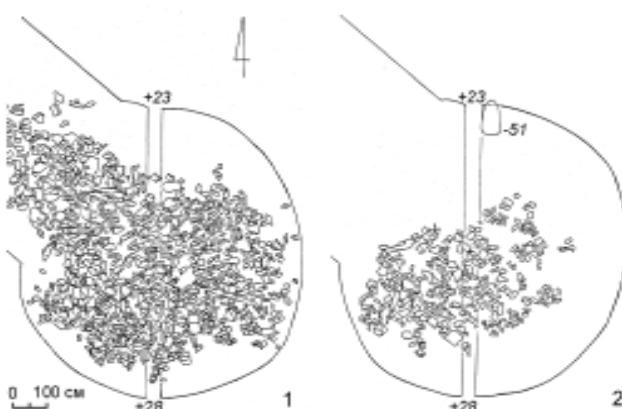

Рис. 3. Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I. Окончание северного «уса»-гряды (курган 3).
1 – каменная выкладка верхнего яруса; 2 – каменная выкладка нижнего яруса.

Стратиграфия выкладки на окончании северного «уса»: 0,65 м – мощность верхнего слоя каменной выкладки; 0,5 м – мощность нижнего слоя каменной выкладки; солонцовый комплекс мощностью – 0,3–0,35 м; материк желто-коричневого цвета.

После снятия камней второго яруса в северной части раскопа на уровне материка [-51] была обнаружена яма неправильной подпрямоугольной формы (яма № 1). После вскрытия оказалось, что яма имеет небольшой подбой в южной части западной стенки (глубина - 1,2 м). Заполнение представляет собой темную погребенную почву. Стенки ямы сужаются ко дну в северной части. Дно неровное. На дне ямы обнаружен биконический кристалл горного хрусталя. Других находок не обнаружено (рис. 3, 2).

Южная грязь-«ус». При поиске начала южного «уса» был разбит круговой раскоп диаметром 11,5 м с сохранением одной бровки, ориентированной по линии С–Ю. В юго-восточной части раскопа (восточного сектора) под дерном было расчищено начало южного грязь-«уса» шириной 2 м, сложенного из камней средних размеров (0,3–0,4 м). Грязь-«ус» примыкает к четырем камням крупных размеров, один из которых напоминает стелу ($0,75 \times 0,25 \times 0,1$ м). Далее бессистемно лежат камни мелких размеров. В западном секторе раскопа в хаотичном порядке под дерном расчищено около десятка камней средних размеров.

Грязь-«ус» исследовалась траншейным способом. В общей сложности было заложено 63 параллельные траншеи. Вскрышные работы позволили определить специфические особенности строения и архитектуры каменной грязь-«уса».

Стратиграфия насыпи начала южного «уса»: гумус мощностью 0,08–0,1 м; погребенная почва мощностью 0,25 м; материк светло-желтого и темно-коричневого с черными температурными разломами.

Стратиграфия южного грязь-«уса»: гумус мощностью 0,15–0,25 м; погребенная почва с солонцовым комплексом (темно-коричневого цвета) мощностью 0,25–0,35 м; материк неровный, «плавающий», зафиксирован на уровне 0,4–0,8 м от уровня дневной поверхности

Каменная выкладка окончания южного «уса». Высота каменной выкладки «уса» от материка - 0,75 м, мощность – 0,3 м. На материке выделилось шесть ям: четыре в восточном секторе и две в ССЗ.

Яма № 1 расположена в 0,5 м к СВ от центра выкладки. Яма имеет неправильную подпрямоугольную форму, вытянутую по линии СВ-ЮЗ. Размеры ямы составили $2,8 \times 0,75 \times 1,3$ м. На уровне материка в северо-восточной части контура ямы зафиксировано скопление камней средних размеров и одиночный камень вытянутой формы в центре, ближе к южной стенке. Камни неправильной формы, размерами от $0,1 \times 0,1$ м до $0,45 \times 0,2$ м, лежали бессистемно компактной группой. Два камня под тяжестью вдавились в заполнение ямы на глубину до 0,08 м. Лежащий отдельно от основной группы камень имел удлиненную форму и размеры $0,6 \times 0,2 \times 0,06$ м и был завален под углом 140° , упираясь широкой частью в дно. Стенки ямы неровные, с разной степенью наклонены. В северной части ямы максимальная глубина -

0,25 м [-33] от уровня условного «0». В южной части глубина достигает 0,55 м [-63] от уровня условного «0». Дно ямы неровное.

Яма № 2 расположена в 1 м к СЗ от южной оконечности ямы № 1. Яма округлой формы несколько вытянута по линии З–В. Размеры ямы по оси З–В – 0,8 м, по оси С–Ю – 0,65 м. Стенки ямы неровные, плавно сужаются ко дну. Дно неровное. Максимальная глубина ямы находится в центре и в восточной части и составляет 0,6 м от уровня материка (или [-68] от уровня условного «0»).

Яма № 3 зафиксирована в 0,3 м к северу от ямы № 1. Имеет неправильную подпрямоугольную форму, ориентированную по линии С–Ю. Размеры составили $0,55 \times 0,4$ м. Стенки ямы неровные, в северной и восточной части имеют уступ, занимающий две трети ямы, глубиной до 0,13 м. Максимальная глубина - 0,32 м (отметка [-40]), зафиксирована в южной части ямы. Дно ямы имеет вертикальный выступ округлой формы, высотой 0,11 м, расположенный в ее северо-западной части.

Яма № 4 расположена в 0,4 м к СЗ от ямы № 1. Яма овальной формы, несколько вытянута в направлении ССВ–ЮЮЗ. Размеры составили $0,27 \times 0,23$ м, глубина - 0,16 м (отметка [-24]). Стенки ямы ровные вертикальные, дно – ровное, без впадин.

Яма № 5 находится в 0,3 м к ЮЗ от ямы № 1. Яма округлой формы диаметром 0,25 м, глубина - 0,14 м (отметка [-22]). Стенки неровные и ступеньками сужаются ко дну.

Яма № 6 расположена в 0,55 м к Ю от ямы № 1, округлой формы диаметром 0,22 м, глубиной 0,29 м (отметка [-37]). В СЗ стенка ямы выходит за первоначальные очертания.

Стратиграфию окончания южного гряды-«уса» составил гумусный слой мощностью 0,10–0,15 м; слой погребенной почвы мощностью 0,25–0,3 м; материки светло-желтого цвета.

В северо-восточном секторе центральной насыпи под вторым ярусом камней в 3 м от центрального кола был обнаружен развал сосуда. Фрагменты (около 50) составляли керамический красноглиняный станковый сосуд кувшинообразной формы плохого обжига (рис. 1, 2). Венчик слегка отогнут. Тулово раздвоено. Дно плоское. Размеры сосуда - высота 19 см, диаметр по венчику - 12,5 см, диаметр горла - 9 см, максимальный диаметр - 16 см, диаметр дна - 12 см. Со суд стоял в ямке на уровне материка (отметка [-22]).

По результатам исследования, а также по аналогии с памятниками этого типа, комплекс кургана с «усами» Новокондровский I можно предварительно отнести к кругу памятников V в. н.э.

Комплекс кургана с «усами» Новокондровский I представляет собой достаточно сложный архитектурный объект, который позволяет использовать его технические характеристики как полигон, на котором можно апробировать новые методы смежных и естественных научных дисциплин. Данная статья посвящена характеристике архитектурных особенностей комплекса кургана с «усами».

Центральная насыпь комплекса кургана с «усами» Новокондровский I представляет из себя развал

каменной конструкции. После удаления камней периферии нами была оконтурена насыпь почти правильной шестиугольной формы. Причем в центральной ее части располагались туфо-базальты и граниты, уложенные в один-два ряда, в то время как периферийные, больших размеров стеловидные граниты, были уложены в два-три ряда на высоту 0,7–0,9 м от уровня материка. После удаления камней из центра насыпи центральное сооружение стало выглядеть как многоугольная ограда с шириной стены до 1 м. В северо-восточной и юго-западной частях ограды имеются разрывы шириной 0,7–0,9 м, которые, возможно, являлись обозначением ритуальных проходов внутрь конструкции. Здесь же фиксируются элементы так называемой «чешской» кладки.

Индивидуальной чертой каменных гряд-«усов» комплекса кургана с «усами» Новокондровский I является их «змеевидность». Но при детальном рассмотрении обнаруживается то, что каменные гряды-«усы» представляют ломаные линии, отрезки которых имеют разную длину. К тому же при исследовании Новокондровского I курганного комплекса с «усами» было замечено использование трех пород камня при его возведении. Две породы были привезены на место сооружения из скальных выходов, расположенных в 8–15 км от площадки сооружения комплекса. Каменные гряды-«усы» Новокондровского I кургана были выложены отдельными участками с преобладанием той или иной породы, но при этом границы между ними очень хорошо фиксировались. По материалам исследований этого комплекса мы можем предположить, что комплекс кургана с «усами» Новокондровский I возводился единовременно, после подготовительного этапа, о чем свидетельствуют не только привезенные граниты, но и обнаруженные остатки исходного материала, находящиеся в 2,2 м от внешней линии северной гряды-«уса» и в 18–20 м от его начала. Они представлены гранитами, которые не были использованы при строительстве. Этот материал был уложен в конструкцию размерами 6×6 м. После ее расчистки стало очевидным то, что она конусом опускается в яму, образованную грунтовыми водами.

Неподдельный интерес представляют конструкции на окончаниях «усов» Новокондровского I комплекса. Напомним, что конструкция на начале южного «уса»-гряды полностью разрушена. От нее сохранились только четыре крупных гранитных плиты, которые обозначали место соприкосновения разрушенной ограды и самой гряды-«уса». Конструкция на начале северного «уса» вообще отсутствовала. Скорее всего, она не была предусмотрена «архитектурным планом» сооружения. Поэтому строители обозначили ее небольшим каплевидным расширением шириной от 3,6 до 4,5 м. Сложенная из камней малых и средних размеров, она вряд ли повторила геометрические формы, которые характерны для большинства комплексов курганов с «усами».

Окончание северной гряды-«уса» представляет собой каменную подпрямоугольную (или почти квадратную) конструкцию размерами $6,0 \times 5,50$ м, ориентированную сторонами по линии ВЮВ–ЗСЗ. Сложена она из камней базальтовых пород средних и мелких

размеров, причем самые крупные и массивные из них расположены к западу-юго-западу от центра конструкции. В центральной части были расчищены два больших удлиненных камня, лежащих в 0,3–0,4 м от выявленных двух неглубоких ямок между камнями кладки. Возможно, первоначально эти камни были поставлены вертикально. Камни конструкции уложены в два слоя на погребенную почву. Между слоями камней находится слой базальтовой «крошки» (мелко разбитого базальта). После расчистки всей конструкции и удаления каменных развалов сооружение стало представлять подпрямоугольную площадку размерами 4,50 × 4,0 м.

Конструкция окончания южной гряды менее мощная, нежели предыдущая, сложена в основном из камней средних размеров в два слоя. Фундамент конструкции представлен плоскими гранитными блоками, уложенными на погребенную почву и очерчивающими квадратную площадку размерами 3,50 × 3,50 м. В центре площадки обнаружено углубление в камнях размерами 0,2 × 0,3 м, в котором, возможно, стоял стеловидный камень, обнаруженный в 7 м от раскопа на пашне. Размеры основания камня вполне соответствуют размерам углубления.

Рассмотрение доступных материалов по каменным выкладкам в начале и конце каменных гряд позволяет говорить не только об их индивидуальных чертах, но и об общих закономерностях их устройства, к которым можем отнести во-первых, геометрию формы фундаментов площадок (подпрямоугольник, подквадрат); во-вторых, размеры, которые пропорционально относятся к ширине гряд-«усов» (1 : 2–2,5); в-третьих, все конструкции имеют два ряда камней, которые образуют их насыпь; в-четвертых, на всех оконечностях гряд зафиксированы либо лежащие крупные стеловидные камни, либо места, где они могли быть установлены.

Не совсем понятны по назначению подпрямоугольные ямы, обнаруженные под окончаниями гряд-«усов» Новокондуринского I кургана. Здесь же, под окончанием южной гряды, зафиксированы три круглых столбовых ямки и три ямки подквадратной формы, которые, возможно, использовались для ориентирных камней при возведении всего сооружения комплекса.

Подводя итог, следует сказать, что комплекс кургана с «усами» Новокондуринский I входит в систему аналогичных памятников урало-казахстанских степей периода эпохи переселения народов. Анализируя археологическую составляющую исследуемого объекта, можем констатировать, что комплекс кургана с «усами» Новокондуринский I относится к типу I по классификации М.К. Кадырбаева (Кадырбаев, 1966. С. 309, 310) и хронологически входит в систему идентификации гуннского времени Южного Зауралья. Датировка, которая определяется в пределах V века н.э., не противоречит уже исследованным 54 комплексам курганов с «усами» урало-казахстанских степей (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006).

Список литературы

- Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала. Тез. докл. полевого семинара, Аркаим, 19–25 июня 2006 г. Челябинск, 2006.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006.
- Зданович Д. Г., Кириллов А.К. Курганные памятники Южного Зауралья: археоастрономические аспекты исследования. Челябинск, 2002.
- Кадырбаев М.К. Памятники Тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алматы, 1966.
- Кауров Э.Н., Потемкина Т.М. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва, 1994) // РА. 1995. № 3.
- Потемкина Т.М. Святилище-«обсерватория» – новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье // Проблемы изучения духовной культуры древних обществ: Тез. докл. науч. семинара, Екатеринбург, 12–16 апреля 1994 г. Екатеринбург, 1994.
- Потемкина Т.М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тыс. до н.э. // Археоастрономия: проблемы становления: Тез. докл. междунар. конф. М., 1996.
- Потемкина Т.М. Археоастрономия в России: достижения, проблемы, перспективы (археологический аспект) // Древняя астрономия: Небо и Человек: Тез. докл. междунар. науч.-метод. конф. М., 1997.
- Потемкина Т.М. Энеолитические круглоглавые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
- Потемкина Т.М. Археоастрономические объекты Южного Урала: особенности и перспективы исследования // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала: Тез. докл. полевого семинара, Аркаим, 19–25 июня 2006 г. Челябинск, 2006.
- Потемкина Т.М., Косарев М.Ф., Юрьевич В.А. «Археоастрономия: проблемы становления» (Междунар. конф. Москва, 1996) // РА. 1998. № 1.
- Потемкина Т.М., Юрьевич В.А. Древнейшая астрономическая обсерватория на территории России // Археоастрономия: проблемы становления: Тез. докл. междунар. конф. М., 1996.
- Потемкина Т.М., Юрьевич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.

В.И. СЕМЕНОВА

**Тюменский государственный институт
искусств и культуры**

КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОНЦА VIII-XI ВВ. ИЗ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-БАЛЫК

Слова О. Шпенглера о том, что «дом – наиболее чистое выражение расы» (Шпенглер, 2003. С. 121), применимы и в отношении традиционной одежды. В костюме человек воспроизводит себя с точки зрения своей культуры с учетом существующих представлений о своей природе и самом значимом в ней. В костюме проявляется в первую очередь социальнаяность человека. В обско-угорском фольклоре богатырь-медведь снимает одежду и превращается в зверя (обращает шерсть) (Мифы, предания, сказки ..., 1990. С. 80). В культуре костюм выступает как вещь и как знак, неся целый ряд функций: этническую, практическую, эстетическую, эротическую, магическую, возрастную,

обрядовую, профессиональную, сословную и пр. (Богатырев, 1971. С. 340-341). Костюм изоморfen человеку по всем линиям его связей с окружающим миром и является ценным источником для получения самой разнообразной информации.

Остатки одежды представлены в погребениях очень скучно. В отдельных случаях зафиксирован мех в районе черепа, костей рук, бедер под бронзовыми вещами (накладками, браслетами). В погребении 9 могильника Усть-Балык, благодаря поясу с бронзовыми накладками под тазовыми костями, найден фрагмент меховой одежды ворсом наружу. В младенческом погребении 73 под костяком расчищен фрагмент спинки меховой наплечной одежды, сшитой из меха ворсом наружу. Через ее центр и по подолу шла полоса из наборного меха – «сухариков». В другом младенческом погребении 77 на черепе обнаружены остатки шапочки типа капора из птичьей кожи. Изделия из кожи найдены в виде фрагментов ремней с сохранившимися на них бронзовыми накладками и шнурков, продернутых в пронизи, бусы-«флакончики». Наиболее представительны украшения костюма, которые являются его неотъемлемой составной частью.

Реконструкция костюма по археологическим материалам - достаточно сложная задача (Яценко, 2001. С. 7, 8). В данном случае ставится цель выделить основные типы костюмных комплексов конца VIII-XI вв. по материалам могильника Усть-Балык (Нефтеюганский р-н Тюменской обл., левый берег реки Большой Балык). Под костюмным комплексом подразумевается общая схема, структура костюма на основании анализа локализации на костяках украшений (изделий из бронзы и бус). В предыдущих работах проводился анализ украшений и принадлежностей костюма по их назначению и составу (Семенова, 1995. С. 79-81; 2001. С. 118-120).

Для анализа были отобраны погребения с ненарушенным порядком расположения украшений, затем по аналогии восстановлены остальные погребения с украшениями, проведена их типология (всего 67 погребений). В ходе работы было уточнено назначение украшений, более четко дифференцированы головные и шейно-нагрудные, поясные и наручные украшения, выявлены новые виды элементов одежды (например, нагрудники, набедренники). По местонахождению украшений выделены четыре основные категории: головные (А), шейно-нагрудные (Б), наручные (В), поясные (Г). В пятую категорию (Д) вошел один комплекс с накладками по центру спереди от подбородка до ступней.

Головные украшения как элемент костюма присутствуют в 57% усть-балыкских погребений (рис. 1, 1-19). Анализ состава украшений показал, что встречающиеся виды могли быть закреплены на повязке или шапочке (головные уборы), находиться в прическе (височные украшения и накосники).

Наличие головного убора выявлено в 16 погребениях (42, 1%). Реконструируются довольно разнообразные типы головных уборов: 1) шапочки с накладками и без; 2) повязки с бронзовыми накладками, подвесками, пронизями.

Головной убор украшался накладками, подвесками, пронизями, бусами. Преобладали накладки в виде прямоугольных гладких бронзовых пластин (21%). Пластины чаще всего встречаются по одной, реже по две и более (рис. 1, 1; 2, 2, 9). Самое большое количество пластин (5), несомненно, связанных с головным убором, встречено в женском погребении 48 (рис. 2, 9).

Три круглых накладки с рельефным орнаментом в виде зубчатой розетки найдены в детском захоронении 84 (рис. 1, 3; 3, 3). Они были прикреплены на

Рис. 1 Основные типы украшений: головные, шейно-нагрудные, наручные, поясные.

меховую основу и располагались на лобных костях. Возможно, в данном случае, они крепились к меховой шапочке типа капора. В другом детском погребении (погребение 93, рис. 1; 3) в головах была найдена одна сердцевидная подвеска, которая, вполне вероятно, украшала головной убор.

Рожковые пронизи (погребение 149, рис. 1, 9) и птицевидные, плоские, двусторонней отливки подвески (погребение 152, рис. 1, 5, 6; 2, 1), стеклянные бусы (погребение 51), бубенчики (погребения 89, 161) встречаются парами. Безусловно, они могли быть не только закреплены на головном убore, но и употребляться как накосники. Бусы-«флакончики» (рис. 1, 10) встречаются по одной (погребения 7, 82) и парой (погребение 81). Их употребление также могло быть двояким – как элементов декора головного убora, так и накосников.

Как следует из изложенного выше, накосники выделяются весьма условно, так как могли крепиться и к головному убore. Тем не менее не исключено, что пронизи и подвески, нанизанные на шнур, вплетались в косы. В мужском погребении 157 встречаются две трубчатые с вздутиями пронизи (рис. 1, 11; 3, 9). Обращает на себя внимание тот факт, что они непарные. Одна пронизь связана с детским погребением 17 (рис. 1, 13). Подвески также найдены по одной в женском погребении 16 (рис. 1, 15; 2, 7) и мужском погребении 61 (рис. 1, 14; 3, 11). Обе найдены под черепом в его основании. Причем в погребении 16 подвеска лицевой стороной лежала вниз. В целом накосники составили 13,1% (5 погребений) от общего числа погребений с головными украшениями. Таким образом, накосники представлены: 1) трубчатыми пронизями, 2) бусами-«флакончиками», 3) одиночными подвесками.

Височные украшения отмечены в 14 погребениях (36,8%). Чаще всего они представлены несомкнутыми дротовыми кольцами круглого или эллипсовидного сечения (рис. 1, 16). Только в одном погребении 155 встречена пара калачевидных колец (рис. 1, 19). Височные украшения найдены как в мужских, так и в женских, детских могилах, чаще всего парами, но встречаются и по одному (погребения 41, 78, 82, 121, 139). Височные украшения, видимо, вплетались непосредственно в прическу (хотя не исключено их закрепление за повязку или шапочку). В мужском погребении 24 в височных кольцах сохранились пряди волос, разделенные на прямой пробор и пропущенные через кольца.

Особенность мужского комплекса головных украшений составляет присутствие височных колец, трубчатых накосников, бус-«флакончиков». Накосники составлены из единичных пронизей и подвесок, не отмечено ни одного набора, нанизанного на шнур, как это характерно для Приуральского финно-угорского населения. (Крыласова, 2001. С. 63). У женщин преобладают повязки с накладками, подвесками. В детских погребениях также распространены повязки и шапочки с накладками и подвесками.

Также встречаются усложненные ансамбли головных украшений. Чаще всего – наличие головного убora и височных украшений (погребения 48, 82, 84, 155, 160). Это характерно в первую очередь для женщин и детей (рис. 2; 3).

Шейно-нагрудные украшения найдены в 10 погребениях (15%). При более детальном анализе удалось выделить две группы: 1) шейные и 2) нагрудные (рис. 1, 20-26). Шейные украшения представляют собой ожерелья, составленные из бус, пронизок, подвесок. Нагрудные реконструированы по местоположению и композиции из накладок, бус, подвесок.

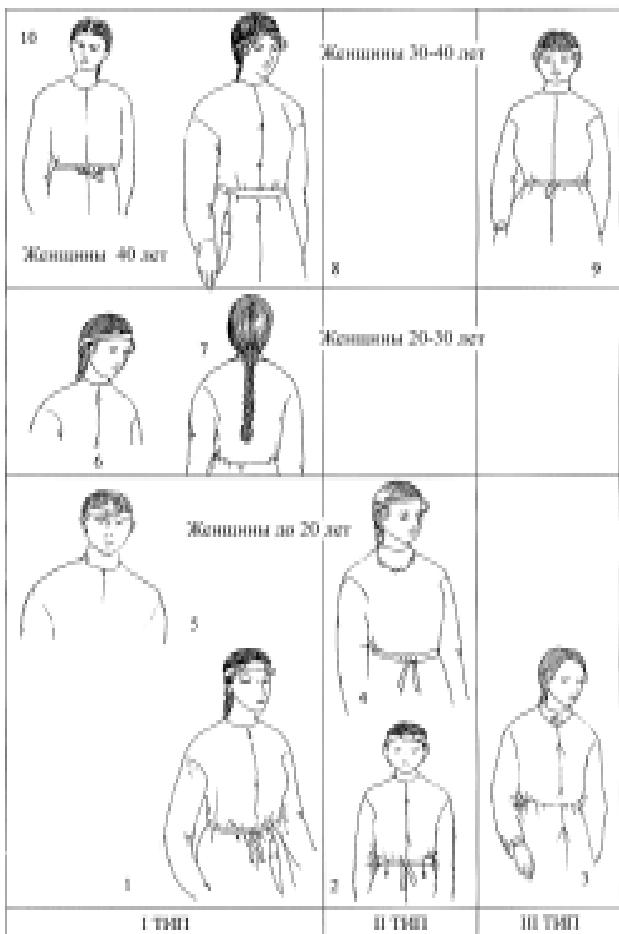

Рис. 2 Корреляция костюмных ансамблей VIII-XI вв. с половозрастными параметрами (женщины).

Ожерелья составлялись из пронизей, бус, бубенчиков. Наиболее полные ожерелья найдены в погребениях 33, 38, 57, 73. В погребении 33 ожерелье предположительно состояло из трех спиральных пронизей и двух бронзовых бус разного диаметра (рис. 1, 26). В женском погребении 38 ожерелье сохранилось лучше (рис. 1, 24; 2, 4). На кожаный шнур были нанизаны четыре спиральные пронизи и бронзовые бусы по две (всего пять бус, одна пара неполная).

В детском погребении 57 ожерелье было составлено из четырех бубенчиков (рис. 1, 22; 3, 6). В детском погребении 73 ожерелье состояло из трех бус-«флакончиков» и одной каменной призматической бусы (рис. 1, 25; 3, 4).

В детском погребении 22 найдено оригинальное шейное украшение. К шнуре под нижней челюстью были привязаны височное кольцо и сломанная поясная пряжка обского типа (рис. 1, 20, 21; 3, 7).

В женском погребении 42 на шнуре под нижней челюстью найдена птицевидная пронизь (рис. 1, 23; 2, 3).

Нагрудники выявлены в трех случаях (погребения 68, 121, 142). Они маркируются оригинальными

украшениями в виде тонкой серебристой пластины с центральным отверстием с плотной подкладкой из кожи или какого-то другого материала (дерева? кости?) (см. подобные рис. 1, 2). Наиболее сложный нагрудник отмечен во взрослом погребении 121. Две круглые серебристые пластиинки найдены на уровне груди, лежащими симметрично слева и справа. На равном расстоянии от них ближе к подбородку находилась бронзовая бусина. В остальных двух погребениях накладки потревожены.

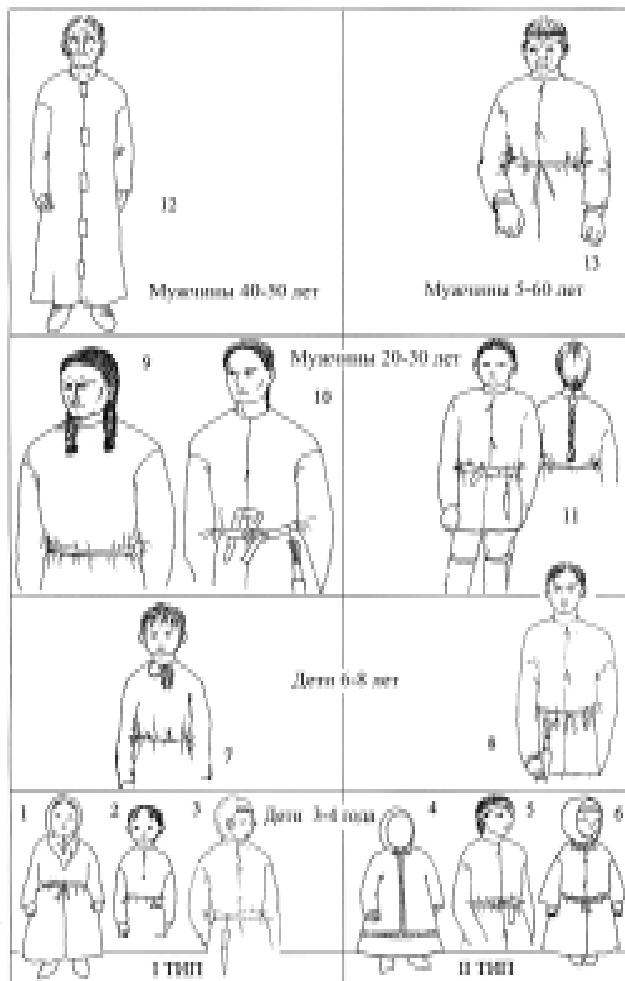

Рис. 3 Корреляция костюмных ансамблей VIII-XI вв. с половозрастными параметрами (дети и мужчины).

Ожерелья и нагрудники, характерные для женского и детского костюма, как правило, носились в сочетании с другими категориями украшений. В мужском костюме шейно-нагрудных украшений не встречено.

Наручные украшения найдены в 22 погребениях (32, 8%). Они представлены бронзовыми браслетами, браслетами, составленными из бус, и перстнем (рис. 1, 27-34).

Бронзовые браслеты присутствуют в 15 погребениях (68%). Существует половозрастная дифференциация по типам браслетов. Для мужских погребений характерны дротовые узкие браслеты. В погребении 176 один браслет прибалтийского типа составляет пару дротовому (рис. 1, 27, 28). В женских погребениях встречены браслеты обского типа с медвежьими головами (рис. 1, 30). В детских погребениях – гладкие пластинчатые браслеты (рис. 1, 29). В одном случае отмечен обломок браслета с кошачьим хищником. Интересен факт, что в одном женском и одном детском погребениях в каче-

стве браслетов использованы височные кольца (погребения 18, 89).

Браслеты из бус характерны для женских и детских погребений (шесть погребений – 27%, рис. 1, 31-33). Браслеты как категория украшений преобладают в детских погребениях.

Перстень встречен в мужском захоронении (рис. 1, 34). Он находился около черепа наряду с другим инвентарем.

Поясные украшения представлены в 26 погребениях (38,8%). Выделены две группы, свидетельствующие о наличии 1) ременного пояса и 2) набедренников (рис. 1, 35-48).

Наличие ремней документируется поясными пряжками, накладками. В трех случаях накладки сохранились на фрагментах ремней, ширина которых составляет 2-2,5 см (рис. 1, 44-46). В общей сумме все эти свидетельства зафиксированы в 21 погребении (80,8%). Сочетание ременной пряжки с одной накладкой встречено только в одном детском погребении 225. Особой половозрастной дифференциации в поясных украшениях не наблюдается.

В одном погребении (погребение 163, рис. 3, 12) встречена уникальная для этой хронологической группы черта костюма – наличие украшений, маркирующих разрез по центру у наплечной одежды. От нижней челюсти до щиколоток по центру расчищены пять бронзовых прямоугольных гладких пластин. Возможно, они выполняли функцию застежек (рис. 3, 12).

При анализе сочетаний категорий одежды выделены три типа костюмных комплексов, при этом учитывались погребения с установленной половой и возрастной принадлежностью.

К первому типу отнесены костюмные комплексы, содержащие одну категорию украшений, ко второму типу – костюмные комплексы, включающие по две категории украшений в разных сочетаниях, к третьему – по три.

Характеристика костюмного комплекса типа I со всеми подтипами дана выше (А; Б; В; Г, Д) и суммарно отражена в таблицах 1-5.

Таблица 1. Костюмный комплекс типа I А

№ п/п	№№ погре- бений	Головной убор			Ви- сочные укра- шения	Накосники	
		На- клад- ки	Под- вески	Бу- сы		Про- низи	Подвес- ки
а) М У Ж С К О Й							
1.	39	-	-	-	2	-	-
2.	157	-	-	-	-	2	-
б) Ж Е Н С К И Й							
1.	83	1	-	-	-	-	-
2.	152	-	2	-	-	-	-
3.	6	-	-	-	2	-	-
4.	105	-	-	-	2	-	-
5.	16	-	-	-	-	-	1
в) Д Е Т С К И Й							
1.	10	1	-	-	-	-	-
2.	17	-	-	-	-	1	-
3.	65	-	-	4	-	-	-
4.	78	-	-	-	1	-	-
5.	84	3	-	-	2	-	-

Таблица 2. Костюмный комплекс типа I Б

№ п/ п	№№ погре- бений	Ожерелья			
		Поясная пряжка	Височное кольцо	Пронизи	Бусы
Д Е Т С К И Й					
1.	22	1	1	-	-
2.	33	-	-	3	2

Таблица 3. Костюмный комплекс типа I В

№ п/ п	№№ погре- бений	Бронзовые браслеты						Браслеты из бус		
		Височ- ные кольца	Дро- то- вые	Зооморфные			Глад- кие	Стек- лян- ные	«Фла- кон- чики»	
				С дра- конами	С хищ- ником	«Об- ского типа»				
а) М У Ж С К О Й										
1.	40	-	2	-	-	-	-	-	-	-
2.	176	-	1	1	-	-	-	-	-	-
б) Ж Е Н С К И Й										
1.	18	1	-	-	-	-	-	-	-	-
2.	150	-	-	-	-	-	-	-	-	3
в) Д Е Т С К И Й										
1.	36	-	-	-	-	-	1	-	-	-
2.	100	-	-	-	1	-	-	-	-	-
3.	104	-	-	-	-	-	-	2	-	-
4.	148	-	-	-	-	-	-	4	-	-

Таблица 4. Костюмный комплекс типа I Г

№ п/п	№№ погре- бений	Ремень		Nabedrennik
		Пряжки	Накладки	Подвеска
а) М У Ж С К О Й				
1.	29	1	-	-
2.	55	1	-	-
3.	94	1	-	-
б) Ж Е Н С К И Й				
1.	129	1	-	-
в) Д Е Т С К И Й				
1.	9	-	набор	-
2.	88	-	3	-
3.	192	1	-	1
4.	225	1	1	-

Таблица 5. Костюмный комплекс типа I Д

№ п/п	№ погребения	«Застежки»	
		Накладки	
а) М У Ж С К О Й			
1.	163		5

Костюмный комплекс украшений типа II представлен шестью сочетаниями: 1) головные и шейно-нагрудные (АБ, рис. 2; 3); 2) головные и наручные (АВ, рис. 2; 3); 3) головные и поясные (АГ, рис. 2; 3); 4) шейные и наручные (БВ, рис. 2, 3); 5) шейные и поясные (БГ,

рис. 2; 3); 6) наручные и поясные (ВГ, рис. 2; 3). Наибольшее количество погребенных имели головные и поясные украшения (рис. 2, 3; табл. 6-11).

Таблица 6. Костюмный комплекс типа II АБ

№ п/п	№ погребения	Накосник	Нагрудник
		Подвеска	Накладка
а) ДЕТСКИЙ			
1.	68	1	1

Таблица 7. Костюмный комплекс типа II АВ

№ п/п	№№ погре- бений	Головной убор		Накосник		Брас- леты	Пер- стень	?
		На- кладки	Бусы	Про- низь	«Фла- кончик»			
а) МУЖСКОЙ								
1.	7	-	-	-	1	-	-	1
2.	27	1		1	-	-	1	-
3.	47	1	-	-	-	2	-	-
Б) ДЕТСКИЙ								
1.	51	-	2	-	-	1	-	-

Таблица 8. Костюмный комплекс типа II АГ

№ п/п	№№ погр.	Головной убор		Височные кольца	Накос- ник	Ремень		Набедренник		
		Нак- ладки	Подве-с ки		Подве- ска	Пряж- ка	Нак- ладки	Бу- сы	«Фла- кон- чики»	Про- низь
а) МУЖСКОЙ										
1.	24	-	-	2	-	-	6	-	-	-
2.	61	-	-	-	1	1	-	-	-	-
3.	160	1	-	-	-	-	-	-	2	-
б) ЖЕНСКИЙ										
1.	13	1	-	-	-	-	-	4	-	-
в) ДЕТСКИЙ										
1.	43	1	-	-	-	-	1	-	-	1
2.	93	-	1	-	-	1	-	-	-	-

Таблица 9. Костюмный комплекс типа II БВ

№ п/п	№ погр.	Ожерелье		Браслет
		«Флакончики»	Бусы	
а) ДЕТСКИЙ				
1.	73	3	1	3

Таблица 10. Костюмный комплекс типа II БГ

№ п/п	№ погр.	Ожерелье	Ремень	
		Бубенчики	Пряжка	Накладки
а) ДЕТСКИЙ				
1.	57	4	1	5

Таблица 11. Костюмный комплекс типа II ВГ

№ п/п	№ погр.	Браслет бронзовый		Набедренник «Флакончики»
А) ДЕТСКИЙ				
1.	134	1		4

Варианты мужского костюма представлены сочетаниями: 1) головного убора (повязки?), украшенного медной пластиной и дротовыми бронзовыми браслетами на обеих руках (рис. 3, 13); 2) парных височных колец и ремня с накладками; 3) накосника и ремня.

Достоверный женский костюмный комплекс украшений происходит из погребения 13, он включал головную повязку с медной пластиной и украшенный бусами пояс. Бусы на шнурах попарно, видимо, свисали с пояса, представляя вариант набедренного украшения.

Наиболее разнообразен по украшениям детский костюм. Он представлен сочетаниями головного убора и шейного украшения, головного и наручного, головного и поясного, шейного и наручного, шейного и поясного, наручного и поясного.

Детский костюм из погребения 93 включал сердцевидную подвеску, возможно, с головного убора и ремень с пряжкой (рис. 3, 5). В погребении 73 с остатками меховой наплечной одежды с орнаментом сохранилось ожерелье и браслет из бус на правой руке (рис. 3, 4). В погребении 57 – ожерелье из 4 бубенчиков и остатки накладок от ременного набора (рис. 3, 6). В погребении 134 – гладкий бронзовый пластинчатый браслет на правой руке и набедренники из низок бус «флакончиков» (рис. 3, 8).

Костюмный комплекс украшений типа III представлен тремя сочетаниями: 1) головными, шейно-нагрудными и поясными украшениями; 2) головными, шейно-нагрудными и наручными украшениями; 3) головными, наручными и поясными украшениями (рис. 2, 3, 9; табл. 12-14).

Данные по мужскому комплексу отсутствуют. Выделены четыре женских и одно детское погребение.

Женский костюм из погребения 38 включал парные височные кольца, ожерелье из бронзовых спиральных пронизей и бус, а также поясную плоскоконическую накладку (рис. 2, 4).

Женский костюм из погребения 42 имел парные височные кольца, пронизь в виде кричащей птицы в качестве нашейного украшения и браслет из четырех бус на правой руке (рис. 2, 3).

Женские костюмы из погребений 41 и 48 совпадают по сочетанию категорий украшений. Головные украшения в погребении 41 представлены одним височным кольцом. В погребении 48 (рис. 2, 9) отмечены остатки двух височных колец разного диаметра (одно с имитацией витья) и, скорее всего, головной повязкой с пятью медными пластинами спереди. На правых руках женщин были браслеты, в первом случае – пластинчатый браслет обского типа (рис. 1, 30), во втором – две бусины «флакончика». На тазовых костях сохранились ременные пряжки (рис. 1, 41, 42).

Все рассмотренные детали костюма позволяют сделать заключение, что одежда изготавлялась из меха и состояла из наплечной одежды, головного убора. Наплечная одежда шилась мехом наружу, имела орнаменты из наборного меха. Есть свидетельства о наличии распашной одежды. Половозрастная дифференциация в одежде отражена слабо. Женская и детская одежда имеет много общих черт и выделяется разнообразием и большим количеством украшений. Обращает на себя внимание факт наличия украшений в верхней части туловища и особенно головы, что

Таблица 12. Костюмный комплекс типа III АБГ

№ п/п	№ погр.	Височные кольца	Ожерелье		Ремень
			Пронизи	Бусы	
а) ЖЕНСКИЙ					
1	38	2	4	7	1

Таблица 13. Костюмный комплекс типа III АБВ

№ п/п	№ погр.	Височные кольца	Ожерелье		Браслет
			Пронизь	Бусы	
а) ЖЕНСКИЙ					
1.	42	2	1	4	

Таблица 14. Костюмный комплекс типа III АВГ

№ п/п	№ погребений	Головной убор		Височные кольца	Браслеты			Ремень	Набедренник
		Накладки	Бубенчики		Височные кольца	Пластинчатые	«Флакончики»		
а) ЖЕНСКИЙ									
1.	41	-	-	1	-	1	-	1	-
2.	48	5	-	2	-	-	2	1	-
б) ДЕТСКИЙ									
1.	89	-	2	-	1	-	-	-	3

является отражением взглядов на локализацию духовых субстанций человека, зафиксированных в мифологических источниках народов Сибири.

Список литературы

- Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. Пермь, 2001.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Семенова В.И. Украшения и принадлежности костюма в обско-угорских погребениях конца I - середины II тысячелетия нашей эры (по материалам могильника Усть-Балык) // Россия и Восток: проблема взаимодействия. Материалы 3-й Международной конференции. Ч. V, кн. 2. Челябинск, 1995.
- Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. М., 2003.
- Яценко С.А. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2001.

Д.Н.МАСЛЮЖЕНКО, Е.А.РЯБИНИНА
Курганский государственный университет,
Курган, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ТЮРКИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В 1964 году Т.М. Потемкина опубликовала материалы раскопок Большого Бакальского городища, которое было предложено датировать IX-XI веками (Потемкина, 1964. С. 257-258). Проведенные в то же время исследования Малого Бакальского городища и еще ряда близких памятников позволили уточнить хронологию всей бакальской культуры, основные комплексы которой расположены на территории Тоболо-Исетского междуречья. Для бакальской культуры были установлены даты в рамках IX – XIV-XV веков (Могильников, 1987. С. 182). Позднее Б.Б. Овчинникова предложила разделить весь период функционирования этой общности на два этапа: IX-XIII и XIII-XV вв., связав их с сывленской этнокультурной областью (Овчинникова, 1987. С. 134).

Дискуссия о хронологии данной культуры не прекратилась до сих пор. Так ряд авторов в последние годы предлагает вернуться к периодизации, предложенной еще К.В. Сальниковым, связывая происхождение памятников бакальской культуры с расколом саргатской культуры раннего железного века в ходе событий Великого переселения народов. Аргументы этой группы исследователей не лишены определенных оснований, о чем уже приходилось писать одному из авторов данной статьи (Маслюженко, 2005. С. 172-175).

В этой работе нам бы хотелось подробнее остановиться на трансформации (или, как принято говорить, тюркизации) населения бакальской культуры, в частности, рассмотрев ее хронологию. При этом суть данного процесса, его компоненты и закономерности остаются неясными и не могут быть в полной мере

раскрыты на археологических материалах. Резонно предположить, что ответы на поставленные вопросы следует искать в письменных источниках, которые, конечно, весьма косвенно, отражают ситуацию на периферии Великих степей развитого средневековья.

Нельзя не отметить, что в большинстве археологических работ интересующие нас явления сводятся к нескольким стереотипным фразам, расположенным в заключительной части работ. Некоторые из них необходимо привести полностью. Так, В.А. Могильников пишет: «... процесс инфильтрации тюркских элементов приводит к постепенной тюркизации угорского населения по Исети и Ишиму к середине II тысячелетия н.э. Усилиению процесса тюркизации способствовали монгольские завоевания и образование Золотой Орды, вызвавшие отток больших масс тюркоязычного населения из степей Казахстана на север, в лесостепь и южные районы тайги, что привело в конечном итоге к образованию различных групп сибирских татар» (Могильников, 1987. С. 183). Практически вторит ему Б.Б. Овчинникова: «Накануне монгольского нашествия происходит тюркизация отдельных угорских племен. Позднее западно-сибирская группа населения сывленской этнокультурной области вошла в состав Сибирского Ханства» (Овчинникова 1987. С. 141).

Подобная трактовка событий в лесостепи Западной Сибири становится своеобразным стереотипом, в результате которого складывается впечатление единства процессов тюркизации в X-XIII веках, но при этом до сих пор не ясно, миграции каких степных племен могли привести к таким последствиям. По этой причине видится необходимым восстановить всю цепочку тюрко-угорских взаимоотношений в лесостепном Приобье в период функционирования бакальской культуры. В то же время небольшой объем работы не позволяет нам привести все аргументы предлагаемой схемы (более подробно см.: Маслюженко, 2007). Обобщая имеющиеся материалы, можно предположить, что поздний этап бакальской культуры, переход к которому осуществился благодаря интересующему нас процессу, отличается следующими признаками: значительно уменьшается количество городищ, особенно в основной зоне обитания на реке Исеть и в среднем течении Тобола; возрастает доля сосудов типа чаши, как правило, слабоорнаментированных; в наземных жилищах появляются печи-чувалы. По сути, именно эти признаки традиционно представляются материальным выражением процессов тюркизации, хотя в этнической интерпретации раннего этапа бакальской культуры большинство авторов сходятся на его связи с угорской (остякской) составляющей (Могильников, 1987. С. 183).

Скорее всего, определить хронологию начальных этапов тюркизации практически невозможно, хотя бы потому, что для лесостепных групп южное направление контактов было одним из наиболее стабильных и постоянных, происходившим на протяжении всего периода существования бакальской культуры уже в силу ее «фронтального» расположения. Следует предположить, что само оформление бакальских городищ, ставших эпонимными памятниками этой культуры, напрямую связано с дезинтеграционными процесса-

ми в степи после распада Второго Тюркского каганата в середине VIII в. Дальнейшее оформление Кимакского каганата и в особенности кыпчакские миграции приводят к значительным подвижкам угроязычных групп населения и усложнению оборонительных систем на южной периферии угорского мира (Кокшаров, Зыков, 1995. С. 18). Резонно предположить, что именно в это время могла бы начаться тюркизация, поскольку принятие лесостепной элитой культуры доминирующего степного этноса было традиционным способом приспособления для угорских народов (Тадина, 1984. С. 56).

Однако тюркизация по самому смыслу данного термина не может заключаться лишь в принятии внешней атрибутики или даже лингвистических заимствованиях, необходимых местной элите в рамках идеологической системы. В данном случае это чрезвычайно сложный процесс этнообразования отдельных групп сибирских татар в результате смешения двух этнических групп, которое обязательно предполагает их длительное проживание на одной или близких территориях. Причем, по нашему мнению, одна из групп должны быть гораздо сильнее и агрессивнее, поскольку в ином случае этносы в борьбе за свое единство стремятся сохранить культуру, в том числе материальную, как один из признаков и инструментов самоидентификации. Как показывают этнографические исследования на территории юга Западной Сибири, даже последнее не ведет к обязательной ассимиляции одной группы другой, несмотря на отдельные культурные заимствования (Томилов, 1980. С. 23). Предварительно можно предположить, что в некоторых случаях эволюция предметной сферы как материальное выражение археологической культуры на самом деле является кажущейся и свидетельствует не столько об этнических процессах, сколько о прямой смене одной группой другой.

Присутствие тюркоязычных народов в интересующем нас регионе подтверждается письменными источниками. В частности, Рашид ад-Дин писал о неких тюрках, которые «обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и кыпчака... Ибира и Сибира» (Рашид ад-Дин, 1952. С. 73). Под последним топонимом ряд авторов понимают лесостепную часть Западной Сибири, в том числе бассейн реки Иртыш и его притоков (Бояршинова, 1960. С. 38-39). Весьма любопытна трактовка данного сюжета в легенде о происхождении кыпчаков в изложении Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази-хана (Кононов, 1958. С.43-44; Рашид ад-Дин, 1952. С. 73-84), где их прародина связывается с областью ит-бараков. Д.Г. Савинов считает, что под ними следует понимать угорские племена Западной Сибири, соответственно, именно в этом регионе следует искать родину кыпчаков (Савинов, 1979. С. 59). Дополнительным фактором в пользу такой интерпретации является сообщение Рашид ад-Дина в «Огуз-наме» о том, что страна мрака (как часто называли тайгу) находится непосредственно за ит-бараками (Рашид ад-Дин, 1987. С. 37), что приводит к конкретизации территории до лесостепи юга Западной Сибири.

Начиная с IX века, кыпчаки ведут активное проникновение на Южный Урал, продвигаясь по кромке лесостепи. Ал-Идриси локализует кыпчаков между

Иртышом и Тоболом (Кумеков, 1987. С. 28). К середине X века по «Худуад ал-алам» на территории государства кимаков формируются три отдельные области: Андар аз-Хифчак, Йагсун-йасу, Кыркырхан (Худуд ал-алам, 1973). По мнению ряда авторов, первые две из них соотносятся с двумя группами кыпчаков: одна кочевала от Арака до междуречья Урала и Волги, другая в предгорьях Урала и бассейне Тобола и Ишима (Савинов, 1979. С. 60). По мнению С.Г. Боталова, к началу IX века на всей территории лесостепи Западной Сибири сформировалась единая этнокультурная общность кыпчаков и маджар (Боталов, 2000. С. 83-86).

Проживание в этих областях кыпчаков и особенно канглов подтверждается и более поздним путешественниками. Так, в середине XIII века Плано Карпини и Рубрук в своих записках указывают, что после пересечения р. Яик они проехали через область канглов (Плано Карпини, 1997. С. 74; Рубрук, 1997. С. 121). Косвенные данные позволили сделать вывод об организации в начале XIII века самостоятельного государства канглов, которое могло располагаться в междуречье Яика и верховьев Тобола, хотя Махмуд Кашгари пишет о канглах как о части кыпчакского союза (Ожередов, 2002. С. 373).

В то же время при таком обилии материалов источников они фактически не могут быть подтверждены археологическими данными. Так в лесостепном Притоболье, основном регионе проживания бакальцев, фактически не выявлены археологические памятники кочевников, кроме отдельных погребальных комплексов. Последние сходны с могильником «Киргизские могилки» и чаще всего расположены значительно восточнее или западнее Тобола, в южноуральских или приишимских степях (Маслюженко, Шилов, 2005. С. 304-309). При этом нельзя не отметить точку зрения В.П. Костюкова, который пишет: «Все известные погребения XI-XII вв., действительно, совершены по языческому обряду. Но их крайне мало, что само по себе является загадкой, особенно на фоне многочисленности погребений XIII-XIV вв. ...некрополи кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака XI-XII вв. должны локализоваться преимущественно в его южной полосе, а немногочисленные погребения северной полосы степи, видимо, следует отнести на счет аутрайдеров, в силу разных причин вынужденных искать убежище и восстанавливать силы на степной периферии» (Костюков, 2003. С. 120).

Таким образом, на данный момент нет достаточных оснований связывать начало процесса тюркизации с проникновением на север кыпчаков или связанных с ними канглов. Фактически в то же время освоение региона велось еще одной группой тюркоязычных кочевников, история которых, особенно для их зауральской группы, практически не освещена в источниках. По всей видимости, уже в конце IX века кыпчаки включаются в процесс военных столкновений с древнебашкирскими племенами, союзниками печенегов, также осваивающими территории Южного Зауралья (Кузеев Р.Г., 1971. С. 25). Скорее всего, уже в начале II тысячелетия башкиры начинают расселяться по берегам р. Миасс, то есть входят в границы территории бакальской культуры. Проблема роли башкир-

ского наследия в тюркизации «бакальцев» может быть тесно связана с так называемой «иштякской этнической общностью» (по терминологии Д.М. Исхакова) (Исхаков, 2002. С. 27- 29). По мнению этого автора, этоним «иштяк» в равной степени применялся как к сибирским уграм, так и зауральским башкирам (что говорит об их длительном совместном проживании в одном регионе и значительном взаимном влиянии друг на друга), а позднее бытовал как родовое название некоторых групп тобольских татар. Таким образом, на взгляд авторов, приведенные Д.М. Исхаковым аргументы позволяют связывать начальные этапы тюркизации бакальского населения в большей степени именно с миграциями древнебашкирских племен в лесостепь Западной Сибири. Именно на этом этапе можно говорить о тюркизации как о процессе смешения двух разнозычных групп населения. Любопытно, что уже в этот период состав стада бакальцев (по материалам Большого Бакальского городища) реконструируется как основанный на доминирующей роли лошадей и овец (Могильников, 1987. С. 182; Потемкина, Матвеева, 1997. С. 40). Это сближает бакальскую культуру с кыпчакскими древностями Ишима (История, 1979. С. 57-60). Тесные связи бакальского (угорского?) населения с тюркоязычнымиnomадами были обусловлены не только территориальной близостью, но и сходством хозяйства. Позволим предположить, что сравнительная бедность орнаментации бакальских сосудов даже первого этапа в большей степени указывает на степные корни их носителей, но отнюдь не сближает последних с казалось бы близким им культурным миром тайги.

Таким образом, уже на протяжении первой четверти II тысячелетия н.э. население бакальской культуры входит в состав «иштякской» общности, иным компонентом которой были северные башкиры и в меньшей степени (с большой долей условности) - кыпчаки и близкие к ним племена. Достаточно прямолинейно об этом пишет и В.А.Оборин (История Урала, 1989. С. 133). Однако наиболее значительные изменения особенностей, характеризующих бакальскую культуру, должны прослеживаться не в начале II тысячелетия н.э., а в XIII веке и быть напрямую связанными с массовыми, но не одномоментными подвижками степного населения в результате монгольских завоеваний и последовавших за ними событий.

Уже в 1205 году противники Чингиз-хана в частности из племен меркитов и найманов, были разгромлены на Иртыше. По сообщению, содержащемуся в «Сокровенном сказании», после этого «меркитские, Тохтоевые сыновья Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие меркиты, взяли направление в сторону канлинцев (т.е. канглов, - прим. авторов) и кипчаудов» (Козин, 1941. С. 151; Кычанов, 1995. С. 130). Параллельно с этим в 1207 году «Чжочи (т.е. Джучи, - прим. авторов) принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир...» (Козин, 1941. С. 174). В этой фразе обращает на себя внимание именно последний этоним, связываемый с некоторыми группами населения лесостепи Западной Сибири, хотя напрямую идентифицировать его с населением бакальской культуры мы не можем.

Поддержка кыпчаками и канглами противников монголов приводит к длительной степной войне, в ходе которой монгольские войска под руководством Джучи и Субедей-бахадура неоднократно выходят на северные границы степи в период 1216-1219 гг. (Тизенгаузен, 1941. С. 14; Хара-Даван, 1996. С. 181; Jackson, 2001. Р. 18). Уже после окончания среднеазиатского похода, по данным Абу-л-гази, «Джучи с преданными ему нукерами пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил... попавших... в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам» (Кононов, 1958. С. 44). Косвенное подтверждение усилению степного натиска на север имеется в Есиповской летописи, где сообщается, что Чингиз-хан отправил Тайбугу, сына своего убитого противника Он-сома (чаще всего идентифицируемого с Ван-ханом найманским), с большим войском на завоевание чуди по Оби и Иртышу (Сибирские летописи, 1987. С. 46). Г.Ф. Миллер со ссылкой на «ведомости» тобольского воеводы П.И. Годунова указывает, что это событие произошло после подчинения Чингиз-ханом Бухары (Миллер, 2005. С. 186). В данном случае мы не знаем, идет ли речь об отдельном походе или это легендарное отражение похода Джучи, в ходе которого кыпчаки отступили к иштякам. По всей видимости, именно с этими событиями можно связать увеличение количества тюркоязычных кочевников на юге лесостепной зоны и появление здесь, в том числе и на Исети, крупных могильников типа Нечунаево 1 или Замараево 1.

В 1228 году Угедей «отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субетаю», так как последний испытывал сильное сопротивление со стороны таких народов, как «канлин, киб чаут, бачжигит» и ряд других (Сокровенной сказание, 2002. С.145-146). Некоторые фрагменты из «Истории Вассафа» позволяют предположить, что сам Субедей был отправлен «в сторону Кипчака, Саксина и Булгаря» незадолго до этого (Золотая орда в источниках, 2003. С. 267). Исходя из сообщения ибн Василь, известно, что в 627 г. хиджры (1229/1230) «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» (Тизенгаузен, 1884. С. 73). В основном она велась за восточный Дешт и пограничные земли в предгорьях Урала и, судя по контексту событий, еще не коснулась западной части евразийских степей. У Джузджани сообщается, что именно сын Джучи, Бату, полностью подчинил себе кыпчаков и земли на север, вплоть «до моря мрака» (Тизенгаузен, 1941. С. 15). Такое предположение находит подтверждение в легендах сибирских татар, в частности, живущих по Ишиму. В них говорится о том, что при Бату местные князья, в том числе ранее пользовавшийся покровительством Чингиз-хана Иликай-князь, перессорились, в результате монголы, вмешавшись в междуусобицу, все забрали себе (Сказания, электронный вариант).

На протяжении следующих десятилетий XIII века давление nomадов на лесостепное Притоболье не ослабевает, что связано с его вхождением в состав улуза Шибана как составной части Золотой Орды. Особенно оно могло усилиться в связи с потерей Шибани-

дами в 1250-1260-х гг. важного торгового города Сыгнан на Сырдарье (Кляшторный, Султанов, 2000. С. 197). Кочевники, входившие в состав улуса, в частности из племен «от поколений Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак» (Абулгази, 1768 С.120), во главе с Шибанидами должны были компенсировать потери, и единственным доступным на тот момент в пределах улуса Джучи направлением для них было северное, то есть ориентированное на лесостепь Западной Сибири. Исходя из логики развития владений династии Шибанидов, следует предположить, что основным маршрутом освоения территории был путь с реки Урал через степи Южного Зауралья на реки Миасс и Исеть, а затем на Тобол. По сути, именно так перемещались башкиры, а позднее ногаи по так называемой «Ногайской дороге».

Близкий образ жизни и культуры, занятие одной экологической ниши и ряд других факторов, в частности поддержка врагов Чингиз-хана, вели к откровенно враждебным отношениям монголов с кыпчаками и канглами и ожесточенной борьбе за свободные степи, а в случаях, подобных рассматриваемому, - и за лесостепи. В ходе этой борьбы значительное количество домонгольских кочевников Дешта было уничтожено (Костюков, 2006. С.199-238).

Возникает резонный вопрос: каково было отношение монголов к иштякам (следовательно, и бакальцам) в аналогичной ситуации? С одной стороны, факт сохранения этнонима «иштяки» в среде сибирских татар, но при этом севернее изначальной территории его бытования, свидетельствует о процессах их совместного проживания и ассимиляции вплоть до XV века, то есть периода формирования сибирско-татарского этноса (Исхаков, 2002. С. 29 и далее). С другой стороны, можно высказать предположение, что на протяжении второй половины XIII века бакальское население было не столько ассимилировано (относительно XIV столетия о том же см.: Викторова и др., 1964. С. 196), сколько вытеснено с занимаемой ранее территории Тоболо-Исетского междуречья, что привело к постепенному исчезновению долговременных поселений, в частности городищ, этой культуры. Вместо них известны лишь временные стоянки с доминированием керамики, сделанной на гончарном круге (Виноградов, 1995. С. 218). Одновременно с этим отдельные группы бакальского населения могли под влиянием внешних факторов изменить свое хозяйство, перейти к кочеванию и окончательно войти в состав зауральских башкир, бывших лишь ясачным населением местных этнополитических образований (Тюменское ханство, Ногайская Орда, Сибирское ханство).

Согласно письменным источникам, уже в XV в. на территории лесостепи Западной Сибири в Тюменском ханстве Абу-л-Хайра, включавшего в свой состав и территорию Тоболо-Исетского междуречья, проживали представители из эля кушчи, найман, уйгур, кураут, ички, дурман, кыйят, туман, мангыт, конграт и ряда других (Материалы ..., 1969. С. 96-97). Именно на их основе формируются в дальнейшем тюменские и шибанские татары, известные из русских летописей и записок путешественников (например, Сигизмунда Герберштейна) в конце XV – первой половине XVI веков.

Список литературы

- Абулгази Баядур-хан. Родословная история о татарах. Т.II. СПб., 1768.
- Боталов С.Г. Номады. Челябинск, 2000.
- Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
- Викторова В.Д., Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Археологическая экспедиция Уральского университета // Археология и этнография Башкирии. Т.II. Уфа, 1964.
- Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган, 1995.
- Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. Сост. Р.П. Храпачевский. М., 2003.
- История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т.2. Алма-Ата, 1979.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- Исхаков Д.М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары. Казань, 2002.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Т.1. М.-Л., 1941.
- Кокшаров С.Ф., Зыков А.П. Железный век тайги // Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.
- Конюнов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.-Л., 1958.
- Костюков В.П. Новые данные о религии и верованиях населения Южного Зауралья в первой половине II тыс. н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003.
- Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчаксим ханством»? // Туркологический сборник. 2005: Туркские народы России и Великой степи. СПб., 2006.
- Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII-XIV вв. Алма-Ата, 1987.
- Кузеев Р.Г. Урало-аральские этнические связи в конце 1 тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971.
- Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингиз-хан: личность и эпоха. М., 1995.
- Маслюженко Д.Н. Происхождение и ранний период эволюции бакальской культуры (попытка неархеологического взгляда на археологическую проблему) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII ЗСАЭК. Томск, 2005.
- Маслюженко Д.Н. Очерки истории Сибирского ханства. Курган. (В печати).
- Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н. Новые погребальные памятники эпохи средневековья на территории лесостепного Притоболья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., 2005.
- Могильников В.А. Лесостепное Зауралье (бакальская культура) // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сывленской этнокультурной общности конца I – начала II тысячелетия н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986.
- Ожередов Ю.И. Гидроним Кенга в системе тюркоязычной топонимики // Туркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.
- Дель Плано Карпини Дж. История Монголов // Путешествия в Восточные страны. М., 1997.
- Потемкина Т.М. Большое Бакальское городище // Археология и этнография Башкирии. Т.2. Уфа, 1964.

- Потемкина Т.М., Матвеева Н.П. Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.1. Тюмень, 1997.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1-2. М.-Л., 1952.
- Рашид ад-Дин. Огуз-наме // Фазлалах Рашид ад-Дин. Баку, 1987.
- Де Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны. М., 1997.
- Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
- Сказания сибирских татар // <http://www.vostlit.info>.
- Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиловской летописи // Полное собрание русских летописей. Т.36. М., 1987.
- Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А.Козина. М., 2002.
- Тадина Н.А. Историческое значение Туркского каганата в этногенезе тюркских народов // Этническая история тюркоязычных народов. Омск, 1984.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Извлечения из персидских источников. М.-Л., 1941.
- Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI- первой четверти XIX вв. Томск, 1980.
- Хара-Даван Э. Чингиз-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.
- Худуд ал-алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. // <http://www.vostlit.info>.
- Jackson P. From Ulus to Khanate: The making of the Mongol States (1220-1290) // The Mongol Empire and its legacy / ed. David O.Morgan. Leiden, 2001.

М.Ф. КОСАРЕВ

Институт археологии РАН, Москва, Россия

СТРАНА СИБИРЬ – ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Что говорит археология

До сих пор остается тайной, когда и кто из наших славяно-русских предков впервые достиг Каменного Пояса (Уральских гор), дошел до Моря Мрака (Ледовитого океана), вступил в живое общение с юграми (предками ногулов и остяков) и самоядью (предками нынешних ненцев, энцев и других самоедоязычных народов). Тем не менее, есть основания считать, что к XI в. н. э. путь «из славян на Камень» (из Камень) был уже освоен. Археологи обоснованно полагают, что постоянные, хорошо отлаженные связи русичей с аборигенными народами уральских и зауральских земель имели место задолго до монголо-татарского нашествия – со становлением политического могущества Киевской Руси, и продолжались во все последующие времена.

На ряде памятников Зауралья и Нижнего Объ-Иртышья, датируемых XI - XIII вв. н.э., обнаружены обломки славянских глиняных сосудов (городища Уки II, Мань-Нясяль-Тур и др.). Весьма многочислен найденный к востоку от Урала славяно-русский бытовой и производственный инвентарь начала II тысячелетия, а также русские или изготовленные по их образцам предметы роскоши.

Перечислим некоторые из этих находок: железные проушные топоры, кресала, замки (и ключи к ним),

всевозможные украшения: бронзовые «кругорогие» лунницы с зернью; шарообразные серебряные бусы со сканью, бронзовые височные кольца с напускными бусами, серебряные плетеные проволочные и пластинчатые браслеты; перстни из бронзы и серебра, декорированные плетенкой или растительным орнаментом, медные грушевидные и шаровидные бубенчики и др. (Могильников, 1987. С. 214-215. Табл. XCII).

Среди предметов русского импорта особенно интересна серебряная ваза (с позолотой) византийской работы, найденная в городе Березове на нижней Оби. На ней процарапана русская надпись, близкая по начертанию букв новгородским берестяным грамотам XII в. и обозначающая, видимо, цену чаши: «В пол четверти десяте гравън» (рис. 1, 23, 26).

Наверное, в это время за Уралом появились первые русские поселения, о чем говорят в частности находки здесь вышеупомянутых обломков славянской глиняной посуды. Она, почти наверняка, изготавливалась здесь же, в Зауралье. Возить глиняные горшки из дальних русских земель не имело смысла. Присутствие русских в Восточном Зауралье и в северо-таежном Обь-Иртышье в XI - XIII вв. подтверждается также находками там изготовленных на Руси железных замков, в которых западносибирские аборигены тогда вряд ли нуждались. Скорее всего, замки нужны были пришлым русским людям, которые стали основывать здесь нечто вроде торговых факторий.

О человеке незнаемых на восточной стороне...

Известно летописное сообщение от 1032 г. о хождении новгородцев под предводительством некоего Улеба к Железным Воротам, то есть к месту наиболее удобного перехода на восточную сторону Уральских гор. Однако это предприятие окончилось неудачно: участники похода были побеждены юграми «и вспять мало кто възратиша, но мнози там погибоша» (Щеглов, 1883. С.2).

В Ипатьевской летописи от 1096 г. изложен рассказ новгородского человека Гуряты Роговича: «Новгородец гласяще яко послах отрока своего в Печеру люди, иже дань дающе Новуграду, и пришедшее отроку моему к ним и туде иди в Югру, Югра же суть людье нем и съседется с Самоядью на полуночных сторонах. Югра же рекоша отроку моему: дивно находим мы чудо... быть суть горы заидучи в луку море имъ же высота, акы до небеси, и в горах тых клич велик и говор и секут гору, хотяше просечися, и есть в горе той просечено оконце мало и туда молвят, не разумете языку их, но кажют железо или нож или сечириу, и они дают скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми снегом и лесом» (Полное собрание..., 1962. С. 224-225).

В той же летописи от 1114 г. упоминается о русских стариках-ладожанах, ходивших в былье времена «за Югру и Самоядью» (там же. С. 227). Почти очевидно: подобные хождения совершились раньше летописной даты, еще в XI в, когда «мужи старии» были еще в полной молодецкой силе.

В XII - XIII вв. походы в Югру и далее за Урал совершили, помимо новгородцев и ладожан, устюжане, вымичи и жители других северо-восточных русских

Рис. 1. Предметы русского импорта XI-XIII вв. в Приобье и местные подражания привозным вещам (по В.А. Могильникову, 1987. С. 340. Табл. XCII).

земель. Эти торгово-военные экспедиции, как и прежние, были не всегда успешны. Новгородский хронист записал в 1187 г. такую скорбную весть: новгородцы, отправившиеся в Югру для сбора дани, «избиена быша... паде голов о сте доброименитых». В 1193 г. новгородцы опять ходили в Югру «ратью с воеводой Ядреем и придоша в Югру и взяша город и придоша к другому городу... и стояша под городом пять недель». Простояв еще одну (шестую) неделю, Ядрей не только не взял городок, но потерял убитыми более половины своего отряда. Оставшиеся в живых восемьдесят человек во главе с неудачником Ядреем возвратились домой «не живы не мертвы и печаловахуся в Новеграде князь и владыка и весь Новгородъ».

С середины XIII в. Югра (приуральская?) официально считается новгородским владением. Во всяком

случае, в договорных грамотах новгородцев со своими князьями она фигурирует как одна из областей Новгородской республики (1264, 1270, 1306, 1326 и другие годы).

В XIV в. новгородцы ходили в Югру неоднократно, в том числе в 1317, 1323 и 1329 гг., причем в двух последних случаях они были на обратном пути ограблены и перебиты устюжанами. К сожалению, в летописных источниках, как и в официальных грамотах, обычно не указывается, о какой Югре идет речь – о приуральской (локализуемой исследователями между финноязычной Пермией и Уральскими горами), зууральской или о той и другой в целом.

Около 1364 г. в Новгородской летописи появилась запись о походе русских за Урал с указанием конкретных географических наименований: «Зимою с Югры новгородцы приехаша дети боярские и моло-

дые люди и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа воеваша по Обе реки до моря а другая половина рати на верх по Обе воеваша» (Щеглов, 1883. С. 7-8). С 1407 г. в русских летописях зауральские земли начинают называть Сибирью, хотя прежние наименования «Югра», «Югорская земля» и др. долго еще не выходят из употребления.

Среди иностранных путешественников одним из первых о Югре упоминает араб Марвази, побывавший около 1120 г. в Волжской Болгарии и записавший услышанные там рассказы об этой загадочной стране. «На расстоянии пути в двенадцать дней от них, - сообщает он, - по направлению к полюсу страны, называемая Вису (имеется в виду финноязычная Весь. – М.К.), а за ними люди, зовут их Йура» (Югра. – М.К.). Через несколько лет после Марвази (где-то между 1131 и 1133 гг.) другой арабский путешественник, Ал-Гарнати, пишет о Югре подробнее: «А за Вису на Море Мраков есть область, известная под названием Йура... Купцы (волжско-болгарские. – М.К.) говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку и входят в него с факелами... И приносят с собой товары, и кладет (каждый) купец имущество свое отдельно и делает на нем знак и уходят; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие, у кого они покупают эти товары» (Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати..., 1971. С. 32-33).

Наибольшим спросом в Югре пользовалось иноzemное оружие, вещи, ассоциируемые с культовыми принадлежностями, а также предметы роскоши: серебряная и медно-бронзовая посуда, знаменитая болгарская кожа особой выделки, дорогие ткани, принадлежности женского и мужского туалета. На Сайгатинском святилище (Сургутское Приобье) екатеринбургские археологи нашли много вещей волжско-болгарского происхождения, среди которых преобладали серебряные сканые украшения (Федорова и др., 1991. С. 140). Из Йуры и соседних северных земель в Волжскую Болгарию, а затем в более отдаленные западные и южные страны поступали взамен дорогие бобровые, куницы и соболи меха, осетровый клей, «рыбий зуб» (моржовый и мамонтовый клык), бобровая струя и другие северные ценности.

Похоже, что волжско-болгарские купцы, оберегая свои меркантильные интересы, чинили иноzemным «гостям» всевозможные препятствия в их стремлении проникнуть на север для установления непосредственных контактов с тамошними народами. По той же причине болгарские торговцы всячески мешали финноязычным жителям Вису и угроязычным обитателям Йуры приходить в Болгарию и самим продавать свои товары на рынках волжско-болгарских городов. Распускались слухи, имевшие целью вселить в местных обычавателей и иноzemных купцов страх перед жителями северных стран и отбить охоту общаться с ними. «Жителям Вису и Йура, - сообщает Ал-Гарнати, - запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда в эти области вступает кто-нибудь из них, даже в

самую сильную жару, то вода и воздух холодают, как зимой, и у людей гибнут посевы» (Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати..., 1971. С. 34).

Путь в северные страны был трудным и опасным. Арабский путешественник XIV в. Ибн-Батута свидетельствует: «Путешествие туда совершается не иначе, как на маленьких повозках, которые возят большие собаки, ибо в этой пустыне (везде) лед, на котором не держатся (ни) ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти, и ноги их держатся на льду. Проникают туда только богатые купцы, из которых у иного по 100 повозок или около того, нагруженных его съестным, напитками и дровами, так как там нет ни дерева, ни камня, ни мазанки. Путеводитель в той стране – собака, которая побывала в ней уже много раз... Повозка прикрепляется к ее шее; вместе с нею припрятывают (еще) три собаки. Это авангард, за которым следуют прочие собаки с повозками. Остановится он, и они останавливаются. Хозяин собаку и не бьет, и не ругает. Когда подается корм, то он кормит собак раньше людей, в противном случае собака злится, убегает и оставляет своего хозяина на погибель. Совершив по этой пустыне 40 станций, путешественники делают привал у Мрака» (Алексеев, 1941. С. 41-42).

Думается, что после столь устрашающих рассказов южные иноzemные купцы не проявляли особой охоты посетить столь негостеприимные мрачные страны. Не менее пугающими выглядят и сведения русских письменных источников. Очень впечатляют, например, описания малоизвестных в те времена приполярных и заполярных самоедов, сделанные, предположительно, в конце XV в.:

«На восточной стороне за Югорскую землею над морем живут люди Самоедь, зовомые Малгонзеи... А гость к ним откуду придет, и они дети свои закалывают на гостей и кормят; а которой у них гость умрет, и они того снедают...

В той же стране за теми людми над морем иная Самоедь такова: вверху рты, рот на темени, а не говорят; а видение в пошлину (как положено, по обычю. – М.К.) человеки; а коли едят, и они крошат мясо или рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз.

В той же стране, за теми людми, есть иная Самоедь такова, как и прочие человеки; по зиме умирают на два месяца, умирают же тако: как где застанет которого в те месеци, то туто и сядет, а у него из носа вода изойдет, как от потока, да вымерзнет к земли; и кто человек иные земли неведением... спхнет с места, то уже не оживет...

В той же стране за теми людми есть иная Самоедь такова: в пошлину аки человеки, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех...

В восточной же стране есть иная Самоедь, зовомы Каменская: облежит около Югорские земли. А живут по горам по высоким, а ездят на оленех и собаках, а платие носят соболие и оление, а яд их мясо оленье да собачину и бобровину сырью ядят, а кровь пьют человечю и всякую. Да есть у них таковы люди лекари: у которого человека внутри нездоро, и они брюхо режут, да нутрь вымают. Да в той же Самоеди видали кажут, Самоедь же, старые люди с горы под-

ле море мертвых своих идут плачущи множество их, и за ними идет велик человек, палицею железною погоняя их» (О человеке незнаемых..., 1890. С. 4-6).

Нетрудно заметить, что в вышеприведенных сведениях о Самоеди правда сочетается с явным вымыслом. Создается впечатление, что автором этого этнографического произведения был человек, никогда не посещавший самоедских (самодийских) и югорских (угорских) земель и собиравший приводимые им «факты» не от очевидцев, а по слухам – из вторых и третьих уст. Не исключено также, что рассматриваемое сочинение – своего рода «страшилка», выполненная «на заказ» с целью отбить у иноземных «гостей» желание вторгаться в область «чужих» торговых интересов.

Наиболее правдоподобно описан «град великий» в низовьях Оби, где традиционно проходил межэтнический «немой торг»: «И как придут в него (в «град великий». – М.К.), ино людей в нем нет, ни шуму не слышат никого, ни иного чего животна, толико во всяких дворех ясти и пити много всего и товару всякого, кому что надобеть, и прочь отходят; а кто без цены возьмет, и как прочь отойдет, и товар у него изгинет, обрящется пакы в своем месте» (О человеке незнаемых..., 1890. С. 6).

Золотая Баба

У русских, а вслед за ними у более западных европейских народов, области, лежащие в пределах угро-самодийского (юго-самоедского) ареала, долгое время ассоциировались с мифической «Золотой Бабой». Одно из первых упоминаний о ней мы находим в Новгородской летописи, где под 1398 г. рассказывается о заслугах первого Пермского епископа Стефана: «Сей научи Пермскую землю вере Христовой..., а прежде клянилися зверем, деревом, воде, огню и Златой Бабе».

Истинный облик ее до сих пор не установлен. На ранних картах Московии она изображалась обычно в начале или в центре Югорской земли, и была представлена в разных видах: на карте А. Вида (1542 г.) это женщина с рогом изобилия, у С.Герберштейна (1549 г.) – Минерва с копьем, на его же карте 1557 г. Золотая Баба напоминает сидящую Мадонну с ребенком на руках (рис. 2, 1, 3). На карте А. Дженкинсона (1562 г.) она так же имеет облик Мадонны, но уже с двумя детьми (Алексеев, 1941. С. 116, 117).

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: чем позже изготовлена карта, тем дальше на восток отдвигается местообиталище Золотой Бабы. На самых ранних картах ее помещали в Перми, на карте А. Вида она изображена в Обдории (между Уральским хребтом и низовьями Оби), а на некоторых более поздних картах еще восточнее, за Обью. Думается, что «миграция» Золотой Бабы отражает расширение на восток Югорской (в данном случае vogульско-остяцкой) страны.

Вероятнее всего, первоначально Золотой Бабе поклонялись в Пермии, а потом в связи с христианизацией края перенесли ее на восток, за Урал. Миссионер Гр. Новицкий, проповедовавший в начале XVIII в. христианство осяткам, предполагал, что во времена пермского епископа Стефана (XIV в.), когда он «тму нечестия и скверну идолобесия от стран великие Пер-

мы начат прогонити, тогда мраком идольским одержимые Пермяне света истины евангельской благодати Божией бежали в сии полуночные страны» (Новицкий, 1941. С. 38-39).

После этого, как считается, Золотая Баба долго хранилась в Белогорье – местности на Оби близ впадения в нее Иртыша. Эту версию подтверждает и Сибирская (Ремезовская) летопись. В ней, кроме всего прочего, повествуется о приключениях ближайшего сподвижника Ермака атамана Богдана Брязги после взятия им осятского городка Самар в устье Иртыша: «И отоль поидаша на Обь и видеша много пустово места и жилья мало и присташа на Белогорье. Ту бу у них мольбище большое богыне древней, нага с сыном на ступе сидящая... Имеша бо жрение и съезд великий, егда же вниде им слух приезд Богдана, велела спрятатися и всем бежати и многое собрание кумирское спрятано и до сего дни» (Ремезовская летопись, 1907. С. 336).

Через некоторое время исчезнувшее из Белогорья божество объявилось в бассейне р. Конды, куда его якобы тайно перенесли белогорские осяти. Вот как прокомментировал этот слух Гр. Новицкий: «Егда искореняющееся идолобесие, сохраниша сего истукана и унесоша его в Конду, откуду же Кондийским нарекоша. Там же Богуличам единомышленным зловерия своего союзникам в соблюдение даша. Сего ради и не получихом видети и известно описать о бесстудном изображении его и доселе тамо пребывает» (Новицкий, 1941. С. 61).

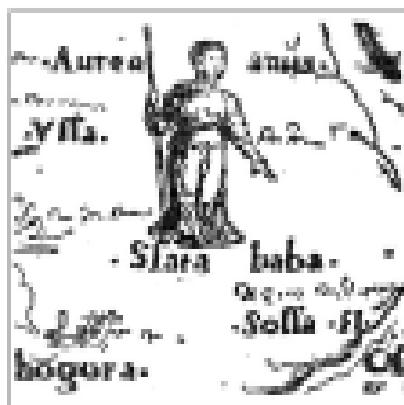
Какое же божество изображала Золотая Баба и как она в действительности выглядела? На первую часть вопроса убедительнее других ответил известный этнограф князь Н.С. Трубецкой. По его мнению, Золотая Баба – это vogульская Калтась, супруга хозяина Верхнего мира Нуши-Торума. Vogулы считали Калтась матерью всего живого; она покровительствует новорожденным, определяет срок жизни и судьбу каждого из людей. Когда Золотая Баба еще находилась в Пермии, она, полагает Н.С. Трубецкой, отождествлялась с удмуртской Кылдысин – богиней плодородия. «Кылдыны» - по-удмуртски означает: «творить», «беременеть»; «кылдыс» - «зародыш» (Трубецкой, 1906. С. 56-57).

Сложнее обстоит дело с определением подлинного облика Золотой Бабы. Некоторые ученые склоняются к мысли, что так могли называть золотую или позолоченную статуэтку Мадонны с младенцем, предполагая, что русские некогда завезли ее в Пермию, откуда она попала потом в Западную Сибирь. Однако другие исследователи считают эту догадку неправдоподобной «хотя бы потому, что русские не имели скульптурных образцов мадонн, а если и имели, то они резались из дерева... и кроме того, конечно, едва ли вывозились из церквей» (Алексеев, 1941. С. 117).

Эти сомнения не вполне обоснованы. Известны многократные (особенно в XIV - XVI вв.) набеги чердынских и пельмских vogулов на Пермские земли, иногда совместно с осятками. Разорялись церкви и посады, вывозилась бытовая и церковная утварь. Христианские культовые принадлежности могли попадать на урало-западносибирскую территорию и другими

1

2

3

Рис. 2. Изображения Золотой Бабы.

1 – правый угол карты с изображением Золотой Бабы (из «Записок» Герберштейна, издание 1549 г.); 2, 3 - Золотая Баба у Герберштейна (латинское издание 1551 г. и немецкое издание 1557 г.). 1–3 – по М.П. Алексееву, 1932. С. 116, 119. Рис. 16, 17.

путями. В Новгородской летописи от 1193 г. сообщается, что новгородцы, отправляясь в Югру, брали с собой священников: «Идоша из Новгорода в Югру, поимя с собою попа Ивана Легена и иных вячьших» (Щеглов, 1883. С. 6). Знаменитый францисканец Гильом Рубрук, совершивший в 1253-1255 гг. путешествие из Лиона в Монголию, не раз встречал в Южной Сибири христианских священников и молился в христианских храмах (Рубрук, 1957).

Венгерский миссионер Иоганка, проживший в XIV в. несколько лет в Баскардии (Башкирии), встретил там послов из страны Сибур (Сибирь) и узнал от них, что недавно жители тех мест, откуда они пришли, были крещены русским священником. Будучи приверженцем римской церкви, Иоганка оценил труды своего русского коллеги весьма отрицательно: «Так как сказанный русский и не умел и не решался должным образом наставить их, они, и крещенные, остались в прежнем заблуждении». Продолжая рассказ о беседе с послами страны Сибур, Иоганка далее пишет: «Они однако говорят, что христианский Бог сильнее всех других богов: когда их иной раз вынуждает какая-то необходимость, они призывают христианского Бога и часто по-

лучают просимое» (Аннинский, 1940. С. 93).

Знакомство западносибирских аборигенов с «христианским Богом» задолго до Ермака засвидетельствовано также Ремезовской летописью. Ермаковские казаки, прия в Сибирь, с удивлением узнали, что остыки нередко использовали в качестве богочтимых святынь христианские культовые атрибуты. Рассказывая о штурме и взятии Богданом Брязгой Нимнянского городка на Иртыше, сибирский летописец сообщает: «И доехали конми до устья Демьянки, до болшево их сборново княца Демиана (Нимяна. – М.К.), и город их велик и крепок, и в зборе 2000 Татар и Богулов и Остяков; приступали по три дня и не могли попасть в крепость горы и хотеша возвратитися и думали, как взять... И спрашивали у тех, кто приехали с ними в подводах и с есаком, како молятся? Один же из них, чувашенин, был у Кучюма русского полону, сказал: Молятся де они русскому Богу, и тот русский Бог литьой, золотой, в чаше сидит, и в ту де чашу наливши воды, пьют и зовут его Христом» (Ремезовская летопись, 1907. С. 334).

В сибирской этнографии мы находим много свидетельств того, как привозная иноземная вещь вызы-

вала у осяков и vogulов ассоциации с их собственными божествами. Известно, например, что русские детские куклы, приобретаемые западносибирскими аборигенами на Ирбитской ярмарке, обычно использовались ими как домашние идолы. Сосьвинские vogulы издавна поклонялись серебряной скульптуре индийского слона, неизвестно когда и как к ним попавшего. У одной из групп северных vogulов долгое время пребывала бронзовая фигурка всадника европейской работы, которую они почитали как Мир-сунне-хума – светлое солнечное божество, сына верховного бога Нуши-Торума и его супруги Калтась. Вспомним в этой связи описанную в Ремезовской летописи белогорскую Золотую Бабу: «Нага с сыном на стуле седящая». Подобный сюжет и манера изображения не характерны для культовой скульптуры аборигенного населения Сибири, но типичны для европейского духовного изобразительного искусства.

Поэтому, если когда-либо в прошлом в обь-иртышскую тайгу попало изображение Мадонны с младенцем, оно наверняка было бы воспринято урало-западносибирскими юграми (vogулами и осяками) как образ Калтась (вогульск.) или Пугос (остяцк.) – богинь-жизнедательниц, ведающих рождением младенцев и определяющих судьбы людей (рис.3, 1-4).

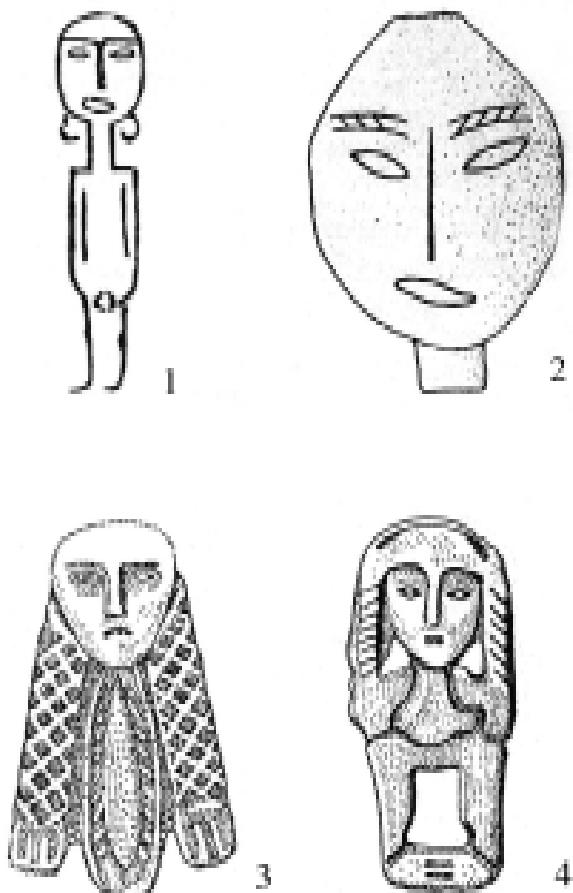

Рис. 3. Женские изображения в древнем искусстве Приобья.
1 - рисунок на зеркале, около рубежа н.э.; 2 - «улыбающаяся красавица», IV—V вв н.э.; 3 - «в бобровую шубу одета Адвисура Анахита из трехсот бобров...» (Авеста), V—VIII вв. н.э.; 4 - скульптурный портрет красавицы (хантыйской богини Пугос?), V—VIII вв. н.э. 1, 3 - Айдашинская пещера (Красноярский край); 2, 4 - городище Шаманский мыс и Парabelльское культовое место (Томская обл.).
1 – 4 - бронза (по М.Ф. Косареву, 2003. С. 32. Рис. 1 – 4).

Отсюда не исключено, что Золотая Баба, если она когда-нибудь будет найдена, может оказаться доселе неизвестным творением западноевропейских мастеров. Но скорее всего, в урало-западносибирском регионе существовало несколько, а то и много «Золотых Баб», в том числе местного, сибирского, изготовления, что и породило несовпадение в их описаниях. Почти все изображения были медными и бронзовыми (определение «золотая» в большинстве случаев всего лишь ритуальный эпитет).

Князь великий велел Югорскую землю воевати...

С XV в. сибирскими землями, помимо отдельных князей, воевод и «охочих людей», стала активно интересоваться верховная московская власть. В 1465 г. великий князь Иван III, как повествует Архангелогородская летопись, «велел устюжанину Василию Скрябе Югорскую землю воевати, а шли с ним хотячие люди, да с ним же ходил князь Василий Ермолич с Вымичи и Вычегданы, а пошла рать с Устюга, месяца мая в 9 день. Они же шедше да Югорскую землю воевали и полону много вывели и землю до великого князя привели, а князей югорских Калпака да Точика к великому князю Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал югорским княжением и отпустил их в Югру, а Скрябу пожаловал» (Щеглов, 1883. С. 9).

Последующие военные экспедиции (поход вятчан в 1476 г., устюжанина Андрея Мишнева в 1481 г. и др.), видимо, не доходили до Оби. Они носили более частный характер и учинялись главным образом для наказания чердынских vogulов за их разорительные набеги на Пермские владения. Однако после того как Иван III отобрал у Новгорода Пермию (1472 г.), интерес Московии к Зауральским землям все более возрастает. В 1483 г. в походе за Югорский Камень впервые участвовала великолукская рать.

«Князь великий Иван III Васильевич, - сообщает Архангелогородская летопись, - послал рать на Асыку на вогульского князя, да и в Югру на Обь, реку великую, а воеводы были великого князя князь Федор Курбский Черной да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними Устюжане да Вологжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки, и бысть им бой с Вогуличи на усть реки Пелыни (приток Тавды, впадающей в Тобол. – М.К.). На этом бою убили Устюжан седмь человек, а Вогулич паде много, а князь вогульский Юмшан убежал, а воеводы великого князя оттоле пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю, воевали идучи, добра и полона много, а от Сибири шли по Иртышу реце вниз воюючи да на Обь великую в Югорскую землю, и князей югорских воевали и в полон вели. А пошла рать с Устюга маия в девятый день, а на Устюг пришли на Покров святые Богородицы, а в Югре померло Вологжан много, а Устюжане все вышли» (Щеглов, 1883).

По возвращении из похода в Москву был отправлен знатный пленник – главный югорский князец Молдан. На другой год в Москву, уже добровольно, прибыли с сибирской стороны еще несколько туземных князцов (Юмшан, Калпак, Лятик, Пыткей) с просьбой к Московскому государю взять их под свою высокую

руку. С 1488 г. Иван III в официальных грамотах, помимо всех прочих титулов, именуется князем югорским.

В самом конце XV столетия Иван III вновь организовал военную компанию за Урал. «Лета 7007 (1499. – М.К.) князь великий послал рать в Югру лыжную Устюжан да Вологжан, Вымич, Сысолян, Двинян, Понежан, а воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбский да князь Петр Ушатой да Василий Бражник Иванов сын Гаврилов. Они же ходили на лыжах пеши зиму всю да Югорскую землю всю повоевали и в полон вели».

Обращает на себя внимание, что по своей мощи, подготовленности и технической оснащенности это военное предприятие было куда основательнее более позднего и более известного похода Ермака. Кроме нескольких детей боярских, у Курбского было 1304 устюжанина и 500 вятчан, у Ушатого 1920 вятчан, понежан и пр., а с Василием Бражником было 200 вятчан, 100 арян (так называлась в русских документах XV – XVI вв. северная группа казанских татар, жившая по р. Чепце), татар и осятков, то есть в общей сложности более 4 тысяч человек. Все три рати собрались на р. Печоре при впадении в нее р. Усы. «И с Печоры реки, – сообщает далее Разрядная книга, – пошли воеводы на лыжах на Введение Пречистой Богородицы. От Печоры шли воеводы до Камени (до Урала. – М.К.) две недели и тут развелись воеводы Петр да Семен... И убили воеводы на Камени Самоеды 50 человек, а взяли 2000 оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина, всех по та мест шли 4650 верст. Из Ляпина встретили с Обдора на оленех югорские князи, а от Ляпина шли воеводы на оленех, а рать на собаках. Ляпин взяли и поимали 33 города да взяли 1009 лучших людей да 50 князей привели. Да Василей же Бражник взял 8 городов да 50 голов, а пришли к Москве на великий день к Государю, все Бог дал здорово» (Верещагин, 1908. С. 2 - 4).

Из вышесказанного следует, что географическое открытие Сибири русскими произошло за сотни лет до Ермака. Последний, отправляясь в 1582 (1581?) г. «сибирскую землю воевати», был хорошо осведомлен о географических и этнографических особенностях Западной Сибири. Согласно Сибирской (Ремезовской) летописи, он знал, какие реки впадают в Тобол, и что Тобол «пал в Иртыш... и Иртыш пал в Обь, а Обь пала в море двема устьи, а по ней живут Остяки и Самоядь, ездят на оленех и собаках и кормятся рыбами, а по степи Калмыки и Мунгальи и Казачья Орда, ездят на вельблюдах и кормятся скотом» (Ремезовская летопись, 1907. С. 316).

Сибирь-матушка или Сибирь-мачеха

После выхода в свет книги Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (СПб, 1882) многие сибирские историки и историографы взяли на вооружение весьма спорный тезис о непреходящем колониальном статусе Азиатской России, выражавшемся в якобы замедленном развитии Сибири и в социально-экономической дискриминации сибирской части российского общества. Эта во многом надуманная декларация стала идеологической основой весьма популярного в среде сибирской интеллигенции движения за политическое отделение Сибири от Российской Федерации – т.

н. областничества.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что отношение царских властей к Сибири и, прежде всего, к коренным сибирским этносам было лишено сколько-нибудь выраженных колониальных акцентов. Более того, в отличие от русско-сибирских подданных, в отношении которых рекомендовалось проявлять всяческую строгость, аборигенам неизменно предписывалось оказывать поддержку и доброе внимание. В царской грамоте начала XVII в. говорится: «Ясак и поминки (полудобровольные приношения. – М.К.) с ясашных людей брать, смотря по людям и промыслам, ... со старых и увечных совсем не брать; в который год промыслы не удались, зверя добыли мало, или которые ясашные люди были больные, давать в ясаке сроки, сколько пригоже..., выбирать с ясашных людей мягкую рухлянь ласкою, а не жесточью и правежом» (Буцинский, 1889. С. 326-327). А вот адресованная сибирским воеводам грамота царя Михаила Федоровича от 1635 г.: «А тем людем, которые у ясашных угодья пустошат, огонь по лесам пущают и лесы выжигают и зверь выманивают..., чинили бы еще за воровство наказанье, велели их бить кнутом нещадно, чтоб иным неповадно было так вперед воровать, огонь по лесам пущать и ясашным людем в звериных промыслах чинить поруху» (Шишонко, 1882. С. 364-365). В неудачные промысловые годы царские власти обязывали сибирских администраторов освобождать инородцев от ясачных повинностей, прощать накопившиеся недоимки и т. д.

Но вернемся к истории освоения Сибири русским населением, и прежде всего остановимся на тех трудностях, которые пришлось испытать первым европейским переселенцам. В этой связи хотелось бы особо отметить три момента.

1. *Преимущественно мужской состав пришельцев.* Это в течение многих лет вызывало определенный демографический и социальный дискомфорт, что выразилось в частности в разных вариантах языковой и культурной ассимиляции пришлого русского населения местным аборигенным.

Известный сибирский историк Н.М. Ядринцев, побывав в 1880-х годах на севере Сибири, писал: «Самый выговор некоторых звуков и тон разговора или повышения и понижения голоса у русских Туруханских урожденцев отличается, сколько мы заметили, почти теми же особенностями, как у осятков. Например, подобно осяткам, они вместо звуков: ж, ч, ш, р выговаривают: з, с, л, рл и т.п. Говорят: посел осень большой дозьдь; в избе сырко заркло; бедняски худо зивут» (Ядринцев, 1842. С. 42). Примерно то же дареволюционные этнографы отмечали относительно «выговора» нижнеколымских русских старожилов: «Я с бьятом вчая ездий за дьевами» (Я с братом вчера ездил за дровами); «Мы тепей тойко пъиехаи с ибою» (Мы теперь только приехали с рыбой); «Я завтъя поеду к мою» (Я завтра поеду к морю) (Трифонов, 1972. С. 162).

По данным рубежа XIX и XX столетий, потомки русских, поселившихся в Колымском округе, через три-четыре поколения уже не понимали содержание старинных русских песен (хотя и продолжали петь их)

(Головачев, 1902. С. 12-13). Русские крестьяне, поселившиеся в 1731 г. в Амгинской слободе, по сведениям от 1787 г., уже совершенно «объякутились» (там же. С. 14).

Ассимилятивный процесс протекал особенно быстро, когда в иноязычной аборигенной среде поселялся преимущественно мужской коллектив. Б.Долгих демонстрирует следующую демографическую ситуацию на примере одной семьи, обследованной им на полуострове Таймыр. Глава семейства Аксенов Дмитрий, женатый на якутке, одинаково хорошо говорил по-русски и по-якутски. Отец Дмитрия был настоящим русским крестьянином, говорившим только по-русски. Но он был женат на якутке, матери Дмитрия, и понимал по-якутски. Сын Дмитрия Александр по внешности был настоящий якут, говорил обычно по-якутски, хотя понимал по-русски (Долгих, 1963. С. 122).

Сибирско-русские власти понимали, чем чревато подобное положение, и всячески стремились привлечь в такие демографически неблагополучные районы как можно больше русских женщин. За неимением такой возможности рекомендовали принимать в русские семьи инородческих девочек младенческого или детского возраста, чтобы со временем вырастить из них настоящих русскоязычных невест. В 1825 г. был издан специальный указ, согласно которому для пополнения недостающего женского контингента в Западной Сибири разрешалось выменивать у сопредельных кочевников детей женского пола (Памятная книжка..., 1881. С. 98). Следование этим указаниям и рекомендациям способствовало сложению в южной половине Сибири особой группы старожильческого населения со смешанной русско-инородческой (главным образом русско-туркской) кровью – т.н. чедонов. В 1826 г. ссыльным женщинам было дозволено вступать в брак с вольными сибирскими жителями, но без права уезжать с мужьями в Россию (там же. С. 99).

2. *Непривычные природно-климатические и этнокультурные условия*, зачастую приводившие пришлое русское население к «нелогичным» и не всегда удачным путям и способам хозяйственно-бытовой и социокультурной адаптации к окружающей среде. Такие отступления от привычного образа жизни чаще всего случались при переселении в экстремальные природные зоны Азиатской России, непригодные для привычных крестьянских занятий – земледелия и животноводства.

«Что касается русских жителей здешней местности, - сообщал в 1880-х годах о Камчатской дер. Ключи ссыльный ученый, поляк В.И. Дыбовский, - то те в настоящее время ничем не отличаются от камчадалов, они оставили свои привычные занятия и обычай, забыли про то, что знали прежде; так, например, они забыли прядь, пахать, сеять, ковать железо и т.п., все переняли у камчадалов, и теперь вместо того, чтобы учить туземцев, сами учатся у них» (Дыбовский, 1880/1881. С. 39).

Группа русских старообрядцев, пришедшая некогда в таежно-болотное Нарымское Приобье и поселившаяся на притоке Кети речке Орловой, через некоторое время потеряла весь свой домашний скот, перестала удобрять пашни навозом и перешла от плужного к мотыжному земледелию.

В одной из этнографических заметок начала XX в. о северных районах Восточной Сибири читаем следующее: «Русский пришлый элемент, имевший некогда большое культурное влияние на окружающее его инородческое население, быстро идет по пути полного слияния с ним в физическом типе, в образе своей жизни, экономическом и духовном своем быте, привычках, вплоть до потери родного языка; в области религиозных представлений дело доходит до того, что выделяет из своей среды шаманов, наконец, забрасывает свои поселения и разбредается в тундре» (К вопросу об объякучивании..., 1908. С. 137).

Наиболее впечатляющие подобные «перестройки» проявляются в области мировоззренческих ценностей. В XVII в. русское население Сибири явно стояло на пороге возвращения к язычеству. Вот, например, выдержка из грамоты царя Алексея Михайловича от 1648 г.: «Ведомо де государю учинилось, что в Сибири и в Тобольске и в иных сибирских городах и в уездах мирские всяких чинов люди и жены их, и дети... к церквам божиим не ходят, и умножилось в людех... глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми..., а иные люди тех чародеев и волхвов и богохмерзких баб в дом себе призывают и к малым детям, и те волхвы над больными и над младенцы чинят всякое бесовское волхование и от правоверия православных хрестьян отлучают» (Акты исторические, 1842. С. 124-125). Совершенно «по-язычески» вели себя не только простые русские люди, но зачастую и представители христианского духовенства, особенно на ранних порах освоения Сибири. Митрополит Тобольский в 1622 г. жаловался: «И в монастырях господствует такая жизнь, что можно подумать: там живут язычники и люди, ничего не знающие о Боге» (в переводе с немецкого: по Карья лайнену, 1994. С. 20).

Особенно непростое положение сложилось в северо-восточной части Сибири, где удельный вес русского населения был значительно ниже, чем в западносибирском Обь-Иртышье. Там помощь шаманов не брезговали даже высокопоставленные администраторы. Известно, например, что в 1679 г. якутский воевода Андрей Барнашлев, узнав, что якуты подали царю челобитную, где перечислялись его многочисленные насилия и беззакония, обратился к шаману, чтоб тот шаманил о смерти челобитчиков и о благополучном исходе дела. «И шаман Няча у него, Андрея, в горнице шаманил; а в их земле шаманы бесовским волшеством людей портят и морят», - доносил вышестоящим властям преемник Барнашлева Фома Бибиков.

Привлечение шаманов (рис. 4, 1, 2) в качестве полноправных участников административных и судебных расследований имело место вплоть до прошлого столетия. Интересен следующий случай. В начале 1900-х годов в г. Среднеколымске была похищена казенная шкатулка, где находилось 24 тысячи рублей. Официальное расследование ничего не дало, и отчаявшиеся среднеколымские детективы вызвали для участия в деле двух наиболее известных шаманов. Те, совершив необходимые шаманские действия, не только выявили вора, но и указали место, где были спрятаны похищенные деньги. Эта история, к неудо-

вольствию среднеколымских властей, стала известна приехавшему на Колыму в командировку этнографу Д.Н. Анучину, который опубликовал ее в своем научном отчете (Анучин, 1908).

Лишь усиление притока новых переселенцев из метрополии и отправление в Сибирь нескольких крупных духовных миссий, объявивших непримиримую войну инородческому шаманству и русскому «бесовскому волхованию», упрочили положение православной церкви на сибирской земле. Тем не менее, основная масса русских сибиряков-старожилов, обитавших среди аборигенов в таежно-тундровой полосе, в стороне от значительных городских центров, вплоть до XX столетия фактически оставалась двоеверной, однаково истово отправляя и православные, и языческие обряды.

«Можно без преувеличения сказать, – отмечал сто лет назад, рассказывая о vogульском крае, писатель-этнограф К.Д. Носилов, – что нет ни одного русского,

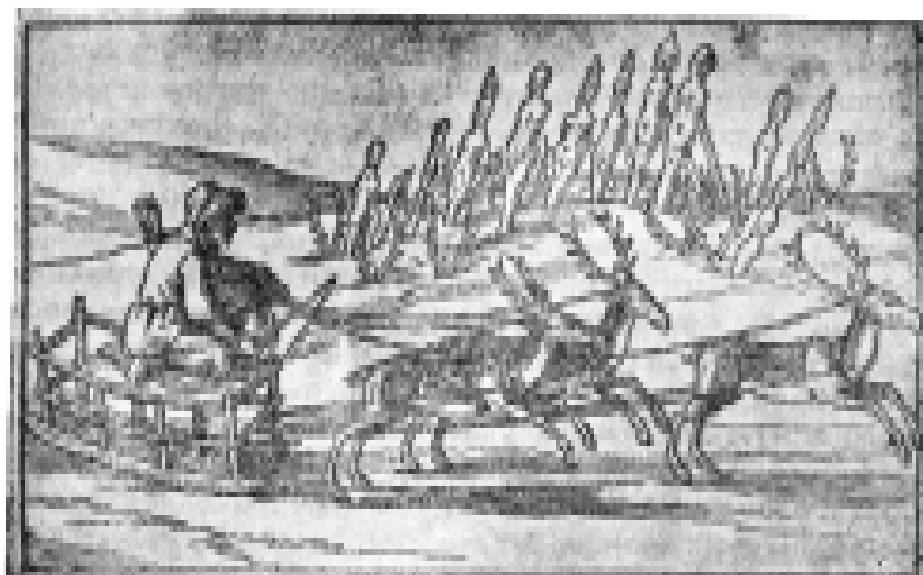
который, живя там, не верил бы в чудеса шаманов, не прислушивался тревожно к тому, что делается, что рассказывается про этих людей, имеющих явное сношение с духовным миром. Я знаю многих русских, которые не стыдятся участвовать в жертвоприношениях, охотно обращаются к ворожбе этих людей и даже ввели это в правило, отправляясь в путь, положим, на рыбный промысел» (Носилов, 1904. с. 16).

Даже у христианских священнослужителей не всегда хватало сил противостоять «бесовской» тяге к язычеству. Так в 1880 г. в Якутске разгорелся очередной скандал: обнаружилось, что местный священник, призванный нести темным язычникам свет истинной Христовой веры, тайно общался с шаманом и даже лечился у него (Приклонский, 1886. С. 91). И это далеко не единственный случай подобного «вероотступничества».

3. Отсутствие нормальных условий для традиционного русского крестьянского хозяйства в

1

2

Рис. 4. Изображения самоедов.

1 – сибирский шаман (из книги Н. Витсена, начало XVIII в.); 2 – самоед, едущий на оленях мимо священного места (из латинского издания книги И. Массы 1613 г.). 1, 2 – по М.П. Алексееву, 1932. С. 248, 353. Рис. 37; 54.

Сибири – особенно в первые полтораста лет после похода Ермака. Кочевники, в особенности джунгары (и калмыки), то и дело тревожили своими набегами южную окраину Сибири, наиболее удобную для земледельческо-животноводческих занятий. С 1606 по 1744 гг. джунгары регулярно вторгались в Барабу, грабили барабинских татар, вымогали у них дань, уводили пленных для продажи в рабство. Не раз подступали к Барабинскому острожку, выходили к Таре и к Тюмени. Во второй четверти XVIII в. неоднократно возникала опасность разорения джунгаро-калмыками алтайских горных заводов. В таких условиях сколько-нибудь полноценное освоение в земледельческом отношении юга Сибири было практически невозможно.

Это заставляло московско-сибирские власти на протяжении почти всего XVIII в. неустанно обустраивать южные оборонительные линии, особенно транссибирскую, или *Горькую* (от крепости Звериноголовской на Тоболе до Омской крепости на Иртыше) и *Иртышскую* (от Омской крепости и далее – вверх по Иртышу, на юго-восток), постоянно создавая вдоль них все новые крепости и редуты. В 1755 г. при крепостях были заведены казенные пашни, а казакам, помимо воинских дел, было вменено в обязанность возделывать их.

В 1767 г. помещикам было высочайше рекомендовано ссылать в Сибирь неугодных крестьян в счет рекрутской повинности. В 1808 г. киргизам (казахам), желающим перейти на оседлость, разрешили селиться в русско-крестьянских деревнях; при этом они на 10 лет освобождались от податей и налогов. Особен но много крестьянских хозяйств появляется в Барб е, в том числе вокруг оз. Чаны – самого крупного в Западной Сибири.

Первые русские земледельческие «оазисы» возникли там еще при императрице Елизавете Петровне. Согласно указу Сената от 1760 г., каждому из присланных в эти хлебородные места землепашцев давали лошадь, корову, двух овец, плуг, топор и семенное зерно: десять пудов ржи, четыре пуда ячменя, столько же овса и один пуд конопляного семени. Кроме этого, главе семьи полагался на три года «солдатский про виант» и еще по копейке ему и по полкопейке жене и детям в день. Подать поселенцы начинали платить лишь на четвертый год.

Наиболее значимый вклад в социально-экономическое развитие Сибири внес западносибирский генерал-губернатор Чичерин, занимавший этот пост с 1762 по 1786 год. «Требуя от городов порядка, от посадских ремесленности, от крестьян расчистки земель и добродой распашки, от чиновников исполнительности, он неослабно преследовал противные тому нарушения... По живому и деятельному участию Чичерина во всех обстоятельствах губернии и в случаях частных его имени, как классическое, сохранилось в памяти Сибири» (Словцов, 1886. С. 293).

Особое внимание уделялось развитию сельского хозяйства. Время от времени Чичерин посыпал на Чаны и в другие земледельческие места нарочных проследить, не будет ли где по крестьянской лености не убрано хлебов. Им в частности предписывалось: кого застанут на полях в половине сентября при жатве, тех сечь нещадно кнутом. Чичерин и его преем-

ник Кашкин издавали строжайшие указы, обязывающие крестьян строить теплые хлева, ежедневно очищать их от навоза, устилать пол сухой соломой. Столь жесткие меры принимались не по злой воле, а по насущной необходимости, ибо одну часть поселенцев составлял ссыльный преступный люд, другую – помещичьи крестьяне (в счет рекрутов) из числа тех, кого хозяева с радостью отдавали вербовщикам, избавляясь от ленивых и «предерзостных» крепостных.

Где доброй помощью, где разумной строгостью, где за страх, где за совесть, отцы Сибири наладили крепкое крестьянское хозяйство, питавшее не только самих землепашцев, но и год от года растущее по численности сибирское городское и промышленное население. Крестьяне потом вспоминали о Чичерине и Кашкине с уважением и благодарностью.

Список литературы

- Акты исторические. Т.4. СПб, 1842.
 Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т.1, XIII – XVII вв. Иркутск, 1932.
 Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII - XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический Архив. Т. 3. 1940.
 Анучин Д.Н. О применении фонографа и в частности о записи шаманского камлания в Средне-Колымске // Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. 114. 1908.
 Буцинский П.И. Заселение Сибири и быт первых ее поселенцев. Харьков, 1889.
 Верещагин А. О походе вятчей на Югору // Тр. Вятской ученои архивной комиссии. Вып. 1. Вятка, 1908.
 Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Землеведение. Кн. II-III. 1902.
 Долгих Б.О. Происхождение долган // Тр. Института этнографии. Т. 84. 1963.
 Дыбовский В.И. Деревня Ключи на р. Камчатке // Изв. Восточно-Сибирск. Имп. Русск. геогр. Общества. Т. XI. № 3-4. 1880/1881.
 Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов. Т. I. Перевод с немецкого Н. Лукиной. Томск, 1994.
 К вопросу об объякучивании русских // Живая Старина. Вып. II. 1908.
 Могильников В.А. Урзы и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-урзы и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
 Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1942.
 Носилов К.Д. У ногулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.
 О человеке незнаемых на восточной стороне и языцах разных // Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих землях. М., 1890.
 Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881.
 Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.
 Приклонский В.Л. О шаманстве у якутов // Изв. Восточно-Сибирск. Русск. Имп. геогр. Общества. Т. XVII. № 1-2. 1886.
 Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1151-1153). М., 1971.
 Ремезовская летопись // Сибирские летописи. СПб, 1907.
 Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
 Трифонов А. Заметки о Нижнеколымске // Изв. Сиб. отд. ИРГО. Т. III. № 3. 1972.
 Трубецкой Н.С. К вопросу о Золотой Бабе // Этнографическое обозрение. № 1-2. 1906.
 Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сурагутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
 Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 гг. Пермь, 1882.
 Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири 1032-1882 гг. Иркутск, 1883.
 Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия.
- ВАУ - Вопросы археологии Урала.
- ВДИ - Вестник древней истории.
- ГАИШ - Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга.
- ГИМ - Государственный исторический музей.
- ЗУОЛЕ - Записки Уральского общества любителей естествознания.
- ИА РАН - Институт археологии Российской Академии наук.
- ИАЭТ СО РАН - Институт археологии и этнографии СО РАН.
- ИИМК РАН - Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
- ИИФИФ СО АН СССР - Институт истории, филологии и философии СО АН СССР.
- ИПОС СО РАН - Институт проблем освоения севера СО РАН.
- ИРГО - Императорское Русское географическое общество.
- ИЭиА РАН - Институт этнологии и антропологии РАН.
- КА УрГУ - Кабинет археологии Уральского государственно университета.
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии.
- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
- НТГПИ - Нижнетагильский государственный педагогический институт.
- НТГСПА - Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.
- ЛОИА АН СССР - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- ОмГУ - Омский государственный университет.
- РА - Российская археология.
- РЭ - Российский этнограф.
- СА - Советская археология.
- САИ - Свод археологических источников.
- СА РАНИОН - Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
- ТГУ - Томский государственный университет.
- ТД - Тезисы докладов.
- ТТКАЭЭ - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
- УОЛЕ - Уральское общество любителей естествознания.
- ЭО - Этнографическое обозрение.
- SEAC – European Society Astronomy in Culture.
- JENAM – Joint European and National Astronomical Meeting.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аношко Оксана Михайловна - к.и.н., с.н.с. Институт гуманитарных исследований при Тюменском государственном университете.

Викторова Валентина Дмитриевна - к.и.н., с.н.с. Институт истории и археологии УрО РАН.

Вохменицев Михаил Павлович – к.и.н., зав. сектором археологии. ГУ «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Курганской области».

Волков Евгений Николаевич – к.и.н., с.н.с. Институт проблем освоения Севера СО РАН

Грушин Сергей Петрович - к. и. н., доцент. Алтайский государственный университет.

Данченко Евгений Михайлович - к.и.н., доцент кафедры отечественной истории. Омский государственный педагогический университет.

Дмитриева Наталья Владимировна – зав. сектором перспективных программ космического образования отдела астрономии и космонавтики, педагог дополнительного образования учебной группы «Археоастрономия». Московский городской дворец детского и юношеского творчества.

Дэвелет Марианна Артасириана - д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела бронзового века. Институт археологии РАН.

Зданович Геннадий Борисович - д.и.н., генеральный директор. ГУ «Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр «Аркаим».

Зданович Дмитрий Геннадьевич - к.и.н., директор. Научно-образовательный комплекс изучения проблем природы и человека. Челябинский государственный университет.

Зырянова Светлана Юрьевна - ассистент кафедры археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин. Уральский государственный университет.

Иванова Светлана Владимировна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии Северо-Западного Причерноморья. Институт археологии НАНУ.

Иконников Владимир Анатольевич – инженер-конструктор, краевед-исследователь (г. Усть-Каменогорск, Казахстан).

Кайдалов Александр Иванович - ученый секретарь. Курганский областной краеведческий музей.

Ковалева Валентина Трофимовна - к.и.н., доцент кафедры археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин. Уральский государственный университет.

Корочкива Ольга Николаевна – к.и.н., с.н.с. Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория. Уральский государственный университет.

Косарев Михаил Федорович – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела бронзового века. Институт археологии РАН.

Костомарова Юлия Валерьевна – м.н.с. Институт гуманитарных исследований при Тюменском государственном университете.

Любчанский Илья Эдуардович – к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории. Челябинский государственный университет.

Малютина Татьяна Сергеевна – к.и.н., доцент кафедры археологии, этнографии и социоестественной истории. Челябинский государственный университет.

Марсадолов Леонид Сергеевич – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири. Государственный Эрмитаж.

Маслюженко Денис Николаевич - к.и.н., зам. декана исторического факультета. Курганский государственный университет.

Матвеев Александр Васильевич - д.и.н., профессор, ректор. Институт гуманитарных исследований при Тюменском государственном университете.

Матвеева Наталья Петровна - д.и.н., профессор кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков, зав. сектором археологии и этнографии. Институт гуманитарных исследований при Тюменском государственном университете.

Мерц Виктор Карлович - директор Центра археологических исследований Павлодарского государ-

ственного университета им. С. Торайгырова.

Полеводов Альберт Викторович – к.и.н., с.н.с. Национальный археологический и природный парк «Батаково».

Потемкина Тамила Михайловна - к.и.н., с.н.с. отдела бронзового века. Институт археологии РАН.

Рябинина Елена Алексеевна – ст. лаборант археологической лаборатории. Курганский государственный университет.

Савинов Дмитрий Глебович - д. и. н., профессор кафедры археологии исторического факультета. Санкт-Петербургский государственный университет.

Семенова Валентина Ивановна - к.и.н., доцент. Тюменский государственный институт искусств и культуры.

Сериков Юрий Борисович - д.и.н., профессор кафедры истории. Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Сечко Екатерина Александровна - н.с. Курганский областной краеведческий музей.

Степанов Владимир Иванович – заведующий. Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория. Уральский государственный университет.

Степанова Нина Константиновна - с.н.с. Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория. Уральский государственный университет.

Таиров Александр Дмитриевич - д.и.н., профессор, заведующий кафедрой древней истории и этнографии Евразии. Южно-Уральский государственный университет.

Усманова Эмма Радиковна - Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова.

Шилов Степан Николаевич - к.и.н., доцент исторического факультета. Курганский государственный университет.

Шорин Александр Федорович - д.и.н., профессор, зам. директора по научным вопросам. Институт истории и археологии УрО РАН.

Юбилейное издание

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ: УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

(к 70-летию Т.М. Потемкиной)

Ñáîðíèê ñòàòåé

Материалы подготовлены к печати в КОО организации
«Историческое наследие Зауралья»

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 23,25
Тираж 500

Бумага тип. №1
Уч.-изд. л. 23,25
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.